

Институт славяноведения РАН

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

EAST SLAVIC STUDIES

EAST SLAVIC STUDIES

Issue 4
2025

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4
2025

УДК 94
ББК 63.3
В78

Издание основано в 2020 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

В78 Восточнославянские исследования. Вып. 4 / гл. ред. Б. Н. Флоря. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2025. — 304 с., ил.

p-ISSN 2782-473X; e-ISSN 3034-3348
DOI: 10.31168/2782-473X (журнал)
DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4 (выпуск)

«Восточнославянские исследования» — серийное издание, посвященное истории, языку и культуре зарубежных восточнославянских народов. Для специалистов в области гуманитарных наук и широкого круга читателей.

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

Founded in 2020

Founder and publisher: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

East Slavic Studies. Issue 4 / Editor-in-Chief Boris N. Florya. Moscow : Institute of Slavic Studies, RAS ; St. Petersburg : Nestor-Historia, 2025. — 304 p., ill.

“East Slavic Studies” is a serial edition dedicated to history, languages and culture of East Slavic nations and states. This issue will interest either researchers in Humanities or a wide range of readers.

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

© Институт славяноведения РАН,
2025
© Коллектив авторов, 2025
© П. К. Донской, оформление, 2025
© Издательство «Нестор-История»,
2025

© Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences, 2025
© Authors, 2025
© P. K. Donskoy, Design, 2025
© Publishing House “Nestor-
Historia”, 2025

Главный редактор

Борис Николаевич Флоря,
чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Заместитель главного редактора

Елена Юрьевна Борисёнок, д. и. н., Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь

Дарья Александровна Короткова, к. и. н., Институт славяноведения РАН

Редколлегия

Игорь Игоревич Баринов, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Михаил Юрьевич Дронов, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Мария Эдуардовна Клопова, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Юрий Андреевич Лабынцев, д. филол. н., Институт славяноведения РАН
Геннадий Филиппович Матвеев, д. и. н., профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Михаил Андреевич Робинсон, д. и. н., Институт славяноведения РАН
Лариса Леонидовна Щавинская, к. филол. н., Институт славяноведения РАН

Международный редакционный совет

Петер Шворц, PhD, проф., Прешовский университет (Прешов, Словакия)
Кирилл Владимирович Шевченко, д. и. н., проф., филиал Российского
государственного социального университета в г. Минске (Минск, Беларусь)
Михал Шмигель, PhD, доц.,
Университет им. Матея Бела (Банска-Бистрица, Словакия)
Эдмунд Станиславович Ярмусик, д. и. н., проф.,
Гродненский государственный университет (Гродно, Беларусь)

Редактор-корректор (англ.)

Мелани Гертхайнрих

Editor-In-Chief

Boris N. Florya,

Russian Academy of Sciences, Corresponding Member

Deputy Editor-In-Chief

Elena Yu. Borisenok, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Executive Secretary

Darya A. Korotkova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Editorial Office

Igor I. Barinov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Mikhail Yu. Dronov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Maria E. Klopova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Kirill A. Kochegarov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Yury A. Labyntzev, Dr. Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

Gennady F. Matveev, Dr. Sci. (History), Prof.,

Moscow Lomonosov State University

Mikhail A. Robinson, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Larisa L. Shchavinskaja, PhD (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

International Editorial Board

Kirill V. Shevchenko, Dr. Sci. (History), Prof.,

Russian State Social University, Minsk Branch (Minsk, Belarus)

Michal Šmigel', PhD, Assistant Prof.,

Matej Bel University in Bańska Bystrica (Bańska Bystrica, Slovakia)

Peter Švorc, PhD, Prof., Prešov University (Prešov, Slovakia)

Edmund S. Yarmusik, Dr. Sci. (History), Prof.,

Janka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Copy-Editor (Engl.)

Melanie Gertheinrich

Содержание

Статьи

<i>Флоря Б. Н.</i> Лебединские черкасы в Белгородском разряде и их отношения с представителями русской и гетманской власти в конце 70-х — начале 80-х годов XVII века.	11
<i>Кочегаров К. А.</i> Сумерки Юрия Хмельницкого на Правобережной Украине (осень 1679 — лето 1680 года)	21
<i>Носов Б. В.</i> Вопрос о Каменце-Подольском в польской политике России в начале русско-турецкой войны 1768–1774 годов	66
<i>Лабынцев Ю. А.</i> Хроника рода Иоахима Хрептовича — материалы к анализу выбора этнокультурной и государственно-политической идентичности (конец XVIII — начало XIX века)	100
<i>Перетяцько А. Ю.</i> Этнонимы «украинцы», «малороссияне» и «черкасы» в дореволюционных текстах донских казачьих авторов	111
<i>Корбут В. А.</i> Влияние русского литературного языка на орфографию первых белорусских газет «Наша Доля» и «Наша Нива» (1906–1907 годы)	143
<i>Клопова М. Э.</i> Проблемы адаптации беженцев-галичан в Российской империи. 1915–1917 годы.	175
<i>Баринов И. И.</i> Харитон Лебедь-Юрчик (1877–1945): портрет на фоне эпохи	195
<i>Борисёнок Е. Ю.</i> «Малороссия», «малоросс», «малороссийщина»: особенности употребления понятий в период советской украинизации	214

Публикация

<i>Семененко-Басин И. В.</i> Новые источники по истории православных святынь Брестчины и Гродненщины в XX веке	241
--	-----

Рецензии

- Щавинская Л.Л.* Новая книга об истории германо-белорусских отношений (Баринов И. И. *Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944.* М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.).....264
- Борисёнок Е.Ю.* Книга об идеальных воплощениях русскости (Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: *Облики — обличья — облаченья.* М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с.: ил.; Кн. 2: *Русское зеркало.* М.: Кучково поле Музеон, 2024. 400 с.: ил.).....272

Хроника

- Клопова М.Э.* Научная конференция «Женское измерение национальной идеи» из цикла «Белоруссия и Украина: люди и идеи».....279
- Короткова Д.А.* Круглый стол «Актуальные проблемы восточнославянских исследований».....286
- Дронов М.Ю., Слоистов С.М.* Международная научно-практическая конференция «IV Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852): историка, археографа, археолога».....291

Contents

Articles

- Florya B.N.* “Cherkasys” from Lebedin in *Belgorodskij Razriad* (regiment) and their relations with representatives of the Russian administration and the hetman of Ukraine in the late 1670s and early 1680s. 11
- Kochegarov K.A.* Twilight of Yurii Khmelnytsky on the Right-Bank Ukraine (autumn of 1679 — summer of 1680) 21
- Nosov B. V.* The question of Kamenets-Podolsky in Russian-Polish politics at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774. 66
- Labyntsev Ju.A.* A chronicle of the family of Joachim Hreptovich — materials for the analysis of the choice of ethno-cultural and state-political identity (from the late eighteenth to the early nineteenth centuries) 100
- Peretyatko A.Yu.* The ethnonyms “Ukrainians”, “Little Russians” and “Cherkas” in pre-revolutionary texts of Don Cossack authors. 111
- Korbut V.A.* The influence of the Russian literary language on the spelling of the first Belarusian newspapers *Nasza Dola* and *Nasza Niva* (1906–1907). 143
- Klopova M.E.* Problems of adaptation of Galician refugees in the Russian Empire. 1915–1917. 175
- Barinov I.I.* Khariton Lebed'-Yurchik (1877–1945): Portrait against the background of the epoch 195
- Borisenok E.Yu.* Some features of the use of the nomination “Little Russian” in the Ukrainian SSR during the period of Ukrainization. 214

Publication

- Semenenko-Basin I. V.* New sources on the history of Orthodox shrines in Brest and Grodno region in the twentieth century 241

Reviews

- Shchavinskaja L.L.* A new book about the history of German-Belarusian relations (Баринов И. И. Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.). 264

<i>Borisenok E.Yu.</i> A book on the ideal embodiments of Russianness (Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — облачения. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с.: ил.; Кн. 2: Русское зеркало. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 400 с.: ил.)	272
---	-----

Chronicles

<i>Kloпова M.E.</i> Scholarly Conference “Female dimension of the national idea” from the cycle “Belarus & Ukraine: peoples and ideas”	279
<i>Korotkova D.A.</i> Round table “Actual problems of East Slavic studies”	286
<i>Dronov M.Yu., Sloistov S.M.</i> International Scholarly Conference “IV Readings in memory of Archpriest John Grigorovich: historian, archaeographer, archaeologist”	291

Борис Николаевич Флоря

доктор исторических наук
член-корреспондент РАН
заведующий Отделом истории средних веков
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: sredveka@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Лебединские черкасы в Белгородском разряде и их отношения с представителями русской и гетманской власти в конце 70-х — начале 80-х годов XVII века

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.01

Аннотация: Несмотря на обилие историографии по истории слободских городов Белгородского разряда, многие аспекты взаимодействия центральных и местных властей Русского государства с переселявшимися с запада в его пределы украинскими переселенцами (черкасами) остаются не выясненными. Один из таких аспектов — отношения черкас с русскими помещиками, которые имели поместья на смежных с их поселениями землях. В статье на примере материалов, относящихся к деятельности крупной колонии украинских казаков вокруг г. Лебедина, показано, что как руководство Белгородского разряда (в большей степени), так и центральные власти в Москве (в меньшей степени) нередко поддерживали их в конфликтах с русскими помещиками из-за спорных земельных владений. С другой стороны, на владения черкас претендовал племянник гетмана И. Самойловича, гадяцкий полковник Михаил Васильев, который также осваивал земельные угодья в районе г. Лебедина. В данном случае черкасы также нуждались в поддержке русских властей, что объясняло, среди прочего, и их нежелание переходить под власть гетмана Самойловича, который просил русское правительство передать под его управление слободские города Белгородского разряда.

Ключевые слова: украинские казаки (черкасы), русские воеводы и межевщики, власти Левобережного гетманства

Как известно, в отношениях России и гетманства в начале 80-х гг. XVII в. приобрел особое значение вопрос о судьбе переселенцев с Правобережья, перешедших на территорию Русского государства и поселившихся на землях Белгородского разряда. При этом гетман

Иван Самойлович добивался, чтобы эти земли, где поселилось многочисленное украинское население, были переданы в состав гетманства.

Притязания гетмана и старшины имели определенное основание в условиях жизни переселенцев. Правда, часть таких людей уходила на восток на свой страх и риск и нанималась «во крестьянство» к местным русским помещикам. Однако наряду с этим уходили на восток и целые организованные сообщества, которые на местах, отведенных им русскими властями, организовывали свою жизнь в соответствии с порядками, принятыми в казацкой среде. Данные, относящиеся к г. Лебедину, позволяют представить такую колонию черкас достаточно конкретно. Черкасы в ней делились на две группы — «лутчих» и «обычных». «Лутчих», которые «годятца в полковую службу», записывали в казаки, остальных — в мещане. Размеры самой колонии были значительными. В ней насчитывалось «казак» и «мещан» более 2 тыс. человек¹. Несмотря на определенные различия между ними, в челобитных лебединские черкасы выступали «всем городом», как единая общность, в которую входили священники приходских храмов, «полковые службы казаки» и мещане. Их возглавляли сотник, атаман и войт².

В таких поселениях черкасы сохраняли свое особое устройство, заметно отличавшее их от русского общества. Выступление таких поселений в пользу присоединения к гетманству могло бы стать сильной поддержкой планов его расширения, которые вынашивал И. Самойлович. Тем более что поселение черкас в Лебедине располагалось совсем близко от одного из левобережных полков — Гадяцкого.

Однако такого выступления не произошло. Свидетельства источников, характеризующих положение лебединских черкас в это время в составе Белгородского разряда, позволяет высказать определенные соображения о причинах их нежелания переходить под гетманскую власть.

Указанные свидетельства тем более интересны, что в них говорится о конфликте между черкасами из Лебедина и русскими помещиками из г. Каменного из-за ряда территорий за р. Псел, у границы

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. № 161. Л. 110.

² Текст такой челобитной см.: Там же. Л. 10 и след.

с Левобережным гетманством. Сохранились многочисленные челобитные в Разряд черкас и каменцев. Каждая сторона доказывала свои права на спорные земли и обвиняла другую в нападениях и актах насилия. Положение дополнительно осложняло то обстоятельство, что помещики селили в своих поместьях крестьян — переселенцев-черкас, которых черкасы из Лебедина стремились привлечь на свою сторону. Сохранились признания таких поселенцев, что они «слушали» черкаского сотника, «а помещиков своих не слушали, и из поместий изгоняли и разоряли»³.

Споры тянулись несколько лет и сопровождались «посылками» по указаниям Разрядного приказа для проведения расследования и установления границ представителей власти из Белгородского разряда — от князя П. И. Хованского и князя Г. Г. Ромодановского, от командующего армией на юге князя В. В. Голицына и от воевод отдельных городов. Сохранились наряду с челобитными сторон несколько сообщений таких представителей. Можно было бы ожидать, что в этом споре представители русских воевод станут на сторону русских помещиков в их конфликте с черкасами, но материалы рисуют более сложную картину. В челобитных помещиков из Каменного неоднократно выражалось резкое недовольство действиями лиц, приезжавших с целью проведения размежевания.

Суть спора состояла в том, что, когда дети боярские из разных городов были поселены в Каменном, Федор Арсеньев в 1651 г., наделая помещиков землями, нескольким десяткам из них выделил земли за р. Псел⁴. Когда в 1658 г. «заднепровские черкасы» перешли на русскую территорию, для них был поставлен г. Лебедин. Тогда же Абакум Иевлев наделил черкас землей⁵. При этом он, не производя описания, передал все земли за Пселом черкасам, зафиксировав по «скасам лебединских знатных людей», что черкасам передается «дикое поле, деревен и селищ нет никаких и земли пахотные нет»⁶. К такому способу описания А. Иевлев прибег потому, что за р. Псел действовал «неприятель»⁷ — войска выступившего против России гетмана И. Выговского и его союзники — татары. Вероятно, в таких

³ Там же. Л. 220.

⁴ Там же. Л. 64, 140 и след. (выписки из книг Ф. Арсеньева).

⁵ О дате его описания см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 163. Л. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 161. Л. 71–72.

⁷ Там же. Л. 7.

условиях помещики не смогли организовать на указанных территориях свои хозяйства или вынуждены были их бросить. Это объясняет, почему межевщику Я. Шишкову каменцы подали «сказки», «что им с лебедянцы впредь по Обакумову отводу Иевлева в земле не спорить»⁸.

Однако время шло, неприятель ушел, и дети боярские попытались явочным порядком вернуть себе выделенные им земли. О позиции, которую занял в этой ситуации командующий войсками Белгородского разряда Г.Г. Ромодановский, позволяет судить текст его грамоты царю Федору Алексеевичу⁹. Он направил ее после жалоб черкас своих межевщиков, которые, руководствуясь описанием А. Иевлева, должны были удалить со спорной земли детей боярских, которые были «непослушны». Посланцы действовали достаточно решительно. Отправленный из Курска в 1678 г. стрелецкий голова Карп Мезенцов «со спорных сел до одного человека съ их поместных дач выгнал и в ызбах двери выломал»¹⁰. Позиции, благоприятной по отношению к черкасам, Г.Г. Ромодановский продолжал придерживаться и тогда, когда в Москве решили все же вернуть детям боярским их «дачи». Для этого из Путивля был послан стрелецкий голова Сергей Чубаров, который начал выселять черкас со спорной земли. Тогда Г.Г. Ромодановский, согласно его посланию царю Федору Алексеевичу, Чубарову приказал «ехать прочь», а лебедянскому воеводе предложил черкас «государскою милостью обнадежить и велел в тех селах жити по-прежнему»¹¹. Важная деталь говорит о контактах командующего с черкасами в это время. Когда С. Чубаров стал черкас «высылать», «приказной человек» из Лебедина пригрозил ему, что «будет на него, голову, писать в Курск»¹². Очевидно, в Лебедине были уверены в благоприятной для них позиции Г.Г. Ромодановского. Многолетний командующий войсками Белгородского разряда, как представляется, видел в поселившихся под его властью черкасах серьезную военную силу, лояльность которой было особенно важно обеспечить в условиях тяжелой войны с османами.

⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 161. Л. 177.

⁹ Там же. № 163. Л. 265–272.

¹⁰ Там же. № 161. Л. 152.

¹¹ Там же. № 163. Л. 272. Характерно, что саму грамоту подал в Москве «лебединец Микита Карпов» (Там же. Л. 265 об.).

¹² Там же. Л. 111.

Когда в Москве было принято решение вернуть детям боярским их дачи, начались столкновения черкас с присланными, чтобы выполнить это решение, межевщиками. Первым в этом ряду оказался С. Чубаров. Черкасы «на спорную землю каменцев не пустили»¹³ и голова со спутниками «ушли, боронясь до Каменного»¹⁴. Позднее, когда из Путивля был послан провести межевание князь Иван Белосельский, на спорную землю выехал казацкий сотник Софрон, «с ним пятсот человек и больши», и «межевать той земли не дал»¹⁵. Судя по имеющимся жалобам, И. Белосельскому все же удалось провести межевание¹⁶. Однако в день его отъезда дворы, поставленные помещиками в спорном селе Присталовете, «пожгли без остатку»¹⁷. Столкновения на этой почве продолжались. Когда из Путивля был послан другой межевщик — Василий Вишневский, то сотник Софрон Васильев его «с земли взял сильно и свез в Белгород, а те земли межевать не дал»¹⁸.

Позднее такое влиятельное лицо, как В.В. Голицын, послал на спорную землю своего дворянина Василия Изъединова, но и ему черкасы «межевать и мерить не дали» и «с земли нас (Изъединова и его товарищей. — *Б. Ф.*) сослали с шумом»¹⁹.

Все это никак нельзя оценивать как некоторую обычную практику. Налицо неоднократное «непослушание» царскому указу, между тем в достаточно обильной документации архивных дел о каких-либо карательных мерах по отношению к черкасам не говорится. Однако материалы инструкций новому царскому посланцу князю М.Ф. Жирново-Засекину (июнь 1681 г.) свидетельствуют о поступлении в Москву жалоб черкас на действия межевщиков и позволяют судить о реакции на них русского правительства.

Уже в ранних указаниях о проведении межевания отмечалось, что помещикам следует вернуть их земельные «дачи», а остальную землю за Пселом необходимо передать черкасам²⁰. Для последних следовало

¹³ Там же. № 161. Л. 180.

¹⁴ Там же. № 163. Л. 111.

¹⁵ Там же. № 161. Л. 196.

¹⁶ Там же. Л. 43–49.

¹⁷ Там же. № 163. Л. 13–61.

¹⁸ Там же. № 161. Л. 198; № 163. Л. 15.

¹⁹ Там же. № 161. Л. 95–96; № 163. Л. 136.

²⁰ Там же. № 161. Л. 105–106 (инструкция князю И.Н. Белосельскому).

выделить такие земли, «чтоб на той земли черкасом мочно было селитца»²¹. В инструкции князю М. Ф. Жирово-Засекину предлагалось «поместные дачи пересмотреть накрепко». Но составители инструкций опасались, что так не удастся совершенно удовлетворить черкас, поскольку «в тех селех жить им не на чем». Князь М. Ф. Жирово-Засекин должен был выяснить, «в тех селех мочно ль их землями устроити»²². В инструкциях указывалось, что следует передать черкасам землю «от устья рек Будилки вверх по реке Пслу до меж и границ межигорских черкас одинацать верст»²³. Таким образом, обеспечению черкас землей следовало уделить самое серьезное внимание.

Обращает на себя внимание и сохранившаяся запись, что «о наказанье черкасом и николи об обычных ставках и ни о каком розыску к князю Ивану в государеве грамоте не писано»²⁴. С какой целью был записан такой текст, выясняется из наказа князю М. Ф. Жирово-Засекину, где ему предписывалось допросить князя Белосельского «по какому указу... у каменовцев на лебединских черкас принимал челобитные и скаски, и черкас кнутьем бил»²⁵. Сохранившиеся фрагменты следствия²⁶ показывают, что князь И. Белосельский рассматривал жалобы жителей Каменного на черкас. Правительство явно этого не одобряло. Таким образом, действия черкас, защищавших свою собственность, не наказывались, и правительство хотело избежать их расследования. Более того, как извещали князя П. И. Хованского, преемника князя Г. Г. Ромодановского, на князя И. Н. Белосельского по челобитью черкас «в обидах велено дать очные ставки»²⁷.

Перед нами очевидные следы усилий, которые предпринимались в Москве для налаживания взаимодействия с черкасами. Их лояльность, вероятно, имела значение для правительства. Таким образом, отношения черкас Белгородского разряда с русскими властями были не таковы, чтобы искать спасения в переходе под гетманскую власть.

Параллельно разворачивался конфликт из-за земель за Пселом между черкасами из Лебедина и племянником гетмана И. Самойло-

²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 163. Л. 278.

²² Там же. Л. 52.

²³ Там же. Л. 223.

²⁴ Там же. № 161. Л. 404.

²⁵ Там же. № 163. Л. 238.

²⁶ См., например: Там же. Л. 173 и след.

²⁷ Там же. Л. 242.

вича, гадяцким полковником Михаилом Васильевым. В челобитной лебединских черкас «городом и уездом» говорилось о том, что землю за Пселом, переданную черкасам А. Иевлевым, М. Васильев назвал «пустовою и диким полем» и получил от Г.Г. Ромодановского землю «на пятьдесят дворов», а потом получил в 1680 г. от П.И. Хованского «прибавку», «землю городскую и пушкарскую», поставил на этой земле «семьсот дворов с лишком» и «большое утеснение и разорение всему городу учинил»²⁸.

Речь шла о передаче полковнику большого участка земли — «в длину и поперек по 5 верст дикого поля на пашню» — в нем было свыше 2 тыс. четвертей в одном поле²⁹. Но при этом, как утверждали лебединские черкасы, проводивший отвод земель курчанин Самсон Денисов полковнику «учинил великую поноровку для своей корысти», передав ему «многую их распашную землю»³⁰, хотя ранее на той же земле тот же Самсон Денисов «лебединским пушкарем и иным черкасом многим и крепости за своею рукою подавал»³¹.

В челобитных описывалось, какой ущерб наносит черкасам хозяйничанье гадяцкого полковника на этой земле. Он «сено все в свое село побрал», «лес хоромной и древяной с тех их прежних дач велел рубить своего полку в Гадичь и села, и в Ромны», «озера все завладел» и даже «кони их и топоры велит своим людям у них, черкас, грабить насильно»³². Черкасы просили, чтобы царь М. Васильеву «их землею... владети не велел». Отстаивать их интересы в Москве были посланы послы лебединских черкас Митка Карпов «с товарищи»³³.

Но подачей челобитных дело не ограничилось. В феврале 1681 г. в Москву была отправлена грамота от гадяцкого полковника, что предводитель лебединских черкас, сотник Софрон Васильев («Супрун» в челобитной) «занял лес... и сеножитные луга... озера и всякие угожья». Более того, от него «убийства и грабеж, и озорничества чинятся большие»³⁴. Таким образом, между сторонами началось открытое силовое противостояние. М. Васильев утверждал, что в этих

²⁸ Там же. № 161. Л. 14–15.

²⁹ Там же. Л. 87.

³⁰ Там же. Л. 88.

³¹ Там же. № 163. Л. 97.

³² Там же. Л. 26–27, 96.

³³ Там же. Л. 315.

³⁴ Там же. Л. 23.

преступлениях Софрон «обвинен» и «велено сумскому полковнику Гарасиму Кондратьеву... учинить наказанье». Но далее выясняется не только, что полковник «наказания не учинил», но и читаются просьбы М. Васильева не верить челобитной, поданной на него совместно Софроном и сумским воеводой³⁵.

Однако целей своих М. Васильев не добился. Еще 23 февраля, до получения его грамоты, царь указал выяснить у полковника, «нет ли с кем какова спору и челобитья»³⁶. Тут выяснилось, что спор у полковника не только с черкасами из Лебедина, но и с жителями Межиреча, у которых была отобран «вопчей лес» с лебединскими черкасами. В этой связи упоминается расположенная на реке Груне «лука» межиречского сотника Ивана Шиля³⁷.

Происшедшее повлияло на позицию противников лебединских черкас — помещиков из Каменного, заявивших, что их «поместная земля» между Пселом и Груней отдана гадяцкому полковнику³⁸.

Челобитья черкас обеспокоили Москву. Черкасам следовало объяснить, что, жалую полковника, царь «земель и всяких угодей отнимать у них не велел»³⁹. Вопрос оставался актуальным и позднее. В деле упоминается указ царей Ивана и Петра составить справку о владениях гадяцкого полковника и землях лебединских и межиречских жителей⁴⁰.

Действия М. Васильева, как известно, поддерживал дядя — гетман Иван Самойлович, добивавшийся пожалования племяннику имений в Лебединском уезде. Это был не единственный акт такого рода. И. Самойлович тогда же обратился в Курск с предложением дать Г. Гамалее земли в Недрыгайлове⁴¹. Действуя таким образом, Самойлович, как представляется, рассчитывал связать эти земли с гетманством, но, как показывают последствия предпринятых шагов, в Лебединском уезде они приводили к противоположным результатам. Вероятно, последующее исследование поможет выяснить, в какой мере отношения лебединских черкас и гетманства были типичными

³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 163. Л. 23–24.

³⁶ Там же. Л. 35–36.

³⁷ Там же. Л. 14, 47.

³⁸ Там же. Л. 47.

³⁹ Там же. № 161. Л. 354.

⁴⁰ Там же. № 163. Л. 63.

⁴¹ Там же. Л. 65.

для отношений черкас Слобожанщины и гетманства. Во всяком случае, пока нет оснований предполагать, что черкасы Белгородского разряда хотели войти в состав Левобережного гетманства.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ.

Boris N. Florya

Dr. Sci. (History)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Head of the Medieval History Department

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A

E-mail: sredveka@inslav.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

**“Cherkasys” from Lebedin in *Belgorodskij Razriad*
(Regiment) and their relations with representatives
of the Russian administration and the Hetman
of Ukraine in the late 1670s and early 1680s**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.01

Abstract: Despite the abundance of historiography on the history of the Belgorod-type Sloboda towns, many aspects of the interaction of the central and local authorities of the Russian state with the Ukrainian settlers (Cherkasy) who migrated from the West to its borders remain unexplained. One of these aspects is the relationship of the Cherkasy with Russian landowners whose estates bordered to the land of their settlements. Using materials related to the activities of a large colony of Ukrainian Cossacks around the town of Lebedyn, the article shows that both the leadership of the Belgorod region (to a greater extent) and the central authorities in Moscow (to a lesser extent) often sided with them in conflicts with Russian landlords over disputed possessions. On the other hand, the Cherkasy properties were claimed by Hetman I. Samoilovich's nephew, Gadyach Colonel Mikhail Vasiliev, who was developing the land plots around the town of Lebedyn. In this case, Cherkasy also needed the support of the Russian authorities, which explains, among other things, their unwillingness to come under the rule of Hetman Samoilovich, who asked the Russian government to transfer the Sloboda towns of the Belgorod region under his control.

Keywords: Ukrainian Cossacks (Cherkasy), Russian voivodes and surveyors, authorities of the Left-Bank Cossack Hetmanate.

Кирилл Александрович Кочегаров

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: k.kochegarov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Сумерки Юрия Хмельницкого на Правобережной Украине (осень 1679 — лето 1680 года)

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.02

Аннотация: Статья посвящена правлению турецкого ставленника гетмана Юрия Хмельницкого на Правобережной Украине после завершения активной фазы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. На основе неопубликованных и ранее практически не введенных в научный оборот русских и польских источников (донесений лазутчиков, выходцев из плена, отдельных документов, исходивших от самого Ю. Хмельницкого и проч.), поступавших к левобережному гетману И. Самойловичу и в Малороссийский приказ в Москве, реконструируется политика турецкого ставленника на Правобережье, его отношения с Крымским ханством и Османской империей, военные планы в отношении Левобережной Украины и их реализация. События правления Ю. Хмельницкого рассматриваются в контексте угрозы, которую несло его правление политической позиции левобережного гетмана И. Самойловича и политике русского правительства на Украине. В связи с этим в статье подробно рассмотрены сведения о возможном османском наступлении на Киев, которые поступали в Москву и Батурин в конце 1679 — летом 1680 г. и за распространением которых стоял в том числе и Ю. Хмельницкий.

Ключевые слова: Ю. Б. Хмельницкий, И. Самойлович, русско-украинские отношения, русско-турецкая война 1672–1681 гг., Крымское ханство

О Хмельниченке татарове худые слова говорят, так говорят, что на наше беспокойство сатана его дал, ради и не ради, с великою нужею трудами нашими всегда его оберегаем, а он ни возвышается, ни пропадает и не может никакою войною турецкою пропасть, да и на него никто не воюет, не можем де ни славы, ни добычи для него имети, для чего с великою печалию желают ему погибели.

«Роспросные речи» татарина Доина
(РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 267)

Юрий Хмельницкий — одна из наиболее противоречивых фигур украинской истории XVII в. Как сын гетмана Богдана Хмельницкого, Юрий после гибели старшего брата Тимофея считался наследником отца и претендентом на гетманство. Однако политическая карьера Юрия, несмотря на поддержку рядового казачества, довольно скоро потерпела крах: будучи лишен каких-либо политических способностей, он после нескольких неудачных лет правления (1659–1662) отрекся от гетманской булавы и постригся в монахи, а через некоторое время был отправлен в Турцию.

В 1677 г. Османская империя, реализуя масштабные планы по распространению своего политического влияния на земли Украины, решила использовать фигуру Ю. Хмельницкого для привлечения казаков на турецкую сторону. В январе 1677 г. великий визирь Кара-Мустафа приказал разыскать «гяура» и «бывшего гетмана» Ю. Хмельницкого и, если тот жив, немедленно отправить в Адрианополь, к султанскому двору¹. Константинопольскому патриарху Дионисию IV было велено расстричь Хмельницкого, после чего он был назначен турками гетманом (позднее принял титул «князя Малороссийской Украины»), под власть которого передавались захваченные султаном казачьи земли Правобережья Днестра². Хмельницкий и его

¹ *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 189. Commentary 532.

² *Rawita-Gawronski Fr.* Ostatni Chmielniczko (zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań, 1919. S. 121–137; *Чухлиб Т. В.* Український князь з козацького роду. Юрій Хмельницький. 1676–1681 // Чухлиб Т. В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004. С. 140–144.

немногочисленные отряды участвовали в двух Чигиринских кампаниях 1677–1678 гг., а в январе — феврале 1679 г. совершили нападение на Левобережную Украину при поддержке татар³.

О жизни и деятельности Хмельницкого в конце 1679 — 1680 г. практически ничего не известно. Историки описывают этот период достаточно кратко, опираясь, как правило, на известия казацких летописей или немногочисленные упоминания о Ю. Хмельницком в опубликованных источниках⁴. На первое место здесь выходит содержащаяся в летописи С. Величко история с еврейским купцом Оруном, поставщиком наложниц в гаремы султана и его приближенных, у которого «князь» сжег двор в Немирове и убил жену. В ответ купец пожаловался османским властям, что стало одной из причин отставки Хмельницкого и отправки его в Турцию⁵.

Подобная скудость информации обусловлена в том числе отсутствием систематической публикации источников из «малороссийских» фондов Российского государственного архива древних актов (№ 124 и 229), которые содержат обширную информацию о ситуации на Правобережье в конце 1679 — 1680 г., поступавшую в Посольский и Малороссийский приказы в Москве. Завершение издания «Актów Южной и Западной России» 1678 г. привело к тому, что сохранившиеся в архиве материалы допросов пленных и выходцев из турецко-татарской неволи, переписка казацкой старшины, донесения царских военачальников и воевод, включающие ряд весьма ценных и порой уникальных свидетельств о деятельности протурецкого гетмана после завершения активной фазы русско-турецкой войны 1672–1681 гг., до сих пор практически не введены в научный оборот.

³ См. подробней: *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1672–1681 гг. М., 2024. С. 119–465.

⁴ См., например: *Костомаров Н.И.* Руина // Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб., 1882. С. 620–621; *Чухлиб Т.В.* Український князь... С. 145–146; *Rawita-Gawroński Fr.* Ostatni Chmielniceńko. S. 144–148.

⁵ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Т. 2. Киев, 1851. С. 546–547. На основе его данных об этом пишет Н.И. Костомаров (*Костомаров Н.И.* Руина. С. 620–621). Под пером известного краеведа и исторического публициста второй половины XIX в. Юзефа Аполлинария Ролле (писал под псевдонимом «Dr. Antoni J.») история с расправой Хмельницкого над семейством Оруна обросла множеством фольклорных и художественных подробностей (*Dr. Antoni J.* Książę Sarmacyi // Dr. Antoni J. Opowiadania historyczne. I. Lwów, 1878. S. 105–117). На основе его труда об этом писал Ф. Равита-Гавроньский (*Rawita-Gawroński Fr.* Ostatni Chmielniceńko. S. 146–149).

Эти документы позволяют не только восстановить неизвестные историкам события последних месяцев правления Ю. Хмельницкого и сделать ряд наблюдений о личности «князя Украины», но и ощутить тягостную атмосферу тревожности и неопределенности, охватывавшую тех людей, которым приходилось выживать в регионе, опустошенном в результате десятилетиями не прекращавшихся войн.

Ю. Хмельницкий и подготовка ордынского набега на русские земли

В кампанию 1679 г. турецко-татарская сторона сосредоточилась на строительстве двух новых крепостей на Днепре, которые вместе с уже существующими — Казыкерменом и Исламкерменом (Шахкерменом) должны были составить надежный заслон для выхода запорожских судов в Черное море. Русские войска простояли все лето под Киевом, ожидая османского нападения, но так и не решились атаковать османский корпус боснийского паши Ахмеда и крымскую орду в низовьях Днепра⁶. При этом российским командованием обсуждались планы атаки на Немиров — ставку «князя Украины». Указанный вопрос возник после получения гетманом И. Самойловичем письма от молдавского господаря Георгия Дуки с призывом сделать это как можно скорее, поскольку «там нет никакой силы и турецкого войска в сборе нет». Гетман переслал это предложение в Москву (получено в столице 21 июля 1679 г.)⁷. Позднее Самойлович утверждал, что именно «некоторые особы из воевод» с готовностью откликнулись на призыв Дуки и «под Немиров итти желали», а на общем совете русских военачальников и гетмана «ту к Немирову предприняти дорогу советовали». «Однако ж я, ваш великого государя подданной, — сообщал в Москву гетман, — их милостям боярам и воеводам во вся времена во всех розговорах и советах говорил есмь, что, храня вашу монаршескую славу и сохраняя войск ваших государских

⁶ Кочегаров К.А. Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Кочегаров К.А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. М., 2019. С. 59–90; Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние... С. 438–465.

⁷ Записная книга Московского стола 7187–7188 года (1678, ноябрь — 1679, сентябрь) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее РИБ). Т. 11. СПб., 1889. С. 488–489.

целость, ходити нам за полтора ста верст в далной путь в пустые и трудные переправы от Киева к Немирову отнюдь непригоже». Самойлович полагал, что, если даже резиденция Хмельницкого будет взята, удержать ее будет невозможно. По мнению гетмана, турки и татары только этого и ждут, рассчитывая нанести здесь русской армии поражение. Хан «со всеми ордами» как раз стоит недалеко от города «в полях» на Черном «пашлыке», откуда удобно оказать помощь Ю. Хмельницкому⁸. В Москве, впрочем, уже 31 июля отправили грамоту русским воеводам под Киев с категорическим запретом предпринимать какие-либо действия против Немирова, поскольку это может способствовать эскалации военных действий с турками: стремившаяся к миру Москва уже явно этого не желала⁹.

После окончания неудачной для русско-украинских войск летней кампании, начиная с осени 1679 г. в Москву стала поступать информация о готовящемся набеге крымских татар на южное пограничье¹⁰. Ю. Хмельницкий в это время, по сведениям гетманского слуги Якова Карбача, прибывшего в середине сентября 1679 г. в Москву, пребывал в Немирове. При «князе Украины» находилось 200 татар, которых он держал «при себе из найму» и столько же казаков. Также Карбач сообщил, что «Яненко ныне в Польше»¹¹. В последнем случае речь шла об одном из ближайших соратников Ю. Хмельницкого, его двоюродном племяннике Иване Павловиче Яненко-Хмельницком, который в мае 1679 г. прибыл во Львов, перейдя на польскую сторону, однако осенью того же года был обвинен в измене и расстрелян по приказу коронного польного гетмана Станислава Яблоновского¹².

⁸ Грамота И. Самойловича на царское имя. 24 августа 1679 г. Батурин // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 10–14.

⁹ Записная книга... // РИБ. Т. 11. С. 489. Известия о намерении русских войск атаковать «мятежника Хмельницкого» в Немирове донесли до турецкого-татарского войска, которое расположилось у р. Ингул, опасаясь такого нападения, а также до Молдавии и Речи Посполитой. Об этом сообщал польский нунций Ф. Мартелли (*Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes* (1550–1850). Vol. 13. 1675–1683 / collegit, paravit, adnotavit editionemque curavit Athanasius G. Welykyj. Romae, 1969. P. 193). См. также: *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние... С. 455.

¹⁰ *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь... С. 103–104.

¹¹ «Роспросные речи» Я. Карбача. 18 сентября 1679 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 28 об.

¹² См. подробнее: *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski. Polityk i dowódca (1634–1702). T. 1. Siedlce, 1997. S. 158–159.

23 сентября Ю. Хмельницкий выслал из Немирова достаточно примечательное письмо, адресованное польскому коменданту Белой Церкви О.Э. Раппе. Правобережный гетман подчеркивал, что готов всячески способствовать хорошему отношению к нему «в княжестве Малорусском», намекая, что Белая Церковь тоже относится к владениям Хмельницкого. Вспоминая о якобы имевшем место походе не названного по имени боярина к Белой Церкви весной 1679 г. (на самом деле такого похода не было, возможно, это отзвук дошедших до Немирова планов русского командования атаковать ставку правобережного гетмана летом того же года), Хмельницкий подчеркивал, что в связи с этим и он вправе позаботиться о своих интересах. Далее следовали рассуждения Хмельницкого, получившего хорошее классическое образование, о спорах Диогена с Платоном, а также о сентенции последнего со ссылкой на «Одиссею» Гомера, что счастлив лишь тот, кто может вернуться в свой дом. Под домом имелась в виду не контролируемая Хмельницким Белая Церковь, поэтому он заявлял, что отправляет туда посланца «*bez ceremonii*» («без церемоний»), «*juxta regulam nostram ordinis S. Basilii*» («в полном соответствии с правилами нашего ордена св. Василия»). Вспоминая таким образом (не совсем понятно, зачем) о своей бывшей принадлежности к греко-католическому Василианскому монашескому ордену, Хмельницкий требовал от О.Э. Раппе как от своего подданного прислать ему писаря, владеющего польским языком, вместо гетманского канцеляриста, который ныне смертельно болен. Правобережный гетман явно ерничал, заявляя, что совершенно не умеет писать по-польски и хотел бы научиться. Продолжая свои инвективы, Хмельницкий просил Раппе не воспринимать его просьбу по польскому обычаю превратно, как сделанную «*po błażeńsku*» («по-шутовски»), но отнести к ней «*szczerze prawdziwie, a wiernie po świętorusku*» («искренне и правдиво, верно по-святорусски»). За такую услугу турецкий ставленник обещал отблагодарить белоцерковского коменданта¹³.

Указанное письмо Хмельницкого сохранилось в копии второй половины XVIII в., будучи переписанным для «портфелей» А. Нарушевича (известное рукописное собрание польских источников) из архива последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Письмо Хмельницкий подписал как «*princeps*»

¹³ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Teki Naruszewicza. Rps. 177. S. 953.

(«князь»). Далее следует канцелярская помета: «Przed tym nie pisał się „princeps”, ale „Jerzy Gedeon Wężyk Chmielnicki»» («Перед тем не писался “князь”, а только “Ежи Геден Венжик Хмельницкий”»)¹⁴. Титулование князем в переписке с польскими властями вопреки запрету османских властей использовать княжеский титул («князя Малой Руси и Сарматии»), сделанному по настоянию польского посла в Стамбуле, Яна Гнинского, в 1678 г.¹⁵ вкупе с аллюзиями к Святой Руси и претензиями на обладание Белой Церковью, и шире — всеми «русскими» (восточнославянскими) землями Речи Посполитой как частью его наследственных владений, свидетельствовало о попытках Хмельницкого синтезировать некое идеологическое обоснование своим политическим претензиям. Эти идеи проявились и в дальнейших высказываниях и текстах, исходивших от правобережного гетмана.

Осенью 1679 г., после окончания кампании и роспуска царских войск, Хмельницкий попытался активизировать военную деятельность. В конце сентября И. Самойлович прислал в Москву «вести, каковы сказывал капитан Инрик Фелдер, которой ис Коростышева приезжал лошадей продавать в Киев». По его словам, «Хмельницкой, приклоня ухо, слушает, коль скоро силы царского величества из Украины к Москве пойдут», намереваясь с ордой вторгнуться на Левобережье «и местечко какое достав, засесть и казаков своими хитростями прелщати». С этой целью он якобы со дня на день ожидает под Немиров аж 60-тысячное татарское войско¹⁶. Сведения эти были, несомненно, преувеличенными, однако после их получения царское правительство по просьбе гетмана распорядилось отправить грамоты о подготовке войск в Белгородский и Севский разрядные полки, а также киевскому воеводе Н. С. Урусову¹⁷.

По окончании летней кампании 1679 г. И. Самойлович оставил «меж Киева и Печерского местечка от Киева с версту» для борьбы

¹⁴ Ibid. S. 953 v.

¹⁵ *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 96.

¹⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 61 — 62 об. Вести датированы 9 сентября 1679 г.

¹⁷ Там же. Л. 60 об. — 61 (запись царского указа с боярским приговором от 3 октября 1679 г.), 62 — 63 об. (память в Разряд от 6 октября о «готовности» Белгородского полка), 66 — 67 об. (царская грамота И. Самойловичу от 31 октября 1679 г.).

с возможными татарскими набегами три полка наемных казаков: два пехотных Г. Кондратьева, А. Ребриковского и один конный — И. Новицкого. В начале сентября они хотели выслать разъезд для захвата языков, но Ю. Хмельницкий и находившийся при нем крымский мурза Батырча опередили их. 13 сентября под Киев с той же целью пришел из-под Немирова татарский отряд в 80 всадников, скрытно расположившийся в районе реки Лыбеди. Через два дня их обнаружили казацкие «сторожи», и полковники выслали на противника 60 всадников и 200 пехотинцев, которые, нагнав татар под Белгородкой (15 верст от Киева), разгромили их и взяли четырех пленных. Они сообщили, что с Батырчей-мурзой при Хмельницком находились около 3 тыс. чел., присланных к «князю Украины» восемь месяцев назад, то есть примерно в феврале 1679 г. По словам пленных, в дополнение к этим силам недавно в Немиров пришло еще 2400 крымцев, более того, сверх этого Хмельницкий ожидал еще и отряд белгородских татар. Все эти войска должны были «ждать зимняго пути и лошадей кормить», после чего организовать набег на Левобережье. Концентрация татарских отрядов в Немирове перед зимним набегом была организована специально: когда крымцы идут в набег с полуострова зимой, то «тем де своим походом они лошадей изнуживают»; теперь же кони останутся «неизнужены»¹⁸.

Помимо ордынцев, прибывших в Немиров для участия в набеге, а также татар, которых Хмельницкий нанимал отдельно за деньги (200 чел., по свидетельству Я. Карбача), при гетмане Правобережья постоянно пребывал присылаемый властями Крымского ханства контингент под командованием Батырчи-мурзы. По данным статейного списка русских годовых посланников в Крымском ханстве подьячего Гаврилы Михайлова и переводчика Кутлоамета Устокасимова, когда в начале 1679 г. Ю. Хмельницкий двинулся из расположения крымско-османских войск в Немиров, у него было всего 700 казаков. Поэтому калга-султан (второе лицо в иерархии Крымского ханства после хана) послал с Хмельницким «для оберегания крымского

¹⁸ И. Новицкий, А. Ребриковский, Г. Кондратьев — И. Самойловичу. 13 сентября 1679 г. «Ис под Печерского» // Там же. Л. 71 об. — 72; «Роспросные речи» в Малороссийском приказе хорунжего Ф. Павлова и 4 казаков. 29 сентября 1679 г. // Там же. Л. 67 об. — 71; Грамота И. Самойловича на царское имя. 18 сентября 1679 г. // Там же. Л. 69 об. — 71 об.

Батыршу бея Аргинского с крымскими ратными людьми»¹⁹. А уже в середине марта русские представители узнали, что при Хмельницком в Немирове осталось всего 300 казаков, в связи с чем мурза Батырча по-прежнему должен охранять его от прихода царских войск и «от барабашей» (левобережных казаков)²⁰. В итоге Батырча пробыл при Ю. Хмельницком до конца зимы 1680 г., хотя татарские контингенты при протурецком гетмане менялись чаще, примерно раз в полгода. Казаки же уходили от Хмельницкого, их не хватало не только для военных операций, но и для репрезентации гетманского статуса. Прибывший 3 декабря 1679 г. в гетманскую ставку Данила Семенов сын Скуратенков, который попал в плен во время «Конотопской войны» и провел в неволе у турок несколько десятков лет, сообщал, что, будучи в Яссах (где-то в октябре — ноябре 1679 г.), застал там присланного Хмельницким вербовщика «для собрания охочего войска за деньги к себе в службу». Однако тот, «ничего не собрав», поехал во свояси — люди «не похотели» идти на службу к «князю Украины»²¹.

Не имеющему достаточно войск для набега на Левобережье Хмельницкому ничего не оставалось, как только распространять слухи о скором приходе к нему крупных турецких подкреплений. По сообщению барышпольского сотника И. Шерского, возвращавшиеся из Полонного в Барышполь «торговые люди» встретили на пути троих выходцев из плена, которые побывали в Немирове и рассказали о подготовке Хмельницким похода на Левобережье. С этой целью к нему в подкрепление должен будто бы прийти 20-тысячный янычарский корпус, расположившийся в Сороке. Об этом же говорил приехавший из Белой Церкви в Барышполь ктитор Остафей Горбаха, ссылаясь на информацию, полученную от проезжавшего через Немиров бывшего «невольника»²². 2 декабря 1679 г. в Киев, «возы на дороге оставив, приехал верхом» белоцерковский житель Петр Дерун.

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 42–43. Запись от 20 февраля 1679 г. По другим данным, Батырча находился при Хмельницком еще с 1677 г. См.: *Яфрова М.Р.* Русско-османское противостояние... С. 392.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 43 — 43 об. Запись от 15 марта 1679 г.

²¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 231.

²² И. Шерский, барышпольский сотник — Войце Сербину. 19 ноября 1679 г. Барышполь // Там же. Л. 264–265. Эти сведения пересказывал в своей грамоте на царское имя от 24 ноября 1679 г. из Батурина гетман Самойлович. Он полагал, что «враг отступник христианской веры» Ю. Хмельницкий «готовитца совершенно войною на сю сторону Днепра». См.: Там же. Л. 51–53.

Он изложил сведения, которые слышал от прибывшего в Белую Церковь из Польши наместника Самойла Жротовского и от иных многих «начальных белоцерковских людей». Согласно им, с Ю. Хмельницким оставалось и вовсе лишь 80 человек из татар, «которым шубы даны»²³. Цифра в 80 татар вызывает сомнение, скорее всего речь может идти о наемных татарских всадниках самого гетмана, которым Хмельницкий в качестве платы выдал шубы, без учета отряда Батырчи. Тем более что вышедший в Козелец в начале декабря 1679 г. некий бывший невольник, который неделю жил в Немирове у конюшего Ю. Хмельницкого, сообщил киевскому полковнику К. Солонине, что видел там значительное число татар²⁴.

К концу года в Москве и Батурине получили ряд новых свидетельств о грядущем набеге крымцев. Бежавший из-под Перекопа и добравшийся до Батурина в конце ноября 1679 г. гадячский сотник Федор Донец, «которой прошлой зимы взят был в неволю под Остаповым» в ходе боя гетманских полков и отрядов генерал-майора Г. И. Косагова с крымскими татарами, поведал, что «сам видел в Крыму совершенную готовность к войне». Мурза, у которого Донец был в плену, уже «коней своих накормил и запасы кормовые в воинскую дорогу приготовил и все оные поганские орды в Крыму на подъем к войне готовы суть, толко ждут времени, чтоб реки замерзли»²⁵. Ему вторил вышедший из татарского плена украинский казак из Нежинского полка, взятый в плен в 1674 г. при разгроме турками Ладыжина и живший в Крыму. По его словам, хан Мурад-Гирей приказал «всем ордам готовитца на войну», откармливать коней и собирать провиант для похода «под малороссийские города», при том что «хлеба в Крыму довольно родится по третей год». Султан же, по слухам, в следующем году «всеми силами» пойдет

²³ М. Степанский, киевский сотник — киевскому полковнику К. Солонине. 4 декабря 1679 г. // Там же. Л. 242–244. Жротовский П. Деруну «тайно по любви своей сказал, чтоб он наскоро в Киев ехал и чтоб начальникам о том известил, дабы они в опасности пребывали», при том что белоцерковский комендант «накрепко» запретил любые контакты с Киевом, «а в Полшу повелевает толко нашим людям с товары» ездить. Киевляне хотели у него закупить мед, но получили отказ.

²⁴ К. Солонина — И. Самойловичу. 6 декабря 1679 г. Козелец // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 361. Л. 1. Перевод см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 237–238.

²⁵ Грамота И. Самойловича на царское имя. 24 ноября 1679 г. Батурин // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 51–53. См. также: *Яфрова М.Р.* Русско-османское противостояние... С. 467.

«доставать Киев»²⁶. Информацию об османских военных приготовлениях подтвердил и уже упоминавшийся Д. С. Скуратенков. Он сообщил, что турецкие войска, строившие крепости на Днестре, зимуют в Бабе (ныне г. Бабадаг, Румыния), куда для них свозят продовольствие. В начале весны оттуда должны были направить в недавно построенные днепровские укрепления 3 тыс. янычар, а основной удар османы планировали нанести на Киев²⁷.

В самом же начале декабря 1679 г. почти одновременно побывавшие в Кременчуге чигирин-дубровский сотник Семен Панкевич и посланец миргородского полковника П. Апостола М. Мартынов узнали от вышедших из Немирова пленников и выкупавших их купцов, что Ю. Хмельницкий послал гонца в Белгородскую орду²⁸ за подкреплениями и ждет прибытия якобы самого хана с крымским войском. С татарскими союзниками он собирался идти на Келеберду, Переволочну, Кременчуг и далее на Полтавский полк. Ходили слухи, совершенно, впрочем, неправдоподобные, что «и ляхи тут же купно с ними будут». Выкупавшие пленных торговые люди хотели задержаться в Немирове, но их друзья посоветовали им уходить, так как к городу скоро должна была подойти орда²⁹. От них же купцы узнали, что Хмельницкий для похода «нарочитых пушек и подвод под те изготовил» и двинется, как только к нему в подкрепление придут 20 тыс. янычар³⁰.

29 декабря 1679 г. в Батурин прибыл подьячий Никифор Кудрявцев, царский гонец в Турцию. Гетман И. Самойлович, учитывая собранную информацию о положении на Правобережье, решительно рекомендовал ему не ехать из Киева прямым путем на Белую Церковь и Немиров, «потому что слух ему, гетману, есть такой, выступил

²⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 232. О походе турок на Киев заявлял и еще один выходец из плена (также прибыл в Батурин 30 ноября 1679 г.) — Василий Дененченко, бывший в османском плену с 1672 г. См.: Там же. Л. 233.

²⁷ Там же. Л. 230–231.

²⁸ Автономное политическое образование ногайцев, располагавшееся в междуречье Дуная и Днестра; подчинялось крымским ханам.

²⁹ С. Панкевич, сотник Чигирин-Дубровы — сотнику камышанскому. 3 декабря 1679 г. Кременчуг // Там же. Л. 241; М. Мартынов — П. Е. Апостолу, миргородскому полковнику. [5 декабря 1679 г. Кременчуг] // Там же. Л. 268–270.

³⁰ М. Мартынов, кременчугский сотник Т. Савинов, атаман С. Пархоменко — П. Апостолу. 5 декабря 1679 г. Кременчуг // Там же. Л. 267–268. См. также: Там же. Л. 268–270.

хан с ордою и стоит у Перекопи, а куды хочет идти войною, того ему не доведомо, а в Немирове живет Юраска Хмельницкой и с ними, татары, ходит заодно, и того, он, Юраска, и усмотряет, чтоб где ково убить и ограбить». Самойлович боялся, чтобы «от него де, Юраска, в деле царского величества какой шкоды и мотчания не учинилось». В результате Кудрявцев и сопровождавший его посланник молдавского господаря И. Билевич объехали владения Хмельницкого с северной стороны³¹.

Ю. Хмельницкий и нападение татар на слободские города Белгородского разряда

В связи со становившимися известными военными планами крымских татар и Хмельницкого гетман Иван Самойлович просил русское правительство «поновить» царский указ, чтобы русские войска «как им належит на отпор неприятелем ставились» и «на пристойные места на порубежные съезжались». «Не надобно убо лехко почитать тех неприятельских намерений, сохрани Боже, когда они поспешат и застанут нас неготовых», — заключал гетман³². Он просил, чтобы высланные ранее в Переяслав дополнительные царские пехотные контингенты, о которых на Украине еще «и слуху нет», «поспешили», так как «зело есть надобно город Переяславль от наступления неприятельского укрепить»³³.

4 декабря в ответ на просьбы Самойловича последовал царский указ о подготовке к зимней кампании воеводского полка думного дьяка Ивана Петровича Лихарева (находился в Киеве), включавшего Сумский слободской полк, а также солдатские полки Новгородского разряда полковников Василия Шварца (Шварта) и Якова Лобзина (Ловзена) (по «подлинным вестям», эти силы могли быть усилены Ахтырским слободским полком). Это соединение должно было собраться в Сумах для прикрытия слободских городов Белгородского разряда, «не дожидаясь к себе иного государева указа». В Киев к воеводе князю Никите Семеновичу Урусову решили отправить грамоту

³¹ Статейный список Н. Кудрявцева // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 115 об. — 122.

³² Грамота И. Самойловича на царское имя. 24 ноября 1679 г. Батурин // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 53.

³³ Там же. Л. 54–55.

«о осторожности от тех неприятельских приходов» и готовности к «воинскому походу» его товарища, князя Д. А. Барятинского, с конницей и пехотой, чтобы не повторилась ситуация прошлого, 1679 г., когда татары беспрепятственно миновали Киев и взяли полон под Козельцом и в других местах. В Севск и Путивль велено было послать распоряжения «наскоро» готовить к боевым действиям стрелецкие приказы Новгородского полка под командованием стольника Бориса Леонтьева и «тотчас» выступать в Переяслав. Всех «начальных людей», которые «промыслом своим приехали к Москве ис Киева, ис Переяславля, из Нежина, из Чернигова» приказали «выслать с Москвы за приставы». 5 декабря отдельный указ был дан в Разряд о приведении в боевую готовность войск Белгородского разряда И. Б. Милославского. Гетмана обо всем этом уведомили грамотой от 8 декабря (позднее еще раз от 19 декабря)³⁴.

И. П. Лихарев, двигаясь из Киева в Сумы, в декабре виделся с И. Самойловичем, который просил его ускорить марш. Сам гетман 21 декабря выслал с Нежинским полком и выборными казаками в Гадяч своего сына Семена. Тот должен был поддерживать с Лихаревым постоянный контакт. Узнав, что в двух прикомандированных к нему полках в строю едва 300 солдат, Самойлович просил добавить к этому контингенту еще хотя бы 1 тыс. чел. из Новгородского разряда. В Москву он сообщал, что Мурад-Гирей с ордой уже стоит на Каланчаке, готовясь к набегу на русско-украинское пограничье вместе с Хмельницким и белгородскими татарами³⁵. В Москве грамоту гетмана получили 1 января 1680 г. и уже 3 января приказали послать к Лихареву «в прибавку» из Севска 1 тыс. комарицких драгун с полковником и «начальными людьми», туда же воеводе В. А. Лопухину направили распоряжение быть с гетманом «в сходе» по его приказу в случае необходимости. В полку у Лопухина было указано быть двум солдатским полкам, а также детям боярским — «путивльцам» и «черниговцам» «конным и пешим всем по списку». Новому воеводе Белгородского разряда князю П. И. Хованскому предписывалось быть «в воинской готовности». Наконец,

³⁴ Запись царского указа от 4 декабря 1679 г. // Там же. Л. 57–60; две памяти в Разряд от 5 декабря // Там же. Л. 63–67; «отпуски» царских грамот И. Самойловичу от 8 и 19 декабря // Там же. Л. 184–189, 279–285.

³⁵ Грамота И. Самойловича на царское имя. 25 декабря 1679 г. Батулин // Там же. Л. 272–278.

двигавшемуся в Киев с полком новому воеводе И. С. Большому Хитрову следовало уведомить о своем прибытии в Севск Самойловича, и, если бы тот получил вести о приходе татар с Хмельницким, воевода должен был объединиться с гетманом и Лопухиным, чтобы выступить против неприятеля. В случае же отсутствия опасности Хитрову следовало продолжить свой путь в Киев и по прибытии туда «отпустить из города» кн. Д. А. Бярятинского, который должен был возглавить стрельцов Новгородского разряда (2262 чел.), базировавшихся в Переяславе³⁶.

14 января 1680 г. гетман Самойлович сообщал в Москву об отправке по царскому указу двух казаков-разведчиков в Молдавию с возвращавшимся туда посланником молдавского господаря И. Билевичем «для проводывания о замыслах турецкого салтана» — готовится ли он к войне на будущее лето или склоняется к миру. Характерно, что первый из казаков, проводив Билевича, должен был вернуться на Украину немедленно «с какою ни есть вестью», а второй — задержаться до праздника Св. Духа (в 1680 г. приходился на конец мая) «с подлинною самою ведомостью приехав, по которой ведали бы, куды подлинно похочет турецкой салтан войну свою обратити и с какими силами». Оба лазутчика были люди бывалые, которым «язык волоской и поступки тамошние за обычай». Содержалось в письме и упоминание о «враге безбожном Хмельниченке», который, по сведениям гетмана, по-прежнему готовился к походу на Левобережье «для народного разорения». В связи с этим Самойлович приказал старшине «загонять» людей в города³⁷.

Когда гетман писал это письмо, татарские отряды уже вплотную подошли к городам Белгородской черты. Гетманский сын Семен Самойлович сообщал отцу в письмах от 21 и 22 января, что «передовые орды по левую сторону близ реки Ворскла шед, разошлись под городами слободские, где они все села застали безопасны». А 22 января С. Самойлович получил весть из Котельвы: хан «пришед ис степи около Колонтаева и около Красного Кута сей и с той стороны реки Мерлы широким протяжением с ордами своими

³⁶ Запись царского указа от 3 января 1680 г. // Там же. Л. 295; Отпуск царской грамоты И. Самойловичу. 15 января 1680 г. // Там же. Л. 245 — 258 об.

³⁷ Грамота И. Самойловича на царское имя. 14 января 1680 г. Батурин // Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 1 — 4 об. Еще одна копия: Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 314–315.

растоновился»³⁸. Меры, предпринятые Москвой и Батуриным, оказались недостаточными: в Белгородском разряде в конце декабря только сменился воевода, сам полк находился в состоянии разбора и собраться по итогам царских указов от 5 декабря и 3 января не успел. Кн. П. И. Хованский выступил с бывшими под рукой силами к черте, но не спешил противодействовать разорению окрестных населенных пунктов. Ничего не смогли предпринять ни находившийся в Сумах И. П. Лихарев, ни стоявший в Гадяче гетманский сын С. Самойлович, которые в разгар набега не могли договориться, где должны «случаться» их войска — под Боромлей или под Лебединым. Крымцы, захватив более 3 тыс. человек пленных и разорив 18 слободских и иных белгородских городов, беспрепятственно отступили Муравским шляхом. Гетманщину набег в этот раз почти не затронул³⁹.

И. С. Большого Хитрово со стрелецким войском (3251 чел. в 8 приказах московских и смоленских стрельцов: П. Глебова, Л. Изединова, П. Давыдова, И. Логинова, А. Волжинского, Н. Мельгунова, И. Обруцкого, В. Чадуева) известия о набеге застали в Севске, где он 25 января получил письмо от И. Самойловича с просьбой выступать в Путивль как можно скорее. Вопреки настояниям гетмана, Хитрово не слишком торопился, поскольку следующую грамоту Самойловича он получил 1 февраля на том же месте. Гетман сообщил, что «хан крымской со всею ордою пошел в свою землю». После этих успокоительных известий войско Хитрово 3 февраля выступило в Новгород-Северский, куда прибыло через три дня, а затем двинулось далее, на Чернигов и на Киев⁴⁰.

В отличие от масштабного крымского набег, поход Ю. Хмельницкого на Левобережье, о подготовке которого (вербовка людей, снаряжение артиллерии, просьбы о подкреплении к турецко-татарским властям) столь подробно сообщали различные независимые друг от друга источники, ограничился нападением немировских татар

³⁸ Два письма С. Самойловича — И. Самойловичу. 21 и 22 января 1680 г. Гадяч // Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 10 — 12 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 10 — 12 об.; *Загоревский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 112–119; *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние... С. 466–472.

⁴⁰ Отписки И. С. Большого Хитрово за начало февраля // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 155. Л. 441–443, 473–477.

(несколько сот всадников) и небольшого отряда казаков на поселения на границах Киевского и Черниговского полков⁴¹. Сам «князь Украины» никуда не двинулся. Основных причин этого две. Во-первых, основной удар крымских татар был направлен на Белгородский полк, в том числе на слободские города, а не на Гетманскую Украину, которая должна была стать объектом нападения Хмельницкого. Последнему в этом случае было бы трудно рассчитывать на поддержку крымских отрядов. Во-вторых, сказалась слабость сил Хмельницкого, не получившего обещанной помощи от Белгородской орды и тем более от турок, на которых он так рассчитывал.

Слухи о «черкасской измене» в Стародубском полку

С не воплотившейся в жизнь угрозой похода Ю. Хмельницкого на Левобережную Украину оказались связаны два курьезных эпизода, которые вызвали конфликт между гетманом Самойловичем и воеводой Трубчевска Степаном Лихачевым.

13 января 1680 г. крестьяне дворцовой деревни Семцы Трубчевского уезда Левка Семенов и Мишка Юрасов приехали в расположенный недалеко Почеп «для хлебные продажи». При них якобы в с. Рогово (Почепский уезд) были пойманы двое лазутчиков Ю. Хмельницкого, при этом их третьему товарищу удалось бежать («а ростом де он велик, плешив, а платяя де на нем шуба да кафтан сермяжной новые»). Крестьяне приехали в Трубчевск и первым делом сообщили об этом С. Лихачеву. Тот, в свою очередь, написал почепскому сотнику Науму Ноздре и попросил сообщить подробности. Однако сотник отрицал, что указанный инцидент вообще имел место. Но когда Л. Семенов 18 января поехал в Рогово «для

⁴¹ Об этом И. Самойлович сообщал великому литовскому гетману М. Пацу предположительно в конце февраля 1680 г. Украинский гетман жаловался, что участвовавшие в нападении казаки были из г. Дымер, который контролировала Речь Посполитая и просил более не допускать их участия в подобных нападениях (*Мищик Ю.А. До історії ординського нападу на Слобожанщину 1680 р. // Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія. 1999. Т. 8. С. 213*). На дымерских казаков, которые ездят свободно в Киев, а потом доносят все, что разведали, «бусурманом и врагу Хмелниченку», Самойлович пожаловался в письме от 3 марта 1680 г. воеводе И. С. Большому Хитрово. Гетман просил запретить им въезд в Верхний и Нижний город, что воевода и исполнил. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 364. Л. 1 – 1 об. (подлинник письма); Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 7. Л. 189–195 (перевод и воеводская отписка).

проведывания вестей», местный казак Семен Пушной подтвердил поимку шпионов, которых в Почепе «пытали и вынели де у них у едного человека под правым коленом пришито к штаном письмо неведомо какое», отправив его в Стародуб, к тамошнему полковнику. Теперь С. Лихачев уже отправил грамоту самому гетману, требуя разъяснений⁴². Трудно сказать, насколько история с поимкой шпионов Хмельницкого в самом северном полку Гетманщины правдива, учитывая, что иных документов, которые могли бы дополнить вышеприведенные сведения, в архивном деле нет. Самойловича, несомненно, должно было раздражать попадание подобных вестей в руки московского воеводы, пока он сам не получил доскональной информации на этот счет. Об этом недвусмысленно свидетельствует новая попытка Лихачева проявить бдительность в отношении возможной «черкасской измены».

В январе 1680 г. гетман направил послание в Трубчевск с предупреждением о возможном приходе татар, так как хан отправил отряды «под малороссийские великого государя и украинные русские города». Воевода, получив это известие, 27 января сообщал гетману о приходе в город выходцев из крымского плена, среди которых была некая Татьяна Семенова. Она рассказала, как, проезжая через малороссийские местечки и села, слышала «от многих людей, что черкасы великому государю изменили и Серика (И. Серко. — К. К.) к себе приняли, и Юраску Хмельниченку», собираясь убить Ивана Самойловича, как только он выедет из Батурина. Когда она жила неделю в Стародубе, то якобы своими глазами видела, как туда 16 января приехали «две хоронги людей» — около 200 всадников. Т. Семенова не поняла, были ли это татары или «черкасы», так как «они все образом черны и были де они в Стародубе с час, били по рукам с полковником стародубским и со всею стародубскою старшиною». Отобедав у полковника, неизвестные уехали, а от казака Ильи Гугнивого, на дворе которого она остановилась, да от челядницы Маньки Т. Семенова узнала, что это были посланцы Хмельницкого, и «черкасы де поддались ему, Юраску». Семенову трубчевский воевода послал в Москву, а гетману сообщил ее показания⁴³.

⁴² С. Лихачев — И. Самойловичу. 20 января 1680 г. Трубчевск // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 114–118.

⁴³ Там же. Л. 88–91.

Это известие вызвало возмущение И. Самойловича. В грамоте на имя царя от 12 февраля 1680 г. гетман жаловался, что, когда к нему в Батурин двинулись Черниговский и Стародубский полки, «между некоторыми московскими людьми учинился безмерной ропот», особенно из-за трубчевского воеводы С. Лихачева, который в послании гетману написал «плевелы», будто бы стародубцы «клятвопреступному ростриге Хмельниченку здалися и людей от него в тот город приняли». Самойлович подчеркивал, что это обман, который «неведомо каковым вымыслом вымышлен есть». «Каковым пороком стародубский полковник и вся старшина паче веры своя изнапаствованны будучи, кровавыми слезами, хотяще в том оправдितися, предо мною плакали», — писал он, с горечью констатируя, что «зде у нас один неприятельской лазутчик не плохо утаитися [не] может, а воевода трубчевской дерзнул тому верити... что будто купами неприятельские люди от врага Хмельниченка в Стародуб введены». Гетман просил, чтобы воевода «такowymi вымышленными непригожими напастьми моего регименту людей верных ваших великого государя работников не бесчестил» и не переставал удивляться, «что он, воевода, дерзнул таковым безделным словом верити» и «несмысленно явно уверил лжи»⁴⁴. Несмотря на всю анекдотичность ситуации, видно, что И. Самойловича приводили в крайнее недовольство любые намеки на возможность проявления хотя бы частичной лояльности Ю. Хмельницкому со стороны жителей его «регимента».

Надежды Ю. Хмельницкого на летнюю военную кампанию и первые известия о его скорой отставке

Неспособность Хмельницкого организовать хоть какое-то войско и вести военные действия синхронно с крымцами вызывала толки о его скорой отставке, подпитывавшиеся к тому же слухами о невероятной жестокости «князя». Где-то в конце 1679 г. во Львов прибыл по торговым делам «старший райца» (член городского совета) Киева Гордей Милцов. Здесь он встретился с бывшим подстаростой г. Немирова Стефаном Куницким, который передал ему письмо для киевского воеводы И.С. Большого Хитрово. Послание было подано

⁴⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 290–292.

торговцем в киевскую разрядную избу 26 марта 1680 г.⁴⁵ Куницкий сообщал различные слухи из Турции и Крыма, а также известия о Ю. Хмельницком — «антихристе» и «князе адском». Последнего, по его словам, турки хотят из Немирова «свести и паки его завести в Едыкулу, откуда себе и руское княжество выдумал, а иного тамо наставить имеют, а то тое ради причины, что о всем его безчеловечне мучительстве, о безчинствах и о глупости проводали, понеже з живых людей велит кожу мешком снимать и головы рубить, носы резать и в яме закапывать без всякие вины». Османские власти «тому всему зело удивляясь, говорят, что тот человек не населит нам земли, но паче разорит, яко уж в Немирове на мале обретается людей»⁴⁶. Известие Куницкого — первая однозначно датированная информация, касающаяся возможной отставки Хмельницкого из-за его жестокостей и неумения управлять вверенным краем. Впоследствии подобные слухи циркулировали еще не раз, с особой силой проявившись летом 1680 г.

С исходом зимы перед «князем Украины» встали два важных вопроса: обеспечение себе дальнейшей военной поддержки со стороны хана Мурад-Гирея и подготовка к летней военной кампании. К началу февраля 1680 г., как писал Хмельницкий, командующий ханским отрядом в Немирове Батырча-мурза, «mając w tęsknoci sobie tak długie pomieszkание pszy nas» («имея тоску о том, что долго мешкает при нас»), возвратился домой, оставив при гетмане отряд в 500 татар во главе со своим братом. Отъезд Батырчи не означал очередную ротацию татарского контингента в Немирове. Вместе с двинувшимся в Крым татарским предводителем Хмельницкий отправил своих послов с письмом к ханскому визирю Ахмед-аге. Расточая комплименты визирю и Батырче-мурзе как надежному и в военных делах искусному человеку, «князь Украины» просил Ахмеда-агу выхлопотать для него у хана Мурад-Гирея два фирмана. Первый предназначался тому ордынскому отряду, который оставался при Хмельницком, чтобы он не смел оставлять Немиров без соответствующей замены (судя по всему, у «князя» были опасения, что с отъездом Батырчи татары начнут дезертировать), второй — некоему Эль-аге, видимо,

⁴⁵ Отписка воеводы И. С. Большого Хитрово. 26 марта 1680 г. Киев // Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 7. Л. 298. Милцов заявлял, что выехал из Киева в Польшу около 20 недель тому назад.

⁴⁶ С. Куницкий — И. С. Большому Хитрово. Б.д. [Львов] // Там же. Л. 300–302.

в Белгородскую орду, чтобы он высылал «князю» помощь по первому его требованию⁴⁷. По словам допрошенных 6 апреля в Малороссийском приказе двух турецких пленников из Очакова, пойманных полтавским «ватажником» Юско Куликом и его товарищами в ходе набега под город в феврале 1680 г., при Хмельницком в Немирове находилось около 400 чел. «белгородцкой орды», которая там зимовала, «а вновь к нему ис Крыму еще орда не бывала»⁴⁸.

В конце марта 1680 г. приехавшие в Москву посланцы И. Самойловича во главе с Федором Герасимовым доставили пленного «черного татарина» Тангивердику (в другом месте: Анкгирвердинка) Увастова из Белгородской орды (из-под Измаила). 5 месяцев назад их отряд в количестве 500 чел. прибыл к Хмельницкому, начальником у них был крымский мурза Дивий Мансуров. Около трех недель назад (то есть в начале февраля) Мансуров послал татарский отряд в 100 чел. во главе с неким Канджабаем «для языков и добычи». Разведчики, не доходя 30 верст до Киева, захватили «в лесу» (по свидетельству Самойловича — в хуторах около Межигорского монастыря) значительное число «черкас» (от 30 до 100 чел. по разным данным), однако на обратном пути в 10 верстах от Белой Церкви их настиг казачий отряд (350 чел.) компанейского гетманского надворного сотника Курило (Кирилл Дмуховский) из Козельца, который разгромил татар и отбил весь полон («розных чинов чернцов и попов, и русских людей, и казаков»)⁴⁹.

Татарин сообщил, что Хмельницкий получил от султана письмо с требованием составить описание дорог на Киев с указанием рек и переправ, у последних следовало подготовить лес для мостов. Все эти требования были связаны якобы с подготовкой похода османской

⁴⁷ См. Приложение, документ № 1. Подлинник письма доставил в Москву в апреле 1680 г. черниговский полковой писарь И. И. Скоропадский, который добыл его в Крыму, куда ездил с дипломатической миссией. См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 18, 31.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 3, 10, 12.

⁴⁹ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 92–96 (допрос татарина), 119–120 (допрос казаков), 129–136 (грамота Самойловича на царское имя от 18 марта 1680 г. из Батурина). Еще одну копию этих документов частично сохранившихся, см.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 1 — 1 об. (окончание грамоты Самойловича), 1 об. — 4 (допрос татарина). Материалы допроса татарина и доставивших его казаков, а также пересказ гетманом их показаний, данных ранее, в целом совпадают, различаясь в отдельных деталях.

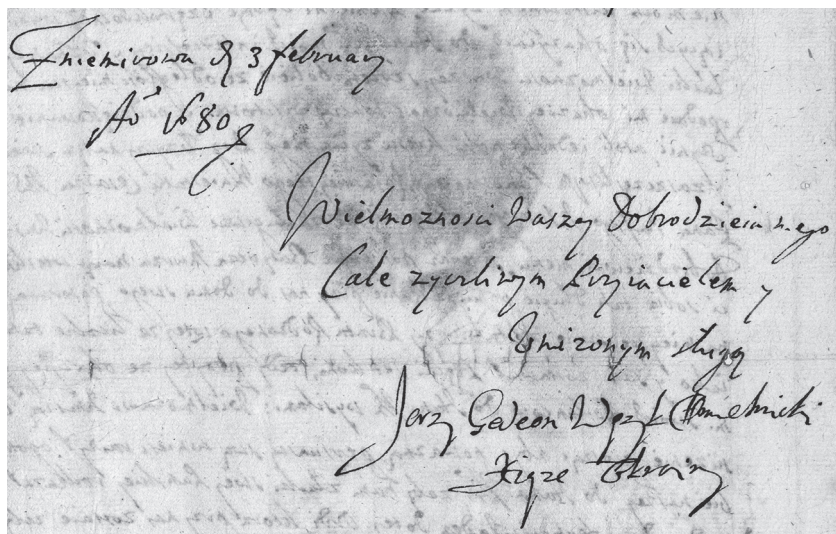

Рис. 1. Собственноручная подпись Ю. Хмельницкого на письме ханскому визирю Ахмед-аге (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 3. Л. 2 об.)

армии на Киев на день св. Георгия (23 апреля), чтобы «посадить» там Ю. Хмельницкого (тогда все левобережные полки «при Киеве будут») однако о выступлении турецких войск пленник не слышал, а только лишь о постройке моста через Днестр под Сорокой. По его сведениям, общее число Белгородской орды при «князе» Украины насчитывало 500 чел., янычар — 80 чел., казаков — 200 чел.⁵⁰ Доставившие пленника казаки во главе с Ф. Герасимовым говорили о 500 чел. «орды», 200 чел. «черемисов» (татар-липков), 100 чел. казаков и таком же числе янычар, а также настаивали на том, что турецкие войска через Дунай «переправливаютца беспрестанно» (якобы уже переправились три паши и сам визирь с войсками), приказав «волохам» через Днестр «и иные малые речки делать мосты». Основная масса османских войск должна была выступить на Киев на день св. Георгия (как указывал и татарский пленник)⁵¹. Гетман Самойлович в целом

⁵⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 92–96; Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 6. Л. 1 об. — 4. См. также: Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние... С. 472, 479–480.

⁵¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 120–121. См. также: Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние... С. 480.

с доверием относился к этим сведениям, полагая, что османы могут выступить даже раньше дня св. Георгия и прийти под Киев к Пасхе⁵².

Взятие турками Киева имело для Хмельницкого особое значение, поскольку было связано с его планами укрепления своего политического влияния на всей Украине. Еще летом 1678 г., вскоре после падения Чигирина, он хвастливо говорил взятому в плен в Каневе казаку Федору Яковенко: «Как Чигирин не могли силы царского величества оборонить, так и Киева не оборонят, понеже совершенно салтан турецкой силами своими доставать его хочет»⁵³. При этом сам Хмельницкий сообщал в марте 1680 г. «по секрету» коменданту Белой Церкви (возможно в целях дезинформации), что турки собираются идти не под Киев, а на Канев, где планируют построить мост⁵⁴. Сама Белая Церковь — опора польского влияния в регионе, была также для Хмельницкого желанной целью. В конце февраля 1680 г. И. Самойлович сообщал гетману М. К. Пацу о словах ордынских языков, что именно Хмельницкий — главный подстрекатель турок к активизации их действий на Украине и планирует в будущее лето их руками отобрать Белую Церковь у Польши⁵⁵. Эти известия были весьма правдивыми.

Именно в феврале 1680 г. Хмельницкий направил в Белую Церковь два послания. Оба они, как и послание от сентября 1679 г., были выдержаны в оскорбительно-насмешливом тоне, демонстрируя, с одной стороны, образованность и чувство юмора автора, с другой — экзальтацию Хмельницкого, одержимость собственным величием и неспособность реалистично оценить свое положение. В первом послании Хмельницкий на полном серьезе давал подробные распоряжения наместнику коменданта Белой Церкви касательно его встречи в городе, недвусмысленно намекая на скорую передачу города османам. «Князь» приказывал приготовить ему «дом теплый, спокойный и удобный», а если таковой в городе не сыщется — немедленно построить, чтобы он был готов к весне. Во втором послании внешнеполитические горизонты Хмельницкого значительно расширились — теперь

⁵² Грамота Самойловича на царское имя от 18 марта 1680 г. Батурин // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 129–136.

⁵³ Там же. Л. 101–102.

⁵⁴ Archiwum Państwowe w Toruniu. Akta miasta Torunia (Далее — АРТ. АМТ). Katalog II. Sygnatura XIV-39. К. 34.

⁵⁵ Мицик Ю. А. До історії ординського нападу... С. 213.

он как «сосед» и «друг» решил дать «добрый совет» самому польскому королю в надежде на будущие мир и согласие между Речью Посполитой и Правобережным гетманством: чтобы Ян Собеский не только не преследовал христиан в Белой Церкви (видимо, речь о православных), но и «со всем польским народом убирался за Вислу, чтобы выветрился из Руси с ветром, пылью и дымом словно плевел и шелуха от пшеницы». Хмельницкий грозил «неверным ляхам», что прополет им старый путь мотыгой, о которой в Польше еще не забыли (здесь подразумевался «путь», указанный полякам во времена восстания Б. Хмельницкого; под мотыгой, возможно, понималась казацкая сабля) и призывал их седлать коней, не ожидая, пока засвистит казак⁵⁶. Уместно отметить, что подобная похвальба казацкой силой исходила от предводителя, при котором численность собственно казаков была мизерной и постоянно снижалась (от семисот до трехсот, двухсот или даже ста), а вся власть его держалась на также весьма немногочисленных саблях белгородских и крымских татар. Тексты этих писем разошлись по Польше в рукописных копиях, их содержание попало в газеты, трубившие о неистовых речах «сумасшедшего» Хмельницкого⁵⁷, о них сообщал в Рим папский нунций Ф. Мартелли⁵⁸.

В феврале 1680 г. гетман Самойлович послал в Москву своего приближенного И. С. Мазепу с планом будущей военной кампании. Самойлович был уверен, что «поганские силы будучего лета придут под Киев, яко [свидетельствуют] иные подлинные ведомости о том от различных выходцов, которые ис турской земли к нам вышли, и от купецких людей, что оттуду на Украину приезжают, тако ж и от языков, которые нынешних времен побраны, что подлинно тот головный неприятель сам особою своею купно с ханом крымским имеет

⁵⁶ См. Приложение, документы № 2 и 3. На указанные послания Ю. Хмельницкого впервые обратил внимание польский историк из Торуня Казимеж Малишевский, который привел обширную цитату из второго письма (*Maliszewski K. Problematyka turecka w polskich gazetach pisanych w czasach panowania Jana III Sobieskiego // Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego / pod red. K. Matwijowskiego. Wrocław, 1984. S. 102–103*). Указанную публикацию использовал, в свою очередь, украинский историк Т. В. Чухлиб (*Чухлиб Т. В. Український князь... С. 145–146*).

⁵⁷ См., например: АРТ. АМТ. Katalog II. Sygnatura XIV-39. K. 35. Известия из Варшавы от 14 апреля 1680 г. (н. ст.).

⁵⁸ Польский нунций Ф. Мартелли в апреле 1680 г. сообщал, среди прочего, о требованиях Хмельницкого уступить «всю Русь до Вислы» («di tutta la Russia fino alla Vistola»). См.: *Litterae nuntiorum... Vol. 13. P. 209*.

быти на нынешнее лето войною под Киев»⁵⁹. Для обсуждения гетманских предложений и общего плана кампании в Москве 1 марта 1680 г. состоялся военный совет из представителей думных чинов. Кампания, учитывая обобщенные выше Самойловичем известия, в целом должна была носить оборонительный характер — основные царские силы и гетманские войска планировалось сосредоточить под Киевом для защиты города от возможного нападения османской армии⁶⁰. Единственным исключением стал предполагаемый план атаки, как и в 1679 г., на ставку Ю. Хмельницкого, предложенный И. С. Мазепой устно при докладе дякам в приказе. При этом он выразил опасения, чтобы удар на Немиров не привел к разрыву мира с Речью Посполитой⁶¹. В итоге дума приняла половинчатое решение: «Под Немиров о походе положить на гетманскую волю». Если бы Самойлович решил двинуть туда свои полки, ему должны были помочь отряды из русских гарнизонов Киева и Переяслава⁶². Нетрудно догадаться, что осторожный гетман и не подумал затевать никакого похода.

В марте 1680 г. из Переяслава по приказу Самойловича, получившего информацию о появлении татар под Киевом, вышел отряд переяславского полковника Войцы Сербина для разведки, поиска ордынских разъездов и захвата языков. Простояв три дня у Днепра из-за сильных ветров и волн на реке, Войца переправился на Правый берег, но татары к тому времени отошли. Казаки шесть дней устраивали засады и обследовали окрестности до Василькова и даже до Мотовиловки, «где дороги татарские сходятца», но никаких свежих следов противника не встретили. В выжженных пожарами степях нечем было кормить лошадей, и Войца Сербин вынужден был вернуться. Кроме того, правобережные пасечники («двоедушные», как язвительно обзывал их переяславский полковник) из Богуславля немедленно дали знать о появлении казачьего отряда коменданту Белой Церкви

⁵⁹ Инструкция И. Самойловича и старшины. 13 февраля 1680 г. // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 167–168.

⁶⁰ Черновая запись, составленная по ходу совещания, когда «по указу великого государя бояре в передней говорили». 1 марта 1680 г. // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 68–70. См. также: *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние... С. 473–479; *Кочегаров К. А.* Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // *Славянский альманах* 2010. М., 2011. С. 496–500.

⁶¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 82.

⁶² Там же. Л. 70, 82.

О. Э. Раппе, а тот, в свою очередь, сообщил обо всем Ю. Хмельницкому в Немиров. За «ведомость и приятство» «Ирод Хмелниченко» прислал Раппе в подарок «лошадь со всем убором». Войца Сербин сообщал Самойловичу, что сам «проклятой» Хмельницкий «уж вышел из Немирова в поле со всеми людьми войсковыми, что толко при нем обретаецца, о нас послышав, знать не почаял чего о себе и чтоб его корсунская победа не встретила»⁶³. Под «корсунской победой» острый на язык Войца Сербин, возможно, подразумевал отречение Хмельницкого на казацкой раде в начале 1663 г. и пострижение в монастырь, который, по некоторым данным, располагался в Корсуні. Пересылая это письмо в Москву, Самойлович заявлял, что якобы хотел направить отряд «нарочно» к Немирову «для поимания оно-го отступника веры христианские», однако теперь, узнав о «посылках» от царя «к хану и волоскому господарю для миру», гетман решил «удержатися с посылкою в нынешнее время туды войска», чтобы тем самым мирным переговорам «помешки... не учинилось». Впрочем, Самойлович признавал, что расположившегося «негде от Немирова с татарами в степи» Хмельницкого трудно будет заставить врасплох, а больше пострадает немногочисленное население Немирова: «Тогда невинные люди понудилися б от войска прийти до последнего разорения, а ему б (Хмельницкому. — К. К.) невозможно что в степи учинити, понеже есть ли малую часть войска, услышав, уступил из Немирова, колми паче о великих уведомився, не досиживал бы»⁶⁴. Излагая в письме руководителю Посольского приказа думному дьяку Л. Иванову свои опасения по поводу ведущихся переговоров о перемирии между Запорожской Сечью и Крымским ханством, Самойлович одновременно сообщал слухи, гулявшие «меж посполитыми людьми». Согласно им, якобы кошевой Запорожской Сечи И. Серко, хан Мурад-Гирей и Ю. Хмельницкий заключили союз и Серко собирается идти «на Русь в помощь будто к Хмельницкому проклятому и ордам»⁶⁵.

28 марта 1680 г. в киевской разрядной избе перед воеводой И. С. Большим Хитрово был допрошен житель местечка Яблонова

⁶³ Войца Сербин — И. Самойловичу. 25 марта 1680 г. Переяслав // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 10. Л. 44–47.

⁶⁴ Грамота И. Самойловича на царское имя. 2 апреля 1680 г. Батурин // Там же. Л. 16–17.

⁶⁵ И. Самойлович — Л. Иванову. 4 апреля 1680 г. Батурин // Там же. Л. 63.

(территория Лубенского полка) Данилка Миронов, захваченный во время татарского набега в начале 1679 г. и сбежавший из Константинополя в июле того же года. Возвращаясь домой, в начале марта он посетил Немиров, где находился Хмельницкий, при котором беглец насчитал 100 белгородских татар (речь о наемных татарах самого «князя»), 70 казаков, 50 сейменов (янычар?), 120 польских драгун. От «Андрюшки», конюшего правобережного гетмана, Д. Миронов услышал, что «конечно турецкой салтан со всеми турецкими войски нынешней весны после светлова Христова Воскресения будет под Киев к Троицыну дни». Миронов стал свидетелем возвращения посланца Хмельницкого от султана, который привез правобережному гетману пожалованные Мехмедом IV бунчук и булаву, что должно было вдохнуть в приунывшего «князя» надежды на дальнейшую османскую поддержку. Посланец также подтвердил намерение турок атаковать Киев⁶⁶, хотя все это, несомненно, было воинственной пропагандой, призванной посеять панику на Левобережье.

В ответ на османское посольство Хмельницкий, судя по всему, направил к султанскому двору свою миссию. Ее прибытие в Константинополь 22 апреля отметил в своем статейном списке находившийся там русский гонец Н. Кудрявцев. Возглавлял посольство казак Семен Гречка⁶⁷, которого сопровождал племянник Хмельницкого — Василий Выговский, присланный в Турцию «для науки». В. Выговский, судя по всему, был сыном Данилы Выговского (брата гетмана И. Выговского), женатого на Екатерине, сестре Ю. Хмельницкого. Гречка сообщил османской стороне, что «царского величества многое войско пришло и стоит около Киева и хотят итить под Немиров и ево взять, а взяв, итить на Крым, и ему де, Юраску, одному от такового великого войска не усидеть». От имени своего господина Гречка просил, чтобы султан «прислал на помочь войска или денег, а он де теми денгами учнет к себе призывать казаков». При султанском дворе, если верить

⁶⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 7. Л. 282–285.

⁶⁷ В статейном списке имя Гречки не упомянуто, но это, несомненно, тот же человек, который в январе 1678 г. прибыл в составе посольства от кошевого Запорожской Сечи Ивана Серко к Ю. Хмельницкому. С. Гречка перешел на службу к «князю Украины» и уже в феврале был послан Хмельницким в посольстве к султану с просьбой об освобождении из турецкого плена запорожских казаков (Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / под ред. Н. И. Костомарова. Т. 13. 1677–1678. СПб., 1884. Стб. 579, 517).

Кудрявцеву, письма Хмельницкого произвели переполох («у турков опасение было великое»), было отдано распоряжение стягивать новые силы к Дунаю в дополнение к уже находившимся там контингентам.

О посольстве Гречки рассказал Кудрявцеву иеромонах Чудова монастыря Тимофей (был прислан в Константинополь келарем монастыря Саввой еще в 1662 г.), которому эти новости сообщил «Юрасков казак, которой от него сидит в разедентах». Впрочем, посетивший Кудрявцева спустя несколько дней сипах⁶⁸ Абраим сообщил, что в текущем году османское войско никуда не двинется, «только де что велено ратным людям збиратца в Баби возле Дунай и собрався, стоять для бережения». Турок сообщил и о планах султанского двора «строить место вновь на реке на Аксе, по словенскому языку на Боге-реке, где преж сего бывало местечко Чапчаклия, пониже Лодыжина к Очакову блиско». 29 марта в Черное море отплыли десять каторг с янычарами и «со всяким городовым запасом, с лопаты и с кирками и з заступы» для строительства упомянутой крепости. Из Бабы к ним на помощь по суше должны были выдвинуться дополнительные силы⁶⁹.

Слухи о возможном нападении татар на Левобережье в апреле — мае 1680 г. широко циркулировали и в Польше, тогда как появления крупных турецких войск польский резидент в Стамбуле «не обещал». Рукописные газеты сообщали, что крымский хан с войсками вскоре двинется либо за Днепр, либо к Хмельницкому, и последний уже на всякий случай приказал селянам из своих имений спалить «халупы» и стягиваться в Немиров, чтобы не попасть в ясырь. Чуть позднее появились вести, приписывавшиеся белоцерковскому коменданту, что белгородские татары, выгнавшие лошадей к Южному Бугу для выпаса, все же ждут орду и турок на Запорожье и под Киев, где уже было замечено двести татар⁷⁰. В середине апреля 1680 г. к Хмельницкому по его просьбе было прислано

⁶⁸ Сипах — воин, служивший в кавалерии за земельный надел.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 144 об., 154 об. — 157. Обо всем этом Н. Кудрявцев сообщил в своей отписке в Москву и отдельно — кн. В. В. Голицыну (Там же. Л. 160 — 161 об.). Ее содержание см.: Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вифлиофика... изданная Н. Новиковым. Изд. 2-е. Ч. 17. М., 1791. С. 316–317. См. также: *Яфарова М. Р.* Русско-османское противостояние... С. 482.

⁷⁰ АРТ. АМТ. Katalog II. Sygnatura XIV-39. K. 35v–36.

подкрепление 400 чел. татар Белгородской орды под начальством крымского мурзы Темир-Казы⁷¹. А в конце весны — начале лета для поддержки Ю. Хмельницкого «прежним татаром на перемену» прибыл некий Джанибек-ага с отрядом в 500 всадников⁷². Скорее всего, татары Джанибек-аги были основным контингентом, который регулярно ротировался, а отряд мурзы Темир-Казы — дополнительным подкреплением.

Гетман Самойлович, особенно после зимнего татарского набега, воспринимал слухи о турецко-татарских военных приготовлениях весьма серьезно и постоянно предпринимал усилия по активизации разведывательной деятельности о намерениях противника. Для поездки в Молдавию, «к дунайскому мосту», им был специально нанят Гордей Сербин, бывший уманский купец, а ныне нежинский «житель». Лазутчик двинулся в путь на пятой неделе великого поста (в конце марта). В Яссы купец прибыл на Фоминой неделе (18–25 апреля), где прожил более недели, собирая информацию. Он не обнаружил никаких крупных османских соединений, лишь несколько тысяч янычар, двигавшихся к Каменцу-Подольскому. Сербин посетил Рени, далее по Дунаю добрался до Исакчи и Измаила, «проведывая будто о полоняниках», но крупных сил вновь не обнаружил. В Исакче, «близко мосту дунайского», стояло «войско турецкое» Кара-Мехмед паши (около 6 тыс. чел.), к которому позднее подошли еще отряды Сейди-Уллу паши, увеличив численность войск до 17 тыс. чел. Гордей Сербин наведалься даже в османский военный лагерь и поговорил с сипахами, которые заверили его, что «уж болши турецкого войска к дунайскому мосту не будет». Первоначально турки были взбудоражены слухами о союзном русско-польском войске, будто бы осадившем Каменец-Подольский, но затем, когда «та ведомость переменялась, тогда уж войско турецкое никуды не пойдет

⁷¹ «Роспросные речи» белгородского татарина Доина. 14 июля 1680 г. Глухов // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 265. Возможно, что на «шлях» этого ордынского отряда наткнулись лазутчики полковника И. Новицкого, посланные им к Тегине и к Днестру весной 1680 г. Полковник сообщал об этом гетману Самойловичу в письме от 9 июня 1680 г., оценивая численность татар в 1 тыс. чел. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 373. Л. 1.

⁷² «Роспросные речи» пленного татарина К. Б. Булгакова // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 2, 16. Белгородский татарин Кенджебай Буракайко Булгаков, доставленный в начале октября 1680 г. в Москву, сообщил об этом событии как о произошедшем «тому ныне месяца с четьре назад».

за Дунай, а под Киев итить и не думают, ибо надобно де большие войска под Киев». При этом сипахи предупредили купца, что «на будущей год салтан турецкой все силы свои готовит, но и мы де не ведаем, под Киев ли, или на ляхов пойдет». Эти известия лазутчику лично подтвердил в начале июня молдавский господарь Г. Дука, с которым Гордею удалось встретиться в Яссах на обратном пути: «Турки сего лета никакой к войне не имеют готовности и не будет им никуды походу», а войска к Дунайскому мосту стянули «для обороны своей земли» из-за Ю. Хмельницкого, который «писал многожды из Немирова... возвещая салтану турецкому, будто конечно войска московские и казацкие с поляки всеми силами идут под Каменец». У турок якобы «великая... учинилась тревога», успокоить которую удалось самому Дуке, который сообщил султанскому двору, «что нет от войск христианских никакова наступления»⁷³.

Сам господарь в июне 1680 г. сообщал гетману И. Самойловичу (через посредство войскового товарища⁷⁴ Андрея Турбановича, проводжавшего до Молдавии русского гонца Н. Кудрявцева) несколько иные сведения, не противоречившие, впрочем, в главном той информации, что собрал Г. Сербин.

По сведениям Г. Дуки, ко дню св. Георгия (23 апреля) к Дунаю пришли османские войска — 25 тыс. конницы и пехоты под командованием 18 пашей. Вплоть до отъезда из Ясс А. Турбановича «стояли те войска у Дуная у мосту», часть из них во главе с Кара-Мехмедом пашой и другими пятью пашами должны были идти к Каменцу-Подольскому «с поляки ставить границу», тогда как Халил-паша с одиннадцатью пашами «пойдет к Днепру строить на низу городки на устье Богу реки на Андреевскому острове два городка». «А под Киев и х Кодаку и на Запороже турецкие войска ныне не будут, для того, что ратные люди великого государя у Днепра», — сообщал войсковой товарищ. Более того, у турок ходили слухи, что «великого государя ратных людей великое собрание и того они боясь, пушки и всякие хлебные и съесные запасы посылают в Каменец-Подольской, опасаятца того, чтоб пришед великого государя ратные люди под Каменец-Подольской, ево не взяли». В этих условиях османским

⁷³ «Роспросные речи» Гордея Сербина. 16 июля 1680 г. Глухов // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 256–264.

⁷⁴ Почетное звание в Войске Запорожском, которое присваивалось за военными административными заслугами.

командованием было решено выслать с Кара-Мехмедом пашой отряды белгородских татар, которые должны были «оберегать около Немирова Юраска Хмельницкого», в помощь которому должны были прийти и крымцы во главе с неким «султаном». Сам же Хмельницкий находился в указанное время (июнь) в Немирове с весьма скромными силами: «Казаков и орды при нем малое число», 50 человек сейменов (наемные стрелки) дезертировали и ушли к польскому королю. В связи с этим «князь Украины» «к турецкому салтану безпрестанно пишет о присылке к себе орды в помочь, опасаясь приходу к Немирову великого государя ратных людей». Вообще в Молдавии ходили слухи, что Ю. Хмельницкого «из Немирова вскоре возмут в турки, а на его место в Немирову прешлют некакова пашу»⁷⁵. Последняя информация широко циркулировала летом 1680 г. на Правобережье⁷⁶ и даже находила косвенное подтверждение в июльском донесении польского резидента в Стамбуле Самуэля Проского, сообщавшего, что Хмельницкий «nie mając czym, plotkami tylko o Polsce Porcie się zaszczycza, już ku niemu niechęć Porta bierze, i mówi że osoba jego nie warta tak wiele kosztów i kłopotu, co dla niego cierpi» («не имея ничего, может только сплетнями о Польше похвально, поэтому уже и Порте он надоед, и говорят там, что персона его не стоит забот и расходов, которые на него идут»)⁷⁷.

Вышедшие из плена козелецкие казаки Андрей Минченко и Иван Пошивенко (обменены 1 июля, прибыли в Батурин 10 августа 1680 г.), проезжая через Меджибож, были приняты тамошним османским беєм Мехмедом, который, по собранным казаками слухам, «с межибожского бейства имеет быти беєм в Немирове», поскольку великий визирь

⁷⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 23–25 («Роспросные речи» А. Турубановича); 25 – 28 об. (грамота гетмана на царское имя от 13 июня 1680 г.); 28 об. – 29 (письмо Г. Дуки И. Самойловичу от 25 апреля 1680 г.).

⁷⁶ Полковник И. Новицкий — И. Самойловичу. 9 июня 1680 г. «В табори з Мормизовой дуброви» // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 373. Л. 1 – 1 об. «А о Хмельницком тие ж в розних людей повести, которых по лесах и пасеках находили, так чули, же якобы паша меет прийти на месце Хмельницкого в Немеров, а его самого одголя спровадити».

⁷⁷ С. Проский — Яну III Собескому. 2 июля 1680 г. Стамбул // Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps. 1376. S. 482. К октябрю 1680 г. относится еще одно любопытное свидетельство С. Проского о Ю. Хмельницком, распространявшееся в рукописных газетах. В Турции ходили слухи, что у «князя» есть два агента при королевском дворе из знатной шляхты, которые доносят ему разную конфиденциальную информацию (АРТ. АМТ. Katalog II. Sygnatura XIV-39. K. 42).

Кара-Мустафа собирается «Хмелниченка из Немирова скинуть за его великое мучение, которое немилостиво над людьми исполняет». «О котором мучительстве Хмелниченкове, — сообщали Минченко и Пошивенко, — некакой жид донес к везиру жалобою, что того жиди жену и детей Хмелниченко замучил»⁷⁸. История с Оруном, еврейским торговцем невольницами, отраженная на страницах летописи С. Величко (см. об этом в начале статьи), получает, таким образом, документальное подтверждение, а весь набор известий о скором свержении Хмельницкого логично проистекал из резкого падения османской активности в регионе. Это заставляло «князя» нервничать и лихорадочно пытаться изобразить хоть какую-то военную деятельность.

Где-то в середине июня по приказу Хмельницкого 150 татар из отряда Темир-Казы-мурзы было направлено под Киев для захвата языка. Им удалось захватить «людей на полях» и скот у Новоселки, но под Белой Церковью разъезд был разгромлен казаками, потерял пленных и добычу, шестеро татар угодило в плен. Один из них, белгородский татарин Доин, был доставлен в Глухов к гетману Самойловичу. По словам пленника, «о Хмелниченке татарове худые слова говорят, так говорят, что на наше безпокойство сатана его дал, ради и не ради, с великою нужею трудами нашими всегда его оберегаем, а он ни возвышаетца, ни пропадает и не может никакою войною турецкою пропасть, да и на него ни кто не воюет, не можем де ни славы, ни добычи для него имети, для чего с великою печалию желают ему погибели». Нелюбовь татар к Хмельницкому, видимо, была причиной его нежелания появляться в стане своих союзников: «К мурзе меж орды Хмелниченко не ездит, — рассказывал Доин, — только что в деревни свои ездит, а с мурзою совет свой о промысле и обережении надобном чрез толмача имеет»⁷⁹.

Краh надежд на летнее наступление османов

Юрий Хмельницкий, который не смог укрепиться в Чигирине даже при турецко-крымской поддержке, чья «армия» едва достигала тысячи человек, был более других заинтересован в активизации

⁷⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 22. Л. 16.

⁷⁹ «Роспросные речи» белгородского татарина Доина. 14 июля 1680 г. Глухов // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 265–268.

османских сил на Украине и осуществлении вожделенного похода на Киев. Его отмена грозила «князю» утратой остатков власти и личной катастрофой, поэтому он и его советники, являлись, несомненно, главным источником распространения слухов о скором османско-татарском нашествии. Оно в итоге не состоялось; да и вообще никаких крупных военных событий на южном пограничье России и Правобережной Украине летом 1680 г. не произошло. В начале августа последовал указ распустить собравшиеся в районе Путивля царские войска⁸⁰.

Хмельницкий воспользовался известиями о роспуске царских войск, чтобы вновь побудить турок к активизации боевых действий. 13 сентября 1680 г. в Батурин к гетману прибыли русские послы стольник В. М. Тяпкин и дьяк Н. М. Зотов, направлявшиеся на мирные переговоры в Бахчисарай. Послы провели с гетманом подробные консультации относительно условий будущего русско-крымско-османского договора. 23 сентября Тяпкина посетил генеральный есаул Леонтий Полуботок, представивший ему казака, который недавно бежал со службы у Ю. Хмельницкого. Беглец сообщил, что «нынешним летом, как войска царского величества распустить велено, посылал ево Юраска в Царьгород с челядником своим к резиденту своему, а велел им известить, что войска царского величества в украинных городах никого не осталось, а распущены по домом, толко де малая часть оставлена в Киеве». Соответственно резидент Хмельницкого сообщил эту информацию великому визирю Кара-Мустафе, который якобы «зело обрадовался и говорил, пусть де так, что толко время от времени откладывают и безопасны будут, не начаючися их турецкого приходу, тогда де способнее им будет над Киевом промысл чинить и в войну ходить». К этому бывший слуга Хмельницкого добавил, что в Исаке на Дунае стоят 17 пашей с войсками «в наметах», а «с ними войска великие, собраны из далних стран», 6 пашей стоят «подле самого Царьгорода... со многим же войском»; все эти войска «конечно будут под Киев без всякого пременения и войсковые де всякие припасы, пушки и гранаты и прочее готовят безпрестанно и неоплошно»⁸¹.

Доходившие до Хмельницкого слухи о недовольстве Порты и намерении заменить его на османского пашу, возможно, заставили

⁸⁰ Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние... С. 481–489.

⁸¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 13. Л. 63, 81–82. См также: Там же. Кн. 62. Л. 24 об. — 25 об. (в книгу была переписана копия статейного списка В. М. Тяпкина).

опасавшегося за свое будущее «князя» начать секретные переговоры с гетманом Самойловичем о переходе под власть России. 9 июля 1680 г. Самойлович сообщил прибывшему к нему царскому посланцу, стольнику М. Н. Головину, что Хмельницкий писал к нему, «хотя все свои злые поступки оставить и быть в вечном подданстве у великого государя у его царского величества и под ево гетманским regimentом, толко опасаетца, и чтоб он, гетман, прислал кого знатного человека в чернеческом платье и с ним о всем отписал и наказал имянно». Самойлович приказал составить и отправить письмо Хмельницкому «имянем войскового товарища Ивана Мазепы, чтобы он Юраско безо всякого сумнения от такова зла обратился и был в подданстве у великого государя... и под его гетманским regimentом»⁸².

Продолжения эти переговоры, судя по всему, не получили. Более того, Ю. Хмельницкий решил активизировать свои действия в отношении Левобережной Украины, послав к Днепру крупный татарский отряд с генеральным есаулом Кириллом Самченко. На эти силы примерно в июле 1680 г. наткнулись шестьдесят запорожцев, которые, перезимовав в Польше и Белой Церкви, вернулись на Сечь, а затем к концу весны отправились на поиски татарских разъездов на Правобережье. Погромив мелкие татарские разъезды, рыскавшие в поисках ясыря как на Правобережье возле Корнина и Лучина (за Фастовым), Лобачева, Новоселки, так и на Левобережье (у Леплявого), запорожская ватага «ночною порою» наткнулась на крупные ордынские силы у самого Днепра, у «Пяти гор», которые «имели знаки — шесть хорогвей и бунчуков». «Татар великая была сила, — говорили запорожцы позднее в Батурине 6 августа, — того ради не только ничего не учинили, но одва и сами от них отбились». То, что это часть прибывших на помощь к Хмельницкому подкреплений, казакам сообщил казак-пасечник, живший под Тетиевом и часто бывавший в Немирове, где он видел «вновь прибылую орду», часть которой должна была идти под Киев, а часть «на Заднепріе для добычи»⁸³. Видимо, к этой орде относился и отряд из 400 татар, который прибыл в Белую Церковь в начале августа 1680 г. во главе с Казы-мурзой (он же, видимо Темир-Казы-мурза), которого белоцерковский комендант «подчивал».

⁸² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 527–528.

⁸³ «Роспросные речи» трех запорожцев во главе с Григорием Динченко. 6 августа 1680 г. Батурин // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 36 — 37 об.

Как рассказывал очевидец Стефан Куницкий, ордынский отряд намеревался стоять под городом до тех пор, пока им не выдадут соплеменников, захваченных ранее запорожцами. Чтобы избавиться от назойливых гостей, «крымцом» вернули пятерых пленных татар, которых ранее сечевые казаки доставили коменданту и белоцерковскому протопопу Семену Зарембе⁸⁴.

Захваченные запорожцами пленные татары сообщили, что турки все-таки сумели выполнить по крайней мере часть намечавшихся военных планов, о которых сообщал в Москву Н. Кудрявцев: османский отряд под командованием пяти пашей соорудил небольшую крепость «у Чапчаклия» (возможно, у впадения в Южный Буг р. Чапчаклы, совр. Чичеклея). Строительство прикрывал сын хана Мурад-Гирея крымским войском, расположившись в районе Немирова⁸⁵. Он во главе пятитысячной орды летом пришел на Буджак (крымцы «пришед, живностью и оброками велми белгородцом докучили»), а после окончания польско-турецкого разграничения якобы намеревался идти к Днепру, чтобы оттуда разослать «загоны на сю сторону Днепра, в державу его царского пресветлого величества»⁸⁶. Гетман И. Самойлович, узнав об этом, «Войска Запорожского конным и пехотным полком приказал стоять у Днепра в розных местех, а особно под Киевом для потребы достойной». Он полагал, что набег непременно состоится осенью или зимой, поскольку татары «нынешняго лета довольно отдохнули, а обычай у них — отдохнув, добычи искать». В связи с этим Самойлович просил прислать подкрепление в виде царских ратных людей Севского полка. Причем последний следовало привести в боевую готовность загодя, послав туда особого «региментаря» — генерала Франца Улфа, с которым гетман будет иметь «о воинских делех пересылку»⁸⁷.

⁸⁴ К. Солонина, киевский полковник — И. Самойловичу. 23 августа 1680 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 13–14.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 2. Л. 36 — 37 об. См. также: Там же. Д. 22. Л. 24. О планах османов построить в текущем году городок в устье Южного Буга сообщал Гордею Сербину, лазутчику гетмана Самойловича, молдавский господарь Г. Дука в начале июня 1680 г. (Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 261–262).

⁸⁶ «Роспросные речи» козелецких казаков А. Минченко и И. Пошивенко // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 22. Л. 15–16.

⁸⁷ Статьи с изложением просьб И. Самойловича к русскому правительству // Там же. Л. 17–18. См. также выписки из инструкции гетманскому посланцу в Москву В.Л. Кочубею. [Август 1680 г.] // Там же. Л. 26–27.

Рис. 2. Единственный известный на данный момент оттиск печати Ю. Хмельницкого на письме ханскому визирю Ахмед-аге (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 3. Л. 5 об.)

Рис. 3. Прорисовка сохранившихся элементов печати Ю. Хмельницкого на письме ханскому визирю Ахмед-аге

Хмельницкий очень надеялся на скорое завершение польско-османского размежевания границ, что должно было высвободить турецко-татарские силы для столь желанного им похода на Киев. Согласно известиям, циркулировавшим на Правобережье в конце августа — начале сентября, «князь Украины» даже приказал «готовитца своим казаком и росписи писать им». Войско его, правда, оставалось крайне немногочисленным. Так, в одном из подольских городов, контролировавшихся османами, — Летичеве («Латычов»), квартировало около 60 казаков Хмельницкого. На присланный к ним приказ от «князя» собираться в поход и увеличить численность отряда до 100 чел., казаки ответили, «что оружия не имеют». Хмельницкий якобы заявил, что «хотя з дубанами (так в тексте. — К.К.) да будем, оружие болши не имея»⁸⁸. Эти известия остаются единственным свидетельством проявления хоть какой-то активности войск османских вассалов на Украине в летнюю кампанию 1680 г. Они свидетельствуют о некотором увеличении численности татар при Хмельницком,

⁸⁸ Гавриил Александр Влодек — киевскому войту Жану Тадрыне и киевским бурмистрам. Полонное. 2 сентября 1680 г. // РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 20 об. — 21.

которое, впрочем, не могло быть значительным, учитывая периодическую ротацию их контингентов. Для Ю. Хмельницкого относительно спокойное лето 1680 г. означало, что реализация его планов по захвату Киева с помощью турецко-татарских сил и, по крайней мере, частичное подчинение Левобережья откладывается на неопределенный срок. С учетом шедших в Бахчисарае мирных переговоров России с Крымским ханством и Османской империи усиливались слухи о скорой отставке Хмельницкого, который оказался неспособен ни привлечь на свою сторону население Правобережной Украины, ни организовать хоть сколько-нибудь значительных военных акций осенью 1679 — летом 1680 г. В то же время широкую огласку получили жестокости турецкого ставленника по отношению к собственным подданным. Судьба Юрия Хмельницкого должна была решиться в ближайшие месяцы⁸⁹.

В Приложении публикуются наиважнейшие документы, касающиеся правления Ю. Хмельницкого на Правобережной Украине в 1680 г. Публикация документов осуществлена с учетом рекомендаций польских археографов⁹⁰. К документу № 1 прилагается современный ему перевод, выполненный в Посольском приказе (публикуется по современным рекомендациям⁹¹), переводы документов № 2 и 3 сделаны автором статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. 1680 г. февраля 3. Письмо Ю. Хмельницкого крымскому визирю Ахмед-аге

(Л. 2) Jaśnie wielmożny mści panie Ahmet aga hana jm., mój wielce mśc panie i dobrodzieju.

Zdrowia dobrego wielmożności waszej dobrodziejowi memu od pana najwyższego w niezamierzone lata uprzejmem sercem przy pokłonie moim

⁸⁹ Завершающую часть очерка с итоговыми выводами см.: Кочегаров К. А. Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 — весна 1681 г.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2 С. 12–46.

⁹⁰ Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI — do połowy XIX w. / przedm. K. Lepszy. Wrocław, 1953.

⁹¹ См.: Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде (2022) на сайте Федерального архивного агентства.

listownym życzę. Pamiętni będąc częstokrotnej w podających się okazjach do hana jm. moich intercessyj i uznanej łaski wielmożności waszej, sercem boleję, że odległość miejsca nie podają mi okazji wielmożność waszą visitować i podziękowanie czynić, atoli jednak póki kresu życia mego Bóg użyczy na tym świecie i za szczęśliwym panowaniem najaśniejszego majestatu cesarza jm., pana naszego m[i][o]ściwego, obliguję się zasługiwać wielmożności waszej, dobrodziejowi memu. A teraz ponieważ Batyrcza murza, mając w tęsknoci sobie tak długie pomieszkanie pszy nas do domu swego powraca, na miejsce swoje zostawiwszy brata rodzonego w teżę liczbie Tatar, jako i sam zostawał, pięciu set koni, tedy przy teżę okazji i mi swoich posłańców do hana jm. wysilami: wielmożność waszą uniżenie prosząc, abyś poważną perswasją swą wnieść raczył o potrzebie naszej do hana jm., żeby nam z łaski swej pańskiej rozkazał wydać dwa fermani: jeden do tej ordi, która przy nas zostaje, żeby do domów swoich nie ważyła się bez odmiani odjeżdżać, drugi do Jel-agi, co by tam jeśli tego potrzeba ukaże a swoich posłańców poszłem do onego, nie odmówił spotrzebe ordi dać, dla tego zawczasu o taki fermen prosim, że dalekość drogi czasu potrzebnemu nie mogło by bydz wygodą i usługi Najaśniejszej Porty musiało by się omieszkać. Batyrcza murza jeśli by zaś nie zechciał do nas na residentią powrócić tedy o przysłanie inszego statecznego i w rzeczach wojennych biegłego murzę prosim, nie inaczej jako Batyrcza murza oraz z nami do usług (л. 2 об.) Najaśniejszej Porty zostawał czułym, za co tak hanowi jm. mm. panu jako i wielmożności waszej uniżenie dziękujem i zawsze o takiego sprawnego człowieka proszę, abym otrzymał za intercessją wielmożności waszej od hana jm. na ten czas powolne usługi moje zalecam w łaskę wm. mm. pana zostając na zawsze.

Z Niemirowa d. 3 february a[nn]o 1680.

Wielmożności waszej dobrodzieja mego cale życzliwm przyjacielem i uniżonym służą Jerzy Gedeon Węzyk Chmielnicki, xiaże Ukrainy.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 3. Л. 2 — 2 об. Подлинник.
На обертке письма (л. 5 об.) надпись: Najwyższemu adze hana jm., memu wielce mść panu i dobrodziejowi oddać, *под ней помета:* 180 априля в 30 день переведен Степаном Чижинским. *Посередине оттиск круглой печати с надписью по краю:* [ПЕ]ЧАТ К[Н]ЯЖЕСТВ⁹²А МАЛО-РОССІЙСКОІ УКРАІНІ. *На рисунке печати частично сохранился*

⁹² Слово восстановлено условно, учитывая имеющееся в источнике описание печати (см. след. прим.), в оригинале оно могло быть написано сокращенно.

силуэт всадника (хвост, круп, ноги коня)⁹³. Диаметр оттиска 55 мм, ширина ободка с надписью 5 мм. Внизу листа помета: 1680 году от Юрья Гедеона Хометилского⁹⁴ к ханскому аге⁹⁵. Просит, чтоб хан для орды прислал два фермана.

Перевод, современный оригинальному тексту

(Л. 34) Перевод с полского писма с листа, каков писал Юраско Хмелнишкой к Агмет-аге, ханову⁹⁶.

Ясневелеможный милостивый господине Агмет-ага, хана его милости, мой зело милостивый господине и благодетелю.

Здравия доброго велеможности твоей, благодетелю моему от Господа высочайшаго в долгие лета желательным сердцем при поклонении моем листовном желаю. Памятуя о mnogой при случаях к хану, его милости моих нужд, милости твоей и заступлении о мне, сердцем болезную, что для дальности не имею времени к вельможности вашей приезжать и благодарение воздать. Но однако ж дондеже жития моего Бог мне даст на сем свете счастливым государствованием наяснейшаго престола цесаря, его милости, государя нашего милостивого, обещаюсь отслужити велеможности вашей, благодетелю моему. А ныне, понеже Батырша-мурза, имея тоску о том, что долго мешкает при нас, возвраща(л. 35)етца домой, а на свое место оставил родного брата с тем же числом татар, которые и при нем 500 коней было, при сем ж случае и мы своих посланцов к хану, его милости, посылаем, велможность вашу смиренно прося, дабы еси честным своим ходатайством изволил доложить о нужде нашей хану, его милости, чтоб нам по милости своей господской приказал два свои указы, один к той орде, что при нас есть, чтоб они не дерзнули без перемены до домов своих возвращаться, другой указ к Ел-аге, чтоб он нам, как нужно будет, и как чрез посланцы ведомо учиним ему, прислал к нам татар. Для того прежде

⁹³ Сохранилось описание этой печати на копии письма Ю. Хмельницкого — кошевому атаману И. Серко от 5 апреля 1677 г.: «У подлинного листа печать величиною в полтора ефимка. В кругу напечатано человек на коне с распростертою рукою; в руке булава: на голове у него корона, пред ним, выше головы лошадиной, яблоко со крестом. У лошади во лбу перье. Возле конного человека, у стремени, пешей человек с мушкетом. Кругом печати написаны слова: “Печать княжества Малоросийской Украины”» (АЮЗР. Т. 13. С. 108).

⁹⁴ Так в тексте, должно быть «Хмельницкого».

⁹⁵ Исправлено из «адзе».

⁹⁶ Т. е. визирю крымского хана.

времени такова ферману, то есть указу, просим, чтоб для дальнего пути во время нужды нам было угодно, и чтоб службе Наяснейшей Порты не омешкалось. Батырша-мурза естли б опять не похотел назад к нам возвратиться на резиденцию, тогда просим, чтоб прислать иного кого постоянного и в делах воинских (л. 36) мудрого мурзу, такова ж, каков был Батырша-мурза, чтоб тотчас с нами на службу Наяснейшей Порты готов был. Чесо ради тако хану, его милости, господину моему, яко и вельможности вашей смиренно челом бую и всегда такова мудра человека прошу, дабы я то одержал от хана, его милости, по ходатайству вельможности твоей. По сем ныне готовые службы мои вельможности твоей вручаю, пребывая всегда вельможности твоей, благодетелю моему, цело желательный приятель и нижайший слуга.

Юрья Геден Венжик Хмельницкий, князь украинской.

Из Немирова февраля в 3 день 1680-го году.

РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 34–36. Подлинник. Копию см.: Там же. Кн. 60. Л. 432 об. — 434.

№ 2. 1680 г. февраля 10. Письмо Ю. Хмельницкого наместнику коменданта Белой Церкви

(К. 33) Copia listu od Chmielnickiego do commendanta białocerkiewskiego de 10 february 1680 z Niemierowa.

Wyświadczonemu dobremu listownemu wmmmp. candorowi⁹⁷ i odzywaniu się ku nam z sąmsiecką⁹⁸ przyjaźnią, dawszy walor u siebie jako⁹⁹ (k. 33v.) dziękujemy, tak wzajemną tąż przyjaźnią naszą zawsze w podanych¹⁰⁰ okazjach i gotowiśmy nagradzać. Tylko tego u wmm. pana affektujemy, aby cale zostawała jako za antecessora wmmmp. z nami przemieskiwała¹⁰¹ tak, żeby w bliskości i oczewistego przywitania nasz samych w Białej Cerkwi uznała, lecz że sam jmp. pułkownik odjechał, a wmmmp. zostajesz na miejscu¹⁰² jego¹⁰³,

⁹⁷ Лат. candor — правдивость, искренность, ясность, точность.

⁹⁸ Так в рукописи.

⁹⁹ Слово повторяется в начале следующего листа.

¹⁰⁰ Словосочетание «w podanych» написано два раза, в конце строки и в начале следующей.

¹⁰¹ Так в рукописи, должно быть «przemieszkowała».

¹⁰² Так в рукописи, должно быть «miejscu».

¹⁰³ Комендантом Белой Церкви с 1673 г. был полковник О.Э. Раппе; в его отсутствие крепостью, возможно, заведовал его старший брат, майор К. Раппе.

tedy zdało mi się za rzec¹⁰⁴ słuszną oznajmić i to w m. panu, aby przyjazd nasz, dom ciepły, spokojny i wygodny, w mieście upatrzoney był, albo w gotowości takiego jakiego samemu w m. panu¹⁰⁵ świadomo nie masz, tedy pobudować rozkaż, aby do wiosny stanął, jakobyśmy za przy(jś)ciem¹⁰⁶, da Bóg, naszym, podziękowali w m. panu. Powtórnie po w m. panu affektujemy, gdysz nie omylnie spodziewajcie się nasz gości do Białej Cerkwi u siebie mieć po wiosnie. A nim to będzie, prosimy o częste pisanie do nas, przy tym Panu Bogu was porzucam etc.

Archiwum Państwowe w Toruniu. Akta miasta Torunia. Katalog II. Sygnatura XIV-39. K. 33–33v. Копия. Тот же текст на латыни: Ibid. K. 33.

Перевод

Копия письма от Хмельницкого белоцерковскому коменданту от 10 февраля 1680 г. из Немирова.

Благодарим за засвидетельствованную письменно от вашей милости, моего милостивого пана подлинную искренность и обращение к нам с соседской дружбой, что мы по достоинству оценили и взаимной дружбой нашей в случающихся оказиях готовы награждать. Только того желаем мы от вашей милости, милостивого пана, чтобы [дружба ваша] продолжалась с нами, как и при предшественнике вашей милости, милостивого пана, и чтобы [она] вскоре явно подтвердилась встречей нас самих в Белой Церкви. Поскольку сам полковник отъехал, а ваша милость, милостивый пан, остаешься на его месте, то показалось мне, что будет правильным объявить об этом и вашей милости, пану, чтобы к приезду нашему в городе был приготовлен теплый дом, спокойный и удобный. Если специально готового такого не имеешь, тогда прикажи построить, чтобы стоял к весне, и мы бы, после прибытия нашего туда, отблагодарили бы вашу милость, милостивого пана. Повторно этого желаем от вашей милости, милостивого пана, поскольку следует вам непременно ожидать меня гости к себе в Белую Церковь по весне. А прежде, чем это случится, просим часто писать к нам, а вас поручаем Господу Богу и проч.

¹⁰⁴ Так в рукописи, должно быть «rzecz».

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: «aby naprzyw».

¹⁰⁶ В рукописи «przyiciem».

**№ 3. 1680 г. февраля 20. Письмо Ю. Хмельницкого
коменданту Белой Церкви**

(К. 33 v.) Tenże 20 february z Niemirowa 1680.

Jako z królem jmcia panem n.¹⁰⁷ miłościwym, przyjacielem, sąsiadem naszym staram się i będę za Bożą pomocą, aby między nami pokój i zgoda się krzewiła, tak naprzód radę dobrą podaję, aby król jmc nie tylko nasz¹⁰⁸ w Białej Cerkwi¹⁰⁹ chrześcian nędznych nie tracił, ale żeby sam ze wszystkim narodem polskim za Wisłę ustępował, jako kąkol i plewa od przni-ce z wiatrem, z dymem y prochem z między Rusi wywiał się. Jakoś my toż mówili ze wszystkimi niewiernymi lachami, to na ten cas¹¹⁰ będzie dobrze, a inacej¹¹¹ przy wasz¹¹² pogaństwie i nam będzie źle, dla których utorowaną drogę przedlubywamy starą motyką, o której rozumiem, żeście jeszcze nie zapomnie¹¹³, aby wrzód polak okulbaczywszy konia, uciekł nie czekając, póki kozak gwiźnie. Przy tym was panu Bogu oddaję etc.

Archiwum Państwowe w Toruniu. Akta miasta Torunia. Katalog II. Sygnatura XIV-39. K. 33v. Копия. Тот же текст на латыни: Ibid. K. 33.

Перевод

Тот же 20 февраля 1680 г. из Немирова.

Поскольку с королем, его милостью, паном нашим милостивым, другом и соседом нашим стараюсь и буду, за Божей помощью, стараться, чтобы между нами укреплялись мир и согласие, то даю добрый совет, что был король, его милость, не только не преследовал несчастных христиан в Белой Церкви, но и сам со всем польским народом убирался за Вислу, чтобы выветрился из Руси с ветром, пылью и дымом словно плевал и шелуха от пшеницы. Так мы говорили ранее со всеми неверными ляхами, и сейчас это было бы хорошо, а иначе при вашем поганстве и нам будет плохо. А для вас уже проторенную дорогу пропололи мы старой мотыгой, о которой как я понимаю,

¹⁰⁷ Сокращено слово «naszym».

¹⁰⁸ Возможно слово не дописано, должно быть «naszych».

¹⁰⁹ В рукописи ошибочно «Cerki».

¹¹⁰ Так в рукописи, должно быть «czas».

¹¹¹ Так в рукописи, должно быть «inaczej».

¹¹² Возможно, слово не дописано, должно быть «waszym».

¹¹³ Возможно, слово не дописано, должно быть «zapomnieli».

вы еще не забыли, так, чтобы поляк, оседлав коня, бежал, не ожидая, пока засвистит казак. При этом поручаю вас Господу Богу и проч.

Источники

Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / под ред. Н. И. Костомарова. Т. 13. 1677–1678. СПб.: типография А. М. Котомина и К°, 1884. [4 с.] + 14 стб. + 766 стб. + 18 с.

Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Т. 2. Киев: Врем. комис. для разбора древ. актов, 1851. 612 + XVII с.

Записки о службе и награждении князя Василия Васильевича Голицына // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российских касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного российского собрания при Имп. московском университете. Изд. 2-е. Ч. 17. М.: типография Компании Типографической, 1791. С. 284–356.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Сношения России с Польшей; Ф. 89. Сношения России с Турцией; Ф. 123. Сношения России с Крымом; Ф. 124. Малороссийские дела; Ф. 229. Малороссийский приказ.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ). Т. 11. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. 774 с.

Archiwum Państwowe w Toruniu. Akta miasta Torunia. Katalog II. Sygnatura XIV-39.

Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rękopisy 177, 1376.

Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes (1550–1850). Vol. 13. 1675–1683 / collegit, paravit, adnotavit editionemque curavit Athanasius G. Welykyj. Romae: PP. Basiliani, 1969. 308 p.

Литература

Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 238 с.

Костомаров Н.И. Руина // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 15. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1882. 695 с.

Кочегаров К.А. Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах 2010. М.: Индрик, 2011. С. 489–504.

Кочегаров К.А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с.

Мицик Ю.А. До історії ординського нападу на Слобожанщину 1680 р. // Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія. 1999. Т. 8. С. 205–214.

Чухлиб Т.В. Український князь з козацького роду. Юрій Хмельницький. 1676–1681 // Чухлиб Т.В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ: Києво-Могилянська Академія, 2004. С. 135–148.

Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 583 с.

Dr. Antoni J. Książę Sarmacyi // Dr. Antoni J. Opowiadania historyczne. I. Lwów: Księgarnia Gubrynowicza i Schmidta, 1878. S. 73–120.

Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI — do połowy XIX w. / przedm. K. Lepszy. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1953. 65 s.

Kołodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994. 264 s.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1152 p.

Maliszewski K. Problematyka turecka w polskich gazetach pisanych w czasach panowania Jana III Sobieskiego // Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego / pod red. K. Matwijowskiego. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984. S. 97–109.

Rawita-Gawronski Fr. Ostatni Chmielniczenko (zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań: Ostoja, 1919. 171 s.

Wagner M. Stanisław Jabłonowski. Polityk i dowódca (1634–1702). T. 1. Siedlce: Wydaw. Uczelniane WSR-P, 1997. 240 s.

References

Chukhlyb T.V. Ukraïns'kyï kniaz' z kozats'koho rodu. Iuriï Khmel'nyts'kyï. 1676–1681. Chukhlyb T.V. *Het'many Pravoberezhnoi Ukraïny v istorii Tsentral'no-Skhidnoi Ievropy (1663–1713)*. Kyiv, Kyievo-Mohylians'ka Akademiia, 2004, pp. 135–148. (In Ukr.)

Dr. Antoni J. Książę Sarmacyi. Dr. Antoni J. *Opowiadania historyczne*. I. Lwów, Księgarnia Gubrynowicza i Schmidta, 1878, pp. 105–117. (In Pol.)

Iafarova M.R. *Russko-osmanskoje protivostoianije v 1677–1681 godov*. Moscow, Nauka, 2024, 567 p. (In Russ.)

Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI — do połowy XIX w. / przedm. K. Lepszy. Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1953, 65 p. (In Pol.)

Kochegarov K. A. General Patrik Gordon i getman Ivan Samoilovich v 1679–1680 gg. (Zametka v sviazi s vykhodom ocherednogo toma “Dnevnika” P. Gordona). *Slavianskii al'manakh* 2010. Moscow, Indrik, 2011, pp. 489–504. (In Russ.)

Kochegarov K. A. *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura*. Moscow, Kvadriga, 2019, 424 p. (In Russ.)

Kołodziejczyk D. *Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699*. Warszawa, Oficyna Wydawnicza Polczek Polskiego Czerwonego Krzyża, 1994, 264 p. (In Pol.)

Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th)*. A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, Brill, 2011, 1152 p.

Kostomarov N. I. Ruina. Kostomarov N. I. *Istoricheskije monografii i issledovaniia*, vol. 15. Saint Petersburg, Izd. D. Je. Kozhanchikova, 1882, 695 p. (In Russ.)

Maliszewski K. Problematyka turecka w polskich gazetach pisanych w czasach panowania Jana III Sobieskiego. *Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego* / ed. by. K. Matwijowski. Wrocław, Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984, pp. 97–109. (In Pol.)

Mytsyk Iu. A. Do istoriï ordyns'koho napadu na Slobozhanshchynu 1680 r. *Zbirnyk Kharkivs'koho istoryko-filolohichnoho tovarystva*: Nova seriia. 1999, vol. 8, pp. 205–214. (In Ukr.)

Rawita-Gawroński Fr. *Ostatni Chmielniczenko (zarys monograficzny). 1640–1679*. Poznań, Ostoji, 1919, 171 p. (In Pol.)

Wagner M. *Stanisław Jabłonowski. Polityk i dowódca (1634–1702)*, vol. 1, Siedlce, Wydaw. Uczelniane WSR-P, 1997, 240 p. (In Pol.)

Zagorovskii V. P. *Iziumskaia cherta*. Voronezh, izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1980, 238 p. (In Russ.)

Kirill A. Kochegarov

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: k.kochegarov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

**Twilight of Yurii Khmelnytsky
on the Right-Bank Ukraine
(autumn of 1679 — summer of 1680)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.02

Abstract: This paper deals with the last year of rule of the Ottoman protege, the Right-Bank hetman Yurii Khmelnytsky from the autumn of 1679 to the summer of 1680, when the active phase of the Russian-Turkish war was finished. The study is based on formerly unknown and unpublished sources, including spy reports, protocols of interrogation of former prisoners of war, as well as several documents issued by Khmelnytsky himself. These documents, which were mostly collected by the Left-Bank hetman Ivan Samojlovich and the Little-Russia *Pri-kaz* in Moscow, provide a detailed reconstruction of the policy of Khmelnytsky on the Right-Bank Ukraine, his relations with the Crimean Khanate and the Ottoman Empire, his military plans towards the Left-Bank Ukraine and their implementation. While Khmelnytsky's power was fading, Samojlovich still took the Ottoman vassal as a serious threat to his own authority and warned the Russian government of the possible Ottoman invasion of Kiev and the Left-Bank Ukraine.

Keywords: Yurii Khmelnytsky, Ivan Samojlovich, Russian-Ukrainian relations, the Russian-Turkish war of 1672–1681, the Crimean Khanate

Борис Владимирович Носов

доктор исторических наук
заведующий Отделом истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: b.nosov@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Вопрос о Каменце-Подольском в польской политике России в начале русско-турецкой войны 1768—1774 годов

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.03

Аннотация: В статье рассматривается политика России в отношении Речи Посполитой в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в связи с требованием Петербурга в конце 1768 — первой половине 1769 г. передать под контроль русских войск Каменец-Подольский — важнейший военный и административный центр на юго-востоке Польско-Литовского государства на границе с владениями Османской Порты. Основными источниками для статьи стали материалы корреспонденции русского посла в Варшаве Н. В. Репнина с руководителем внешней политики России Н. И. Паниным. Для правительства Екатерины II значение Каменца-Подольского не ограничивалось его стратегическим положением. Крепость и город как политический и административный центр шляхетской республики играли важную роль в стабилизации политической ситуации в Речи Посполитой в условиях противостояния с Барской конфедерацией и имели существенное значение в политике России, направленной на сохранение институтов польской государственности в рамках польско-русского договора 1768 г. о гарантии последней. Особое значение Каменца-Подольского проявилось в первые месяцы кампании: весной 1769 г. в период первого наступления армии А. М. Голицына и попытки блокады Хотина, что продемонстрировало как в Турции, так и при европейских дворах военное превосходство России над Османской Портой в начавшейся войне, несмотря на последовавшее отступление русской армии на левый берег Днестра.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1768–1774 гг., Речь Посполитая, Барская конфедерация, Российско-Польский трактат 1768 г. о гарантии государственного устройства Речи Посполитой, Каменец-Подольский, король Станислав Август Понятовский, Н. В. Репнин, 1-я русская армия А. М. Голицына

В последнее время в исследованиях, посвященных истории внешней политики России, оживился интерес к истории противостояния России и Османской Порты XVII–XVIII вв.¹ Вероятно, это связано с ведущейся уже несколько лет в Институте российской истории РАН работой над многотомной «Историей России» и выходом в свет ее очередных томов². В полной мере упомянутый интерес современных исследователей относится и к русско-турецкой войне 1768–1774 гг., 250-летие окончания которой было отмечено в ушедшем году. Об оценках в историографии и о подходах ученых к ее изучению в наши дни мы уже имели возможность написать ранее³. В учебниках и обобщающих трудах по отечественной истории, в разделах, посвященных внешней политике России в XVIII столетии, как и в большинстве исследований монографического характера, проблемы русской политики в Речи Посполитой и история российско-османских отношений, в том числе и русско-турецких войн, рассматриваются относительно изолированно. Известная связь между ними, разумеется, историками не отрицается, однако, как представляется, применительно к русско-турецкой войне 1768–1774 гг. ее связи с событиями в Речи Посполитой не придается существенного значения. В то же время она становится все более очевидной по мере наполнения наших исследований конкретным содержанием. Подтверждением этого тезиса может послужить вышедшая в 2022 г. и только недавно получившая известность в России монография видного польского историка Дороты Дуквич, посвященная польскому вопросу в отношениях России и Пруссии в 1768–1771 гг., накануне первого раздела Польши⁴. В частности, в указанной монографии затронут вопрос о Каменце-Подольском в российско-польских отношениях конца 1768 — начала 1769 г. Возникшие противоречия по данной проблеме между Петербургом и Варшавой автор рассматривает как проявление сопротивления польского королевского двора и магнатской

¹ См., напр.: Диалог о книге: А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 4–35.

² См., напр.: История России. М., 2024. Т. 5. Кн. 2.

³ См.: Носов Б. В. Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Российская история. 2024. № 6. С. 20–35.

⁴ См.: Dukwicz D. Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771. Warszawa, 2022. 518 s.

группировки Чарторыских российской доминации в Речи Посполитой⁵.

Мы уже обращались к проблеме польской политики Петербурга в начальный период русско-турецкой войны на исходе 1768 — в начале 1769 г. в упомянутой выше специальной статье⁶. Настоящая статья служит ее продолжением, поскольку одним из существенных вопросов русской политики в Речи Посполитой указанных лет стало адресованное польским властям, хотя и не заявленное официально, требование передать под контроль русских войск расположенную неподалеку от Днестра, вблизи польско-турецкой границы, крепость Каменец-Подольский. В российской историографии эту тему затронул только С. М. Соловьев, правда, ограничившись по этому вопросу всего лишь его обсуждением между польским королем Станиславом Августом и русским послом Н. В. Репниным⁷, что, по словам историка, послужило одним из финальных доводов к отозванию последнего из Варшавы. В польской историографии тема Каменца рассмотрена гораздо более обстоятельно. Владислав Конопчиньский⁸, хотя и обращался (накануне Первой мировой войны) к архивным материалам Московского архива МИД, преимущественно опирался на труд С. М. Соловьева и на свидетельства одного из наиболее влиятельных членов «фамилии» Чарторыских — Станислава Любомирского⁹. О Каменце-Подольском XVIII в. содержатся ценные сведения в работах польских авторов по военной истории, в том числе опубликованная на русском языке статья Томаша Цесельского, непосредственно относящаяся к нашей теме и посвященная событиям в Подолии времени Барской конфедерации 1768–1769 гг., написанная на основе донесений в польскую Военную комиссию коменданта крепости Иосифа де Витте¹⁰.

⁵ *Dukwicz D.* Na drodze do pierwszego rozbioru. S. 125–127.

⁶ См.: *Носов Б. В.* Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

⁷ См.: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М., 1994. С. 307–310.

⁸ *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Warszawa, 1991. Т. 1. S. 172–175.

⁹ См.: *Lubomirski St.* Pod władzą księcia Repnina. Ułamki pamiętników i dzienników historycznych (1764–1768) / oprac. Jerzy Łojek. Warszawa, 1971.

¹⁰ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии и первый период русско-турецкой войны в зеркале переписки коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де-Витте (зима 1768 — лето 1769 г.) // Война и оружие. Новые исследования

Восстание в Речи Посполитой Барской конфедерации, направленное против постановлений сейма 1767–1768 гг. и российско-польского договора о гарантии государственного строя шляхетской республики со стороны Екатерины II, спровоцировало кризис как в русско-польских, так и в русско-османских отношениях, что в итоге привело к развязыванию русско-турецкой войны, к чему султанское правительство усиленно подталкивали представители секретной дипломатии Людовика XV. Официальным объявлением войны, по традиции Османской Порты, стал арест в Константинополе 6 октября / 25 сентября 1768 г. русского посла А. М. Обрезкова. Согласно планам противостоящих сторон, в военной кампании 1769 г. основным театром военных действий должно было стать Приднестровье — приграничная область юго-восточных владений Речи Посполитой и входившей в состав Османской Порты Молдавии. В этих условиях особое стратегическое и политическое значение приобретал главный город Волынского воеводства Каменец-Подольский.

Впервые вопрос о Каменце-Подольском в петербургских верхах возник в ноябре 1768 г., практически сразу вслед за получением в российской столице известия о войне с Османской Портой. На втором собрании Совета (17/6 ноября), созданного Екатериной II ввиду разразившейся войны, были поставлены вопросы о ее целях и планах военной кампании¹¹. В этот день, согласно С. М. Соловьеву, рассуждения о ее целях ограничились приобретением порта на Черном море, а планы свелись к скифской тактике измора противника, в случае если турки вторгнутся в Польшу и направятся к русским границам. (Правда, историк не упомянул, что все участвовавшие в собрании выступили за наступательную стратегию начавшейся войны.) Единственное конкретное решение, по его словам, сводилось к следующему: «Если же турки замедлят вступлением в Польшу, то поскорее взять Каменец и, устроив магазины, стать около этой крепости; если же окажется, что турецкого войска немного и можно взять

и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Ч. IV. СПб., 2015. С. 306–320. В указанной статье Т. Цесельский, ссылаясь на свои биографические изыскания, обосновал вывод, что полное имя де Витте было Иосиф Ян де Витте. В настоящей статье, согласно источникам, комендант Каменца-Подольского именуется Ян де Витте.

¹¹ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб., 1869. Ст. 5–8.

над ним верх, то овладеть Хотинном»¹². К вопросу о Каменце, как записано в журнале Совета, вернулись 8 декабря / 27 ноября: «Граф З. Г. Чернышев доносил, что ныне нашими войсками заняты Броды, Константинов и Полона. <...> О крепости Каменец сделано предложение, что, ежели оную крепость взять основанием кампании, то надлежит употребить средства к занятию оной и для укрепления себя по Днестру. Граф Г. Г. Орлов представил, что, сколько известно, то Каменец лежит в таком крепком положении, что 30 000-ми ничего сделать не можно, хотя бы в оной крепости только 1000 человек было гарнизону... Граф П. И. Панин предлагал: ежели 29 000 человек будет в Польше собрано, то надлежит все укрепленные места занять по польско-турецкой границе и что легче 30 000 человек отважить против 40 000 неприятельского войска, нежели 80 000 против 200 000 человек»¹³. Таким образом, если судить по первым обсуждениям положения дел, то можно заключить, что в правящих кругах России не имели достоверных представлений о силах Оттоманской Порты, с которыми придется сражаться в начавшейся войне. Говорили о турецкой армии числом от нескольких десятков тысяч до 200–400 тыс. чел. К концу 1768 г. русские войска в Польше стояли в относительном удалении от польско-турецкой границы по Днестру, прикрывая пути движения турок к русским территориям. В то же время наряду с оборонительным планом возник замысел наступательной стратегии: занятия левого берега Днестра с перспективой взятия Хотина. Ключевым пунктом в реализации этого замысла должен был стать Каменец-Подольский. Участникам Совета было очевидно, что занятие русской армией Каменца не является сугубо военной мерой, поскольку находящиеся в Речи Посполитой русские войска были формально призваны польской стороной, согласно российско-польскому договору о Гарантии 1768 г., для охраны политической системы, свобод и привилегий шляхетской республики в борьбе с восстанием Барской конфедерации. Поэтому прямая военная акция в отношении королевской крепости означала нарушение договора и ставила Россию и Польшу в состояние войны друг с другом, что имело бы крайне негативные последствия для русской политики в Речи Посполитой,

¹² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. С. 271.

¹³ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I. Ст. 15–16.

как с точки зрения внутреннего положения в шляхетской республике, так и для международного положения России в Европе. Об этом в присутствии императрицы в Совете говорили еще 25/14 ноября, когда М. Н. Волконский предложил обсудить международные дела и задал вопрос: «...есть ли при нынешнем случае такие союзники, на которых бы можно во время нужды положиться, да и притом обстоятельства ныне в Польше он почитает больше вредными, нежели полезными для России. К чему граф Г. Г. Орлов спрашивал объяснения причин, какие привели Польшу восстать против России; на что граф Н. И. Панин изъяснил все те причины и при том объявлял, какие из того вышли замешательства»¹⁴. Обсуждения польских дел по существу в протоколе не зафиксировано, за исключением упоминания о «зачтении французской декларации», направленной в Польшу. О содержании посвященного Польше доклада Н. И. Панина можно судить по рескрипту Екатерины II П. А. Румянцеву 27/16 декабря 1768 г.¹⁵, в котором говорилось о намерении России «восстановить похищенные насильством от усилившихся католиков права гражданского равенства наших единоверных и других христианских исповедников, находящихся в подданстве короны польской», и о стремлении Екатерины II к «обеспечению на будущие времена непоколебимого империи нашей интереса в сохранении навсегда настоящего республиканского образа правления в Польше с ее вольным избранием королей своих, а соединя оба предмета... узаконили под нашим ручательством и восстановление в равенство всех диссидентов и непременные положения формы польского правления». Далее из рескрипта следовало, что противники восстановления в правах православных и протестантов, а также российской гарантии государственного и сословного строя Речи Посполитой взбунтовались против законных постановлений сейма шляхетской республики и польско-российского трактата 1768 г.: «Те противные партизаны, кои всегда действовали по наущению ненавистников успехам дел наших... начали делать по разным местам фанатические возмущения противу нас самих. <...> с представлением турецкому салтану всей польской Подолии, возбудили турецкую подлость и его самого нарушить с нами вечный

¹⁴ Там же. Ст. 13.

¹⁵ Сборник Императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1893. Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. V. 1768–1769 гг. С. 223–238.

мир». Однако главным виновником русско-турецкой войны в рескрипте объявлялась Франция, то есть «та держава, которая главнейшее свое коварство истощила для упражнения нас сею войною. Она извлекла из Венского двора, по ея с ним тесному союзу, обещания нейтралитета и тем больше ободрила Порту к настоящему предприятию». Основное содержание рескрипта Румянцеву состояло в объявлении о назначении А. М. Голицына главнокомандующим 1-й армией, в формулировании планов военных операций, повторявшем решения Совета, практически дословно изложенные С. М. Соловьевым, а также дополнительные инструкции и полномочия.

Однако вопрос о Каменце-Подольском прозвучал в Петербурге еще до создания Совета, месяцем ранее, в переписке Н. И. Панина с русским послом в Варшаве Н. В. Репниным, когда 16/5 октября последний писал шефу русской внешней политики о намерении Порты начать войну с Россией, что, по мнению посла, следовало из ответа хотинского паши на письмо генерала А. А. Прозоровского. Здесь же Репнин писал о состоянии гарнизона Каменца-Подольского: в крепости есть все необходимое для обороны в течение нескольких месяцев, но не хватает пороха, которого на месте «и за деньги достать невозможно», замечая при этом, что у польского короля Станислава Августа денег нет¹⁶. В течение октября Репнин неоднократно извещал Петербург о нарастании угрозы войны с Турцией. Наконец 29/18 октября он сообщил о письме из Вены Анджея Понятовского (брата короля Станислава Августа) об аресте А. М. Обрезкова в Константинополе, из чего следовало, что война стала свершившимся фактом, и предложил занять Каменец-Подольский русскими войсками¹⁷. Ответ Н. И. Панина на октябрьские предостережения Репнина и на его предложения по поводу Каменца последовал только в самом конце октября еще до собрания императрицей Совета в постскриптуме к депеше от 9 ноября / 29 октября¹⁸. В подчеркнуто доверительной манере шеф Коллегии иностранных дел писал: «При сем запасном

¹⁶ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 5 (16) октября 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 6. Д. 937. Л. 46 — 48 об.

¹⁷ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 18 (29) октября 1768 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 938. Л. 28 — 30 об.

¹⁸ Н. И. Панин — Н. В. Репнину 29 октября (9 ноября) 1768 г. // Сб. РИО. Т. 87. С. 288–290.

и поспешном к вам, моему другу, отправлении мне остается еще одно слово сказать о Каменце-Подольском. Я вижу из последней вашей диспозиции соединяемых войск под команду Николая Ивановича Салтыкова, что вы и сами в рассуждении скорейшего нежели прежде ожидания татар, а может быть и турок, в польские границы отступили от первой идеи занятия нашими войсками сего города, да и мы здесь также рассуждаем, ибо если его теперь занять нам, то не только можем сделать новое национальное раздражение, от которого, однако же, наипаче удалиться надобно, когда мы принимаем статским нашим для настоящей с турками войны, правилом иметь лучшую часть Польши своими друзьями, для чего ныне мы и намеряемся сблизиться с господами Чарторыскими, но и сверх сего неудобства и самые верные действия теперь тому занятию противиться могут. Корпус войск наших в том краю весьма невелик, а, заняв тот город, уже мы должны будем взять теми войсками ближайшую к нему позицию, которая, однако ж, не защитит совершенно, если турки положили своим начальным действием завладеть, как возможно, город превосходною силою». Панин предлагал Репнину, ввиду отдаленности от Каменца основных сил расположенных в Польше русских войск, предпринять все меры для усиления там польского гарнизона, даже за счет имеющихся у посла денежных средств и «обнадежить к себе в верности коменданта г. генерала Витте», дав тому «столовые деньги». Панин настаивал на удержании нынешних позиций до весны 1769 г.¹⁹ Вероятно, в этом постскриптуме также нашли отражение некоторые тезисы выступления Панина в императорском Совете по поводу русской политики в Польше. Во всяком случае рассмотрение вопроса о Каменце-Подольском в правящих кругах Петербурга накануне и в начале русско-турецкой войны в октябре — декабре 1768 г., очевидно, имело два аспекта: во-первых, с точки зрения стратегии войны с Османской Портой и планирования соответствующих операций русской армии и, во-вторых, с точки зрения противостояния с Барской конфедерацией и сохранения политической ориентации на Россию хотя бы части магнатских и шляхетских группировок Польско-Литовского государства. При этом существенное значение имеет то, что, говоря о вероятных союзниках и опоре для русской политики в Польше, Панин указал на магнатскую «партию» Чарторыских.

¹⁹ Там же.

Принятые императорским Советом решения о диспозиции и действиях русских войск против Османской Порты были дополнены инструкцией Военной коллегии от 3 декабря / 22 ноября 1768 г.²⁰ генерал-поручику И. И. Веймарну, назначенному командиром отдельного корпуса в Польше. Размещенные в стране и подчиненные Веймарну войска занимали позиции в Литве и в районе Львова, а также вокруг Варшавы, контролируя территории шляхетской республики, прилегающие к российским границам, а также столицу страны. Формируемый корпус, следовало из инструкции, действует независимо от двух российских армий, собираемых в Польше и предназначенных для борьбы с Турцией и Крымом. Веймарну как командиру корпуса надлежало действовать по согласованию с послом Н. В. Репниным. Буквальное исполнение данной инструкции означало, по сути, оставление позиций, завоеванных в боях с барскими конфедератами весной и летом 1768 г., и предоставляло последним практическую свободу действий на большей части Великой и Малой Польши. По поводу распоряжений Военной коллегии и З. Г. Чернышева, адресованных русским войскам в Польше, Репнин конфиденциально писал Панину в ноябре 1768 г.: «Я по преданности моей к Вашему сиятельству и для Вас единственно сие пишу. Военные повеления сюда таковые делаются, что никаким образом их исполнить невозможно, ибо оные противоречащие. А оным я вижу, что ищут не только разорения здешних дел с низвержением короля, несмотря на бесславие и вредные следствия, которые от сего для нас последуют, но и стараются здесь все так запутать, слагая все на ответ мой и Салтыкова, чтоб после нас как жертву восстановить и виноватыми сделать. Рассудите, можно ли сие исполнить»²¹.

Город и крепость Каменец-Подольский располагался в районе среднего течения Днестра, в нескольких километрах от его левого берега. Каменецкие укрепления были возведены на берегу впадавшей в Днестр реки Смотрич, протекавшей по дну глубокого оврага. Возникновение здесь поселения относится к XII–XIII вв. Статус города Каменец обрел в XIV в. Во второй половине столетия здесь был возведен Старый замок. В XV–XVI вв. были выстроены

²⁰ Сб. РИО. Т. 87. С. 185–186.

²¹ Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Постскриптум (собственноручный) к депеше от 9 (20) ноября 1768 г. // АВПРИ Ф. 79. Оп. 6. Д 939. Л. 35 — 37 об.

еще две башни и на некоторых участках — оборонительные стены. В дальнейшем укрепления Старого замка были дополнены бастионами. К середине XVII в. крепостные сооружения Каменца были усилены Новым замком, представлявшим собой насыпной кронверк, пристроенный с северо-западной стороны к Старому замку. Война Польши в составе Священной лиги с Османской Портой 1672–1699 гг. обусловила модернизацию укреплений Каменца: их приспособили, во-первых, для круговой обороны и, во-вторых, для артиллерийского обстрела подступов к крепости. Эти работы проводились с перерывами с 1704 по 1790-е гг. под руководством французских инженеров. Главным фортификационным сооружением обновленной крепости стало строительство Большой батареи Девы Марии, продолжавшееся 30 лет и завершенное в 1753 г. В итоге в 1760-е гг. протяженность крепостных стен Каменца составляла около двух километров. В крепости было 18 башен, в том числе четыре проездных с широкими воротами, что позволяло войскам и гарнизону быстро подготовиться к обороне и производить вылазки достаточно большими силами. В Каменце располагались 18 артиллерийских батарей, в том числе главная батарея Девы Марии, предназначенная для прикрытия моста через Смотрич. Артиллерия крепости насчитывала 205 пушек и мортир, а гарнизон по штатам военного времени составлял более 2 тыс. чел. В 1760-е гг. в Каменце несли службу 600–800 чел., в том числе небольшой кавалерийский отряд²². Отсталость шляхетской польско-литовской республики в XVIII в. от передовых с точки зрения организации государственного аппарата абсолютных монархий и упадок военной организации Речи Посполитой, разумеется, сказались и на состоянии крепости и гарнизона Каменца. В нем не хватало продовольствия и боеприпасов, сооружения со временем ветшали. Крепостная артиллерия неизменно находилась на позициях, а не хранилась в цейхгаузах, что негативно сказывалось на техническом состоянии орудий, а стало быть, и на боеготовности. Наконец, местоположение Каменецкой крепости XIV–XV вв. теперь, в XVIII в., не выглядело столь неприступным. Расположенный к востоку от крепости город Каменец раскинулся на холмах, которые по высоте превосходили уровень крепости. Более высокие холмы подступали к ней и с запада. Все

²² См.: *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 306–320.

это делало крепостные сооружения весьма уязвимыми для современной осадной артиллерии. Имея в виду все отмеченные обстоятельства, командующий польской коронной артиллерией Ф. Брюль назвал в 1778 г. Каменец-Подольский «одной из наиболее убогих фортеций в Европе»²³.

Главным же недостатком стратегического положения Каменца-Подольского в условиях начавшейся русско-турецкой войны и военной кампании 1769 г. было то, что крепость оставалась практически единственной на юго-востоке Польши и на всем протяжении польско-турецкой приднестровской границы. Другие крепостные сооружения, расположенные в этом районе, либо представляли собой руины, как Окопы Святой Троицы²⁴ в междуречье Днестра и Збруча, либо, как Жванец, выполняли функцию всего лишь укрепленного пограничного поста на переправе через Днестр напротив турецкого Хотина²⁵. Всего же в Подольском и Брацлавском воеводствах Речи Посполитой в середине XVIII в. располагались 19 хоругвей численностью 650 чел. (1763 г.), в задачу которых входил контроль на границе и в целом на юго-востоке шляхетской республики²⁶. Таким образом, военное значение Каменца было отнюдь не бесспорным. В случае наступления превосходящих турецких сил войска, занимавшие крепость, были бы блокированы практически без надежды на помощь извне. Каменец мог бы рассматриваться как база для операций русской армии в Молдавии, но только в случае овладения русскими Хотинным и перехода в их руки стратегической инициативы на правом берегу Днестра. Вероятно, именно на такое развитие событий и надеялись русские генералы. Однако значение Каменца-Подольского в 1768–1769 гг. не ограничивалось сугубо военной функцией, поскольку крепости пришлось сыграть весьма существенную политическую роль ввиду набравшего силу весной 1768 г. восстания Барской конфедерации и перехода на сторону конфедератов малопольской шляхты и дворянства юго-восточных воеводств, а также части располагавшихся

²³ См.: *Kantecki K.* Szkice i opowiadania. Poznań, 1883. S. 44.

²⁴ *Marcinek R.* Okopy świętej Trójcy // *Teka Komisji Urbanistyki i Architektury*. 1995. T. XXVII. S. 217–226.

²⁵ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 308; *Polak T.* Zamki na kresach. Białoruś, Litwa, Ukraina. Warszawa, 1997. S. 212–213.

²⁶ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 309–310.

в Подолии правительственных войск, и особенно с началом русско-турецкой войны, театром военных действий в которой предстояло стать Приднестровью. Об этом, как отмечалось выше, рассуждали в своей переписке Панин и Репнин в октябре 1768 г., об этом говорил шеф русской внешней политики и на первых собраниях императорского Совета.

Весной 1768 г. комендантом Каменца-Подольского был назначен Иосиф (Ян) де Витте, имя которого упоминалось в корреспонденции между Варшавой и Петербургом. Артиллерист, инженер, геодезист и картограф, он состоял на королевской службе к этому времени уже более 40 лет. Генералом де Витте стал только в 1767 г., во времена Радомской конфедерации. Это обстоятельство его повышения в чине свидетельствовало, что Витте был одним из надежных сторонников Станислава Августа. Во главе каменецкой крепости он стал после отставки Михала Кучиньского, арестовавшего накануне провозглашения Барской конфедерации заговорщиков из числа военнослужащих гарнизона²⁷. Возглавив Каменец-Подольский, де Витте официально занимал должность «коменданта подольских и украинских крепостей», что придавало его статусу черты королевского наместника в Брацлавском воеводстве и в Подолии, в частности в сношениях с властями сопредельных турецких владений, что, в свою очередь, подчеркивало и политическое значение Каменца-Подольского. В апреле 1768 г., приняв командование в крепости, де Витте организовал оборону от конфедератов и даже издал специальный универсал, в котором поставил задачи гарнизону и жителям Каменца, а также огласил декларацию Екатерины II. В это время верные королю войска во главе с региментарием Подольской дивизии чесником коронным Тадеушем Дзедушицким и региментарием Ф.К. Браницким занимали позиции в отдалении к западу от крепости за рекой, в противоположной стороне от сил конфедерации, которые могли бы беспрепятственно подступить к Каменцу²⁸. Положение крепости осложнилось в мае 1768 г., когда конфедераты во главе с Иоахимом

²⁷ *Szczygielski W. Kuczyński Michał*. PSB. T. 16. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 91.

²⁸ Донесения и корреспонденция Яна Витте в Военную комиссию. Апрель 1768 — март 1770 г. Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 9 IV 1768 // *Archiwum Narodowe w Krakowie (ANKr.)*. *Archiwum Sanguszków*. 689. T. 1. K. 4.

Потоцким подошли к ее стенам, разорив окрестные шляхетские фольварки²⁹. В этот период крепость оказалась практически блокирована конфедератами, в особенности после перехода на их сторону коронных войск под командованием Дзедушицкого³⁰. Каменец готовился к обороне, испытывая острый недостаток в боеприпасах и особенно в продовольствии и фураже. Помощь пришла со стороны русских войск. По просьбе Витте, ввиду опасности со стороны конфедератов И. Потоцкого отряд русских войск по приказу П. Ф. Апраксина занял позицию вблизи крепости. Русские войска конвоировали направлявшиеся в Каменец обозы снабжения, делились с гарнизоном собственными запасами. И все же из донесений де Витте в Военную комиссию следовало, что вплоть до начала 1769 г. комендант не считал реальной угрозой крепости со стороны конфедератов³¹.

Основные боевые действия в Малой Польше, на Волыни и в Подолии развернулись в конце весны и летом 1768 г., когда русские войска развернули наступление против барских конфедератов и для подавления крестьянского восстания на правобережной Украине (Колиивщины). Конфедераты были разбиты под Подгайцами и Улановым. Русскими войсками были взяты опорные центры конфедерации Бердичев и Бар. В качестве вспомогательных сил в этих операциях приняли участие и польские правительственные войска под командованием Ф. К. Браницкого. Свою роль сыграл и Каменец-Подольский, куда были направлены пленные конфедераты и захваченные трофеи, в том числе и пушки. В конце июля в Каменец были доставлены и 120 плененных гайдамаков. Всего к этому времени в крепости содержались 536 заключенных³². В донесениях де Витте нет данных об их сословной принадлежности, однако из других рапортов коменданта следовало, что до осени 1768 г. и польские, и русские войска отпускали взятых в плен шляхтичей-конфедератов на свободу при условии сдачи оружия и письменного обязательства не принимать в дальнейшем участия в восстании.

²⁹ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 312.

³⁰ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 27 V 1768 // ANKr. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 53–55.

³¹ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 311.

³² Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 29–30 VII 1768 // ANKr. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 96–97.

Таким образом, до осени 1768 г. Каменец-Подольский играл роль важнейшего политического и административного центра на юго-востоке Речи Посполитой, взаимодействовал с размещенными в крае русскими войсками и был надежной опорой центральных властей шляхетской республики в борьбе с Барской конфедерацией. Значение Каменца-Подольского возросло еще более, когда в октябре 1768 г. резко обострилось положение на польско-турецкой границе. К этому времени на правом берегу Днестра собрались значительные силы потрепанных в боях с русскими войсками конфедератов, производивших с турецкой стороны набеги на польские области Приднестровья. Здесь же действовали и крестьянские повстанческие отряды. Витте считал ситуацию опасной и докладывал, что только присутствие русских войск позволяет ее контролировать. Однако вплоть до последней декады октября 1768 г. администрация приднестровских турецких владений, оказывая негласную поддержку конфедератам, демонстративно заявляла о своем невмешательстве в польские дела. Об этом хотинский паша неоднократно заявлял как П. Ф. Апраксину, так и И. Витте. В начале осени в Хотин прибыл новый паша. Хотя он подтвердил прежнюю позицию, однако, согласно донесению Витте, комендант опасался, что стоявшие под Хотиным лагерем конфедераты готовились к активным действиям. Для прояснения ситуации Витте направил в Хотин пограничного представителя. О результатах его миссии Витте 21 октября 1768 г. сообщил в Варшаву. В донесении коменданта говорилось, что вначале паша повторил заявление о невмешательстве. Однако вечером того же дня, чему представитель Витте был свидетелем, прибыл гонец из Стамбула. Хотинский гарнизон был поставлен под ружье, а паша заявил польскому эмиссару, что Порта не намерена далее терпеть присутствия русских войск в Речи Посполитой, и угрожал: «Если кто-либо из вас будет другом Москвы, то тотчас станет нашим неприятелем»³³. В рапорте Витте также доложил, что ввиду военных приготовлений в Хотине он приказал безотлагательно собрать в Каменце все войска и фуражные команды, а также все заготовленные запасы³⁴. Комендант не исключал опасности атаки Каменца со стороны объединенных сил турок и конфедератов.

³³ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 18, 21 X 1768 // ANK. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 206.

³⁴ *Цесельский Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 314.

Для русской политики в Польше сложившаяся ситуация не только грозила, в случае успеха противника, существенными затруднениями в ходе сосредоточения частей и соединений 1-й армии А. М. Голицына, но и кардинально изменила бы политическую ситуацию на юго-востоке Речи Посполитой, в частности создала бы предпосылки для провозглашения «генеральности» Барской конфедерации.

Возникшие на рубеже 1768–1769 гг. военные угрозы и опасные тенденции в развитии политической ситуации создавали в Петербурге. 23/12 января 1769 г. Н. И. Панин потребовал от Репнина решительных действий. По его словам, отказ короля Станислава Августа и Чарторыхских допустить в Каменец русские войска свидетельствует об их полном отказе от сотрудничества с Россией и об их намерении воспользоваться ситуацией турецкой войны «для возвышения своих требований по ликвидации российской гарантии» и изменения статуса диссидентов. Такая позиция «фамилии», рассуждал Панин, представляется неразумной, поскольку, во-первых, начав войну, турки провозгласили незаконность избрания короля Станислава Августа и постановлений конфедераций и сеймов 1764–1768 гг., что непосредственно грозило Чарторыхским утратой их политических позиций в Речи Посполитой. Во-вторых, по словам Панина, это грозило превращением Польши в театр военных действий. Таким образом, по мнению руководителя русской внешней политики, выдвинутые Чарторыхскими требования ревизии российской гарантии государственного устройства шляхетской республики и изменения статуса диссидентов неприемлемы для Петербурга, поэтому «положение польского правительства надлежит оставить в неизменном виде», то есть Речь Посполитую — в состоянии анархии, а правительство республики — недееспособности. Что же касается Каменца-Подольского, который Чарторыхские оказались передать русским войскам, то Панин распорядился, невзирая на позицию варшавских властей, занять крепость «хитростью или подкупом», на что ассигнуется 39–40 тыс. руб.³⁵

Еще до получения этих инструкций Н. И. Панина Н. В. Репнин, характеризуя в своих депешах в Петербург внутреннее положение в Речи Посполитой и возможности реализации российского политического курса, писал в январе 1769 г. о недостатке находящихся в его распоряжении русских войск, особенно конницы; об усилении

³⁵ Н. И. Панин — Н. В. Репнину 12 (23) января 1769 г. // Сб. РИО. Т. 87. С. 309–312.

беспорядков в Великой Польше; о сборе барскими конфедератами людей и денег, что, по словам посла, свидетельствовало об опасности новой значительной конфедерации³⁶. Правда, на следующий день Репнин писал, что не опасается турецкого и татарского вторжения в Польшу, «чтоб господа турки и татары вглубь здешней земли пошли, а если бы в крае побывали и путем господ поляков постращали, поступая с ними по-свойски, а только не дошли б до нашего пропитания, то, признаюсь, что тем бы я был весьма доволен, считая, что сие решило бы здешние бритые головы, увидя, что вымышленный ими нейтралитет не спасает их от набегов турецких и татарских»³⁷. Однако Репнин не преуменьшал опасности сложившегося положения и доносил, что совместно с Веймарном они решили сосредоточить войска в Великой Польше, чтобы контролировать Варшаву и быть готовыми к действиям в зависимости от ситуации турецкой войны и неизбежного усиления действий конфедератов, которые «до генерального противного нам пламени дойти могут»³⁸. Беспокоило посла и то, что, по сведениям Веймарна, «в прусской армии великие приготовления делаются, тож собираются, сверх обыкновенных, немалые магазины»³⁹. Возникает вопрос: кого имел в виду Репнин, упоминая «здешние бритые головы» и «вымышленный ими нейтралитет»? Если ориентироваться исключительно на внешние признаки, то речь шла о Кароле Станиславе Радзивилле. Однако в этом сарматском образе Репнин изобразил магнатские группировки в целом, а говоря о тактике нейтралитета, он явно указывал на «фамилию» Чарторыских, хотя позицию псевдонейтралитета занимали и другие магнатские группировки, опасаясь, что открытое выступление против России грозит их владениям разного рода репрессиями (реквизициями, контрибуциями или секвестрованием).

Принятые в Петербурге решения в военной области и приказы Военной коллегии привели к тому, что подчиненный Репнину и Веймарну корпус русских войск в Речи Посполитой отводился

³⁶ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 1 (12) января 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 1 — 1 об.

³⁷ Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Р. С. к депеше от 2 (13) января 1769 г. // Там же. Л. 27.

³⁸ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 7 (18) января 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 30.

³⁹ Там же. Л. 31 об.

к границам России, оставляя практически без прикрытия Приднестровье и юг и юго-восток Речи Посполитой, в то время как 1-я армия А. М. Голицына должна была собраться в Подолии не ранее весны 1769 г. В этой ситуации Каменец-Подольский должен был приобрести для русской политики в шляхетской республике дополнительный вес. Тем не менее еще за несколько дней до того, как в Петербурге прозвучали адресованные Репнину решительные требования Панина занять Каменец, посол писал своему шефу 18/7 января 1769 г., что нет смысла в новых просьбах об этом к властям Речи Посполитой, поскольку они встретят неизбежный отказ. Захватить Каменец военными средствами, по словам Репнина, невозможно из-за отсутствия достаточных сил, в первую очередь артиллерии, а главное — ввиду того, что такая мера приведет к нежелательному разрыву с Польшей. Подкупить коменданта крепости Иосифа Витте невозможно, «так как он человек честный». Репнин писал, что попытается подкупить кого-либо из офицеров или городских обывателей, но и в этом случае возможна неудача и разрыв с Польшей, что затрудняет положение России. Поэтому он будет ожидать точных инструкций от Панина по этому делу⁴⁰. Эти слова в донесении Репнина прозвучали буквально накануне того дня, когда Екатерина II утвердила депешу Панина с решительными требованиями о занятии Каменца и об асигновании на это отнюдь не малой суммы. Таким образом, несмотря на все колебания в вопросе о Каменце, как петербургские власти, так и Н. В. Репнин в Варшаве продолжали следовать курсом сохранения хотя бы формального суверенитета шляхетской республики и легитимности королевского статуса Станислава Августа и правительства в Варшаве. В ответ на недвусмысленные указания Панина о занятии Каменца Репнин в депеше от 7 февраля / 27 января 1769 г.⁴¹ доносил, что не стал официально просить встречи с королем Станиславом Августом, чтобы о его демарше не стало бы известно Чарторыским, а дождался приглашения к королю на обед. Можно заметить, что такого рода приемы для немногочисленных иностранных дипломатов в Варшаве были обыденным делом и проходили, как правило, по четвергам. После такого обеда между Репниным и Станиславом

⁴⁰ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 7 (18) января 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 44 — 47 об.

⁴¹ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 27 января / 7 февраля 1769 г. // Там же. Л. 68 — 77 об.

Августом и состоялся «секретный разговор». Эта встреча, дополненная рядом существенных деталей, описана у С. М. Соловьева⁴². Правда, русский историк включил в свое изложение и вопрос о просьбе Репнина передать под контроль русских войск Замостье, что непосредственно с проблемой Каменца-Подольского связано не было и не звучало в упомянутом «секретном разговоре». Мы приводим содержание беседы польского короля с русским послом согласно донесению Репнина.

Последний передал Станиславу Августу «экстракт» из депеши Панина, который король прочитал. Далее Репнин указал «об опасности превращения Польши в театр войны», на угрозу низложения короля с престола и на последствия этого для его братьев и сторонников. Предостережения не возымели действия. Станислав Август ответил отказом на требование занятия Каменца русскими войсками, хотя бы и в результате его тайного содействия, что противоречило бы его «долгу перед нацией»⁴³. «В продолжении сего разговора, — писал Н. В. Репнин, — просил он у меня в другой раз сей экстракт и его читал, а по разным его пунктам следующее говорил. По поводу колебаний его в нашем союзе и отступления от нашей системы сказал мне, что он не колеблется и от системы нашей не отступает. Я же Его величеству на сие донес, что поступки его напротив доказывают и что он сам не только говорил, но и писал к Вам, что он никогда иной системы иметь не будет, как нашу, а теперь, однако ж, ей не следует и что другую избрал. На оное мне он отвечал, что он не разумел в том того, чтоб действовать против должности, коею он обязан к своей нации. А я ему на сие сказал, что никогда Ея Императорское Величество таковых поступков от него не требовала»⁴⁴. Станислав Август говорил Репнину далее, что сознает грозящую ему опасность, «что он ее видит, и видит, что его падение может весьма скоро случиться, и тако он в том себя не льстит. Я представил Его величеству, что всегда неприятно с престола сходить, а согнану быть и стыдно. Он мне на сие отвечал, что его, конечно, не сгонят, а я натурально его спросил, какой же способ к сему употребит? На что он мне сказал, что он умрет, дав себя

⁴² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. С. 309–310.

⁴³ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 27 января (7 февраля) 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 71 — 79 об.

⁴⁴ Там же. Л. 71 — 71 об.

застрелить в своем дворце, а места своего не покинет, и что тут защищаться станет. На сие я ему доложил, что, кажется, лучше бы не дожидаться сей крайности, чтоб пришли его злодеи его атаковать в самом его дворце; славнее бы было умереть, коли нужда будет, в поле, а не в своей комнате, а что я сам желал бы его адъютантом быть, если бы он взял сие мужественное намерение, соединяя свои силы, сколь их ни мало было, с нашими, и что слава и благосостояние всякое сами не приходят, а надлежит навстречу им итить и их сыскать. В настоящих обстоятельствах он к тому себе двери отворит, если захочет доказать свою преданность России. На сие Его величество мне отвечал, что он в его состоянии не смеет помышлять об славе и что свыше оной поставляет свою должность, а по оной считает, что не может поведения своего переменить, ни согласиться на занятие Каменца, коими словами кончив, он разговор пресек, вышед из той комнаты, в коей мы говорили»⁴⁵. Этим эпизодом С. М. Соловьев подчеркивал, с одной стороны, драматическое положение Станислава Августа, а с другой — сочувствие, проявленное Репниным, польскому королю, стремление посла «вразумить» последнего и побудить его к решительным действиям. Вместе с тем в приведенной части депеши нашли выражение некоторые немаловажные политические мотивы: адресованные Станиславу Августу предложения, во-первых, принять на себя роль военного диктатора и, во-вторых, возглавить силы Коронной армии, как бы малы они ни были, для подавления Барской конфедерации. При этом Репнин, вероятно, имел в виду корпус Ф. К. Браницкого, в то время одного из близких и доверенных сторонников Станислава Августа. В-третьих, говоря «о колебаниях польского короля в нашем союзе» (с Россией), Репнин явно обратился к важной для петербургского двора и прежде всего для Н. И. Панина теме русско-польского антитурецкого союза, как бы упомянутый союз уже был заключен, по меньшей мере — *de facto*. Наконец, в той же депеше был упомянут некий разговор между братом короля генералом австрийской службы Анджеем Понятовским и австрийским канцлером В. А. Кауницем. На вопрос Репнина об этом Станислав Август отвечал, «что ни он не мог вздумать предписать, ни брат его догадаться сделать тот вопрос, который Вы (Н. И. Панин. — *Б. Н.*) в своей депеше пишете, чтоб натурально бы надлежало князю Понятовскому сделать, прибавя

⁴⁵ Там же. Л. 72 об. — 73 об.

к тому, что такой вопрос по малому сношению между им и венским двором, может быть, неприятной бы им ответ навлек. Я ответствовал, что уже б сего довольно было и что он по тому и увидел, что мы в поведении венского двора не ошибаемся»⁴⁶. Выраженные в этом разделе депеши туманные намеки свидетельствовали о неких попытках Станислава Августа в своих отношениях с Петербургом хотя бы в небольшой степени компенсировать свою зависимость от России за счет влияния Австрии.

Во второй части депеши Н. В. Репнина Н. И. Панину 7 февраля / 27 января 1769 г.⁴⁷ с описанием «секретного разговора» со Станиславом Августом посол перешел к вопросу о Каменце-Подольском. По словам Репнина, король убеждал посла, что можно «обойтись без занятия Каменца, представлял, что есть около и другие крепкие места, как-то Станиславов и уже пред сим упоминаемое место, называемое Окопы Троицы. Я на сие ему отвечал, что на все то равно, что позиция Станиславова весьма от нашей стороны отдалена быть в позиции и что во все те места должно нам вести свою артиллерию и сами трудную починкою в состояние приводить, а на все оное время нужно, которого до тех учреждений недостает. Но все, что я ни мог Его величеству представлять, было понапрасну, как я уже выше сказал. Також неоднократно я ему в продолжение сего разговора говорил, что не может быть ему сомнения в отдаче нам Каменца и что дам я формальное письменное уверение именем Ея Императорского Величества, что сия крепость тотчас после войны возвращена будет Польше и что занимается теперь для сбережения ее границ от турецких злонамерений, а что, знать, он нам не верит, если не хочет содействовать в занятии сей крепости. На сие он отвечал, что не сомневается, что уверению Ея Императорского Величества ни были справедливы, но согласиться ни тайно, ни явно не может на занятие Каменца»⁴⁸. Из этой части разговора Станислава Августа с послом, очевидно, следует, что последний был достаточно точно и детально информирован о состоянии, вооружении и готовности к обороне польских пограничных укреплений. Важным выводом было также и то, что Станислав Август в итоге отверг все возможные

⁴⁶ Там же. Л. 72.

⁴⁷ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 27 января (7 февраля) 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 71 — 79 об.

⁴⁸ Там же. Л. 73 об. — 74 об.

обязательства и договорные гарантии Екатерины II, связанные с передачей Каменца русским войскам, что, по существу, означало отказ даже от косвенного участия в русско-турецкой войне на стороне России, а следовательно, и от опосредованной формы заключения российско-польского антиосманского союза, разговоры о котором между Варшавой и Петербургом велись до этого по меньшей мере с середины 1760-х гг. Таким образом, занятая правящими магнатскими группировками Речи Посполитой во главе с «фамилией» Чарторыхских позиция так называемого нейтралитета и в этом случае оказалась непоколебленной.

В заключение депеши Репнин в очередной раз ответил на требование Екатерины II и Панина занять крепость с помощью «коррупции» или «финтою» (с помощью некой военной хитрости). При этом посол старался собрать воедино все доводы в пользу своего мнения⁴⁹. «Не имея с сей стороны никакой надежды, — писал Н. В. Репнин, — желал бы я усердие свое Всемиловитвейшей государыне доказать, добыв в наши руки, хотя сюрпризную крепость, но по несчастью и за скоростью за успех одного отвечать не могу, однако стараться стану тамо кого подкупить и, если можно будет, деньгами до одного дойти, то одного, конечно, не упущу. О коменданте тамошнем господине Витте помышлять для сего дела невозможно. Человек он мне знакомый, об коем совершенно знаю, что он ни на какие подобные представления не поддастся, а открывшись ему в сем намерении, тем больше дело и для переды и испортим. Но стараясь и приискивая, кого подкупить в Каменце, без решительных повелений на сие предприятие решиться не смею, хотя б и свет какой в той стороне показался, как уже об том к Вашему сиятельству писал от 11/22 генваря, ибо всякое таковое предприятие было бы поступок гостинной против республики и мог бы нести с собой разрыв с Польшею. Сверх того не можно заранее отвечать за успех сюрпризы и чтоб она без кровопролития сделаться могла, ибо нельзя отвечать за то, чтоб гарнизон, хотя мы в город и войдем, и в улицах не стал защищаться. И тако, ожидаю я решительных от Вашего сиятельства повелений, прикажете ли, несмотря на все выше писанное и на все могущие быть следствия, сие дело предпринимать.

⁴⁹ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 27 января (7 февраля) 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 953. Л. 74 об. — 77.

Господин Витте не диссидент, но католик, хотя чужестранной фамилии, но здесь родился, здешний индигинат и все свое имение здесь имеет, а нигде инде. Слышу я намерение здешнее, по просьбе господина Витте, умножить еще гарнизон каменецкий, послав туда человек до восьмисот, беря их от полков. Покорнейше прошу дать мне повеление: пропускать тот гарнизон в Каменец или нет? Собою я на остановку оного решиться не могу, понеже и сие б было поступок гостинной против республики. Впрочем, считаю, что сие умножение опасным нам быть не может, ибо и с тем вряд еще будет ли две тысячи человек в Каменце, и тако наруже то для нас не опасно, а внутри они, скорее, запасенный там хлеб съедят. Мы же, когда соберемся и двинемся к Днестру, то тогда бы, имев Каменец окруженным, считаю я, притеснив окруженным его несколько, скорее можно будет в ту пору в свои руки его достать, но надлежит для сего, как и для успеха будущей кампании, чтоб армия князя Александра Михайловича Голицына скорее в Польшу вступила и к Днестру приближалась, дабы предупредить большие силы неприятельские и не в глазах их все учреждения делать. <...> Между прочим, в выше писанном моем разговоре с королем он меня весьма уверял, что Каменец, конечно, не отдастся в руки туркам и будет стойко защищаться, что, дав тем время на выручку к нему прийти. Я на сие Его величеству отвечал, что, хотя и желаем мы, конечно, чтоб Каменец в турецких руках не был и стараться о том по возможности не упустим, но не вижу я, каким образом мы на выручку сей крепости прийти можем, если бы она осаждена была, не быв верными, чтоб она и по нам стрелять не стала, если мы в своих движениях, выручая ее, близко к ней приближимся, и что я не стыжусь сказать, быв один из тех, кои в сей армии Ея Императорского Величества служить будут, что не умею придумать способа, коим бы можно нам было выручить Каменец, не подвергая себя опасности, если мы не верны будем в сей крепости. А с другой стороны, не рассудительно бы было нам сей опасности подвергаться за место, не имеющее с нами никакого согласия»⁵⁰. Таким образом, Репнин детально проанализировал роль Каменца-Подольского в грядущих военных действиях. При этом его рассуждения недвусмысленно подводили к выводу о том, что исход вопроса о Каменце будет зависеть исключительно от успеха

⁵⁰ Там же.

операций 1-й армии А. М. Голицына на Днестре, где ключевым в военном отношении оставался турецкий Хотин.

Ответ Н. И. Панина на эту депешу Репнина последовал безотлагательно в самом начале марта 1769 г.⁵¹ Причем из содержания депешки следует, что она не просто была утверждена императрицей, но в значительной мере ею продиктована. Адресованные Репнину директивы сводились к следующему: после объяснений с польским королем больше не следует предпринимать чего-либо для занятия Каменца. По собственным словам Екатерины, «оставляя до времени исполнение всякого на Каменец покушения и сюрприза, старались вы только продолжительно содержать и сохранять те интеллигенции, кои вы иногда там сыскать предупели, ибо они, если нужда и обстоятельства того потребуют, впредь весьма пригодиться могут»⁵². Усиление гарнизона в Каменце дополнительными польскими войсками, о чем спрашивал Репнин, было выгодно для Петербурга, так как, во-первых, усиливало противостояние с турками, а во-вторых, ослабляло конфедератов внутри страны, поскольку переведенные в Каменец польские войска едва ли присоединились бы к баржанам. В-третьих, усилия правительства в этой области добавляли хлопот польским властям, что ограничивало для них свободу маневра.

В Петербурге полагали, что до весны 1769 г. активных боевых действий не будет. Однако, вопреки ожиданиям, в конце января крымский хан Крым-Гирей во главе 70-тысячной орды вторгся в Елисаветградскую провинцию. Татары не решились атаковать Елисаветград, опасаясь крепостной артиллерии, и рассеялись для опустошения и грабежа провинции. Захватив добычу и пленных, они отступили за Днестр, а хан отправился в Константинополь, везя султану в подарок пленных женщин⁵³. 1-я армия под командованием А. М. Голицына, как и было определено в планах Императорского совета, собралась в апреле 1769 г. в Подолии и, чтобы не допустить турецкого вторжения в Речь Посполитую, переправилась в конце апреля через Днестр и в первых числах мая подошла к Хотину. Первые столкновения с турками сложились для русских

⁵¹ Н. И. Панин — Н. В. Репнину 20 февраля (2 марта) 1769 г. // Сб. РИО. Т. 87. С. 335–339.

⁵² Там же. С. 335–336.

⁵³ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. С. 275–276.

успешно. Но Голицын не решился ни на штурм, ни на осаду крепости и через месяц вернулся на левый берег Днестра⁵⁴. Действия главнокомандующего до сих пор вызывают споры среди исследователей⁵⁵. Отступление русской армии объяснялось отсутствием осадной артиллерии, которую не успели доставить с территории России, состоянием Молдавии (по словам С. М. Соловьева, «страшно разоренной турками»), опасностью приближения многочисленной и неразбитой турецкой армии, о силах которой не было достоверных сведений. Наконец, А. М. Голицын действовал в полном соответствии с директивами императорского Совета. Однако начало кампании вызвало недовольство императрицы, вылившееся в отозвание Голицына и назначение на его место Румянцева.

Начало в апреле 1769 г. военной кампании на Днестре и инструкции Н. И. Панина не предъявлять в дальнейшем требований о занятии русскими войсками Каменца-Подольского не устранили названной проблемы из сферы внимания русских дипломатов и военных в Речи Посполитой и интереса к ней со стороны других европейских дворов, прежде всего Вены и Версаля. Еще в начале февраля 1769 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину о вступлении татар через Балту в Брацлавское воеводство Речи Посполитой, о чинимых ими разорениях и об отсутствии реакции на это со стороны короля Станислава Августа и Чарторыхских. Посол полагал, что это указывает на сговор «фамилии» с барскими конфедератами, хотя достоверных сведений об этом и не было. Свидетельством этого, по мнению Репнина, было присутствие на собрании конфедератов в Тешене под предводительством Адама Красиньского людей, по слухам, «совершенно преданных воеводе русскому» (Августу Чарторыхскому).

В этой достаточно напряженной ситуации Репнин вновь обратился к теме Каменца и сообщил, что попытался привлечь себе на помощь прусского резидента в Варшаве Г. Бенуа. По словам прусского дипломата, сделанные им соответствующие заявления были отвергнуты

⁵⁴ Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen Rußland, Polen und Ottomanischen Pforte. Th. 1–36. Frankfurt und Leipzig, 1771–1775; Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie. St-Petersbourg, 1773; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. С. 275–276.

⁵⁵ См.: Каширин В. Б. Днестровская кампания генерала князя А. М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–31.

Станиславом Августом, как и в случае демарша Репнина⁵⁶. В начале апреля Панин вновь повторил прежние инструкции: не препятствовать снабжению крепости и пополнению ее гарнизона и следить, чтобы Каменец не был сдан туркам или конфедератам⁵⁷. Незадолго до начала апрельского наступления 1-й армии А. М. Голицына Н. В. Репнин доверительно писал Н. И. Панину о положении на театре военных действий и на прилегающих польских территориях⁵⁸, решительно выражая несогласие с планами Голицына и Военной коллегии. Посол возражал против «обнажения столь нужных постов как Люблин, Львов и Броды. Согласен я, — писал Репнин, — что мне надо о польских делах попечение иметь, но сии места столь же для него нужны, сколь и для меня... а теперь по учиненному распоряжению и по обнажении вышеписанных постов недели через три или четыре ничего мы ведать друг о друге не будем, как разве через публичные слухи. Ибо всемерно возмутители, заняв Львов, заразу свою распространят в окрестностях оного, также в воеводствах Люблинском, Бельском и Волынском... А наконец, скажу я, что, если веймарнов корпус отсюда князь Александр Михайлович возьмет, то не советую я оставлять здесь никакого русского духу ибо хотя б то и какого освещенного характера ни был, все то не помешает, чтоб перерезаны все оставшие не были, да и королю тут же, конечно, зарезану быть, как скотине, без обороны неприятно. <...> А должен я сказать, что во Львове и в прочих вышеписанных местах, несумненно, и свободно возмутители сандомирские, не успеем осмотреться, как будет их тысяч 12 человек, если свободные руки князь Александр Михайлович им оставит, ибо во всех тех местах дворянство мелкое весьма многочисленно, а имея он сии у себя в спине, весьма, конечно, тем обеспокоен будет»⁵⁹.

В первой половине 1769 г. Каменец-Подольский и его гарнизон неизменно оставался главным и единственным военным и административным центром официальных властей Речи Посполитой на юго-востоке шляхетской республики. Правда, несмотря на практически

⁵⁶ Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Р. С. к депеше от 8 (19) февраля 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 954. Л. 25–26.

⁵⁷ Н. И. Панин — Н. В. Репнину. СПб, 27 марта (7 апреля) 1769 г. // Сб. РИО. Т. 87. С. 370–371.

⁵⁸ Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Собственноручный Р. С. К письму от 3 (14) апреля 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 956. Л. 38–40.

⁵⁹ Там же.

двукратное увеличение гарнизона (о чем, в частности, шла речь в переписке Репнина и Панина и на что в Петербурге было дано согласие), И. де Витте не предпринимал активных действий против конфедератов, за исключением отдельных случаев, как, например, сопровождение освобожденного из татарского плена русского офицера⁶⁰. Пассивность группировки правительственных войск в Каменце, несмотря на то что их силы были вполне сопоставимы с силами конфедератов, объяснялась прежде всего официальной позицией нейтралитета польского короля и властей республики как по отношению к признаваемой законной Барской конфедерации, так и по отношению к Османской Порте в русско-турецкой войне. Однако было и второе немаловажное обстоятельство. В городе Каменце находили убежище немалое число шляхтичей, духовенства, а также участники крестьянских восстаний (гайдамаки). Присутствие тех и других угрожало внутренними конфликтами и положению крепости в случае атаки или осады извне. Об этом де Витте информировал Военную комиссию в феврале — марте 1769 г.⁶¹

В начале марта 1769 г. русские войска предприняли наступление на конфедератов в Подолии, в частности с целью подготовки плацдарма для операций 1-й армии А. М. Голицына на Днестре. Конфедераты были разбиты под Репинцами, а затем — взяты Жванец и Окопы Св. Троицы. Де Витте доносил в Военную комиссию 11 марта 1769 г., что русские силами до 1,5 тыс. чел. 8 марта с ходу атаковали Окопы, где им противостояли до 320 чел. во главе с Казимиром Пулавским, заняли крепостные валы, что вызвало паническое бегство оборонявшихся. Только немногим из них удалось переправиться через Днестр, а большинство были взяты в плен, и захвачены 6 пушек. Потери русских — 5 убитых и около 15 раненых. В Жванце стоял отряд конфедератов в 300–400 чел. с двумя пушками во главе с Франциском Пулавским. Замок контролировал переправу через Днестр напротив Хотина. Русские атаковали Жванец в ночь с 8 на 9 марта. Конфедераты, укрывшись в замке, подожгли город и оказали упорное сопротивление⁶². По некоторым свидетельствам, поддержку им оказали турки,

⁶⁰ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 314–315.

⁶¹ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 18 II — 5 III 1769 // ANKt. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 225–242.

⁶² *Konopczyński W.* Konfederacja barska. T. 1. S. 189; *Nicieja S.S.* Twardze kresowe Reczypospolitej. Historia, legendy, biografie. Warszawa, 2006. S. 116.

стреляя через Днестр из одного орудия. Несколько десятков османов пытались перейти на польский берег, но были остановлены по приказу хотинского паши⁶³. В перерыве между русскими атаками оборонявшиеся бежали из крепости в Брагу, переправившись там на турецкую сторону, оставив на поле боя 50 убитых и две пушки. В плен сдались 19 чел.⁶⁴ В итоге мартовского русского наступления в Приднестровье край был очищен от конфедератов, которые отступили на турецкую сторону, а русские войска заняли позиции по линиям коммуникаций Каменца с Варшавой. Однако, когда в середине апреля в Каменце стало известно о движении к Днестру армии А. М. Голицына, Витте полагал, что фельдмаршал не решится на серьезные наступательные действия⁶⁵. В последующих донесениях каменецкий комендант не раз менял свое мнение в зависимости от военной ситуации на Днестре, однако данное суждение де Витте представляется примечательным.

28 апреля 1769 г. армия Голицына начала переправу через Днестр и 30 апреля подошла к Хотину. Из Каменца было видно, что Хотин охвачен пожарами, но Витте не знал, подожгли крепость русские или сами турки. Он сообщал, что турки согнали в крепость все окрестное население и собрали людей на валах. Витте также доносил, что русские установили у крепости батареи, начали обстрел Хотина и якобы намеревались предпринять штурм в ночь на 1 мая⁶⁶. Однако штурм не состоялся. 5 мая Голицын с армией вернулся на польскую сторону. За отступившими русскими войсками последовали турки и татары, грабя местное население. 1-я армия А. М. Голицына отошла в глубь Волыни к Меджибожу, где располагались основные продовольственные магазины. Военные действия были прерваны на несколько месяцев.

В донесениях в Военную комиссию Витте оценивал итоги наступления А. М. Голицына в апреле — мае 1769 г. как неудачу. Того же мнения придерживались недоброжелатели главнокомандующего

⁶³ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 11 III 1769 // ANKr. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 243–244.

⁶⁴ *Цесельски Т.* Барская конфедерация на Подолии. С. 315–316.

⁶⁵ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 15 IV 1769 // ANKr. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 274.

⁶⁶ Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski 1 V 1769 // ANKr. Archiwum Sanguszków. 689. T. 1. K. 275–279.

в Петербурге, мнение которых разделяла и Екатерина II. Однако не столь однозначно они воспринимались и оценивались в Варшаве, в Вене и в Версале. В середине мая, сообщая в Петербург об успехах А. М. Голицына против турок, Н. В. Репнин писал, что эти успехи известны в Варшаве, но не произвели на правительство никакого впечатления, так как Хотин по-прежнему в руках турок⁶⁷. В начале июня 1769 г. русский посол доносил о занятии австрийскими войсками Ципского староства (что в историографии расценивается как первый акт раздела Польши). «Староство Ципское, — писал Репнин, — теперь, по известиям, занято цесарскими войсками, коих в оное, сказывают, введено до 400 человек с повелением не допускать возмутителей там грабить, а в прочем в дела их никак не мешаться»⁶⁸. Примечательно, что описанные меры австрийских властей в известной мере предвосхищали систему кордонов держав-захватчиков, установленную в 1771 г. Введение австрийских войск в староство в мае 1769 г. означало, что венский двор, вероятно, осознал наметившиеся изменения в ходе противостояния России и Османской Порты и готовил почву для своего будущего участия в политическом урегулировании. Косвенно об этом свидетельствуют реляции русского посла в Вене Д. М. Голицына (брата главнокомандующего). В первой половине июля 1769 г. он прислал в Петербург так называемые «Письма из Константинополя» от 16 и 17 июня⁶⁹. Их происхождения Голицын не раскрывает, вероятно, по соображениям конфиденциальности. Однако по содержанию они представляют собой выдержки из донесений французской и австрийской агентуры в Турции.

В первом письме из Константинополя от 16 июня (н. с.) 1769 г. сообщается о прибытии на Балканы через Константинополь корпусов из азиатских владений, в том числе из Междуречья, из чего следует, что Порта, по словам автора, отказалась от планов вторжения в направлении Астрахани. Основные силы турок были расположены по правому берегу Днестра в Бендерах и Яссах. Согласно турецким оценкам, князь А. М. Голицын занял выгодную позицию вблизи

⁶⁷ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 4 (15) мая 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 956. Л. 7–8.

⁶⁸ Н. В. Репнин — Н. И. Панину 24 мая (4 июня) 1769 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 956. Л. 43.

⁶⁹ Приложения к реляции Д. М. Голицына № 69 от 1 (12) июля 1769 г. // АВПРИ. Ф. 32. Сношения с Австрией. Оп. 6. Д. 489. Л. 19–23, 28 — 31 об.

Каменца, так что русские, по-видимому, не намерены его осаждать. Турки также заняли позицию по эту сторону границы и выделили корпус для усиления гарнизона Очакова. В письме сообщалось, что армия визиря выступила в поход 1 июня с целью перейти Днестр близ Хотина и вступить в Польшу, и далее — что визирь отменил это решение, к чему его побудили барские конфедераты, которые опасались, что большая часть нации восстанет против них, если они приведут турок в Польшу. В письме говорилось о массовом дезертирстве в турецкой армии и об опустошении районов ее расположения⁷⁰, а также была описана ситуация накануне апрельского наступления 1-й русской армии. Важно прозвучавшее в нем признание, что турки были вынуждены сократить наступательные планы, что османы столкнулись с дезертирством и, главное — констатация, что русские не планируют захват Каменца военными средствами. Из этого следовало, что вопрос о Каменце в известной мере вызывал озабоченность французских и австрийских властей. Второе письмо из Константинополя датировано следующим днем, 17 июня (н. с.) 1769 г., однако в нем военная ситуация выглядит существенно иначе, что, вероятно, означает, что первое и второе письма были составлены в разное время, хотя и датированы с последовательностью в один день. Сообщается, что Броньярд (австрийский министр в Константинополе) получил выговор «от своего двора» за сообщение о якобы имевшей место победе турок, в чем, по словам автора, «не видно его вины, так как такие же сообщения сделали и другие министры». Далее в письме говорилось, что «эти известия развеялись, как дым», что паши отступили в Яссы, 60-тысячная турецкая армия разбита под Хотинем, остатки ее отступили в Константинополь. В письме сообщалось, что дезертирство турок приобрело массовый характер, а власти не решаются учинить следствие над дезертирами, что ожидается указ о запрете под страхом смерти говорить о военных действиях. Тем не менее, по словам автора, везде говорят, что «Очаков взят, а Крым опустошен, что часть флота разбита, Кушам сожжен, а Хотин в руках русских»⁷¹. Указанные явно преувеличенные алармистские слухи и настроения, а также другие свидетельства позволяют заключить, что майское отступление А. М. Голицына на левый (польский) берег Днестра

⁷⁰ Приложения к реляции Д. М. Голицына № 69 от 1 (12) июля 1769 г. Л. 19–23.

⁷¹ Там же. Л. 28 — 31 об.

не поколебало убеждения при европейских дворах в превосходстве России над Портой и что это представление распространялось и среди населения турецких владений.

Спустя два месяца после майского наступления, в июле — августе 1769 г. Голицын вновь осадил Хотин. К этому времени главнокомандующий уже был отставлен с должности, а на его место был назначен П. А. Румянцев. Как писал С. М. Соловьев, прежде своего отъезда из армии Голицын «успел отнять у турок побуждение к пустому тщеславию». В начале сентября (9 сентября / 29 августа) Али Молдаванджи-паша, перейдя Днестр, напал на русское войско у Каменца, но был разбит, потерпев большой урон. Русские перешли в наступление и в сентябре нанесли туркам новое поражение на Днестре, после чего неприятель покинул Хотин и поспешно отступил к Яссам; пустой Хотин был занят русскими. 29 августа / 9 сентября Голицын оставил армию, над которой принял командование Румянцев. В октябре генерал-поручик И. К. Эльмпт вступил в Яссы и привел жителей к присяге императрице всероссийской. Вскоре был занят и Бухарест⁷², а Екатерина в письме Н. И. Панину назвала себя молдавской княгиней⁷³. Военная кампания 1769 г. против Турции завершилась решительным успехом. Таким образом, военно-политическая актуальность вопроса о Каменце-Подольском, по-видимому, отступила в российско-польских отношениях на задний план. Однако он не был снят с повестки дня, о чем можно найти свидетельства в инструкциях назначенному весной 1769 г. на место Н. В. Репнина М. Н. Волконскому.

Источники

Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1869. III, II с. 1036, LXX ст.

⁷² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. С. 349–350. См.: *Каширин В. Б.* 1) Освободитель Бухареста. Тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М., 2022; 2) Днестровская кампания генерала князя А. М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // *Славяноведение*. 2024. № 1. С. 5–31.

⁷³ Сб. РИО. Т. 10. С. 349–350.

- Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1893.
- Т. 87. Политическая переписка Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 гг. XVIII, 555 с.
- Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., Т. 10. Бумаги императрицы Екатерины II. Т. 2. 1765 — 1771 марта 7-го. XXXVI, 477 с.
- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 79. Сношения с Польшей.
- АВПРИ. Ф. 32. Сношения с Австрией.
- Geschichte des gegenwärtigen Krieges zwischen Rußland, Polen und Ottomanischen Pforte. Bd. 1–36. Frankfurt; Leipzig, 1771–1775.
- Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie. St. Petersbourg, 1773. MDCCCLXIX p., avec IX carte.
- Archiwum Narodowe w Krakowie. Archiwum Sanguszków. 689. Т. 1. (ANKr). Донесения и корреспонденция Яна Витте, коменданта Каменца-Подольского, в Военную комиссию. Апрель 1768 — март 1770 г. (Jan de Witte do Komisji Wojskowej. Kamieniec Podolski).

Литература

- Диалог о книге: А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 4–35.
- История России. М.: Наука, 2025. Т. 5. Кн. 2. 770 с.
- Каширин В. Б. Освободитель Бухареста. Тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М.: Индрик, 2022. 624 с.
- Каширин В. Б. Днестровская кампания генерала князя А. М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–31.
- Носов Б. В. Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Российская история. 2024. № 6. С. 20–35.
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. М.: Мысль, 1994. 638 с.
- Цесельски Т. Барская конфедерация на Подолии и первый период русско-турецкой войны в зеркале переписки коменданта Каменец-Подольской крепости Иосифа де-Витте (зима 1768 — лето 1769 г.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Ч. IV. СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2015. С. 306–320.
- Dukwicz D. Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2022. 518 s.
- Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen, 1991. Т. 1–2.

- Kantecki K.* Szkice i opowiadania. Poznań: J. Leitgeber, 1883. 448 s.
- Lubomirski St.* Pod władzą księcia Repnina. Ułamki paniętników i dzienników historycznych (1764–1768) / oprac. Jerzy Łojek. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1971. 220 s.
- Marcinek R.* Okopy świętej Trojcy // Teka Komisji Urbanistyki i Architektury. 1995. T. XXVII. S. 217–226.
- Nicieja S.S.* Twerdże kresowe Rzeczypospolitej. Historia, legendy, biografie. Warszawa: Iskry, 2006. 214 s.
- Polak T.* Zamki na kresach. Białoruś, Litwa, Ukraina. Warszawa: Pagina; Pracownia Badań i Konserwacji Obiektów Zabytkowych, 1997. 223 s.
- Szczygielski W.* Kuczyński Michał. Polski słownik biograficzny (PSB). T. 16. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1971. S. 91.

References

- Dialog o knige: A.G. Gus'kov, K.A. Kochegarov, S.M. Shamin. Russko-turetskaia voina 1686–1700 gg. *Rossiiskaia istoriia*, 2024, no. 2, pp. 4–35. (In Russ.)
- Dukwicz D. *Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771*. Warszawa, Instytut Historii PAN, 2022. 518 p. (In Pol.)
- Istoriia Rossii*. Moscow, Nauka, 2025, vol. 5, book 2. 770 p. (In Russ.)
- Kashirin V.B. Dnestrovskaia kampaniia generala kniazia A.M. Golitsyna 1769 g. i strategiiia Rossii v otnoshenii kniazhestva Moldavii v nachal'nyi period russko-turetskoi voiny 1768–1774 godov. *Slavianovedenie*, 2024, no. 1, pp. 5–31. (In Russ.)
- Kashirin V.B. *Osvoboditel' Bukharesta. Tainyi emissar Jekateriny II podpolkovnik Nazar Karazin (1731–1783)*. Moscow, Indrik, 2022. 624 p. (In Russ.)
- Konopczyński W. *Konfederacja barska*. Warszawa, Oficyna Wydawnicza Volumen, 1991, vol. 1–2. (In Pol.)
- Lubomirski St. *Pod władzą księcia Repnina. Ułamki paniętników i dzienników historycznych (1764–1768)*, ed. by Jerzy Łojek. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax, 1971. 220 p. (In Pol.)
- Marcinek R. Okopy świętej Trojcy. *Teka Komisji Urbanistyki i Architektury*, 1995, vol. XXVII, pp. 217–226. (In Pol.)
- Nicieja S.S. *Twerdże kresowe Rzeczypospolitej. Historia, legendy, biografie*. Warszawa, Iskry, 2006. 214 p. (In Pol.)
- Nosov B.V. Politika Rossii v Rechi Pospolitoi nakanune i v nachale russko-turetskoi voiny 1768–1774 gg. *Rossiiskaia istoriia*, 2024, no. 6, pp. 20–35. (In Russ.)
- Polak T. *Zamki na kresach. Białoruś, Litwa, Ukraina*. Warszawa, Pagina; Pracownia Badań i Konserwacji Obiektów Zabytkowych, 1997. 223 p. (In Pol.)

Szczygielski W. *Kuczyński Michał*. Polski Słownik Biograficzny, vol. 16. Wrocław, Warszawa, Kraków, Ossolineum, 1971, p. 91 (In Pol.)

Tsesel'ski T. Barskaia konfederatsiia na Podolii i pervyi period russko-turetskoi voiny v zerkale perepiski komendanta Kamenets-Podol'skoi kreposti Iosifa de-Vitte (zima 1768 — leto 1769 g.). *Voina i oruzhiie. Novye issledovaniia i materialy. Trudy Shestoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 13–15 maia 2015 goda*. Part IV. Saint Petersburg, VIMAIV i VS, 2015, pp. 306–320. (In Russ.)

Boris V. Nosov

Dr. Sci. (History)
Head of the Department of Slavic Nations History
in Modern Central Europe
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: b.nosov@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

The question of Kamenets-Podolsky in Russian-Polish politics at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.03

Abstract: The article evaluates the Russian policy towards the Polish-Lithuanian Commonwealth in the initial period of the Russo-Turkish war of 1768–1774 in connection with St. Petersburg's demand in late 1768 and the first half of 1769 to transfer Kamenets-Podolski, the most important military and administrative center in the South-East of the Polish-Lithuanian state, bordering on the possessions of the Ottoman Porte, which were under the control of Russian troops. The main source for the article was the correspondence between the Russian ambassador in Warsaw, N. V. Repnin, and the Head of Russian foreign policy, N. I. Panin. For the government of Catherine II, the importance of Kamenets-Podolski was not limited by its strategic position. The fortress and the city as the political and administrative center of the Szlachta Republic played an important role in stabilising the political situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth under the conditions of confrontation with the Bar Confederation and was of significant importance in the Russian policy, which aimed to preserve the institutions of Polish statehood within the framework of the Polish-Russian treaty of 1768 on the guarantee of the latter. The importance of Kamenets-Podolski became manifest in the first months of the campaign in the spring of 1769, during the first offensive of A. M. Golitsyn's army and the attempted blockade of Khotin, which demonstrated, both in Turkey and at the European courts, the military superiority of Russia over the Ottoman Porte in the war that began, despite the subsequent retreat of the Russian army to the left bank of the Dniester.

Keywords: Russian-Turkish War of 1768–1774, Polish-Lithuanian Commonwealth, Bar Confederation, Russo-Polish Treaty of 1768 of the guarantee of the State structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Kamenets Podolski, the king Stanislaw August Poniatowski, N. V. Repnin, 1st Russian Army of A. M. Golitsyn

Юрий Андреевич Лабынцев

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: u.labyncev@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-7900-6143

Хроника рода Иоахима Хрептовича — материалы к анализу выбора этнокультурной и государственно-политической идентичности (конец XVIII — начало XIX века)

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.04

Аннотация: Насыщенная яркими событиями жизнь последнего канцлера Великого княжества Литовского графа Иоахима Литавора Хрептовича (1729–1812), ближайшего сподвижника короля Станислава Августа Понятовского, пришлась на период краха государственности Речи Посполитой, в колоссальной мере повлиявшего на развитие национального самосознания населявших ее народов, в том числе восточнославянских. Рукописная хроника рода Хрептовичей фиксирует начало этого многолетнего процесса среди части высших слоев населения ликвидированной страны, изначально в значительном своем числе на протяжении многих столетий бывших православными и даже при принятии католичества остававшихся все теми же «gente Rutheni». Об Иоахime Хрептовиче написано очень мало, а в польской историографии к нему, как к осознанному стороннику сближения с Россией, особого интереса проявлено не было. В последние годы о нем стали все чаще упоминать в связи с судьбой богатейшей библиотеки, для которой в его резиденции в Щорсах было выстроено специальное совершенно уникальное здание библиотеки, чудом сохранившееся до сих пор. Книжные и рукописные богатства, собранные Хрептовичем, были одними из самых значительных во всей Европе.

Ключевые слова: Речь Посполитая, польско-восточнославянское сообщество, Российская империя, Великое княжество Литовское, канцлер Иоахим Хрептович

О последнем канцлере Великого княжества Литовского, Русско-го и Жемойтского Иоахime Литаворе Хрептовиче писалось очень мало. В польской историографии он давно получил звание «решительного сторонника России»¹, и потому особого интереса к его

¹ *Iwaszkiewicz J.* O dwóch Joachimach Chreptowiczach. Wilno, 1937. S. 2.

особе проявлено не было². Собственно, по сей день существует всего лишь одна опубликованная в 2007 г. небольшая книга о И. Хрептовиче, в которой сделан упор на анализе его жизни и деятельности в период Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг.³ Попытка рассказать в специальной монографии-справочнике о всем роде Хрептовичей «литовско-русской ветви», где отведено и некоторое место Иоахиму Литавору⁴, была оценена польскими историками весьма критично⁵. В то же время в последние годы о самом Иоахиме Литаворе стали упоминать все чаще в связи с судьбой его богатейшей библиотеки, оставленной им в наследство не только детям, но и через них родной земле⁶, где в своей резиденции Щорсы (ныне агрогородок в Гродненской области Республики Беларусь) ему удалось создать не только образцовый и весьма успешно действовавший хозяйственный комплекс, но и один из самых выдающихся региональных культурных центров⁷.

² *Iwaszkiewicz J.* Chreptowicz Joachim Litawor // *Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1937. T. 3. S. 441–443.

³ *Tracki K.* Ostatni kanclerz Litewski: Joachim Litawor Chreptowicz w okresie Sejmu Czteroletniego 1788–1792 (z dodatkiem dziejów rodu i życia kanclerza w okresie wcześniejszym). Wilno, 2007.

⁴ *Ryżewski G.* Ród Chreptowiczów herbu Odrowąż: Dobra i kariery Chreptowiczów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV–XVIII w. Kraków, 2006. S. 161–206.

⁵ *Szwaciński T.* Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej: Postanowienie problemu // *Kwartalnik Historyczny*. 2011. No. 1. S. 47–48.

⁶ В 2009 г. итогом совместного проекта по исследованию книжного собрания рода Хрептовичей Украинской (где в настоящее время хранится коллекция книг и рукописей из библиотеки Хрептовичей) и Белорусской национальных библиотек стал DVD-диск «Книжное собрание рода Хрептовичей», выпущенный под эгидой Национальной библиотеки Беларуси, Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО в 2009 г. В 2010 г. было выпущено второе издание этого диска. См. также: *Фурс А.* Бібліятэка Храптовічаў // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Мінск, 2005. Т. 1. С. 328; *Лабынцев Ю.* Родовая библиотека графов Хрептовичей в развитии восточноевропейской гуманитаристики XIX века // Библиотека в контексте истории: Материалы 9-й Международной научной конференции. Москва, 3–4 октября 2011 г. М., 2011. С. 185–192; *Лабынцев Ю. А., Шавинская Л. Л.* Великий книголюб канцлер Иоахим Хрептович // Библиофильство и личные собрания. М., 2013. С. 161–166.

⁷ *Aftanazy R.* Szczorse // *Aftanazy R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. 2: Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. Wyd. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. S. 371–379.

Родился Иоахим Литавор Хрептович 4 января 1729 г. в имении Ясенце, затем жил в фамильной резиденции Щорсы. Образование он получил в Вильне, Брунсберге и Несвиже. В 1752 г. начинается его успешная политическая карьера — он становится новогрудским стольником. В 1765 г. Иоахим Литавор — уже маршалок Литовского Трибунала, в 1773 г. — подканцлер Великого княжества Литовского, а с начала 1790-х гг. — министр иностранных дел и канцлер. Многочисленные зарубежные путешествия по Европе, сближение там с видными общественными деятелями и учеными оказали на него большое влияние как на реформатора в сфере экономики, культуры и образования. Эти свои реформы, весьма успешные как в общегосударственном масштабе, так и в границах собственных имений, И. Хрептович тщательно готовит⁸, свидетельством чего служат, в частности, различные сохранившиеся документальные материалы, сберегающиеся в собраниях разных стран, в том числе России, например в именном фонде «Бутеневы и Хрептовичи»⁹.

Так, желая улучшить такую важную и доходную тогда отрасль хозяйствования, как пчеловодство, имеющую в Европе богатые многовековые традиции, И. Хрептович не только пытается досконально разобраться во всех ее особенностях, но и на примере своего щорсовского имения показывает в специальном трактате приемы и методы ее усовершенствования, приносящие прямую выгоду¹⁰.

Особенно памятна по сей день деятельность И. Хрептовича в области образования и науки. Он являлся одним из организаторов знаменитой Комиссии народного образования, первого подобного учреждения в мировой практике, комиссаром департамента школ Великого княжества Литовского, реформатором Виленской академии, где когда-то получил образование, наконец, одним из основателей научного общества в Варшаве.

Ученые и государственно-политические заслуги И. Хрептовича были многократно отмечены на родине и за ее рубежами, а его большая симпатия к Франции, ее устройству и науке способствовали тому, что уже в 1768 г. он становится членом парижского

⁸ Довнар-Запольский М.В. Страница из истории крепостного права XVIII–XIX вв. М., 1906.

⁹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 607.

¹⁰ Opisanie gospodarstwa pszczolowego w Szczorsach, sporządzone w roku 1785. Warszawa, 1785.

Общества экономистов. Книжные и рукописные богатства, собранные И. Хрептовичем, область его особого личного увлечения всей жизни, ставшие ныне предметом острого многолетнего владельческого спора нескольких европейских стран, были одними из самых значительных во всей Европе. Для этих документальных богатств граф в своей резиденции в Щорсах, расположенной на берегу Немана к востоку от города Новогрудка, выстроил специальное, совершенно уникальное здание библиотеки, чудом сохранившееся до сих пор.

Потомок древнего православного рода, о котором И. Хрептович написал целое историческое исследование, как он сам указывал, на огромном числе многочисленных источников, верно служа своему отечеству, о чем уже в 1766 г. свидетельствовал сам польский король¹¹, осознанно поддерживал сближение с Россией.

Ближайший сподвижник последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского Иахим Литавор умирает незадолго до нашествия Наполеона на Россию. Происходит это 4 марта 1812 г. в его дворце в Варшаве на улице Длугой.

Последние годы жизни И. Хрептовича были наполнены особенной тревогой за судьбы его детей, прежде всего двух сыновей, которым он завещал свои огромные образцовые имения, в первую очередь Щорсы, где выстроил красивейший дворец и завел образцовое в масштабах всей Европы высокодоходное хозяйство, причем не только сельское, но и промышленное. Убежденный физиократ, пошедший далее своих западноевропейских однодумцев, он не только раскрепостил собственных крестьян, но и создал для них специальные оригинальные условия профессионального образования.

Окончательный раздел Речи Посполитой в 1795 г. стал важнейшим стимулирующим моментом в работе И. Хрептовича над историей своего рода, которая явилась не только его многолетним поиском собственной идентичности, но и своеобразным национально-политическим обращением к своим потомкам.

Последний канцлер Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского заинтересовал меня еще в университетские годы, когда удалось начать сбор материалов о нем в различных польских архивах. Тогда же возник интерес и к написанной им хронике рода,

¹¹ Lietuvos valstybinio istorijos archyvas. Ф. 3899. Оп. 3. Ед. хр. 189. Л. 126.

которая в рукописном виде получила известность¹² и даже была перепечатана В. Коротыньским, уверявшим, что полностью¹³, но на самом деле с исключением очень важных историко-политических и личностных констатаций автора, чего не заметили, к сожалению, более поздние исследователи, в том числе и белорусские¹⁴.

Хроника рода была составлена на основании большого числа разнообразных источников, собиравшихся И. Хрептовичем во многих хранилищах, прежде всего государственных, церковных и частных, включая свои собственные. Вот как сам последний канцлер Великого княжества Литовского сообщает своим детям, откуда он брал необходимые материалы: «Источники, из которых заимствовал, следующие: Архивы Речи Посполитой, Метрики В[еликого] Кн[язества] Литовского, различные рукописи, содержащие правдивые материалы, авторы отечественные давние и новые, старые генеалогии, находящиеся в архивах дома, наконец, монументальные произведения и заметки, которые в Ваших имениях и костелах видеть приходилось»¹⁵.

Мастерство И. Хрептовича, историка и политического аналитика, прямым образом отраженное в хронике рода, в немалой степени дополнялось его талантом писателя, поэта и публициста, автора множества различных произведений и огромной переписки, переводов и редакторских работ. Перед нами хроника многовекового восточнославянского рода — феноменальный памятник, как никакой другой последовательно и строго аргументированно раскрывающий процесс вероисповедных, этнокультурных и политических изменений в этой, бывшей до XVII в. православной, среде. Весь этот материал дает возможность приблизиться к пониманию И. Хрептовичем

¹² См., напр., очень важный список для изучения истории хроники, ее составления и бытования, а также имеющий дополнительное объемное документальное приложение, касающееся семейства Хрептовичей, из собрания известного польского коллекционера графа А.Т. Дзялыньского, основателя знаменитой Курницкой библиотеки: «Pamiętnik rodu Litaworów Chreptowiczów od początku jak wiadomość zasięga do roku 1795» (Biblioteka Kórnicka. Zbiory Specjalne. Syg. BK 01308).

¹³ W.K. Pamiętnik rodu Chreptowiczów // Kronika Rodzinna. 1890. S. 609.

¹⁴ *Стиридинов М.Ф.* «Памятка о роде Литаворов Хрептовичей...» Ёахима Хрептовича // *Архівы Беларусі на рубяжы XX–XXI ст.ст.: Гісторыя, стан, перспектывы развіцця: Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск. 8–9 лют. 2000 г.* Мінск, 2001. С. 92.

¹⁵ Pamiętnik Rodu Litaworów Chreptowiczów od początku iak wiadomość zasięga do Roku 1795 // *Національна бібліотека України ім. В.І. Вернадського. Інститут рукопису (далее НБУ. ІР).* Ф. 1. Ед. хр. 6014. Л. 1–2.

необходимости найти путь для самого себя и своих детей в новой геополитической обстановке и поддерживать курс на сближение с Россией. В данной связи весьма показательны его слова — завет сыновьям Адаму и Иеринею, помещенный в хронике, трактующий тогдашнюю «смутную эпоху отделения» их края от Польши как период в соединении «Отчизны вашей» с «гигантской Империей», что неизбежно приведет к новому переделу внутрисоюзных отношений. При этом они, его сыновья, должны определить и закрепить свое место, гарантирующее им благополучие¹⁶.

Правильно воспринять многие моменты повествования в хронике и отдельные понятия, использованные автором, помогают его научные трактаты, прежде всего «О природном праве» («O prawie natury»)¹⁷ с комплексом заключенных в них определений, в том числе и таких сложных как, например, «народ». По сути, все они — необходимый шифр для правильной реконструкции общего социально-политического и экономического видения И. Хрептовича и адекватного прочтения его хроники. Верной ее трактовке помогает и знакомство с писаниями единомышленников и близких друзей И. Хрептовича, таких как ректор Виленской академии, а в конце жизни католический епископ Иероним Стройновский (1752–1815) с его собственным учением «Права народов» («Prawa Narodów»)¹⁸, и виленский католический епископ Игнатий Якуб Массальский (1729–1794) «из великих русских князей», как он сам себя официально именовал¹⁹, зверски убитый летом 1794 г. в Варшаве восставшими костюшковцами.

Хроника И. Хрептовича начинается прямым обращением его к детям Адаму и Иеринею, «дорогим сыновьям моим», которым отец хочет представить богатую историю их рода почти с незапамятных времен «до начала жизни вашей». Ибо в том существует насущная необходимость познания, кем мы являемся, «кем были» наши предки, как они жили, что творили и «что с ними стало». Впрочем, как тут же в начале хроники подчеркивает И. Хрептович, «имел и иную причину

¹⁶ Там же. Л. 33–34.

¹⁷ [Chreptowicz J.] O prawie natury. Warszawa: Drukarnia Gazety Warszawskiej, 1814.

¹⁸ Strojnowski H. Nauka Prawa Przyrodzonego, Politycznego, Ekonomiki Polityczney y Prawa Narodów. Wilno, 1785.

¹⁹ Епископская грамота «Ignacy Jakub z Wielkich xiąząt ruskich Massalski... Biskup Wilenski» ([Wilno, 1780–1790]).

предприятия этой работы», имея в виду наступившие новые политические обстоятельства, связанные с полным крахом Речи Посполитой. Тем не менее и в эти трагические времена нельзя забывать о благородстве, любви и верности, следует оставаться опорой для своих близких, для всего своего рода²⁰.

Всего в хронике И. Хрептович описывает жизнь 12 поколений своего рода, в общей сложности около 130 конкретных лиц из разных его ветвей начиная с самого конца XIV и до начала XIX в. При этом резиденция всего рода в Щорсах «самая древняя», она была его собственностью уже во времена «князя Витольда», то есть знаменитого великого князя Великого княжества Литовского Витовта, жившего в 1350–1430 гг. Центр волынской ветви рода Хрептовичей в Богурине, что на берегу Горыни, а гродненской ветви — в Красном бору, что на берегу реки Бобр.

Знаток современных ему живых языков и местного народного просторечия, И. Хрептович использует в своем исследовательском поиске все из них, а также особенно активно латинский и, конечно же, «*ruski język*» для работы с кириллографичными источниками, в том числе летописями и различными актовыми документами. Особым подспорьем при этом стал для автора находящийся в «домовом архиве древний отдел имения Щорсы», писанный «*ruskim językiem*»²¹.

Среди представителей древнего рода Хрептовичей были видные православные деятели, в том числе епископы и архимандриты крупнейших православных монастырей, включая Киево-Печерскую лавру. Пример тому — скончавшийся в самом конце XVI в. православный владимирско-брестский епископ Мелетий Хрептович, ярый противник унии с католиками, патронировавший брестских мещан в их намерении основать при Николаевской церкви православное братство и школу по львовскому примеру. «Русскость» рода и его православность помогали польским королям и великим князьям литовским в сложных переговорных процессах с Московским государством. Особенно подробно пишет об этом И. Хрептович в связи с замужеством дочери великого московского князя Ивана Васильевича Елены. Как точно устанавливает автор хроники по имеющимся у него родовым документам, великий князь Великого княжества

²⁰ НБУ. IP. Ф. 1. Ед. хр. 6014. Л. 1–2.

²¹ Там же. Л. 2–3.

Литовского и польский король Сигизмунд I 12 декабря 1522 г. отдает Федору Хрептовичу «в опеку Лаврышевский монастырь», одну из самых древних православных монашеских обителей, расположенную в непосредственной близости от Щорс, к северу от них.

Писанные «*ruskim językiem*» документы помогли И. Хрептовичу составить и подробное жизнеописание своего знаменитого православного предка Мартына Хрептовича, одного из организаторов известного «восстания» Михаила Глинского. От этого Мартына сына Богдана, подчеркивает И. Хрептович, и «начинается линия, которая непрерывной нитью дойдет до вас, мои дорогие сыновья», а иные линии, увы, угасают²².

В хронике И. Хрептович помещает и свое собственное жизнеописание²³. Оно чрезвычайно важно для нас, в том числе и как характеристика внутренних событий, происходивших в Речи Посполитой в XVIII столетии, описания многочисленных «разрух в Польше». Примечательно, что в этом жизнеописании появляются и определения «Белорусский», «*dobra Białoruskie*».

Рукописный экземпляр хроники, который цитировался мной в этой статье, принадлежал самому И. Хрептовичу, а затем его детям²⁴. На его листах осталось множество следов дальнейшей истории рода, следов весьма символических, теснейшим образом связанных с определением его представителями XIX–XX вв. своей идентичности, в основание которой положена многовековая начальная принадлежность их к миру «*gente Rutheni*».

Источники

Biblioteka Kórnicka. Zbiory Specjalne. Syg. BK 01308.

Lietuvos valstybinio istorijos archyvas. Ф. 3899.

Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського. Інститут рукопису. Ф. 1.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 607.

²² Там же. Л. 18–21.

²³ Там же. Л. 28–32.

²⁴ НБУ. ІР. Ф. 1. Ед. хр. 6014. Рукопись оправлена в кожаний переплет с золотым обрезом в большую 4-ю долю листа. Всего в ней 48 листов, из них 38–46 и 48 — чистые. На 47-м листе воспроизведено генеалогическое древо рода Хрептовичей, более поздние пометы на нем — на русском языке.

Книжное собрание рода Хрептовичей: [электронный ресурс] / Национальная библиотека Беларуси, Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского, Национальная комиссия Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО. Минск: НББ, 2009. 1 электронный оптический диск (DVD-ROM).

Библиотека Хрептовичей: [электронный ресурс] / Национальная библиотека Беларуси, Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. 2-е изд. Минск: НББ, 2010. 1 электронный оптический диск (DVD-ROM).

Литература

Лабынцев Ю. Родовая библиотека графов Хрептовичей в развитии восточноевропейской гуманитаристики XIX века // Библиотека в контексте истории: Материалы 9-й Международной научной конференции. Москва, 3–4 октября 2011 г. М.: Пашков дом, 2011. С. 185–192.

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Великий книголюб канцлер Иоахим Хрептович // Библиофильство и личные собрания. М.: Пашков дом, 2013. С. 161–166.

Спиридонов М.Ф. «Памятка о роде Литаворов Хрептовичей...» Ёахима Хрептовича // Архівы Беларусі на рубяжы XX–XXI ст.ст.: Гісторыя, стан, перспектывы развіцця: Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск. 8–9 лют. 2000 г. Мінск: БелНДІДАС, 2001. С. 91–98.

Фурс А. Бібліятэка Храптовічаў // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2005. Т. 1. С. 328.

Aftanazy R. Szczerse // Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. 2: Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. Wyd. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1992. S. 371–379.

Ryżewski G. Ród Chreptowiczów herbu Odrowąż: Dobra i kariery Chreptowiczów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV–XVIII w. Kraków: Avalon, 2006. 352 s.

Szwaciński T. Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej: Postanowienie problemu // Kwartalnik Historyczny. 2011. No. 1. S. 47–48.

Tracki K. Ostatni kanclerz Litewski: Joachim Litawor Chreptowicz w okresie Sejmu Czteroletniego 1788–1792 (z dodatkiem dziejów rodu i życia kanclerza w okresie wcześniejszym). Wilno: Czas, 2007. 253 s.

References

Aftanazy R. Szczorse. *Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*. Vol. 2: Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. 2nd edition. Wrocław, Warszawa, Kraków, Ossolineum, 1992, pp. 371–379. (In Pol.)

Furs A. Bibliiatėka Khraptovičau. *Vialikaje kniaŭstva Litoŭskaje: Ėntsyklapedyia*. Minsk, Belaruskaja Ėntsyklapedyia imia Petrusia Broŭki, 2005, vol. 1, p. 328. (In Bel.)

Labyntsev Ju. Rodovaia biblioteka grafov Khreptovičei v razvitii vostochnoevropeiskoi humanitaristiki XIX veka. *Biblioteka v kontekste istorii: Materialy 9-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 3–4 oktiabria 2011 g. Moscow, Pashkov dom, 2011, pp. 185–192. (In Russ.)

Labyntsev Ju. A., Shchavinskaia L. L. Velikii knigoliub kantsler Ioakhim Khreptovich. *Bibliofil'stvo i lichnyje sobraniia*. Moscow, Pashkov dom, 2013, pp. 161–166. (In Russ.)

Ryżewski G. *Ród Chreptowiczów herbu Odrowąż: Dobra i kariery Chreptowiczów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV–XVIII w.* Kraków, Avalon, 2006, pp. 161–206. (In Pol.)

Spiridonov M. F. “Pamiatka o rode Litavorov Khreptovičei...” Jeakhima Khreptoviča. *Arkhivy Belarusi na rubiazhy XX–XXI st.st.: Historyia, stan, perspektyvy razvitsia*: Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Minsk. 8–9 liut. 2000 h. Minsk, BelNDIDAS, 2001, pp. 91–98. (In Bel.)

Szwaciński T. Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej: Postanowienie problemu. *Kwartalnik Historyczny*, 2011, no. 1, pp. 47–48. (In Pol.)

Tracki K. *Ostatni kanclerz Litewski: Joachim Litawor Chreptowicz w okresie Sejmu Czteroletniego 1788–1792 (z dodatkiem dziejów rodu i życia kanclerza w okresie wcześniejszym)*. Wilno, Czas, 2007, 253 p. (In Pol.)

Jurij A. Labyntsev

Dr. Sci. (Philology)
Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences,
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: u.labyncev@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-7900-6143

**A chronicle of the family of Joachim Hreptovich —
materials for the analysis of the choice of ethno-
cultural and state-political identity (from the late
eighteenth to the early nineteenth centuries)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.04

Abstract: The eventful life of the last Chancellor of the Grand Duchy of Lithuania, Count Joachim Litavor Hreptovich (1729–1812), the closest associate of King Stanisław August Poniatowski, occurred during the collapse of the Commonwealth's statehood, which greatly influenced the gradual development of a national identity of the peoples inhabiting it, including the East Slavic. The handwritten chronicle of the Khreptovich family records the beginning of this long-term process in part of the upper strata of the liquidated country, significant numbers of which, initially, had been Orthodox for many centuries and remained the same “*gente Rutheni*”, even after converting to Catholicism. Very little has been written about Joachim Hreptowicz, and Polish historiography has not shown much interest in him as a conscious advocate of rapprochement with Russia. In recent years, he has been increasingly mentioned in connection with the fate of the richest library, for which a special, completely unique library building was constructed in his residence in Shchorsy, which has miraculously survived to this day. The wealth of books and manuscripts collected by Khreptovich was one of the most significant ones in the whole of Europe.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Polish-East Slavic community, Russian Empire, Grand Duchy of Lithuania, Chancellor Joachim Hreptovich

Артем Юрьевич Перетяцько

кандидат исторических наук
заведующий научной лабораторией
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая,
д. 105/42
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Этнонимы «украинцы», «малороссияне» и «черкасы» в дореволюционных текстах донских казачьих авторов*

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.05

Аннотация: Статья посвящена проблеме употребления донскими казачьими дореволюционными авторами этнонимов, ныне, как правило, соотносимых с украинским этносом. Показано, что с XVIII в. в источниках встречаются упоминания о значительном числе «малороссиян»/«хохлов»/«черкас», проживающих на территории Донского Войска, причем современные историки нередко напрямую отождествляют их с современным украинским этносом. В статье доказывается, что в действительности ситуация была сложнее: картина мира донских дореволюционных авторов в той части, которая была связана с вопросами этничности/национальности, нередко принципиально отличалась от общепринятой теперь, и могла не предполагать деления восточных славян на три этнические группы (русские/великороссы — украинцы/малороссы — белорусы). Деление было более дробным и включало большее число групп (например, у Н.И. Краснова «малоросс» и «украинец» оказывались различными историческими устойчивыми группами населения). В результате для восточных славян Донского Войска использовалась не дуальная схема деления русские/великороссы или украинцы/малороссы, но схема деления на важнейшие сословия (их число могло меняться, но всегда выделялись казаки, коренные крестьяне и калмыки). При этом исторически термины, ныне, как правило, соотносимые с украинским этносом, использовались для обозначения коренных крестьян (то есть коренной крестьянин русского происхождения обозначался «малороссом», но казак украинского происхождения — «казак»). Данный пример показывает, что за историческим употреблением этнонимов может стоять неизученная картина мира, и отождествлять лиц, обозначаемых этими

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

этнонимами, с представителями современных этносов некорректно. Прежде всего следует реконструировать картину мира авторов, без понимания которой останется неясным само употребление этнонимов.

Ключевые слова: история этнографии, любительская этнография, исторические этнонимы, донские казачьи авторы, украинцы, малороссы

Уже в самой первой книге, специально посвященной донскому казачеству, — в «Истории или повествовании о Донских казаках» А. И. Ригельмана (1778) — упоминалось, что «по Дону», кроме казаков, живут «черкасы или малороссиане, кои всякую работу у них исполняют»¹. Большинство дореволюционных изданий, описывающих Землю/Область Войска Донского², также содержат упоминания о проживании на этой территории группы населения, которая обозначалась этнонимами, ныне, как правило, соотносимыми с украинским этносом (чаще всего, но не обязательно, использовались определения «малоросс» и/или «малороссиянин»). Так, в серии «Военно-статистическое обозрение Российской империи» в томе о Земле Войска Донского (1852) говорилось, что «малороссиане приходили на Дон исстари»³, а в более позднем «Военно-статистическом описании Области Войска Донского» В. В. Лобачевского (1908) автор относит к «малороссам» примерно 23 % населения Области⁴.

Кого, однако, именовали «малороссами»/«малороссиянами» в этих случаях? Есть простое решение: отождествить их с предками современных украинцев. В единственной монографии о донских украинцах Т. А. Карташевой делается подобное заключение: «В официальных документах России XVII — начала XX в. украинцев — выходцев из Малороссии — называли малороссами (малороссиянами). <...>. Этот термин использовали по отношению к украинским переселенцам и донские историки, краеведы, фольклористы»⁵. Автор при

¹ Ригельман А. И. История или повествование о Донских Казаках. М., 1846. С. 117.

² В 1870 г. Земля Войска Донского была переименована в Область Войска Донского. Поэтому, чтобы не перегружать текст, в дальнейшем мы будем использовать словосочетание «Войско Донское» в качестве названия региона там, где речь идет и о Земле, и об Области Войска Донского.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 18 т. 1848–1858. Т. 11, ч. 5: Земли Войска Донского. СПб., 1852. С. 128.

⁴ Лобачевский В. В. Военно-статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1908. С. 310.

⁵ Карташова Т. А. Песенная традиция украинцев Дона в прошлом и настоящем. Ростов-на-Дону, 2014. С. 18.

этом опирается на советскую традицию исследований донского казачества, в рамках которой приток поселенцев на территории Войска Донского с территории современной Украины начиная с XVI в. однозначно расценивался как украинский по этническому составу⁶. Вот что писал в советское время, например, такой выдающийся исследователь донского казачества, как А. П. Пронштейн: «Вторую основную группу переселенцев на Дон составляли украинские крестьяне. <...> Самые ранние известия о поселении украинцев на Дону относятся к 70-м годам XVI в.»⁷. Таким образом, специалисты по истории донского казачества в то время не занимались исследованиями этнонимического характера или реконструкцией этнонациональной идентичности, исходя из прямолинейного отождествления встречающегося в дореволюционных источниках определения «малоросс» с этнонимом «украинец» в современном его понимании. Потому получалось, что переселенцы на Дон с территории современной Украины уже в XVI в. были украинцами, и все украинцы, поселившиеся в Донском Войске, включались дореволюционными донскими авторами именно в категорию малороссов.

Подобная практика интерпретации этнонимов, в принципе, достаточно распространена и сегодня, и мы бы хотели привести ее оценку, данную С. В. Соколовским: «Этноним маскирует более существенную нетождественность соотносимых с ним в различные исторические эпохи референтов»⁸. В случае с этнонимами «малоросс» и «украинец» ситуация дополнительно усложняется тем, что они могли использоваться одновременно в одном дискурсе, обозначая различные группы. Такой авторитетный автор, как А. Капшлер, предпочитает говорить об иерархии этнонимов для обозначения этнических украинцев в дискурсах Российской империи, в рамках которой «хохлами», с оттенком превосходства, назывались крестьяне, продолжающие жить в традиционном украиноговорящем мире, а «малороссами», без негативных коннотаций, именовались украинцы, интегрированные в русское общество. При этом нелояльные

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 40.

⁸ Соколовский С. В. Этничность как память. Парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. Вып. 1. С. 14.

России украинцы могли стать опасными «мазепинцами»⁹. А. И. Миллер отмечает настоящую «борьбу украинца с малороссом» в нарративах XIX в., доходившую до того, что в «русском дискурсе» «русскость» воспринималась как «естественное состояние» малоросса, которого, однако, могла отравить «украинская пропаганда»¹⁰. Несмотря на явное расхождение интерпретации употребления этнонимов «малоросс» и «украинец» в целом, и А. Каппелер, и А. И. Миллер относят эти этнонимы к одной этнической группе, однако обозначают ими разные ее части, причем название «малоросс» оказывается однозначно ориентированным на близость с русскими, с Россией.

Отметим также отдельное издание, специально посвященное проблематике этнонимов, связанных с, как формулируют его составители, «Юго-Западной Русью / Малороссией / Украиной»¹¹. Оно наглядно демонстрирует, что употребление этнонимов, ныне обычно соотносимых с украинским этносом, в рамках одного хронологического отрезка в различных дискурсах, а иногда даже внутри одного дискурса, было различным. Например, в российском этногеографическом дискурсе XIX в., как показала М. В. Лескинен, этнонимы «южнорусс», «малороссиянин», «малоросс» и «украинец» употреблялись как синонимы¹². А в описании дискурса галицийских русофилов, выполненном И. В. Орлевиц, этноним «южнорусс» не упоминается вовсе, зато много внимания уделено конфликту галицийских русофилов, позиционировавших себя малоруссами, и галицийских украинофилов¹³.

⁹ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

¹⁰ Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М., 2012. Т. II. С. 392–443.

¹¹ Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. М.; СПб, 2016. 320 с.

¹² Лескинен М. В. «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. М.; СПб, 2016. С. 77–102.

¹³ Орлевиц И. В. Названия «русский», «малорусский», «российский» у галицийских русофилов (вторая половина XIX — начало XX в.) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. С. 63–76.

Когда украинец — не малороссиянин

Обратимся к статье «Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта» (1882) одного из авторитетнейших донских ученых-любителей второй половины XIX в. — генерала и публициста Н. И. Краснова. В ней неоднократно фигурируют как «малороссияне», так и «украинцы», причем их характеристике автор уделяет существенное внимание. Но при этом, в отличие от всех разобранных выше случаев, в нарративе Н. И. Краснова этнонимы «малороссияне» и «украинцы» обозначают различные этнические группы. Автор использует хороним «Украйна» исключительно для Слободской Украины, а определение «украинец» — для обозначения ее жителей, четко отделяя их от «жителей Малороссии»¹⁴. Синоним к этнониму «украинец» для Н. И. Краснова — это не «малороссиянин», но «слобожанин», отдельно описанный как «смесь сурового и целомудренного казака великорусской закваски с кротким, ласковым и женолюбивым малороссиянином»¹⁵. Не менее важно для нас и то, что в тексте статьи неоднократно указываются однозначные географические границы «Слободской Украйны»: она для Н. И. Краснова соответствует современной ему Харьковской губернии¹⁶.

Отметим, что подобная интерпретация этнонима «украинец» не была эксклюзивной. И ранее, в российских словарях и в научной публицистике второй трети XIX в., можно отметить тенденцию именования украинцами жителей Слобожанщины. В частности, Г. Ф. Квитка-Основьяненко в статье «Украинцы», изданной в 1841 г., писал: «Народы, населившие нынешнюю Харьковскую губернию, большей частью были украинцы и имели с малороссиянами один язык и одни обычаи; но со времени своего здесь поселения значительно отклонились от них до заметной разности, по нескольким причинам»¹⁷. Таким образом, для Г. Ф. Квитки-Основьяненко этнонимы «малороссиянин» и «украинец» тоже обозначали близкие, но различные

¹⁴ Краснов Н. И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 3. С. 130–131.

¹⁵ Краснов Н. И. Исторические очерки... С. 129.

¹⁶ Там же. С. 129–137.

¹⁷ Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинцы // Сочинения Григория Федоровича Квитки (р. 1778, [ум.] 1843): в 6 т. / под ред. А. А. Потемни. Харьков, 1887–1894. Т. IV. Харьков, 1890. С. 459.

групи населення, приче́м «українці» локалізувалися в Харківській губернії. Вопрос о том, наскільки розповсюджен в ХІХ в. був подібний погляд на «малоросіян» і «українців», уведет нас злишком далеко від основної теми нашої статті. Нам же важно інше: Н. І. Краснов в даному випадку не придумував власних етнографічних концептів і навіть не транслірував якісь-то специфічно казачі погляди. Але його уявлення про народи, населявших юг Російської імперії, як бачимо, відповідавало не номінаціям наукового дискурсу кінця ХІХ в., і навіть не офіційним імперським класифікаціям народів, а більш раннім, архаїчним уявленням про них.

Об «українцях» Н. І. Краснов писав в зв'язі з цікавим сюжетом. Генерал утверджував, що інші донські автори критикували його за неточну характеристику К. А. Булавина, так як в більш ранніх працях Н. І. Краснова керівник казачого повстання наділявся «м'якими рисами», з точки зору цих критиків притаманних «малоросійському народу», а не донським козакам¹⁸. Відповідаючи на зауваження, Н. І. Краснов підкреслював, що Булавин був не уроженцем території, в кінці ХІХ в. порівнюваної з донськими козаками, але вихідцем із «Слободської України», і тому саме на «інтелектуальному класі колишньої Слободської України» лежить «моральна відповідальність» в майбутньому повністю вивчити його біографію і епоху¹⁹.

З точки зору сучасної історіографії питання в самому використанні поняття «Україна» для історичної території Харківської губернії і в найменуванні її жителів «українцями» також немає нічого особливого. Наприклад, Ф. А. Гайда зауважує, що «Українами» називали різні прикордонні землі Русі (в тому числі «Слободську Україну») ще до того, як це слово стало використовуватися для позначення «центральної області сучасної України»²⁰. В іншій своїй роботі він зауважує «активне застосування слова «українці» («українець») для слобожан»

¹⁸ Краснов Н. І. Історическіе очерки... С. 129.

¹⁹ Там же. С. 128–129.

²⁰ Гайда Ф. А. Історическа справка о происхождении и употреблении слова «українці» // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2012. Т. XII. С. 7–8.

до 1830–1840 гг. — но наряду с использованием этого термина и для жителей других пограничий (например, Вольни и Киева)²¹.

Однако в дискурсе Н. И. Краснова «Украйна» — это не любое историческое пограничье Руси, но исключительно Харьковская, то есть бывшая Слободско-Украинская губерния. Что еще важнее, этот пространственно-ограниченный локус обладает своим региональным героем, Кондратием Булавиным, которого должны описать именно местные жители, а не донские казаки, несмотря на его роль в казачьем восстании. У самих этих жителей особый характер, отличный от великоросского и малороссийского. В итоге понятие «украинец» у Н. И. Краснова обретает вполне конкретное значение определения отдельной общности. При этом данная общность оказывается по своему происхождению двойственной, результатом смешения «казаков великорусской закваски» и «малороссиян». Оговорим, что из других текстов Н. И. Краснова следует, что он считал «казаками великорусской закваски» не всех донских казаков — часть последних приобрела особые черты благодаря как раз «влиянию обитателей соседней Слободской Украйны»²².

А. Кашпелер, А. И. Миллер и Ф. А. Гайда анализировали в своих исследованиях преимущественно официальный имперский дискурс XIX в. В нем, как и в научном дискурсе той эпохи, преобладала ставшая в итоге общепринятой и самоочевидной для образованного человека трехчастная структура деления восточных славян (русские/великороссы — украинцы/малороссы — белорусы). А. П. Пронштейн в своих работах исходил из советской этнографической классификации, наследовавшей в этом вопросе концепциям XIX в. и тоже предполагавшей деление восточных славян на три группы. Для интересующего нас географического локуса категориальную систему, характерную для всех подобных дискурсов, мы далее будем называть дуальной: она предполагает, что восточнославянское население Донского Войска было *или* русскими/великороссами, *или* украинцами/малороссами. В рамках этой системы можно спорить о терминологии (украинец или малоросс), о соотношении различных групп

²¹ Гайда Ф. А. Несколько пояснений к вопросу об истории слова «украинцы» // Русский сборник / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Менинг, П. Чейсти. М., 2013. Т. XIV. С. 77–78.

²² Краснов Н. И. Тяжкий грех Булавина (из времен царя Алексея Михайловича). Новочеркасск, 1884. С. 18.

восточных славян (три отдельных народа или три части единого народа), однако при этом конкретный восточный славянин или частная этническая группа восточных славян могут быть классифицированы только как относящиеся к одной из трех указанных выше больших этнических групп, из которых на территории Донского Войска представлены только две (почти отсутствуют белорусы).

Однако представления Н. И. Краснова в подобную дуальную схему не вписываются, поскольку для него украинцы, как мы показали выше, — промежуточная группа между великороссами (точнее, «казаками великорусской закваски») и малороссами, не являющаяся, однако, ни малороссами, ни великороссами. При этом, что принципиально важно для нас, «украинцы» Н. И. Краснова выступают исторически стабильной группой со своим характером и героями, а не, например, просто обрусевшими малороссиянами. Отдельно подчеркнем, что «украинцы» и «малороссияне» для Н. И. Краснова существуют с давних времен — то есть их никак нельзя свести к конкурирующим национальным проектам в рамках одного этноса, речь идет именно о различных по характеру исторически сложившихся группах населения.

Далее мы подробно разберем сюжет о том, что у донских авторов XIX в. донские казаки обычно рассматривались как потомки малороссиян и великороссов, но представляющие при этом особую, отличную и от тех, и от других общность. Следовательно, при идентификации жителей Дона там, где советские исследователи видели два этноса (русских и украинцев), Н. И. Краснов различал как минимум четыре исторически сложившиеся группы населения со своими характерными особенностями и четкой локализацией: великороссов, малороссов, украинцев и донских казаков.

Таким образом, в случае с Н. И. Красновым мы можем однозначно говорить о том, что он не использовал дуальную категориальную систему деления восточнославянского населения территории Войска Донского на русских/великороссов и украинцев/малороссов. Его разделение Российской империи на территории, населенные определенными этнокультурными группами, предполагало более частное дробление, чем современная этническая карта. Соответственно, и применяемые им этнонимы «малороссияне» и «украинцы» по отдельности нельзя рассматривать как тождественные современным трактовкам этих общностей — для современных концепций происхождения

и истории украинского этноса/нации характерно объединение групп, обозначаемых Н.И. Красновым этими этнонимами, и интерпретация их в качестве регионимов, существовавших в период формирования украинской нации. Однако в текстах Н.И. Краснова объединение «малороссов» и «украинцев» в одну группу не производится, и, соответственно, специальный термин для обозначения этой общей группы, соответствующей современному украинскому этносу, не вводится. С учетом данного случая мы имеем основания предполагать, что и другие донские авторы могли употреблять определение «малороссиянин» не для обозначения украинцев в современном значении этого слова, но для неких иных групп, выделявшихся не в рамках дуальной системы деления восточных славян Войска Донского на русских/великороссов и украинцев/малороссов, а в рамках некой забытой ныне системы или даже систем.

Таким образом, проблема верной трактовки этнонимов в текстах донских дореволюционных авторов оказывается не сугубо терминологической, но сущностной. Невозможно просто понять значение отдельного этнонима — необходимо восстановить стоящую за его употреблением логику, реконструировать картину мира донских казаков в той ее части, которая касалась разделения местного населения на значимые группы. В дискурсах донских авторов могут *принципиально* отсутствовать термины для обозначения групп, хотя бы примерно соответствующих современным этнонимам «русский» и «украинец» — потому, что в представлениях этих авторов просто не существовало единых групп, соответствующих современным представлениям о русском и украинском этносах/нациях. Как мы видели, определения «украинец» и «малороссиянин» при этом использовались для обозначения групп населения более узких, чем украинский этнос. Далее мы увидим, что схожая ситуация была и с определением «русский» — оно обычно использовалось для обозначения группы населения, в которую входила только часть представителей русского этноса в современном его значении.

Важно понимать, что подобные случаи неочевидного употребления этнонимов, за которыми стоят забытые сегодня классификации народов, не эксклюзивны для донских авторов. Они встречаются и у иных писателей, чьи тексты были написаны до того, как в их среде распространилась концепция триединого русского народа или трех народов восточного славянства. Выше мы видели, что

Г. Ф. Квитка-Основьяненко отделял «украинцев» от «малороссов», тем самым тоже отказываясь от дуального категориального аппарата при описании народов региона, смежного с интересующим нас географическим локусом. Однако если в XIX в. подобные случаи все же более характерны для ненаучной литературы, текстов любителей, то в более раннее время мы можем наблюдать их даже в наиболее авторитетных научных изданиях. Например, в четвертом томе второго издания «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги (1799) восточные славяне фактически разделены не на три, а на две группы, «россиян» и «козаков»²³ (правда, следует отметить, что соответствующие разделы писал не ученый, а литератор М. И. Антоновский²⁴).

Племена казаков и крестьян

Как мы уже упоминали выше, у донских дореволюционных авторов преобладало мнение, что казаки происходят как от великороссов, так и от малороссиян²⁵. Более того, согласно В. Д. Сухорукову, еще в 1820-е гг. казаки южной, центральной и западной частей Земли Войска Донского говорили «более наречием малороссийским, но отдаленным от своего корня», то есть их язык — важнейший маркер этничности в представлениях ученых XIX в. — был преимущественно малороссийским²⁶.

Следовательно, если исходить из дуальной системы и четко делить жителей Войска Донского на группы, у которых преобладает русская/великорусская или украинская/малороссийская идентичность, следует отнести часть донских казаков XIX в. к украинцам. Подобная их этническая идентификация не представляет ничего принципиально нового и была распространена в научной этнографии советского периода. Например, в «Этнографии народов СССР»

²³ *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. СПб., 1799. С. 74–380.

²⁴ *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 2015. С. 163.

²⁵ *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. С. 107; *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 10.

²⁶ *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание... С. 108.

С. А. Токарева (1958) донское казачество описано так: «Среди “верховского” (то есть живущего выше по Дону. — *А. П.*) казачества преобладали великорусские элементы, среди “низовского” (то есть живущего в устье Дона. — *А. П.*) — украинские»²⁷.

Однако в специфическом донском дискурсе выработался принципиально иной подход. Предложил его В. Д. Сухоруков, основоположник позднейшей донской дореволюционной историографии, в своем статистическом описании Земли Войска Донского 1820-х гг. рассматривавший казаков в качестве «племени»²⁸. В результате у большинства дореволюционных донских авторов в народоописаниях жителей Войска Донского слово «казак» фактически выступает в роли этнонима, противопоставляя местное казачье население как малороссийскому, так и великорусскому. Специфическое употребление слова «казак» в качестве самоназвания (эндонима) в языке «простых казаков» в 1880-е гг. зафиксировал единственный профессиональный этнограф, в XIX в. подробно изучавший население Войска Донского, М. Н. Харузин. Приведем отрывок из любопытного диалога в станице Аннинской, который он записал:

— Эх, горе, — воскликнул в стороне стоявший старик-казак, — ныне на тихом Дону три земли сошлись!..

— Не так это говоришь, — перебил его другой казак, — так оно... то есть вот как... земля-то, значит, одна, да фамилия-то не одна: то — казак, то — русский, а то — и вовсе хохол...²⁹

При таком понимании малороссиянин (как и великоросс), став казаком, переставал определяться через прежний этноним. Можно привести конкретный пример. В 1811 г. все донские крестьяне, преимущественно малороссы, которые числились станичными, а не принадлежали помещикам, были обращены в казаки, и из них составили четыре станицы: Кагальницкую, Махинскую, Мечетинскую и Егорлыкскую³⁰. Таким образом, данные станицы были населены преимущественно потомками донских малороссов. Однако позднейшие

²⁷ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 32.

²⁸ Сухоруков В. Д. Статистическое описание... С. 91.

²⁹ Харузин М. Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. XXIX.

³⁰ Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 79.

донские авторы, как правило, не указывали этого исторического обстоятельства. Даже В. Д. Сухоруков в своем тексте, созданном вскоре после данного события, в 1820-е гг., и содержащем достаточно подробные описания истории многих донских поселений, хотя и упомянул факт заселения этих станиц «приписными малороссиянами», но рассматривал в общем ряду станиц Черкасского округа, никак не фиксируя их казацкого характера³¹. Таким образом, казаки малороссийского происхождения, даже сохранявшие свое наречие, в донских дореволюционных нарративах не выделялись из общей казачьей массы, и, соответственно, их обычно не включали в состав донских «малороссиян» (исключения здесь составляют книги внешних авторов, особенно начала XX в., когда всеобщая перепись 1897 г. впервые дала реальную возможность использовать в качестве инструмента определения этничности местного населения указанный в рамках переписи родной язык — так сделал, в частности, В. В. Лобачевский³²).

В то же время на Дону исторически, еще до появления первых народоописаний XIX в., сложилась традиция обозначать через этноним «малоросс», ныне обычно соотносимый с украинским этносом, все крестьянское население. Вот как объяснял Н. И. Краснов определение «малоросс» в отношении жителей Земли Донского Войска XVIII в.: «Так значатся в прежних актах крепостные и вольные люди, приходившие на Дон, хотя бы они были и из великороссийских губерний»³³. А. А. Карасев в первом специальном исследовании об истории донских крестьян для периода до конца XVIII в. также использовал в качестве синонимов лексемы «черкас» и «малороссиянин», которые, в свою очередь, часто отождествлялись им с словесным наименованием «крестьянин» (хотя при этом им приводился конкретный случай покупки еще в 1758 г. донским офицером крестьянина у тамбовского однодворца, то есть, вероятно, великорусского происхождения)³⁴. Только в 1912 г. в местной прессе была опубликована статья К. В. Маркова, полемизировавшего со всеми своими предшественниками и доказавшего с опорой на источники, что в формировании донского крестьянства заметную роль играл

³¹ *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание... С. 154.

³² *Лобачевский В. В.* Военно-статистическое описание... С. 309–310.

³³ *Краснов Н. И.* Материалы... С. 193.

³⁴ *Карасев А. А.* Донские крестьяне... С. 74–82.

не только «малороссийский элемент», но и «беглые великорусские крестьяне»³⁵.

В результате у донских авторов XIX в. абсолютно преобладало представление о малороссийском происхождении подавляющего большинства местных крестьян. В то же время число крестьян-великороссов в регионе до 1870-х гг. оставалось невелико, что в работе Н. И. Краснова «Военное обозрение Земли Донского Войска» (1870) привело к забавному казусу: противореча общепринятым взглядам и другим своим текстам, в которых упоминалось смешанное происхождение казачества, донской автор писал, будто бы «можно без погрешности всех казаков отнести к великороссам, и, взамен того, крестьян считать малороссийского происхождения», хотя из предыдущего текста следовало, что в числе казаков были малороссы, а в числе крестьян — великороссы³⁶. Но куда типичнее для донского дискурса случай В. Д. Сухорукова, который в своих текстах именовал «племенем» не только казаков, но и крестьян, упоминая при этом малороссийское происхождение значительной части последних³⁷.

В результате возникло и получило распространение своеобразное историческое упрощение, согласно которому все донские крестьяне до 1861 г. были малороссами. До логического завершения оно доведено в упомянутой нами монографии Т. А. Карташевой, где приводится якобы «динамика численности малороссов по материалам ревизий»³⁸. Однако при ревизиях крепостных крестьян их этничность, язык или самоназвание не фиксировались. А обратившись к работам дореволюционных авторов, также приводивших материалы этих ревизий, можно увидеть, что Т. А. Карташева для периода до 1861 г. приводит в качестве численности малороссов общую численность донских крестьян по соответствующим ревизиям (то есть фактически исходит из допущения, что все крестьяне были малороссами, а среди казаков малороссов вообще не было)³⁹.

³⁵ *Марков К. В.* Крестьяне на Дону // Сборник Областного Войска донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасск, 1912. С. 4.

³⁶ *Краснов Н. И.* Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. С. 48–49.

³⁷ *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание... С. 90–91.

³⁸ *Карташова Т. А.* Песенная традиция... С. 21.

³⁹ *Савельев Е. П.* Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск, 1917. С. 32.

Итак, как видим, донские авторы склонны были определять местных крестьян с помощью наименований, ныне соотносимых с украинским этносом. Предполагалось (как впоследствии выяснилось, ошибочно), что донское крестьянство до начала XIX в. было почти исключительно малороссийского происхождения, в результате чего у некоторых авторов встречается даже прямое отождествление донских крестьян (в том числе и позднейшего периода) с малороссиянами, проникшее и в научную литературу.

В результате мы приходим к достаточно неожиданному выводу. В дореволюционных описаниях Донского Войска «малороссами» обозначали не столько этническую, сколько сословную группу: определение «малороссы» никогда не применялось для определения казаков, даже низовых, которых позднейшие этнографы признали украинцами, но при этом могло использоваться для обозначения всех донских крестьян, независимо от их исторического происхождения и языка. Соответственно, более верным оказывается сопоставление «малороссиян» Области Войска Донского, описанных донскими авторами, не с этническими украинцами, но с местным крестьянским населением. Но чем же можно объяснить такое странное использование этнонимов донскими авторами?

Дедукция и индукция в этнографических описаниях

Мы уже показали, что понять использование этнонима невозможно в полной мере, не уяснив логику его употребления. Однако это заставляет нас поставить более общий вопрос: что вообще формирует подобную логику? Почему там, где современные исследователи-профессионалы видят два этноса, донские авторы XIX в. видели большее число групп, не сводящихся к этничности?

И здесь нам представляется фундаментально важным тот факт, что российская наука XVIII–XIX вв. в целом использовала концепты, модели и схемы, выработанные европейской наукой. Как отмечает М. В. Лескинен, «идеи Просвещения определили развитие российской науки и общественной мысли XVIII в. — в том числе и в области народоописаний»⁴⁰. В научной категоризации человеческих сообществ,

⁴⁰ Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 40.

в том числе и национальной/этнической, российские ученые опирались на заимствованный, европейский тезаурус.

Однако в числе донских авторов до XX в. профессиональные ученые отсутствовали. Более того, ряд важных для истории донской казачьей общественной мысли текстов создавали откровенно плохо образованные люди. Например, вообще не учился автор очерка о Верхне-Курмоярской станице Е.Н. Кательников⁴¹. Автор религиозно-мистических текстов о смысле мировой истории и месте в нем казачества В.М. Пудавов окончил четыре класса гимназии⁴². Даже у тех из донских ученых-любителей, у кого было университетское образование, оно часто не было историческим: например, автор исследований о Донском Войске конца XVIII в. М.Х. Сенюткин окончил юридический факультет Харьковского императорского университета⁴³. И соответственно, разбираемый нами специфический донской дискурс создавался в значительной степени людьми, либо вовсе не знакомыми с достижениями современной европейской науки, либо познакомившимися с этими достижениями в ходе самообразования, что увеличивало риск неверного понимания.

У ряда представителей донской элиты к этому дополнительно добавлялся определенный «антиинтеллектуализм» — убежденность в том, что ученые не способны ни понять, ни описать и оценить казачью жизнь. Один из первых донских писателей и общественных деятелей — И.С. Ульянов — доказывал превосходство казаков-практиков над оторванными от жизни мыслителями в таких выражениях: «Кабинетные законоведы (в первоначальной версии текста — мудрецы. — А.П.) не знают подобных вещей, да и не поймут их потому уже, что не знакомы с жизнью, прозябают вне мира сего, действуют по чистым умозрениям, черпая премудрость свою из науки, называемой идеологией»⁴⁴. В начале XX в. влиятельнейший из донских историков-любителей, Х.И. Попов (не имевший, кстати, вовсе никакого образования⁴⁵), выступил против приглашения профессионального

⁴¹ Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, 2011. С. 17–18.

⁴² Савчук Г.В. Василий Михайлович Пудавов — забытый историк донского казачества // Донской временник. 2003. Вып. 12. С. 159–165.

⁴³ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 439.

⁴⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 373.

⁴⁵ Донцы... С. 407–408.

ученого для написания истории Войска Донского, уверяя, что «если это будет лицо, незнакомое с бытом казачества, то его еще надо будет ввести в курс этой жизни... иначе разобраться ему в малопонятном для него материале будет крайне затруднительно»⁴⁶. В 1868 г. Н. И. Краснов позволил себе усомниться в адекватности данных местной статистики Войска Донского (речь шла о том, что доля людей до 20 лет в разных станицах колеблется от 60 до 6%), но члены Донского статистического комитета вместо более тщательной проверки имеющейся у них информации заявили, что «применение выводов теоретической статистики к статистическим данным о Войске Донском не всегда может быть безошибочно»⁴⁷.

Таким образом, первичной причиной отличия дискурса донских дореволюционных авторов от научного и официального дискурсов их эпохи был тот простой факт, что концепты, тривиальные для ученого или даже просто хорошо образованного человека европейской культуры XIX в., могли быть далекими от таковых для донского казака. Кроме того, как мы видели выше, специфика донского дискурса в народоописаниях сформировалась под влиянием В. Д. Сухорукова еще в 1820-е гг. Между тем российская этнографическая наука в это время только формировалась и уточняла даже базовый терминологический аппарат⁴⁸. Иными словами, на момент формирования донского народоописательного дискурса российские ученые еще вырабатывали базовые принципы этнонациональной идентификации человеческих сообществ — а когда они это сделали, в среде донских казаков уже существовала авторитетная собственная традиция народоописаний, основанная на несколько иной, как мы увидели, логике.

Однако, как мы полагаем, существовала еще одна причина, способствовавшая формированию у донских авторов специфической системы разделения местного населения на группы. В данном случае, однако, мы считаем нужным говорить о гипотезе — безусловно верной для донских авторов, однако нуждающейся в более широкой проверке в рамках анализа нарративов других авторов-любителей, который выходит за пределы данной статьи.

⁴⁶ Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / под ред. А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб., 2006. С. 121.

⁴⁷ ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 302 об. — 304 об.

⁴⁸ Лескинен М. В. Поляки и финны... С. 40.

Классификация народов в российской этнографии XIX в. первоначально опиралась на логику естественно-научной классификации, эволюционировавшей в эпоху Просвещения. При освоении таких принципов всегда возникала очевидная трудность: как соединить эндоимы и экзонимы, как сопоставить наименования племен, народов, социальных групп из древних и новых источников с современными самоназваниями различных общностей? Иными словами, перед этнографией как наукой стояла фундаментальная задача выработать универсальные классификационные критерии, по которым можно было бы идентифицировать народы, ответить на вопрос, что такое «народ» вообще, и понять, как работает преемственность между древними и современными общностями.

Однако в рамках практического народоописания⁴⁹ конкретного региона подобные фундаментальные вопросы только усложняют задачу автора. Достаточно того, что какая-то группа населения обладает явными отличительными чертами, чтобы имело смысл описать ее как народ, даже если она не является им с точки зрения самого автора этого описания. И здесь мы можем привести интереснейший пример, связанный с казачеством.

Упомянутый выше М.И. Антоновский в первом систематическом описании народов Российской империи столкнулся с серьезными проблемами при попытке классифицировать «козаков». Уже предисловие ко второму изданию «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» предупреждало, что на самом деле «козаки» — это не народ, но «сословие», которое «по многочисленности своей и по отличному одеянию и обычаям показывает как бы особый народ; а посему они и помещены в описание народов»⁵⁰. Таким

⁴⁹ Под практическим народоописанием здесь и далее мы будем понимать народоописание, выполненное вне научного дискурса и в тех или иных практических целях. Так, например, «Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах» В.Д. Сухорукова создавалось в рамках работ по подготовке «Положения об управлении Донского войска» (*Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7–18). Многие работы Н.И. Краснова носили военно-статистический характер, что отражено даже в их названиях (см. список литературы к данной статье).

⁵⁰ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. СПб., 1799. Без страницы (предупреждение).

образом, уже в конце XVIII в. мы наблюдаем характерную коллизию: во втором издании «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» совершенно прямо указывается, что в рамках принятой в этом издании универсальной классификации народов Империи (к сожалению, подробно не прописанной), казаков народом считать нельзя, но в то же время в рамках поставленной задачи практического народоописания описывать их приходится отдельно от «россиян», поскольку их обычаи и одежда существенно отличаются.

Даже из этого примера видно, что возможна принципиально иная логика практического народоописания жителей определенной территории, чем принято в научной этнографии, логика, опирающаяся не на дедукцию, а на индукцию. В ее рамках жителей территории делят не на народы/этноты/национальности в соответствии с универсальными принципами, но на некие наблюдаемые группы, явно отличающиеся друг от друга. Понятно, что для офицера, расквартированного своей отряд, или чиновника, управляющего краем, подобное деление населения на группы может оказаться наиболее важным.

При этом в принципе два описанных подхода к выделению народов (научный и практический), могут не противоречить, а дополнять друг друга. Например, в томе о Екатеринославской губернии «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» сербы сначала выделялись среди местных «наций», а затем специально подчеркивалось, что это «племя уже до такой степени утратило свою народность и приняло обычаи малороссиян, что ныне между ними почти нет никакого различия»⁵¹. Таким образом автор статистического описания, офицер В. Павлович, сначала выделил сербов Екатеринославской губернии как отдельную нацию, поскольку в рамках универсальных представлений российской этнографии того времени сербы отдельной нацией безусловно являлись, а затем подчеркнул, что в реальности местные сербы наблюдаемой группы не составляют, так как слились с «малороссиянами».

Таким образом, элементы индукции в народоописании, учет местных реалий, отличных от общепринятых этнографических универсалий, не только не уникален, но и обязателен для качественного практического народоописания. При этом, как нам представляется,

⁵¹ Павлович В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862. С. 116, 121.

именно у авторов-любителей, хуже знакомых с общепринятыми научными концепциями, индукция может приобретать определяющий характер и почти полностью вытеснять дедукцию (то есть местная специфика рассматривается не как специфика, а как универсалия, а общепризнанные универсалии не находят отражения в нарративе). В случае же с донскими авторами подобное преобладание индукции оказалось характерно не для отдельных нарративов, а для целого своеобразного регионального/сословного дискурса, поскольку он создавался почти исключительно авторами-любителями.

К тому же эти авторы в большинстве случаев не имели созданных профессионалами подробных моделей описания казачества, на которые они могли бы опереться. Как мы упоминали выше, в XIX в. население Войска Донского изучал только один профессиональный этнограф, М. Н. Харузин, причем его книга с результатами исследований вышла лишь в 1885 г.⁵² В области исторических исследований ситуация была еще хуже, и в 1908 г. В. О. Ключевский писал в частном письме донскому атаману А. В. Самсонову: «Прошлое Земли Войска Донского так богато преданиями, своеобразными особенностями своего быта и культурными задатками, способными к благотворному развитию, что отсутствие хорошо разработанной ее истории нельзя не признать прискорбным пробелом русской историографии»⁵³. Зато, как мы показали в начале своей статьи, на донских авторов могли оказывать влияние уже устаревшие и неактуальные в наиболее распространенных дискурсах концепты — так, Н. И. Краснов еще в 1880-х гг. транслировал идею о том, что «украинцами» следует считать жителей Харьковской губернии, озвученную Г. Ф. Квиткой-Основьяненко в 1841 г., до широкого распространения идей украинофильства.

Система разделения населения Войска Донского на группы в нарративах донских дореволюционных авторов

Вернемся теперь к тому факту, что даже внешний по отношению к казакам автор, М. И. Антоновский, не признавая их отдельным народом, в то же время оказался вынужден в рамках описания всех народов Российской империи выделить их в отдельную группу,

⁵² Харузин М. Н. Сведения... С. 388.

⁵³ Волвенко А. А. Как донским казакам... С. 119.

поскольку они отличались от «россиян» образом жизни и одеждой. Следовательно, в рамках народоописания Земли/Области Войска Донского, особенно ориентированного на индукцию и повышенное внимание к местным реалиям, донских казаков тоже следовало представлять в качестве особой общности, тем более что самая специфика региона была порождена их уникальным самоуправлением и милитаризованным образом жизни.

Однако четко выделить казаков из остальной массы восточных славян на основании сугубо внешнепризнаковых критериев было крайне затруднительно — если не использовать в качестве подобного критерия формальное членство в казачьей общности, Войске Донском. Единственный квалифицированный этнограф, описывавший Войско Донское в XIX в. М. Н. Харузин писал, что «почти каждая станица с прилегающими хуторами носит на себе особый отпечаток, выражающийся в произношении, формах быта, обрядах и т. п.»⁵⁴. Вычленив особенности характера, языка или внешности, типичные только для донских казаков и при этом исключительно для них, было затруднительно. Сам М. Н. Харузин не только этого не сделал, но, и напротив, отмечал разнородность донских казаков, не сводящуюся к смешению великорусских и малорусских элементов, но крайне «разнообразную в частности»⁵⁵.

Выше мы уже отмечали, что, согласно В. Д. Сухорукову, к началу XIX в. часть донских казаков говорила «более наречием малороссийским». Остальные донские казаки говорили «наречием великорусским»⁵⁶, и, таким образом, в рамках характерной для XIX в. дифференциации по языку донское казачество того времени вообще должно было быть разделено между этническими группами великороссов или малороссов (подобно тому, как позднее советские этнографы относили часть донских казаков к русским, а часть — к украинцам, причем четко локализуя эти части).

И это позволяет нам констатировать крайне важный факт. Для донского казака XIX в. дуальная система классификации восточных славян Войска Донского как русских/великороссов или украинцев/малороссов, очевидно, не соответствовала наблюдаемым реалиям.

⁵⁴ Харузин М. Н. Сведения... С. XXV.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сухоруков В. Д. Статистическое описание... С. 108.

Существование казаков как отдельной группы населения было наблюдаемым фактом — и картина мира донского казака должна была учитывать это обстоятельство, что неизбежно должно было вести к его отражению в специфическом региональном дискурсе.

Следовательно, в рамках логики индукции для жителей Войска Донского при практическом народоописании своего края оказывалось неприменимым и трехчастное деление восточных славян. Научные универсалии в их самом общем виде, без соотнесения с местной спецификой, действительно могли не соответствовать реалиям Донского Войска XIX в., а не только казаться таковыми малограмотным казакам. Однако поскольку ни профессиональные этнографы (кроме М. Н. Харузина), ни профессиональные историки в XIX в. специально не изучали донское казачество, выработать качественную модель применения научных универсалий к донской специфике было просто некому. Сами же донские авторы пошли другим путем, не адаптируя к местным реалиям концепции, понятия и идеи этнографической науки (на тот момент, в 1820-е гг., только формировавшиеся), а выработав оригинальную систему разделения населения Войска Донского на группы. Как мы увидим далее, эта система оказалась настолько удачной, что ее в начале XX в. использовал даже профессиональный географ (впоследствии доктор наук) казачьего происхождения В. В. Богачев.

В то же время нам не удалось найти случаи, когда данную систему донские авторы применяли бы для регионов за пределами территории Войска Донского. Иными словами, она не противопоставлялась специально ни трехчастной структуре деления восточных славян, принятой в научном и официальном дискурсах, ни другим концепциям разделения восточных славян вообще (вроде описанного выше выделения жителей Харьковской области в особую группу «украинцев»). Это была система, разработанная специально для территорий Донского Войска и в рамках практического народоописания, никогда не соотносившаяся с более общими концепциями разделения восточных славян на нации/ветви/племена.

Оговоримся, что данная система сложилась не сразу. Так, ее еще нет в «Историческом сведении Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице» Е. Н. Кательникова (1818), в котором предлагается совершенно оригинальная для донского дискурса классификация местного населения. В рамках этой систематизации вообще не используются

понятія «народ» или «племя» — население делится на казаков и «соседственных неприятелей»⁵⁷. В то же время, как нам представляется, данная систематизация восходит к архаичной и далеко не эксклюзивной для казачества универсалии деления людей на «своих» и «чужих». Все «свои», включая, очевидно, и живших на территории Донского Войска к началу XIX в. «малороссиян»/«крестьян», в нарративе не выделялись из общей массы казаков, — а все «чужие», включая официально включенных к этому времени в состав донского казачества калмыков, объявлялись «соседственными неприятелями»⁵⁸.

Обратим внимание на тот факт, что это самая ранняя схема деления донского населения, которая нам известна. Возможно, она тоже опирается на логику индукции, однако здесь индукция применяется к реалиям более раннего периода, когда среди донских казаков не было достаточного числа авторов для формирования специфического коллективного донского дискурса. Реалиям начала XIX в. подобная система уже не отвечала, поскольку в нее нельзя было вписать местные группы населения, неввраждебные казакам, а войны казаков с соседями к этому времени прекратились из-за присоединения к Российской империи Крыма и Предкавказья.

Зато крайне удачным и отвечающим местным реалиям оказалось представление о возможности разделения населения Войска Донского на группы, предложенное В.Д. Сухоруковым в «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–1832 годах». Выше мы уже упоминали, что Сухоруков в этой работе рассматривал казаков и крестьян в качестве разных «племен». Вот как он писал: «Жители Донской земли ныне состоят главнейше из трех племен: 1) собственно из казаков (коренных жителей); 2) калмыков; 3) крестьян»⁵⁹. К сожалению, обоснования подобной систематики населения Земли Войска Донского и определения понятия «племя» В.Д. Сухоруков не зафиксировал.

Предложенную В.Д. Сухоруковым и развитую позднейшими донскими авторами схему деления местного населения на значимые группы можно свести к тому, что представители неславянского

⁵⁷ Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. С. 26.

⁵⁸ Там же. С. 26–31.

⁵⁹ Сухоруков В.Д. Статистическое описание... С. 91.

населения выделялись по этнической принадлежности, а группы славянского населения — по важнейшим сословиям (могла также выделяться квазисословная группа пришлых крестьян). Уточним, что вопрос о логике деления славянского населения на группы в рамках данной схемы заслуживает дальнейшего изучения — в отдельные группы выделялись отнюдь не все сословия, и, соответственно, для выделения новой группы было недостаточно появления в Донском Войске нового сословия (так, донские дворяне в отдельную группу никогда не выделялись, но рассматривались как часть казачества⁶⁰). Таким образом, мы не утверждаем, что донские авторы делили славянское население Донского Войска на группы строго в соответствии с их сословным статусом, но только указываем на то, что эти группы *примерно* соответствовали важнейшим сословиям.

Детали и нюансы у разных авторов сильно различались и в целом эволюционировали в сторону усложнения, но базовый принцип оставался неизменным. Так, у Н. И. Краснова в статистическом описании Земли Войска Донского (1864) донское население делилось на шесть категорий: казаков, духовенство, «иногородцев» (то есть приезжих из других губерний), помещичьих крестьян, солдат и калмыков⁶¹. У С. Ф. Номикосова в «Статистическом описании Области Войска Донского» (1884) в разделе о народном быте, который куда информативнее раздела о составе населения по племенам, пять подробно охарактеризованных групп: казаки, коренные донские крестьяне, «иногородние», калмыки и немцы⁶². Наиболее детальный список групп донского населения с их описаниями представлен у В. В. Богачева в «Очерках географии Всевеликого Войска Донского» (1919): донские казаки, татары, донские калмыки-казаки, донские крестьяне, немцы, армяне, греки, евреи, цыгане⁶³. Подчеркнем, что В. В. Богачев был профессиональным географом, к 1919 г. даже имевшим опыт преподавания в Юрьевском университете⁶⁴. Следовательно, он

⁶⁰ См., напр.: *Краснов Н. И.* Материалы... С. 227–235.

⁶¹ Там же. С. 227–237.

⁶² *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 297–335.

⁶³ *Богачев В. В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919. С. 253–352.

⁶⁴ *Богачев В. В.* Автобиография. Б. м., 1960. URL: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=pub&id=604> (дата обращения: 15.09.2024).

не мог не знать, что в рамках научного описания населения региона следует разделять этническую и сословную классификации, однако при описании населения родной Области Войска Донского предпочел использовать именно ту систему деления на группы, которая была общепринятой в донском дискурсе. Более того, традиционную в донском дискурсе систему разделения местного населения на группы принял и единственный профессиональный этнограф, изучавший дореволюционное Донское Войско, не-казак М. Н. Харузин, в своих «Сведениях о казачьих общинах на Дону» выделив четыре группы населения: казаков, крестьян, иногородних и калмыков⁶⁵.

И действительно, реконструированная нами система, пусть и некорректная с точки зрения научных универсалий, адекватно отражала региональные реалии. Так, еще В. Д. Сухоруков отмечал, что «на всем пространстве войсковых земель различаются и по образу строения, и по названиям, три рода жилищ: 1) казачьи; 2) чиновникам принадлежащих крестьян и 3) калмыцкие»⁶⁶. Таким образом, примененная им система разделения населения Земли Войска Донского идеально подходила для дальнейшего описания местных населенных пунктов. С. Ф. Номикосов показал, что особенностями быта обладают именно те пять групп населения, которые он выделял в соответствующем разделе своей книги⁶⁷.

Итак, в донских нарративах при описании местного населения реально значимой и устойчивой категорией были «(коренные) крестьянине», а вот категория этнических «малороссиян» (или хотя бы просто, как предлагала Т. А. Карташева, «выходцев из Малороссии») специально не выделялась. И это была не случайность или ошибка, а особенность системы классификации, в рамках которой для восточных славян критерием выделения в особую группу оказывалась принадлежность к крупной сословной общности, а не этничность, то есть казак малороссийского происхождения представлял именно «казак-ком», а не «малороссом», необратимо отделяясь от местных крестьян малороссийского происхождения.

Однако такой подход порождал новую проблему. Выше мы уже касались принципиальной невозможности перевода понятий одного дискурса в другой, в котором отсутствуют сущности, определяемые

⁶⁵ Харузин М. Н. Сведения... С. XXVI.

⁶⁶ Сухоруков В. Д. Статистическое описание... С. 129.

⁶⁷ Номикосов С. Ф. Статистическое описание... С. 297–335.

этими понятиями. Между тем, как мы убедились еще раз, в системе дифференциации населения Донского Войска, созданной донскими дореволюционными авторами, просто отсутствовали сущности, которые в научном дискурсе XIX в. обозначались этнонимами «великоросс» и «украинец»/«малоросс». Более того, поскольку в нарративах донских авторов о местных реалиях членение славянского населения фактически осуществлялось по квазисословным принципам, их авторы не предполагали возможности объединения части казаков и части крестьян в сколько-либо значимую группу на основании общности языка, антропологического типа, происхождения или любых других признаков, которые можно трактовать как этнические — и, соответственно, не собирали необходимые для подобного объединения в рамках исследования данные, например, хотя бы о примерной численности украиноязычных/рускоязычных казаков.

Но при этом донские авторы существовали в пространстве русской европейской культуры, в которой в XIX в. общепризнанным становится и представление о триедином народе русском, состоящем из трех «поколений», или «племен». И соответственно, в текстах, адресованных не только казачьим, но и другим русским читателям, донские авторы как минимум иногда оказывались вынуждены соотносить свою систему деления местного населения на группы с общепринятой дуальной системой деления восточных славян Войска Донского на русских/великороссов и украинцев/малороссов.

Наиболее грамотно и даже элегантно с этой проблемой справился М. Н. Харузин, возможно, потому, что он понимал ее важность и совершенно осознанно пытался описать преобладающую этничность каждой выделяемой им сословной группы восточнославянского населения Области Войска Донского — одновременно оговаривая приблизительность подобного соотношения. Согласно М. Н. Харузину, казаки конца XIX в. представляли собой смешанное население, в котором, тем не менее, «элементу великорусскому, обрядам и обычаям великорусским принадлежит первое место», донские крестьяне были «преимущественно малороссами», а иногородние приходили из «разных губерний», но казаки называли их «русскими», противопоставляя «хохлам», то есть донским крестьянам⁶⁸. Донские авторы-любители либо не пытались соотнести выделяемые ими сословные группы

⁶⁸ Харузин М. Н. Сведения... С. XXV–XXIX.

местного населения с восточнославянскими народами, либо делали это примитивнее и гораздо менее точно, подобно Н. И. Краснову, который, как мы видели выше, в 1870-х гг., до массового появления в Области Войска Донского иногородних, предлагал считать крестьян малороссами, а казаков — великороссами, хотя это противоречило его предыдущим изысканиям. Тем не менее в целом, в рамках принятого у донских авторов деления населения Донского войска на группы, группой, наиболее близкой к «малороссам» более распространенных дискурсов, действительно оказывалась с давних пор устойчиво выделявшаяся и простая для подсчета группа коренных крестьян.

* * *

За пределами нашей небольшой статьи остался целый ряд важных и интересных вопросов. Были ли предлагаемые донскими авторами принципы деления местных жителей на группы связаны с другими подобными вненаучными системами? Как соотносились у донских авторов «свои», местные («коренные») малороссы, малороссы пришлые, малороссы малороссийских губерний и украинцы губернии Харьковской (если последние вообще выделялись кем-то, кроме Н. И. Краснова)? Существовало ли у донских авторов общепринятое деление на группы славян Российской империи, а не только Войска Донского? Каждый из этих вопросов требует подробного и отдельного исследования.

Тем не менее нам удалось показать, что к использованию этнонимов авторами прошлых эпох следует подходить крайне осторожно, реконструируя не только значение этнонима, но и стоящую за этим значением логику дискурса. Сама картина мира, выражаемая через кажущиеся понятными этнонимы, может оказаться неочевидной и неожиданной — и даже, как в разобранных нами случаях, не соответствующей общепринятым ныне представлениям об этнической классификации. При этом особые дискурсы, соответствующие ненаучным картинам мира, могут встречаться далеко не только у политически ангажированных или значимых авторов. Мы показали, что особый дискурс и особая картина мира, сказывающаяся на содержании народоописаний, была характерна для донских казаков — однако существовали и иные региональные дискурсы, до сих пор недостаточно исследованные (в частности, возможно, региональные корни имеет трактовка этнонима «українці» Г. Ф. Квиткой-Основьяненко). Как

нам представляется, исследование нарративов любительских народоописаний Российской империи XIX в. обладает огромным потенциалом, позволяющим в перспективе понять, как классифицировали население на группы люди, для которых еще не стало тривиальным представление о трехчастной структуре деления восточных славян.

Возвращаясь от рассуждений более общего плана к реалиям дореволюционного Донского Войска, мы приходим к выводу, что категорически нельзя отождествлять с украинским этносом группу местного населения, которая обозначалась донскими казачьими описателями через этнонимы «малороссиянин», «черкас», «хохол» и т. п. Эти этнонимы выполняли роль определения не какой-либо этнической группы, но социокультурной общности, основанной в первую очередь на сословности. «Малороссиянин», или «хохол» донских авторов — это не этнический украинец, а местный коренной крестьянин. Соответственно, в число донских дореволюционных «малороссиян» местными описателями никогда не включались казаки, даже украиноязычные, зато могли включаться крестьяне русского происхождения. Внешние описатели могли либо принять подобную систему членения населения, как это сделал М. Н. Харузин, либо, после 1897 г., апеллировать к данным всероссийской переписи населения, рассматривая в качестве малороссиян лиц, указавших в ее ходе родным языком малороссийский (как это сделал В. В. Лобачевский).

Специальные же попытки определить, какая доля жителей территорий Донского Войска относилась к украинскому этносу в современном значении, до 1917 г. фактически не предпринимались. Между тем к нему можно было бы отнести и значительную часть казаков, которых местные авторы никогда не именовали малороссами, если в качестве идентификационного критерия принять язык, так как, согласно В. Д. Сухорукову, еще в 1820-е гг. «наречие малороссийское» было широко распространено в казачьей среде.

Источники

Богачев В. В. Автобиография. Б. м., 1960. URL: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=pub&id=604> (дата обращения: 15.09.2024).

Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: изд. Отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского, 1919. 533 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 18 т., 1848–1858. Т. 11, ч. 5: Земли Войска Донского. СПб.: тип. Деп. Ген. штаба, 1852. 243 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. СПб.: Императорская академия наук, 1799. 76 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. СПб.: Императорская академия наук, 1799. 385 с.

Государственный архив Ростовской области. Ф. 243. Ульяновы, донские казаки-дворяне, помещики.

Государственный архив Ростовской области. Ф. 353. Областной Войска Донского статистический комитет г. Новочеркасс.

Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: Новый Бизнес, 2003. 599 с.

Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасс: печ. в тип. газеты «Донской вестник», 1867. С. 72–118.

Кательников Е. Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасс: Обл. Войска Дон. стат. ком., 1886. 63 с.

Квитка-Основьяненко Г. Ф. Украинцы // Сочинения Григория Федоровича Квитки (р. 1778, [ум.] 1843): в 6 т. / под ред. А. А. Потебни. Харьков, 1887–1894. Т. IV. Харьков: тип. В. С. Бирюкова, 1890. С. 459–465.

Краснов Н. И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Воен. тип., 1870. 288 с.

Краснов Н. И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. №3. С. 115–137.

Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: тип. Деп. Ген. штаба, 1863. 596 с.

Краснов Н. И. Тяжкий грех Булавина (из времен царя Алексея Михайловича). Новочеркасс: редакция «Казачьего вестника», 1884. 24 с.

Лобачевский В. В. Военно-статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасс: Обл. Войска Донского тип., 1908. 558 с.

Марков К. В. Крестьяне на Дону // Сборник Областного Войска донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасс: Частная Донская тип., 1912. С. 1–63.

Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасс: Обл. Войска Донского тип., 1884. 762 с.

Павлович В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб.: тип. Деп. Ген. штаба, 1862. 352 с.

Ригельман А. И. История или повествование о Донских Казаках. М.: Общество истории и древностей российских, 1846. 154 с.

Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск: Донская Епархиальная тип., 1917. 77 с.

Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891. 302 с.

Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М.: тип. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.

Литература

Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / под ред. А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 115–125.

Гайда Ф. А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М.: Регнум, 2012. Т. XII. С. 7–28.

Гайда Ф. А. Несколько пояснений к вопросу об истории слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М.: Издательский дом Модеста Колерова, 2013. Т. XIV. С. 77–78.

Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисёнок. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.

Каптелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А. И. Миллер, Ф. В. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 125–144.

Карташова Т. А. Песенная традиция украинцев Дона в прошлом и настоящем. Ростов-на-Дону: Изд-во РГК, 2014. 352 с.

Коршиков Н. С., Королев В. Н. Историк Дона В. Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001. С. 7–18.

Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 392–443.

Лескинен М.В. «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е.Ю. Борисёнок. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 77–102.

Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.

Мининков Н.А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону: Логос, 2011. 170 с.

Орлевич И.В. Названия «русский», «малорусский», «российский» у галицийских русофилов (вторая половина XIX — начало XX в.) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е.Ю. Борисёнок. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 63–76.

Проштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1961. 375 с.

Савчук Г.В. Василий Михайлович Пудавов — забытый историк донского казачества // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 12. С. 159–165.

Соколовский С.В. Этничность как память. Парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации / ред. С.В. Соколовский, Э.А. Чамокова. М.: Изд-во российского НИИ культурного и природного наследия, 1994. Вып. 1. С. 11–31.

Токарев С.А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 616 с.

References

Gaida F.A. Istoricheskaia spravka o proiskhozhdenii i upotreblenii slova “ukraintsy”. *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii*, eds. O.R. Airapetov, M. Jovanović, M.A. Kolerov, B. Menning, P. Chaisty. Moscow, Regnum, 2012, vol. XII, pp. 7–28. (In Russ.)

Gaida F.A. Neskol'ko poiasnenii k voprosu ob istorii slova “ukraintsy”. *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii*, eds. O.R. Airapetov, M. Jovanović, M.A. Kolerov, B. Menning, P. Chaisty. Moscow, Izdatel'skii dom Modesta Kolero-va, 2013, vol. XIV, pp. 77–78. (In Russ.)

Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature, ed. E. Iu. Borisenok. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2016, 320 p. (In Russ.)

Kappeler A. Mazepintsy, malorossy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoj ijerarkhii Rossijskoj imperii. In: *Rossiiia — Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii*, eds. A. I. Miller, F. V. Reprintsev, B. N. Floria. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury, 1997, pp. 125–144. (In Russ.)

Kartashova T. A. *Pesennaia traditsiia ukraintsev Dona v proshlom i nastoia-shchem*. Rostov on Don, Izd-vo RGK, 2014, 352 p. (In Russ.)

Korshikov N. S., Korolev V. N. Istorik Dona V. D. Sukhorukov i ego “Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo”. In: Sukhorukov V. D. *Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo*. Rostov on Don, GinGo, 2001, pp. 7–18. (In Russ.)

Kotenko A. L., Martyniuk O. V., Miller A. I. Maloross. “*Poniatiiia o Rossii*”. *K istoricheskoi semantike imperskogo perioda: v 2 t.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, vol. II, pp. 392–443. (In Russ.)

Leskinen M. V. “Iuzhnorussy”, “malorossiiiane”, “malorossy”, “ukraintsy”: transformatsiia etnonima v rossiiskom etnogeograficheskom diskurse XIX v. In: *Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature*, ed. E. Iu. Borisenok. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2016, pp. 77–102. (In Russ.)

Leskinen M. V. *Poliaki i finny v rossijskoj nauke vtoroi poloviny XIX v.: “drugoi” skvoz' prizmu identichnosti*. Moscow, Indrik, 2010, 368 p. (In Russ.)

Mininkov N. A. *Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov*. Rostov on Don, Logos, 2011, 170 p. (In Russ.)

Orlevich I. V. Nazvaniia “russkii”, “malorusskii”, “rossiiskii” u galitsiiskikh rusofilov (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.). In: *Imia naroda: Ukraina i jeje naselenije v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature*, ed. E. Iu. Borisenok. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2016, pp. 63–76. (In Russ.)

Pronshtein A. P. *Zemlia Donskaia v XVIII veke*. Rostov on Don, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1961, 375 p. (In Russ.)

Savchuk G. V. Vasilii Mikhailovich Pudavov — zabytyi istorik donskogo kazachestva. *Donskoi vremennik*, 2003, iss. 12, pp. 159–165. (In Russ.)

Sokolovskiy S. V. Etnichnost' kak pamiat'. Paradigmy etnologicheskogo znaniia. In: *Etnokognitologii: Podkhody k izucheniiu etnicheskoi identifikatsii*, eds. S. V. Sokolovskiy, E. A. Chamokova. Moscow, Izd-vo rossijskogo NII kul'turnogo i prirodnogo naslediiia, 1994, iss. 1, pp. 11–31. (In Russ.)

Tokarev S. A. *Etnografiia narodov SSSR*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1958, 616 p. (In Russ.)

Tokarev S. A. *Istoriia russkoj etnografii*. Moscow, Institut russkoj tsivilizatsii, 2015, 656 p. (In Russ.)

Volvenko A. A. Kak donskim kazakam istoriiu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakon, istorik i mestnaia administratsiia (1902–1912 gg.). In: *Istoricheskoe soznaniije i vlast' v zerkale Rossii XX veka*, eds. A. V. Gladyshev, B. B. Dubentsov. Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2006, pp. 115–125. (In Russ.)

Artyom Yu. Peretyatko

PhD (History)

Head of the Science Laboratory

Institute for Sociology and Regional Studies

Southern Federal University

Russia, 344006, Rostov-on-Don, ulitsa Bol'shaia Sadovaia, build.

105/42

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

The ethnonyms “Ukrainians”, “Little Russians” and “Cherkas” in pre-revolutionary texts of Don Cossack authors*

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.05

Abstract: The article is dedicated to the problem of usage of ethnonyms, which are now generally associated with Ukrainian ethnos, by pre-revolutionary Don Cossack authors. It shows that, since the 18th century, sources have been mentioning a significant number of “Little Russians” / “Khokhols” / “Cherkas” living on the territory of the Don Host, often identified by contemporary historians with modern Ukrainian ethnos. The article argues that in reality the situation turned out to be much more complex. The worldview of pre-revolutionary Don authors in those parts related to matters of ethnicity/nationality often differed fundamentally from the one that is common today and might not have implied the division of Eastern Slavs into three ethnic groups (Russians / Great Russians – Ukrainians / Small Russians – Belarusians). The division was more extensive and included a larger number of groups. For example, “Small Russians” and “Ukrainians” turned out to be different historically stable population groups, according to N. I. Krasnov. As a result, instead of the dual scheme of division as Russians / Great Russians vs. Ukrainians / Small Russians, the scheme of division into the major estates was used for East Slavs. Their number could vary, but the Cossacks, the indigenous peasants, and the Kalmyks were always differentiated. At the same time, historical terms, generally associated with Ukrainian ethnos nowadays, were used to indicate indigenous peasants. Thus, a local peasant of Russian descent was identified as a “Little Russian”, while a Cossack of Ukrainian descent was still a “Cossack”. This example shows that a yet unexplored worldview might explain the historical use of ethnonyms, and it is incorrect to associate peoples who were labelled with such ethnonyms with modern ethnicities. First and foremost, these authors' worldview must be reconstructed, without the understanding of which the use of ethnonyms themselves will remain unclear.

Keywords: history of ethnography, amateur ethnography, historical ethnonyms, Don Cossack authors, Ukrainians, Little Russians

* The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (“Priority 2030”).

Виктор Андреевич Корбут

кандидат филологических наук
независимый исследователь

Польша, Варшава

E-mail: korbutviktar@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6848-1160

Влияние русского литературного языка на орфографию первых белорусских газет «Наша Доля» и «Наша Нива» (1906–1907 годы)

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.06

Аннотация: На страницах первых белорусскоязычных газет «Наша Доля» и «Наша Нива», издание которых было инициировано Яном (Иваном) Луцкевичем в 1906 г. в Вильне, закладывались нормы современного белорусского правописания и грамматики. В статье рассмотрены те особенности орфографии первых белорусских газет в 1906–1907 гг., в которых явственно проступают черты влияния тогдашней русской орфографии. Это отчетливо показывает, что белорусский литературный язык и его правописание формировался в то время не только на собственно национальной основе, но и с привлечением ресурсов русского, а также польского литературного языков. Это было вызвано их широким распространением в образованной части общества. Разные редакторы и авторы первых белорусскоязычных газет использовали разные орфографические подходы, что приводило к разнообразию правописания. Однако газеты на белорусском языке сыграли ключевую роль в разработке норм белорусского литературного языка. Язык на их страницах являлся также важным элементом национальной идентичности. Таким образом, 1906–1907 гг. стали временем, когда начиналась систематическая нормализация белорусского литературного языка, включая орфографию и грамматику, что продолжалось и в следующие десятилетия.

Ключевые слова: белорусы, правописание, грамматика, белорусский язык, русский язык, «Наша Доля», «Наша Нива»

В 1906–1907 гг. еще не существовало ни нормативной грамматики белорусского языка, ни орфографии. Орфографические и грамматические правила формировались стихийно. В то время, прежде всего на страницах первых белорусских газет «Наша Доля», «Наша Нива», оформлялись те тенденции, которые в последующие годы

и десятилетия стали определяющими в облике белорусского литературного языка, а многие орфографические формы стали «традиционными» и «нормативными» с течением времени, формируя у носителей белорусского литературного языка осознание его самобытности, своеобразия — и, соответственно, восприятие его как одной из составляющих национальной идентичности¹.

История формирования графической системы белорусского языка досконально не изучалась даже современниками. Одним из первых на эту проблему обратил внимание языковед и общественно-политический деятель Язеп Лёсик в 1926 г. на проходившей в Минске Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки: «Наша нынешняя азбука отличается от русской лишь буквами *ў, і*. Она, эта азбука, была принята на скорую руку, в том виде, который она приобрела в русском развитии, и в том значении букв, которое они имеют в русской письменности. <...> Правда, взяв кириллицу в той форме, которую она приобрела в России, мы сразу же внесли в нее некоторые изменения (выбросили *и, щ, ѿ, ѳ, ѣ* еще до российской реформы (то есть реформы правописания в 1918 г. — В.К.)), на основе старой, древнейшей белорусской письменности»².

На самом деле формирование графики первых белорусских газет и письменности вообще произошло не «сразу же» и не на основе «древнейшей белорусской письменности». Как признает в другом месте Лёсик, «пересматривая же белорусскую печать до 1918 г., легко заметить, что в ее основе лежит русское правописание, а в книгах,

¹ Пожалуй, первую комплексную попытку кодифицировать белорусский литературный язык начала XX в. и в то же время описать узус «Нашай Нівы» сделал А. Луцкевич около 1916 г., но его труд был опубликован лишь в 2017 г. в Германии (Anton Luckevič: *Belaruskaja hramatyka. Vil'nja 1916. Edition und Kommentar*. Bde. I–II / hrsg. H. Bieder. Oldenburg, 2017; *Bieder H. Anton Luckevičs Bielaruskaja hramatyka und der Sprachgebrauch in der "Naša Niwa" — Periode (Zur Kasusvarianz in der ersten Deklination der weißrussischen Substantive)* // *Studia Białorutenistyczne*. 2021. Т. 15. S. 247–265). В Библиотеке Академии наук Литвы им. Врублевских сохранились рукописи других грамматик, которые не датированы (но по орфографическим признакам составлены не ранее 1910-х гг.) и связаны, но под вопросом, с личностью Бронислава Тарашкевича (Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (далее — LMAVB). F. 21-610; 21-611).

² [Лёсик Я.]. Да рэформы беларускай азбукі // Працы Акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (14–21 лістапада 1926 г.) / рэд. С. Некрашэвіч і Ў. Ігнатоўскі. Менск, 1927. С. 118.

напечатанных латиницей, — польское». При этом он уточнял: «...с примесью белорусской фонетики в той мере, которая допускалась личным вкусом каждого автора или издательства, воспитанных школой и повседневной практикой на этимолого-историческом русском или польском правописании»³.

В любом случае заслуживает внимания меткое наблюдение белорусского исследователя Юрася Залоски, что «Наша Доля» «представляет собой первую попытку нормализации белорусского литературного языка», и, по мнению исследователя, «попытка эта в целом успешна: орфография большей частью почти современная», «издатели-редакторы боролись с диалектизмами, которых в газете не так и много, чтобы мешать чтению»⁴.

В процессе формирования литературного языка важны как внешняя (алфавит, орфография), так и внутренние формы (грамматика, синтаксис). В контексте формирования национальной идентичности особое значение имеет внешняя форма. Как подметила белорусский языковед Нина Мечковская, объективно связь буквы и фонемы носит немотивированный (условный) характер, что позволяет придавать знакам письма любое значение (религиозное, политическое, национальное и т. д.). В то же время в связи с многовековой традицией фидеистического отношения к письму (вера в магию букв, нетрадиционное толкование знака), в различных традициях письма, восходящих к «священным писаниям», благоговение перед правописанием сохранялось и иногда остается до сих пор. У славян ареалы глаголицы, кириллицы и латиницы первоначально соответствовали границам религиозных конфессий⁵. В белорусском случае зависимость от религиозной принадлежности пишущего была актуальна еще в начале XX в.: католики предпочитали польский язык и латиницу, православные — русский и кириллицу (гражданский алфавит). Тем не менее конфессиональный фактор в то время начинал отступать перед политическим — с развитием белорусскоязычной печати и национального движения.

³ Там же. С. 193, 195.

⁴ Залоска Ю. Газета «Наша доля» (1906): культуралагічны аспект выдання // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія*. 1993. № 3. С. 70.

⁵ *Мячкоўская Н. Б.* Мовы і культуры Беларусі: нарысы. Мінск, 2008. С. 143–144.

Разнообразие белорусской графики XIX — начала XX в.⁶ и, в частности, 1902–1906 гг.⁷ свидетельствует о том, что разные авторы и издатели руководствовались собственными принципами, но в первых белорусских газетах подошли к выработке общей орфографии для их авторов, а впоследствии и для основного круга носителей белорусского литературного языка⁸.

Итак, белорусская письменность XIX — начала XX в. была разработана на основе двух алфавитов — русского гражданского и польского варианта латиницы⁹ («русские» и «польские» буквы), что было связано с русско-православной и польско-католической историко-культурными (цивилизационными) областями, на стыке которых проживали носители белорусских говоров.

В изданиях основанного в 1906 г. петербургского Белорусского издательского общества «Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ» (название в орфографии того времени) с самого начала использовались «русские» и «польские» буквы. В изданном в 1906 г. «Беларуским лемэнтары» это объяснялось так: «Ведаем мы ўсе, што меж нами палешукамі, беларусамі, ці як мы сябе яшчэ называем — тутэйшымі йосьць каталікі і праваслаўныя, каталікі больш да латинских літэр — што йіх несправядліва “польскімі” называюць, прывыклі; праваслаўныя — да славянских — ці як кажуць да “русских” прывыклі. Гэтыя рускія — гэтаж нашы спрадвечныя (ісконныя. — В.К.) беларускія, а латинскімі цяпер увесь сьвет пішэ»¹⁰.

«Беларускі лемэнтар», то есть букварь (пол. *elementarz*), который, как считал польский белорусовед Ежи Туронек, сочинил один из основателей упомянутого издательского общества Вацлав Ивановский,

⁶ Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 2. Вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалягічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў / скл. У.В. Анічанка, П.В. Вярхоў, А.І. Жураўскі, Я.М. Рамановіч. Мінск, 1962. С. 323–324.

⁷ Туронак Ю. Генэза і аўтарства першага беларускага лемэнтара // Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Vilnius, 2006. С. 34.

⁸ Нормированность белорусской орфографии до сих пор вызывает ряд вопросов и постоянно нарушается самими же носителями этого языка — якобы ради улучшения правописания, а на самом деле ввиду все того же фидеистического отношения к букве и тексту.

⁹ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка беларускіх выданняў XIX ст. // Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе / рэд. М.Р. Прыгодзіч. Мінск, 2013. С. 50.

¹⁰ Беларускі лемэнтар або Першая навука чытання. Пецярбург, 1906; цит. по: Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 34.

изначально, осенью 1904 — весной 1905 г., «польскими» буквами¹¹, русскими по рукописи Ивановского и по его поручению изложил Казимеж (Казимир) Костровицкий (Карусь Каганец) — весной — в декабре 1905 г. Букварь вместе с учебником «Першае чытанне для дзетак беларусаў», написанном Алоизой Пашкевич¹², «Загляне сонцэ...» издало двумя алфавитами. Эти книги стали в определенном смысле первыми легальными и массовыми пособиями по белорусскому литературному языку¹³. «Беларускі лемэнтар» был напечатан в июле 1906 г.¹⁴ Интересно отметить, что Ивановский при составлении белорусского букваря использовал опыт автора популярного в то время польского букваря Казимежа Промька¹⁵ (настоящее имя Конрад Пушиньский), уроженца Минска (1851–1908)¹⁶.

Вопроса издания белорусских книг и газет двумя алфавитами коснулась затем на страницах первого номера газеты «*Nasza Niwa*» Пашкевич — под псевдонимом Мацей Крапивка: «...не забывайте, что прошел лишь год с тех пор, как нам, белорусам, позволили печатать книги по-нашему такими буквами, которые нам нужны, — и польскими и русскими (раньше разрешали печатать только русскими)»¹⁷.

«Наша Доля» и «Наша Нива» стали теми площадками, на которых формировался белорусский литературный язык с учетом опыта белорусской письменности XIX — начала XX в.

Кто же формировал языковую норму первых белорусских газет в 1906–1907 гг.? По утверждению Антона Луцкевича, Францишек Умястовский написал только передовицы в первом — третьем номерах «Нашай Доли», «а также занимался раскладкой материала и корректурой в типографии, как единственный среди нас легальный человек»: «Весь же материал делали мы с Теткой (А. Пашкевич. — В.К.). <...> На № 3 работа Умястовского прекратилась <...>»¹⁸.

¹¹ *Bielaruski lementar abo Pierszaja nawuka czytańnia*. Piciarburh, 1906.

¹² *Першае чытанне для дзетак беларусаў* / написала Цётка. Пецябурґ, 1906.

¹³ *Турунак Ю.* Генэза і аўтарства. С. 35–38.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ *Турунак Ю.* Вацлаў Іваноўскі і адраджэньне Беларусі // *Турунак Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі. С. 172–173.

¹⁶ Konrad Prószyński. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Konrad_Prośzyński (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁷ *Крапіўка М.* Jak nam uczycca // *Nasza Niwa*. 1906. No. 1, 10 (23). 11. S. 5.

¹⁸ *Шлюбскі А.* Новыя матэрыялы да гісторыі «Нашае Долі» // *Полымя*. 1927. № 3. С. 203.

По-видимому, одной из забот А. Луцкевича была языковая нормализация первых белорусскоязычных периодических изданий и разработка подходов, которые формировали бы белорусскую орфографию на основе внутренних ресурсов белорусского языка.

Интересны также воспоминания бывшего редактора «Нашай Нивы» Александра Власова, согласно которому, «при подготовке [укладаньні] «Нашай Нивы» огромная и тщательная [марудная] работа шла над каждым словом»: «Создавался литературный язык. Первые два с половиной [паўтраця] года писали «нашаніўцы» с 12 ч. вечера до утра, так как днем народ бесконечно отрывал от писания. Неугомонный Иван (Луцкевич. — В. К.) работал на всех парах не только над приданием направления «Нашай Нивы», но и в развитии всех сторон белорусского дела [беларускасьці]»¹⁹.

То, что работа по формированию белорусского литературного языка представляла собой трудную задачу, констатировал в 1926 г. Лёсик, ставший в то время одним из ведущих белорусских языковедов, разрабатывавших литературную норму. Он в общем верно замечал, что в основе белорусской орфографии «Нашай Доли» и «Нашай Нивы» «лежит русское правописание, а в книгах, напечатанных на латинице, — польское»²⁰.

По орфографическим и грамматическим подходам «Наша Доля» и «Наша Нива» отличались от изданий петербургского общества «Загляне сонцэ...». Так, например, в книге «Bielaruski lementar», а затем в рекламе общества на страницах изданий «Nasza Dola» и «Nasza Niwa» вместо польских диграфов *cz, sz* и буквы *ż* использовались *č, š* и *ž*. Как отмечал Туронек, это «вероятно, должно было отличать белорусскую латиницу от польского алфавита»²¹, и с этим нельзя не согласиться. С другой стороны, в изданиях общества «Загляне сонцэ...» использовался диграф *йо*²², которому на страницах первых белорусских газет соответствовала преимущественно буква *ё*, но с рядом исключений, о которых будет сказано ниже. Также «Загляне сонцэ...» использовало букву *г*²³, в виленской белорусскоязычной печати практически не отмеченную.

¹⁹ Уласаў А. Успамін // Сын беларуса. 1924. № 29, 20.08. С. 2.

²⁰ Лёсик Я. 1921–1930. Збор твораў / укл. А. Жынкін. Мінск, 2003. С. 200.

²¹ Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 37.

²² Ср.: *ўсёюж, свайю, скур'ю, на йом, сямйора, агнійом, ліўнійом, зямлійой, слійозы* (Жалейка Янки Купалы. Пецяярбург, 1908. С. 116–118, 123, 125, 132).

²³ Ср.: *скарпи, ў гвары, груганы, этнаграфіш* (Там же. С. 72–73, 79, 133).

Попытаемся систематизировать новшества в области орфографии и грамматики издателей «Нашай Доли» и «Нашай Нивы» в 1906–1907 гг. Эта задача до сих пор решена далеко не в полной мере. Например, в энциклопедии «Беларуская мова», изданной в 1994 г., рассматриваются особенности языка «Нашай Нивы»²⁴, но нет статьи о языке «Нашай Доли». В академическом труде «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» («История белорусского литературного языка»), изданном в 1968 г., вопросу об алфавитах, используемых в «Нашай Доле» и «Нашай Ниве», посвящена всего одна страница²⁵. Правда, более полно, хотя далеко не во всех аспектах (и без учета узуса «Нашай Доли») этот вопрос рассмотрен в других работах²⁶.

Австрийская славистка Мария Катажина Преннер заметила, что в «*Naszaj Niwie*» «явно переплетаются две противоречащие друг другу тенденции — с одной стороны, сохранение этимологической орфографии и, с другой стороны, тенденция к фонетизации орфографии. Орфографическое разнообразие наиболее ярко проявляется в четырех характерных для белорусского языка фонетических особенностях, а именно: (1) аканье, (2) яканье, (3) цеканье и (4) дзеканье»²⁷.

Н. Мечковская высказала мнение, что в истории нового белорусского и особенно украинского языков в силу зависимости от национального движения существовал и сохраняется мотив культивирования отличий от близкой соответствующим родственным языкам русской графики. К концу XX в., по наблюдениям исследователя, различия между украинским и русским, белорусским и русским письмом становятся сильнее, чем между болгарским и русским²⁸. Однако для периода 1906–1907 гг. по отношению к белорусскому языку данное утверждение нельзя признать правомерным. В белорусской орфографии цели сознательно дистанцироваться от русской тогда еще

²⁴ Усціновіч Г.К. «Наша ніва» // Беларуская мова: энцыклапедыя / рэд. А.Я. Міхневіч; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1994. С. 384–386.

²⁵ Крачко Г.І., Юрэвіч А.К., Яновіч А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. II. Мінск, 1968. С. 118–119.

²⁶ Мова «Нашай Нивы» (1906–1915). Варыянтнасьць. Сінанімія / рэд. В.П. Лемцюгова. Мінск, 2005; Мова «Нашай Нивы» (1906–1915). Семантыка. Стылістыка; Prenner M. K. 1) Die Sprache der Zeitung *Naša Niva* im Zeitraum 1906–1915. Masterarbeit. Wien, 2016 [машинопись]; 2) “*Naša Niva*” na skrzyżowaniu kultur: dowody na różnych płaszczyznach języka gazety // Acta Albaruthenica. 2018. T. 18. S. 225–243.

²⁷ Prenner M. K. “*Naša Niva*”... S. 225.

²⁸ Мячкоўская Н.Б. Мовы і культуры Беларусі. С. 151.

не было, она появилась лишь со временем. С другой стороны, белорусское правописание уже было в некотором смысле дистанцировано от русского ввиду того, что польская орфография, которой также записывались белорусские тексты, влияла на отдельные элементы, заимствованные из русской, использовавшиеся в то же время для записи белорусских текстов.

Белорусский языковед Александр Булыко был прав в том, что русский «гражданский шрифт стал основой и новой белорусской письменности»²⁹. Применение русского гражданского алфавита для передачи белорусских текстов с XIX в. сопровождалось графическими вариантами различного происхождения³⁰. Однако именно в газетах «Наша Доля» и «Наша Нива» как в периодических изданиях, выходивших регулярно и связанных с массами людей, читавших и писавших по-белорусски, начали формироваться нормы, ставшие основой правописания белорусского литературного языка в XX в.

«Русские» буквы «Нашай Доли» (1906 г.) можно представить в виде следующего алфавита (здесь и далее **жирным** шрифтом выделены буквы, появляющиеся лишь на страницах или «Нашай Доли» или, соответственно, «Нашай Нивы»):

а, б, в, г, д, е, **ѣ**, **е**, ё, ж, з, і, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, **џ**, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я.

Следует отметить, что в «Нашай Доли», по сравнению с современной белорусской орфографией, на месте буквы *а* могла появляться *е*; смотря ретроспективно, на месте употребляемой в наши дни буквы *ё* — диграфы *йо*, *іо*, *ьо*, буква *е*; также фиксируется *е* вместо *э*; буква *и* могла выступать там, где ныне пишется *ы*; вместо диграфа *дз* порой появлялась буква *д*; *щ* иногда заменялась диграфами *сч*, *шч*.

Русские буквы «Нашай Нивы» (1906–1907 гг.) можно представить в виде следующего алфавита:

а, б, в, г, **г**, д, е, **ѣ**, ё, ж, з, і, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, **ѣ**, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я.

Буква *ѣ* в «Нашай Ниве» могла заменять как букву *е*, так и *ё*; на месте *ё* также мог появляться диграф *йо*; буква *ѣ* могла заменяться

²⁹ Булыка А.М. Кірыліца // Беларуская мова: энцыклапедыя. С. 260–261.

³⁰ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 53.

у, а также в; вместе с буквой щ сосуществовали диграфы шч и щч (последний скорее как опечатка).

В поисках истоков орфографии и других языковых особенностей первых белорусских газет в первый год их издания целесообразно обратиться к рукописному наследию одного из их основателей и фактических редакторов и авторов — Яна (Ивана) Луцкевича. В его записной книжке первой половины 1900-х гг. сохранился первый известный текст, написанный им по-белорусски «русскими» буквами, — «Жменя слоў пра Белу Русь»³¹. Орфография этого текста напоминает особенности правописания «Нашай Доли» и «Нашай Нивы».

Белорусский алфавит: современный, «Нашай Доли» (1906 г.) и «Нашай Нивы» (1906–1907 гг.) («русские» буквы)

Современный белорусский алфавит ³²	Алфавит по рукописи Я. Луцкевича «Жменя слоў пра Белу Русь» (первая половина 1900-х гг.)	Алфавит «Нашай Доли» (1906 г.)	Алфавит «Нашай Нивы» (1906–1907 гг.)
А а	А а	А а	А а
Б б	Б б	Б б	Б б
В в	В в	В в	В в
Г г	Г г	Г г	Г г
—	—	—	Г г
Д д	Д д	Д д	Д д
(Дж дж)	—	(Дж дж)	(Дж дж)
(Дз дз)	(Дз дз)	(Дз дз)	(Дз дз)
Е е	Е е	Е е	Е е
—	—	Ђ ђ	—
—	—	—	[Ê ê]
—	—	[Є є]	—
Ё ё	Ё ё	Ё ё	Ё ё

³¹ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь яе гісторыю літаратуры і нац. узвіжэння пачаткі // LMAVB. F. 21-366. L. 45г–48г.

³² Составлено по: Беларуская-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь: у 3 т. Т. 1. А–З / рэд. А.А. Лукашанец; выд. 4-е, перапрац. і дап. Мінск, 2012. С. 32. В комментарии к алфавиту в этом словаре отмечено: «Аффрикаты дж и дз при расположении слов в алфавитном порядке рассматриваются как две буквы. Апостроф не учитывается». В квадратные скобки взяты буквы, которые, вероятно, являлись опечатками.

Современный белорусский алфавит	Алфавит по рукописи Я. Луцкевича «Жменя слоў пра Белу Русь» (первая половина 1900-х гг.)	Алфавит «Нашай Доли» (1906 г.)	Алфавит «Нашай Нивы» (1906–1907 гг.)
Ж ж	Ж ж	Ж ж	Ж ж
З з	З з	З з	З з
І і	І і	І і	І і
–	И и	И и	И и
Й й	Й й	Й й	Й й
К к	К к	К к	К к
Л л	Л л	Л л	Л л
М м	М м	М м	М м
Н н	Н н	Н н	Н н
О о	О о	О о	О о
П п	П п	П п	П п
Р р	Р р	Р р	Р р
С с	С с	С с	С с
–	–	[Ć ć]	–
Т т	Т т	Т т	Т т
У у	У у	У у	У у
Ў ў	Ў ў	–	Ў ў
Ф ф	Ф ф	Ф ф	Ф ф
Х х	Х х	Х х	Х х
Ц ц	Ц ц	Ц ц	Ц ц
Ч ч	Ч ч	Ч ч	Ч ч
Ш ш	Ш ш	Ш ш	Ш ш
–	Щ щ	Щ щ	Щ щ
–	Ъ ъ	Ъ ъ	Ъ ъ
Ы ы	Ы ы	Ы ы	Ы ы
Ь ь	Ь ь	Ь ь	Ь ь
Э э	Э э	Э э	Э э
Ю ю	Ю ю	Ю ю	Ю ю
Я я	Я я	Я я	Я я

Из приведенных алфавитов, реконструированных на основе анализа языка двух газет, видно, что они не были тождественны. Три буквы из алфавита «Нашай Доли» — *ŋ*, *ε*, *ć* — не встречаются

в «Нашай Ниве». Три буквы из «Нашай Нивы» — *г, ё, ѣ* — не отмечены в «Нашай Доли». При этом буквы «Нашай Доли» *ѣ, ё, с* не вошли в алфавит современного белорусского литературного языка, как и *ё, г* из «Нашай Нивы». Впрочем, данные графемы появлялись в газетах sporadически, иногда «случайно», единожды, после чего больше не отмечались. Буква *г* не утвердилась ни в «Нашай Ниве», ни в белорусской письменности и со временем вышла из употребления. Зато буква *ѣ*, которой нет в «Нашай Доли», но которая постоянно присутствует в «Нашай Ниве», вошла в алфавит современного белорусского литературного языка и является одной из наиболее характерных особенностей белорусской орфографии. Однако в белорусской письменности «русскими» буквами она использовалась и до «Нашай Доли». При этом принципы использования этой буквы в виленских белорусскоязычных газетах 1906–1907 гг. отличались от правил современной белорусской орфографии.

«Русские» буквы «Нашай Доли» и «Нашай Нивы». Гласные

Рассмотрим подробнее основные особенности правописания газет «Наша Доля» и «Наша Нива» «русскими» буквами (для сравнения приводятся примеры из изданий «польскими» буквами, позволяющие уточнить фонетическое значение той или иной «русской» буквы, а также проследить влияние польской орфографии на белорусскую в «русском» варианте).

Е. Буква *е* в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве» «русскими» буквами могла употребляться не только в случаях, в которых она используется в современном белорусском правописании, но и там, где ныне пишется, согласно произношению, *э* (после отвердевших согласных) или *а*. При этом, как видно из примеров, в изданиях «польскими» буквами орфография была ближе к произношению. В номерах белорусских газет «русскими» буквами правописание следовало во многом за русским, где, например, звук [э] согласно традиции чаще на письме обозначается буквой *е*, а не *э*:

gema = *heta* (гэта; здесь и далее в скобках те же слова приводятся в современной орфографии, отражающей их подлинное звучание); *palepszenia* = *palepszenia* (паляпшэння); *nashe* = *nasza* (наша);

редакциі = *redakcii*³³ (рэдакцыі); *человек*³⁴ (чалавек); «*Нашей Нивы*» («Нашай нівы»); *шесць* (шэсць); *ешче* (яшчэ); *помешчены* (памешчаны); *парученье* (паручэнне); *моченька* (мочанька); *патреба* (патрэба); *депутатой* (дэпутатаў); *президент*³⁵ (прэзідэнт); *не легчей*³⁶ (не лягчэй).

Подобное явление отмечено и в рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг.³⁷:

Чернигойской (Чарнігаўскай); *Теутонаского закону* (Тэўтонскага); *куточек* (куточак); *вечевы* (вечавы); *ище* (яшчэ); *дуже* (дужа); *женийся* (жаніўся); *до Чехаў* (у Чэхію); *Гедемина*, а также: *Гедимина* (< рус. *Гедиминь*), *Гедымина* (пол. *Giedymin*).

Совершенно очевидно, что в приведенных случаях наблюдается прямое влияние русской орфографии с ее этимологическим принципом записи соответствующих слов. В современной белорусской орфографии в приведенных примерах используется фонетический принцип.

Ъ. В белорусских изданиях «русскими» буквами в XIX в. наряду с *е* использовалась буква **ъ**.

В русском языке **ъ** употреблялась на месте древнего звука, напминавшего дифтонг [иэ]. Этимологическое написание **ъ** по образцу русской орфографии практиковалось в белорусских изданиях произвольно, без соблюдения русского правила употребления **ъ**: эту букву часто заменяли на *е*. Употребление обеих букв в одних и тех же словах можно встретить даже в пределах одного издания. Это позволяет некоторым исследователям утверждать, что буква **ъ** в белорусских текстах довольно рано попала в категорию «лишних» графем³⁸.

Е. Туронек, в свою очередь, обратил внимание на то, что от буквы **ъ** отказались еще в 1902–1904 гг. издатели белорусскоязычных брошюр, издававшихся в Лондоне Польской социалистической партией

³³ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

³⁴ Наша Доля. 1906. № 6.

³⁵ Наша Нива. 1906. № 3.

³⁶ Наша Нива. 1906. № 7.

³⁷ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

³⁸ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 53–54.

(ППС), а также при публикации прокламаций ППС, издаваемых в Литве и Белоруссии. Также эта буква не использовалась членами Белорусской революционной партии, издавшими в 1903 г. в Санкт-Петербурге сборник стихов Янки Лучины (Яна Неслуховского) «Вязанка»³⁹. Не отмечена *ѣ* и в упомянутой выше рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг.⁴⁰

И все же после 1904 г. буква *ѣ* использовалась в белорусских текстах, но sporadически⁴¹. Она еще встречается в «Нашай Доли» — правда, исключительно в стихах Якуба Коласа (Константина Мицкевича), что уже подмечали исследователи, выяснившие, что эта буква присутствовала в рукописях этого автора⁴². В «Нашай Доли» буква *ѣ* выступала в тех же словах и позициях, что и в русском языке, но нередко будучи подменяема *е* (в скобках приводятся примеры слов согласно русскому правописанию того времени):

бѣдна = *biedna* (бѣдно); но: *бѣдны* = *biedny*; *дзѣ* = *dzie*; но: *гдзе* = *gdzie*⁴³ (гдѣ); *лѣс* = *les*⁴⁴ (лѣсъ); *смѣлых* (смѣлыхъ); *зѣмьды*⁴⁵ (сѣмьды).

Как видим, даже при сходстве белорусского и русского правописаний в употреблении *ѣ* в отдельных случаях полного совпадения не наблюдается, так как в записи белорусских слов применяются и другие орфографические (ср. бел. *лѣс* и рус. *лѣсъ*) и морфологические принципы (ср. бел. *зѣмьды* и рус. *сѣмьды*).

Є. Буква *є* отмечена в «Нашай Доли» лишь единожды: *трѣци* = *treći*⁴⁶. Вероятно, здесь мы имеем дело с технической опечаткой, а не орфографической ошибкой. Очевидно, на месте *є* должна была быть буква *э*. Никаких оснований видеть здесь украинское влияние нет, так как других подобных примеров в белорусскоязычной печати того времени не отмечается.

³⁹ Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 33.

⁴⁰ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

⁴¹ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 53–54.

⁴² Гапоненка І.А. Фармальнае варыянтнасць // Мова «Нашай Нівы» (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія. С. 95.

⁴³ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

⁴⁴ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁴⁵ Наша Доля. 1906. № 6.

⁴⁶ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

Ё. Буква *ё* появилась в русской печати не позднее 1795 г. (с 1730-х гг. использовался диграф *io*, с 1750-х — *iô*, последний в 1784 г. был введен на некоторое время в алфавит). Однако *ё* в русской письменности была принята не всеми и использовалась бессистемно. В алфавит она в начале XX в. не включалась, а ее использование было рекомендовано, но не являлось и до сих пор не является обязательным (за исключением 1942–1956 гг.)⁴⁷.

Букву *ё* использовал Иван Носович в своем «Словарѣ бѣлорускаго нарѣчія», напр.: *ѣлкій, ѣлупливый, ѣмкоць, кухарѣвна, улѣкливый, чецвѣртый*⁴⁸.

В белорусском же литературном языке *ё* заняла прочное место после утверждения на страницах первых белорусских газет. И, таким образом, пришедшая из русского узуса буква стала одной из неотъемлемых в составе белорусского алфавита, в котором она закрепилась как обязательная, в отличие от русского.

Буква *ё* в первом номере «Нашай Доли» использовалась одновременно с диграфами *io*, *йо*, *ьо* и буквой *e* (в современном белорусском правописании во всех приведенных ниже примерах употребляется *ё*):

ё: чытацелёў = *czytacielow* (ударение в данном слове падает на *a*, а само слово могло произноситься **чытацеляў* (в современном белорусском его нет, а употребляется лексема *чытач*); *далёка* = *daloka* (далёка); *землёю* = *ziamljoju* (зямлёю); *усё* = *usio* (усё); *ёсць* = *jość* (ёсць); *нёману* [sic!] = *Niomanu* (Нёману);

в одних и тех же лексемах «русскими» буквами — *ё* и *io* (диграф *io*, несомненно, указывает на польский язык как источник заимствования данного правописания, так как *i* в соответствии с польской орфографической системой используется как показатель мягкости предыдущего согласного): *цёмны* = *ciotny* (цёмны) и *цiомны* = *ciotny*; *казёные* = *kaziotnyje* (казённыя) и *казiоной* = *kazjonnoj* [sic!];

⁴⁷ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. 3-е изд. М., 1982. С. 206; Пчелов Е.В. Российская Академия и вопрос о введении в русский алфавит новых букв // Кириллица: от возникновения до наших дней. СПб., 2021. С. 204–217; Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь. М., 2000.

⁴⁸ Словарь бѣлорускаго нарѣчія / сост. И.И. Носовичемъ. СПб., 1870. С. 150–151, 261, 657, 698.

io: *жыццiо* = *życiо* (жыццё); *дзiон* = *dziон* (дзён);

в начале слов — *йо* (здесь наблюдается зависимость написания «русскими» буквами от текста «польскими», который мог быть основным, с которого делалась транскрипция): *йою* = *joju* (ёю); *йоу* = *joj* (ёй);

ё и *ьо*: *стомильённы* = *stomiljonny* (стомільённы); *мильоны* = *miljonu* (мільёны);

ё, io, e: *вёсках* = *wioskach* (вёскі); *виоски* = *wioski*; *вески* = *wioski* (последнее написание «русскими» буквами, очевидно, возникло под воздействием русского правописания, а предпоследнее скорее связано с влиянием польской орфографии);

e: *свое* = *swajo* (сваё); *ен* = *jon* (ён); *недалека* = *niedaloka* (недалёка); *хvaeвы* = *chwajowy* (хваёвы); *легкие* [sic!] (лёгкия) = *lochkie* [sic!] (в данных примерах отчетливо видно, как в одних и тех же словах «русскими» и «польскими» буквами используются принципы соответствующих правописаний)⁴⁹.

Итак, если в изданиях «польскими» буквами соблюдаются соответственно правила польской орфографии, то в изданиях «русскими» — как правила русской орфографии, так и принципы, заимствованные из польской. Особенно это заметно на примере написания слова *вёска*: *вёсках* = *wioskach*; *виоски* = *wioski*; *вески* = *wioski*. Причем вариантность наблюдается в написании «русскими» буквами, а белорусская орфография «польскими» буквами выглядит более последовательной.

Налицо орфографический дуализм: влияние и русского, и польского правописания. Однако со второго номера «Нашай Доли» буква *ё* практически вытесняет другие варианты:

трохполёука = *trochpolouka* (трохпалёўка); *людзёу* = *ludziou*⁵⁰ (диалектизм; в современном языке — людзей); *жыццё* = *życiо* (жыццё); *маёнтак* = *majontak* (маёнтак); *дасцё* = *daścio* (дасцё); *сваё* = *swajo*

⁴⁹ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

⁵⁰ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

(сваё)⁵¹; *на сваём* = *na swajom*⁵² (диалектизм; в современном языке — на сваім); *у вёсцы* = *u wioscy*⁵³ (у вёсцы); *у вёсках* = *u wioskach*; *вёсковых* = *wioskowych*⁵⁴ (в данном случае имеет место этимологическое написание, с сохранением основы *вёск-*; в современном языке — *вясковых*).

В «Нашай Ниве» буква *ё* преобладает:

Памёр (памёр); *прыяцелёў* (в современной орфографии — прыяцеляў); *калёс* (калёс); *пры ёй* (пры ёй); *казёл* (казёл); *вёсковых*; *слёз* (слёз); *жыццё*⁵⁵ (жыццё); *Усё*⁵⁶ (усё); *Ва ўсём*⁵⁷ (диалектизм; в современном языке — ва ўсім); *Сёлета* (сёлета); *плецёные* (пляцёныя); *ўсё-такі* (усё-такі); *ўсё мацней* (усё мацней); *ёсць* (ёсць); *крыўдзіцелёў* (в современной орфографии — крыўдзіцеляў); *памёр* (памёр); *дзіцё* (дзіцё); *лёд* (лёд); *сапёраў* (сапёраў); *маёнткі* (маёнткі); *ў заваёваным*⁵⁸ (у заваёваным); *вучыцелёў* (было бы вучыцеляў, но лексема в современном языке не используется); *казённай* (казённой); *па валасцёх* (данное написание (па валасцёх) сохранялось до 1933 г., ныне — па валасцях); *маладзёжы*⁵⁹ (диалектизм или заимствование из рус.; в современном языке лексема отсутствует, но имеется прилагательное *маладзёжны*).

Однако встречаются и отклонения от формировавшейся нормы:

е: *канеў* (канеў); *перэд касцёлам* (перад касцёлам); *ен*⁶⁰ (ён); в данном случае очевидно прямое влияние русской орфографии;
іо: *Іон* (Ён); *Іосць*⁶¹ (Ёсць);
іо: *Цётка* (Цётка); *Ўсё*⁶² (Усё); *гнаёка* [sic!]; но: *гнаёўка*⁶³ (диалектизм; 'дошка, якая кладзецца на калёсы пры вывазцы гною'⁶⁴).

⁵¹ Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

⁵² Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁵³ Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

⁵⁴ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁵⁵ Наша Нива. 1906. № 3.

⁵⁶ Наша Нива. 1907. № 17.

⁵⁷ Наша Нива. 1907. № 28.

⁵⁸ Наша Нива. 1907. № 17.

⁵⁹ Наша Нива. 1907. № 28.

⁶⁰ Наша Нива. 1906. № 6.

⁶¹ Наша Нива. 1907. № 17.

⁶² Наша Нива. 1906. № 3.

⁶³ Наша Нива. 1907. № 28.

⁶⁴ Шаталава Л. Ф. Беларускія дыялектныя словы. Мінск, 1975. С. 41.

Вообще непоследовательность в употреблении буквы *ё* в белорусской письменности отмечена с XIX в.⁶⁵

Е. Туронек видел влияние белорусскоязычных изданий польского публициста в Белоруссии конца XIX — начала XX в. Александра Ельского на появление диграфа *io* там, где позже закрепились буквы *ё*. Практика использования *io* была продолжена в 1902–1904 гг. издателями белорусскоязычных брошюр, выпущенных ППС в Лондоне, а также прокламаций ППС, изданных в Литве и Белоруссии⁶⁶.

В рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг.⁶⁷ буква *ё* не встречается, а используется диграф *io*:

усio (усё); *знаioмства* (знаёмства); *Пры iом* были (в современном языке: *Пры ім* были); *жыцiом* (жыццём); *до ciодня* (да сёння); *заўсioды* (заўсёды);
один раз — *во: мильoноў* (мільёнаў);
один раз — *е: польским каралем* (польскім каралём).

Появление диграфа *io* в белорусской письменности можно связывать как с польским⁶⁸, так и с русским влиянием (до 1917 г. нормативным являлся диграф *io* на месте нынешнего *ё*, например, во многих именах собственных, ср.: рус. *Миоры*, *Иодко*, *Пiotровскій* < пол. *Miory*, *Jodko*, *Piotrowski*; совр. бел. *Мёры*, *Ёдка*, *Пятроўскі*).

В книге Марии Косич «На пиресяленья» (1903) используются буква *ё* и диграф *йо*: *Кавалёнак*; *усё*; *дзянёчык*; *Йонь*, *зё йою*; *свайомь*⁶⁹.

В «Нашай Доли» диграф *йо* встречается исключительно в статьях Вацюка Тройцы (В. Ивановского):

далйoка (далёка); *крайoх* (до 1933 г. — краёх; ныне норма — краях); *йoсць* (ёсць); *йон*⁷⁰ (ён); *на йой*⁷¹ (на ёй); *казйoнные* (казённые); *гальйo*⁷² (*галлэ*); *усйo* (усё); *дасцйo* (дасцё); *лйoгка*⁷³ (лёгка).

⁶⁵ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 56.

⁶⁶ Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 33.

⁶⁷ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

⁶⁸ Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 56.

⁶⁹ Косичъ М.Н. На пиресяленья. Рассказъ тетки Домны изъ Полься. Черниговъ, 1903.

⁷⁰ Наша Нива. 1906. № 6.

⁷¹ Наша Нива. 1906. № 7.

⁷² Наша Нива. 1906. № 6.

⁷³ Наша Нива. 1906. № 7.

Как отмечалось выше, использование сочетания букв *йо* характерно для изданий петербургского Белорусского издательского общества «Загляне сонцэ...», одним из основателей которого был Ивановский⁷⁴. Судя по всему, на страницах «Нашай Нивы» его тексты публиковались в авторской орфографии.

М. К. Преннер видит в примерах с *йо* влияние украинской орфографии⁷⁵, чего нельзя исключать, но что требует обоснования.

Ê. В «Нашай Ниве» sporadически отмечается буква *ê* — на месте *e*: *мѣсяца*; или на месте *ě*: *сѣлета*; *рублѣу*⁷⁶. Появление этой буквы, вероятно, связано с техническими причинами: в типографии литовца Мартинаса Кукты (Мартина Кухты), где печатались белорусские газеты, наборщик мог допустить ошибку.

И. Звук [и] в белорусской письменности «русскими» буквами XIX в. обозначался двумя буквами: *i* (десятеричным) и *u* (восьмеричным). Как и в русской орфографии того времени, буква *u* писалась перед согласными, а *i* — перед гласными и полугласным [j], в белорусских же текстах *i* писалась и перед буквой *ў*, которая, видимо, воспринималась как полугласная, так же как и [j]⁷⁷.

Буква *u* в «Нашай Доли» выступает не только на месте звука [и], но и на месте [ы], что подтверждается примерами употребления одних и тех же слов в публикациях «русскими» и «польскими» буквами:

живыми = *żywymi* (жывымі); *пристау* = *prystau* (прыстаў); *амерыканской* = *amerykanskoj* (амерыканскай); *присяга* = *prysiaha* (присяга); *машины* = *maszyny*⁷⁸ (машыны); *мужики* = *muzyki*⁷⁹ (мужыкі); *мужикуу*; *мужицких*; *чиноуникау* (чыноўнікаў); *примерам*⁸⁰ (русизм; в современном языке — прикладам).

В данном случае заметно влияние русской орфографии (*и* после отвердевших согласных) в изданиях «русскими» буквами и польской

⁷⁴ Ср.: Беларуски лемэнтар; Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 38.

⁷⁵ Prenner M. K. Die Sprache. S. 107.

⁷⁶ Наша Нива. 1906. № 3.

⁷⁷ Гапоненка І. А., Грыгаровіч А. А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 54.

⁷⁸ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

⁷⁹ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁸⁰ Наша Доля. 1906. № 6.

(*у* в тех же позициях) — в газете «польскими» буквами, что может свидетельствовать об ориентации белорусскоязычных авторов на правила соответствующих языков.

В «Нашай Ниве», как и в «Нашай Доли», звук [и] обозначала буква *и*:

«Наша Нива»; з рысункамі; выходзіць; рускімі і польскімі літэрамі; радзім; прыпомніць⁸¹; І дзеля сьвята; І будучь жыці дзеткі; любім і цэнім; долей шчасліваю; на цэлым сьвеці⁸².

Буква *и* в «Нашай Ниве», так же как и в «Нашай Доли», появляется также спорадически на месте, где звучит [ы]: *прыхіжаецца; служыць⁸³*, но — исключительно в 1906 г. В 1907 г. таких примеров нет. Это означает, что с 1907 г. закрепилось правило написания после отвердевших согласных на месте этимологической *и* — буквы *ы*.

В качестве союза в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве» всегда используется *и*, за исключением одного случая: *а то й трэці⁸⁴*. В этом примере отражено характерное для белорусского языка сокращение гласного звука [і] после предыдущего гласного — с переходом в согласный [ј] (на письме *й*; аналогичное явление наблюдается и в случае *у > ў*). Это первый зафиксированный случай перехода союза *и > й* в белорусской прессе.

В рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг. буква *и* употребляется в тех же позициях, что и в русском литературном языке того времени, а также, позже, в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве»:

Белорусы не пазней за других, сталі мяркаваць каб меці сабе на бацькойшыне моцны урад — Ёўдзельно-вечевы [sic!] час гісторіі Руси.

Также *и* Я. Луцкевич иногда пишет после отвердевших согласных *ч, р*:

пачынаюся; прылучылась; злучылі; Кацерыны ІІ; но преимущественно: жывуць; «Крыжаки»; корыстаючы; прыняўшы⁸⁵.

⁸¹ Наша Нива. 1906. № 3.

⁸² Наша Нива. 1907. № 17.

⁸³ Наша Нива. 1906. № 3.

⁸⁴ Наша Доля. 1906. № 6.

⁸⁵ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

Буква *и*, таким образом, являлась нормативной для белорусской письменности первой половины — середины 1900-х гг. и употреблялась по русской орфографии — это видно и из рукописей, и из публикаций того времени. В настоящее время в белорусском литературном языке эта графема отсутствует: вместо нее используется *i*.

І. Буква *i* в «Нашай Доли» использовалась редко — в тех случаях, когда это было вызвано влиянием как русской орфографии (*i* перед гласной в конце слов), так и польской (*i* для обозначения мягкости предыдущей гласной):

польское влияние: *віоски* = *wioski* (вёскі);

русское влияние: *палицію* = *policju*, но: *палиция* = *полиция* = *policja* (паліцыя); *спокойствием* = *spokojstwijem* (русизм; в современном языке *спаской*); *каміцію* = *kamisju*⁸⁶; но: *на камисію*⁸⁷ (камісія); *Фінляндія* = *Finlandija* (Фінляндыя); но: *лейб-гвардіи* = *lejb-hwardzii*⁸⁸ (лейб-гвардыя); *згубіу* = *zhubiu* (згубіў); *ад Рэдакціі* = *ad Redakcii*⁸⁹ (ад рэдакцыі); *у Рэдакцію* = *u redakciju*⁹⁰; *разявіу* = *raziawiu*⁹¹ (разявіў); *крэпкіе* = *krepkije* (крэпкія); но: *карэспандэнціи* = *karespandencija* [sic!]⁹² (карэспандэнцыя); *бюракрація*⁹³ (бюракратыя).

Однако, как видим, *i* перед гласной в конце слов нередко заменялась на *и*, вопреки русскому правописанию. Но это объясняется тем, что именно *и* являлась «основной» буквой в белорусскоязычных изданиях «русскими» буквами.

В «Нашай Ниве» буква *i* также использовалась в считанных случаях:

рэдакціи и *адміністраціі*⁹⁴; *Іон*; *Іосць*⁹⁵; *прытуліўся*; *маліўся*; *званіў*⁹⁶.

⁸⁶ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

⁸⁷ Наша Доля. 1906. № 6.

⁸⁸ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

⁸⁹ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁹⁰ Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

⁹¹ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

⁹² Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

⁹³ Наша Доля. 1906. № 6.

⁹⁴ Наша Нива. 1906. № 3.

⁹⁵ Наша Нива. 1907. № 17.

⁹⁶ Наша Нива. 1906. № 3.

Влияние русской орфографии на белорусскую того времени не было абсолютным, о чем свидетельствует написание: *У Книгарни «Знаніе»* (по-русски в то время правильно: «Знание»)⁹⁷.

В рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг. буква *i* употребляется преимущественно в тех же позициях, что и в русском литературном языке того времени — то есть перед гласной, как позднее в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве»:

*гисторіі; самостійны; Франція; энергія; набіў; неприяціоламі; проціўку; Своріўся; но: княжыў; жениўся; другіе; згадзіўся; сь Киевом; ср. также в позициях, где сочетание букв іо соответствует ё: знаіомства; зайсіоды; жыціом; неприяціоламі; до сіодня*⁹⁸.

«Русские» буквы «Нашай Доли» и «Нашай Нивы». Согласные

Что касается правил употребления согласных букв в виленских белорусских газетах 1906–1907 гг. «русскими» буквами, то здесь наблюдаются определенные тенденции, часть которых получила дальнейшее развитие, а некоторые носили менее регулярный характер.

В исключительных случаях в «Нашай Доли» не отображалась отвердевшая **р**. Что это — опечатка или явление, вызванное влиянием русской орфографии? Следующий пример показывает неоднозначность: *сенцяб^ря* = *sienciabra*⁹⁹. В «Нашай Ниве» лишь sporadически отмечается смягчение *р*:

цяп^рь (цяпер); *гисторія* (гісторыя); *здар^рення* (здарэння); *средзь*¹⁰⁰ (русизм; в современном языке — сярод); *Мариампольскага павету*¹⁰¹ (Марыямпальскага павета).

Для сравнения, в рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг. это явление также наблюдается sporadически¹⁰²:

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

⁹⁹ Наша Доля. 1906. № 1, 2; Nasza Dola. 1906. No. 1, 2.

¹⁰⁰ Наша Нива. 1906. № 3.

¹⁰¹ Наша Нива. 1907. № 28.

¹⁰² [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

гисторіи (гісторыі); *христіане* (хрысціяне); *барьба* (русизм; в современном языке — барацьба); *борьбы*; *Харькойску* [губернию] (Харкаўскую); *пераяслаўску конституцію* (пераяслаўскую канстытуцыю); *польского уряду* (польскага ўрада); но: *урад*; *гаспадарского ураду*; *прычынѣ* (прычын); *корыстаючы* (карыстаючы); *прыняць* (прыняць).

Как, вероятно, опечатка, вызванная аналогией в издании «польскими» буквами, в «Нашай Доли» один раз встречается буква *с̣* на месте *с* (*с̣ь*): *кре̣с̣ц̣ьянские* = *krescianskije*¹⁰³. При этом, как видим, в издании «польскими» буквами *с* не смягчена (здесь могла бы быть *с̣ь*).

Ъ. В области консонантизма, как и в русском языке, в белорусских текстах «русскими» буквами с XIX в. после конечного согласного могла употребляться буква *ѣ* — для исчезнувшего гласного неполного образования, ставшая показателем твердости конечного согласного.

Е. Туронек обратил внимание на то, что от буквы *ѣ* отказались еще в 1902–1904 гг. издатели белорусскоязычных брошюр ППС, изданных в Лондоне, а также прокламаций ППС, изданных в Литве и Белоруссии¹⁰⁴.

В рукописи Я. Луцкевича первой половины 1900-х гг. *ѣ* появляется sporadически в конце слов после согласных¹⁰⁵:

памерѣ ѣ 1317 гаду; прычынѣ; Сынѣ; но: *сѣ Киевом* [sic!]; *кавалок; за-тым; час.*

Буква *ѣ* в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве» почти не употреблялась в конце слов, оканчивающихся на согласную, но отмечаются единичные исключения:

у насѣ = *u nas*; *марозѣ* = *maroz*; *ворагѣ* = *worah*; *нягодныхѣ* = *niahodnych*; *даходѣ*; но: *даход*; *з надѣ* = *z nad*, но: *з над* = *z nad*¹⁰⁶; *вокамѣ* = *wokom*¹⁰⁷; *з грязныхѣ, месяцѣ, грэхѣ, родныхѣ*¹⁰⁸; *разомѣ*¹⁰⁹.

¹⁰³ Наша Доля. 1906. № 2; Nasza Dola. 1906. No. 2.

¹⁰⁴ Туронак Ю. Генэза і аўтарства. С. 33.

¹⁰⁵ [Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь.

¹⁰⁶ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

¹⁰⁷ Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

¹⁰⁸ Наша Доля. 1906. № 6.

¹⁰⁹ Наша Нива. 1906. № 3, 6.

В белорусской письменности **ѣ** после 1908 г., по наблюдениям белорусских языковедов, отсутствует¹¹⁰.

Б. Буква **ѣ** в «Нашай Доли» и «Нашай Ниве» очень редко встречается после отвердевших согласных, и ее появление в данной позиции следует считать влиянием русской орфографии:

ведаешъ = *wiedajesz* (ведаеш); *глядзишъ* = *hladzisz*¹¹¹ (глядзіш); *не заспакоишъ*¹¹² (не заспакоіш).

Буквы **ѣ** и **ѣ** в «Нашай Доли» также выполняли одну и ту же разделительную функцию — консонантного призвука после согласного перед гласным: при этом использование **ѣ** соответствовало белорусскому произношению (сейчас эту функцию выполняет апостроф — ’), а **ѣ** мог появиться под влиянием русской орфографии (об этом свидетельствует написание тех же слов «польскими» буквами без смягчения согласной, предшествующей йоту со следующим за ним гласным):

ѣ: обѣяуляем = *abjaulaĵet* (аб’яўляем);
ѣ: сямѣи = *siamĵi*¹¹³ (сям’і); *н’е* = *pje*¹¹⁴ (н’е); *пабѣюць* = *pabĵuc*¹¹⁵ (паб’юць); *дабѣюцца*¹¹⁶ (даб’юцца).

То же самое наблюдается и в «Нашай Ниве» в 1906–1907 гг.:

ѣ: обѣявйѣ (аб’явіў)¹¹⁷; *зѣявилися*¹¹⁸ (з’явіліся);
*ѣ: пѣянаго*¹¹⁹ (п’янага); *пѣецъ*¹²⁰ (п’е); *бѣючы*¹²¹; *бѣюць* (б’юць);
На Юрѣя (на Юр’я); *ды ўсѣй сямѣи* (ды ўсёй сям’і)¹²².

¹¹⁰ Гапоненка І. А., Грыгаровіч А. А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка. С. 54.

¹¹¹ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

¹¹² Наша Нива. 1906. № 6.

¹¹³ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

¹¹⁴ Наша Доля. 1906. № 3; Nasza Dola. 1906. No. 3.

¹¹⁵ Наша Доля. 1906. № 1; Nasza Dola. 1906. No. 1.

¹¹⁶ Наша Доля. 1906. № 6.

¹¹⁷ Наша Нива. 1906. № 3.

¹¹⁸ Наша Нива. 1907. № 17.

¹¹⁹ Наша Нива. 1906. № 3.

¹²⁰ Наша Нива. 1907. № 28.

¹²¹ Наша Нива. 1906. № 6.

¹²² Наша Нива. 1907. № 28.

Буква *ѣ* в этой позиции встречается и позже: *п'яніца* (1912 г.), *п'янствацѣ* (1913 г.); *аб'явіць* (1914 г.); однако в основном ее заменял апостроф: *п'янства* (1913 г.); *п'яны* (1914 г.); *п'яніца* (1915 г.); *аб'ежджаць* (1913 г.); *ад'ехаць* (1913 г.). В то же время наблюдались колебания *ѣ* — *ѣ* — ' после приставки *з-* перед [j] + гласным: *зѣезджацѣца* (1908 г.); *зѣява* (1913 г.); *з'ява* (1912 г.)¹²³. При этом интересно отметить, что написание *зѣява* впоследствии стало нормативным и являлось таковым до 1933 г., а *з'ява* — с этого года и по сей день.

Здесь рассмотрены не все особенности орфографии первых белорусских газет 1906–1907 гг., а лишь те из них, в которых явственно проступают черты влияния тогдашней русской орфографии. Это отчетливо показывает, что правописание белорусского литературного языка в то время формировалось не только на основе живого произношения, но и с использованием орфографических приемов русского и польского литературных языков, что было вызвано широким распространением последних в обществе. При этом в изданиях «русскими» буквами русское влияние присутствует там, где в газетах «польскими» буквами используются принципы польской орфографии. Однако ряд польских черт проникает и в белорусскую письменность «русскими» буквами.

При этом ясно видно, что стандартизация норм белорусского литературного языка происходила на основе орфографии виленских белорусских газет, а варианты написания, встречавшиеся в петербургских изданиях издательского общества «Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ», имели на них косвенное, а не решающее влияние. «Наша Доля» и «Наша Нива» сыграли, таким образом, ключевую роль в формировании орфографических норм белорусского языка, закладывая основу для его дальнейшего развития. Инициатор издания первых белорусских газет Я. Луцкевич, вероятно, на начальном этапе также оказывал влияние на их правописание.

Стоит добавить, что вопрос о выборе между «русскими» и «польскими» буквами, а также об оригинальных формах белорусского алфавита неоднократно поднимался на страницах «*Našaj Niwy*». 30 сентября 1910 г. газета в последний раз вышла с надписью в шапке: «*Wychodzić što tydzień ruskimi i **polskimi** literami*»¹²⁴ («Выходит

¹²³ *Prenner M. K.* Die Sprache. S. 105, 108.

¹²⁴ *Naša Niwa.* 1910. No. 40. S. 1.

еженедельно русскими и **польскими** буквами»; здесь и далее выделено мною. — В.К.). С 7 октября 1910 г. эта надпись имела следующую форму: «Wychodzić što tydzień ruskimi i **łacinskimi** literami»¹²⁵ («Выходит еженедельно русскими и **латинскими** буквами»). Это свидетельствует о попытке уйти от польского влияния.

В конце 1911–1912 гг. был поднят вопрос о переходе только на «русские» буквы, что стало предметом дискуссии на страницах газеты. Польский исследователь и политический деятель Леон Василевский писал в ту пору об алфавите «Нашай Нівы»: «Пока не представляется возможным сделать окончательный вывод о том, какие шрифты широкие круги белорусского народа признают более практичными, поскольку в пользу латиницы и гражданки звучит примерно поровну голосов. Однако, скорее всего, чаша весов склонится в пользу гражданки, которой владеют все белорусы независимо от вероисповедания, прошедшие школу, тогда как латиницей владеют лишь католики»¹²⁶. Фактическое издание параллельных номеров польско-латинскими буквами прекратилось 18 (31) октября 1912 г., соответственно, из шапки газеты исчезла надпись: «Wychodzić što tydzień ruskimi i lacinskimi literami»¹²⁷.

Источники

Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 21-366; 21-610; 21-611.

Наша Доля, 1906.

Наша Нива, 1906–1907.

Наша Ніва, 1915.

Nasza Dola, 1906.

Nasza Niwa, 1906–1907.

Naša Niwa, 1910, 1912.

¹²⁵ Naša Niwa. 1910. No. 41. S. 1.

¹²⁶ Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Przeszłość — teraźniejszość — tendencje rozwojowe. Kraków, [1912]. S. 282.

¹²⁷ Naša Niwa. 1912. No. 42; Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 2. С. 201–206; Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. II. С. 119; Wasilewski L. Litwa i Białoruś. S. 282.

Літэратура

Александровіч С.Х. Пуцявіны роднага слова. Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX — пачатку XX стагоддзя. Мінск: Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна, 1971. 248 с.

Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь: у 3 т. Т. 1. А–З / рэд. А. А. Лукашанец; выд. 4-е, перапрац. і дап. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2012. 1071 с.

Беларускі лемэнтар або Першая навука чытання. Пецябург: Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ, 1906. 32 с.

Булыка А.М. Кірыліца // Беларуская мова: энцыклапедыя / рэд. А. Я. Міхневіч; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994. С. 260–261.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник; 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 530 с.

Гапоненка І.А. Фармальныя варыянтнасць // Мова «Нашай Нівы» (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія / рэд. В.П. Лемцюгова. Мінск: Беларуская навука, 2005. С. 34–162.

Гапоненка І.А., Грыгаровіч А.А. Графіка-арфаграфічная спецыфіка беларускіх выданняў XIX ст. // Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе / рэд. М.Р. Прыгодзіч. Мінск, 2013. С. 50–70.

Жалейка Янки Купалы. Пецябург: Загляне сонцэ і у нашэ ваконцэ, 1908. 152 + IX с.

Залоска Ю. Газета «Наша доля» (1906): культуралагічны аспект выдання // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. 1993. № 3. С. 70–72.

Ігнатойскі У. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. (Лекцыі, чытанія для студэнтаў Менскага Пэдагагічнага Інстытуту ў г. Яраслаўлі ў 1917–1918 року). Менск: Навукова-літаратурны аддзел Камісарыяту Народнай Асьветы Беларусі, 1919. 80 с.

Корбут В.А. Белорусский язык как определяющий фактор формирования белорусской национальной идентичности и движения в начале XX века // Восточнославянские исследования. Вып. 3 / гл. ред. Б.Н. Флоря. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. С. 36–55.

Косіч М.Н. На пірэсялёння. Разказь тетки Домны ізь Пол сьзя. Черніговь: Типографія Губернскага Земства, 1903. 16 с.

Крамко І.І., Юрэвіч А.К., Яновіч А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. II. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 341 с.

Лемцюгова В.П. Заклучэнне // Мова «Нашай Нівы» (1906–1915). Семантыка. Стылістыка / рэд. В.П. Лемцюгова. Мінск: Беларуская навука, 2014. С. 358–361.

[Лёсик Я.]. Да рэформы беларускай азбукі // Працы Акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (14–21 лістапада 1926 г.) / рэд. С. Некрашэвіч і Ў. Ігнатоўскі. Менск: Выданьне Інстытуту Беларускае Культуры, 1927. С. 115–123.

Лёсик Я. 1921–1930. Збор твораў / укл. А. Жынкін. Мінск: ІП Логвінаў, 2003. 396 с.

[Луцкевіч Я.] Жменя слоў пра Белу Русь яе гісторію літаратуру і нац. узвиження пачаткі // Lietuvos Mokslo akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 21-366. L. 45r–48v.

Миллер А., Остапчук О. Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // Славяноведение. 2006. № 5. С. 25–48.

Мова «Нашай Нівы» (1906–1915). Варыянтнасць. Сінанімія / рэд. В. П. Лемцюгова. Мінск: Беларуская навука, 2005. 303 с.

Мячкоўская Н. Б. Мовы і культуры Беларусі: нарысы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. 348 с.

Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / укл. Г. В. Кісялёў, рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. 544 с.

Першае чытанне для дзетак беларусаў. Напісала Ційотка. Пецяярбург: Загляне сонца і ў нашае ваконца, 1906. 30 с.

Пчёллов Е. В. Российская Академия и вопрос о введении в русский алфавит новых букв // Кириллица: от возникновения до наших дней. СПб.: Алетейя, 2021. С. 204–217.

Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь. М.: Народное образование, 2000. 248 с.

Савчук Б. П., Билович Г. В. «Азбучные войны» 30–50-х гг. XIX в. в Галиции в современном научном дискурсе // Русин. 2019. Т. 56. С. 58–76.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія / сост. И. И. Носовичемъ. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1870. 756 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Турунак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Vilnius: Інстытут беларусістыкі, 2006. 877 с.

Уласаў А. Успамін // Сын беларуса. 1924. № 29, 20.08. С. 2.

Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915). Мінск: Беларуская навука, 2008. 186 с.

Усціновіч Г. К. «Наша ніва» // Беларуская мова: энцыклапедыя / рэд. А. Я. Міхневіч; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994. С. 384–386.

Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 2. Вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў /

скл. У. В. Анічэнка, П. В. Вярхоў, А. І. Жураўскі, Я. М. Рамановіч. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1962. 327 с.

Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова / рэд. Г. У. Арашонкава. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 208 с.

Шлюбскі А. Новыя матэрыялы да гісторыі «Нашае Долі» // *Полымя*. 1927. № 3. С. 199–206.

Anton Luckevič: *Belaruskaja hramatyka*. Vil'nja 1916. Edition und Kommentar. Bde. I–II / hrsg. H. Bieder. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität, 2017. 935 S.

Bieder H. Anton Luckevičs *Belaruskaja hramatyka* und der Sprachgebrauch in der „*Naša Niwa*“ – Periode (Zur Kasusvarianz in der ersten Deklination der weißrussischen Substantive) // *Studia Białorutenistyczne*. 2021. T. 15. S. 247–265.

Беларускі лемтар або Пierszaja nawuka czytannia. Piciarburh: Zahlanie sonce i ŭ nasze wakonce, 1906. 23 s.

Dwornik K. «Зор» Галицка» i „Dnewnyk Ruskij” — dwa różne alfabety i dwie różne wizje ukraińskiego ruchu narodowego w Galicji // *Slované mezi tradicí a modernitou* / red. M. Giger, H. Kosáková, M. Příhoda. Praha: Pavel Mervart, 2014. S. 137–145.

Dwornik K. Słoweńska “abecedna vojna” i pierwsza ukraińska «азбучна війна» w Galicji — próba porównania // *Slovanský svět: známý či neznámý?* / red. K. Kedron, M. Příhoda. Praha: Pavel Mervart, 2013. S. 119–126.

Dwornik K. Stanowisko ks. Josyfa Łewyckiego (1801–1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraińskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku // *Acta Polono-Ruthenica*. 2016. T. XXI. S. 17–26.

Hroch M. *Małe narody Europy. Perspektywa historyczna*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 2003. 168 s.

Konrad Prószyński. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Konrad_Proszyński (дата обращения: 03.03.2025).

Krapivka M. Jak nam uczycca // *Nasza Niwa*. 1906. No. 1, 10 (23). 11. S. 4–5.

Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 1998. 301 p.

Prenner M. K. “*Naša Niva*” na skrzyżowaniu kultur: dowody na różnych płaszczyznach języka gazety // *Acta Albaruthenica*. 2018. T. 18. S. 225–243.

Prenner M. K. *Die Sprache der Zeitung Naša Niva im Zeitraum 1906–1915*. Masterarbeit. Wien, 2016 [машинопись]. 263 S.

Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Przeszłość — teraźniejszość — tendencje rozwojowe. Kraków, [1912]. 361 + XXI s.

References

Aleksandrovich S.Kh. *Putsiaviny rodnaha slova. Prablemy razvitsisia belaruskaj litaratury i druku druhoj palovy XIX — pachatku XX stahoddzia*. Minsk, Vydavetstva Belaruskaha dziaržaŭnaha universiteta imia U.I. Lenina, 1971, 248 p. (In Bel.)

Anton Luckevič: *Belaruskaja hramatyka. Vil'nja 1916. Edition und Kommentar*. Bde. I–II, hrsg. H. Bieder. Oldenburg, BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität, 2017, 935 p. (In Germ. and Bel.)

Belarуска-ruski sloŭnik = Belorussko-russkii slovar': u 3 t. T. 1. A–Z, red. A.A. Lukashanets; vyd. 4-je, peraprats. i dap. Minsk, Belarускаia Ėntsylkapedyia imia Petrusia Broŭki, 2012, 1071 p. (In Bel. and Russ.)

Bieder H. Anton Luckevičs Bielaruskaja hramatyka und der Sprachgebrauch in der “Naša Niwa” — Periode (Zur Kasusvarianz in der ersten Deklination der weißrussischen Substantive). *Studia Białorutenistyczne*, 2021, t. 15, pp. 247–265. (In Germ.)

Bulyka A. M. Kyrlytsa. *Belarускаia mova: ėntsylkapedyia*, red. A.Ia. Mikhnevich; rėdkal.: B. I. Sachanka (hal. rėd.) i insh. Minsk, “Belarускаia ėntsylkapedyia” imia Petrusia Broŭki, 1994, pp. 260–261. (In Bel.)

Dwornik K. “ЗорА Галицка” i “Dnewnyk Ruskij” — dwa r6zne alfabety i dwie r6zne wizje ukraiŋskiego ruchu narodowego w Galicji. *Slovane mezi tradici a modernitou*, red. M. Giger, H. Kosaková, M. Příhoda. Praha, Pavel Mervart, 2014, pp. 137–145. (In Pol.)

Dwornik K. Słoweŋska “abecedna vojna” i pierwsza ukraiŋska “azbuczna viŋna” w Galicji — próba por6wnania. *Slovanský svėt: známý či neznámý?* red. K. Kedron, M. Příhoda. Praha, Pavel Mervart, 2013, pp. 119–126. (In Pol.)

Dwornik K. Stanowisko ks. Josyfa Lewyckiego (1801–1860) w sporze o alfabet języka ruskiego (ukraiŋskiego) w Galicji w latach 30. i 40. XIX wieku. *Acta Polono-Ruthenica*, 2016, t. XXI, pp. 17–26. (In Pol.)

Haponenka I.A. Farmal’naia varyiantnasts’. *Mova “Nashaŭ Nivy” (1906–1915). Varyiantnasts’*. *Sinanimiia*, red. V.P. Lemtsiuhova. Minsk, Belarускаia navuka, 2005, pp. 34–162. (In Bel.)

Haponenka I.A., Hryharovich A.A. Hrafika-arfahrafichnaia spetsyfika belaruskikh vydanniaŭ XIX st. *Belarускаia mova i movaznaŭstva: XIX stahoddze*, red. M.R. Pryhodzich. Minsk, 2013, pp. 50–70. (In Bel.)

Hroch M. *Male narody Europy. Perspektywa historyczna*. Wrocław, Warszawa, Krak6w, Zakład Narodowy im. Ossoliŋskich — Wydawnictwo, 2003, 168 p. (In Pol.)

Khrėstamatyia pa historyi belaruskaj movy. Ch. 2. Vuchėbny dapamozhnik dlia studentaŭ filalahichnykh fakul’tetaŭ vyshėiŝhykh navuchaŭnykh ustan6uŭ, skl. U.V. Anichėnka, P.V. Viarkhoŭ, A.I. Zhuraŭski, Ia.M. Ramanovich. Minsk, Vydavetstva Akademii navuk Belaruskaj SSR, 1962, 327 p. (In Bel.)

Konrad Prószyński. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Konrad_Prośzyński (accessed: 03.03.2025). (In Pol.)

Korbut V. A. Belorusskii iazyk kak opredelaiushchii faktor formirovaniia belorusskoi natsional'noi identichnosti i dvizheniia v nachale XX veka. *Vostochno-slavianskije issledovaniia*. Vyp. 3, gl. red. B. N. Floria. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg, Nestor-Historia, 2024, pp. 36–55. (In Russ.)

Kramko I. I., Iurévich A. K., Ianovich A. I. *Historyia belaruskaj litaraturnaj movy. T. II*. Minsk, Navuka i tэхhnika, 1968, 341 p. (In Bel.)

Lemtsiuhova V. P. Zakliuchénne. *Mova “Nashaj Nivy” (1906–1915). Semantyka. Stylistyka*, red. V. P. Lemtsiuhova. Minsk, Belarускаia navuka, 2014, pp. 358–361. (In Bel.)

Liosik Ia. 1921–1930. *Zbor tvoraŭ*, ukl. A. Zhynkin. Minsk, IP Lohvinaŭ, 2003, 396 p. (In Bel.)

Medišauskienė Z. *Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas, Vytauto Didžiojo universitetas, 1998, 301 p. (In Lith.)

Miachkoŭskaia N. B. *Movy i kul'tury Belarusi: narysy*. Minsk, Prava i ekano-mika, 2008, 348 p. (In Bel.)

Miller A., Ostapchuk O. Latinita i kirillitsa v ukrainskom natsional'nom diskurse i iazykovoï politike Rossiiskoi i Gabsburgskoi imperii. *Slavianovedeniye*, 2006, no. 5, pp. 25–48. (In Russ.)

Mova “Nashaj Nivy” (1906–1915). *Varyiantnasts’*. *Sinanimiia*, red. V. P. Lemtsiuhova. Minsk, Belarускаia navuka, 2005, 303 p. (In Bel.)

Pachynal'niki. Z historyka-litaraturnykh matэryialaŭ XIX st., ukl. H. V. Kisia-liouŭ, red. V. V. Barysenka, A. I. Mal'dzis. Minsk, Navuka i tэхhnika, 1977, 544 p. (In Bel.)

Pchelov E. V. Rossiiskaia Akademiia i vopros o vvedenii v russkii alfavit novykh bukv. *Kirillitsa: ot vozniknoveniia do nashikh dnei*. St. Petersburg, Aleteia, 2021, pp. 204–217. (In Russ.)

Pchělov E. V., Chumakov V. T. *Dva veka russkoi bukvy Je. Istorii i slovar’*. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2000, 248 p. (In Russ.)

Prenner M. K. “Naša Niva” na skrzyżowaniu kultur: dowody na różnych płaszczyznach języka gazety. *Acta Albaruthenica*, 2018, t. 18, pp. 225–243. (In Pol.)

Prenner M. K. *Die Sprache der Zeitung Naša Niva im Zeitraum 1906–1915. Masterarbeit*. Wien, 2016 [typescript], 263 p. (In Germ.)

Savchuk B. P., Bilavich G. V. “Azbuchnyje voiny” 30–50-kh gg. XIX v. v Galitsii v sovremennom nauchnom diskurse. *Rusin*, 2019, t. 56, pp. 58–76. (In Russ.)

Staliūnas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p. (In Russ.)

Shatalava L. F. *Belaruskaje dyialektneje slova*, red. H. U. Arashonkava. Minsk, Navuka i tэхhnika, 1975, 208 p. (In Bel.)

Turonak Iu. *Madэrnaia historyia Belarusi*. Vilnius, Instytut belarusicystyki, 2006, 877 p. (In Bel.)

Unuchak A. “*Nasha niva*” i *belaruski natsyianal’ny rukh (1906–1915)*. Minsk, Belarускаia navuka, 2008, 186 p. (In Bel.)

Ustsinovich H. K. “Nasha niva”. *Belarускаia mova: èntsyklapedyia*, rėd. A. Ia. Mikhnevich; rėdkal.: B. I. Sachanka (hal. rėd.) i insh. Minsk, “Belarускаia èntsyklapedyia” imia Petrusia Broŭki, 1994, p. 384–386. (In Bel.)

Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vv.*: uchebnik; 3-e izd. Moscow, Vysshiaia shkola, 1982, 530 p. (In Russ.)

Zaloska Iu. Hazeta “Nasha dolia” (1906): kul’turalahichny aspekt vydannia. *Vesnik Belaruskaha dziarzhauñaha universitėta. Ser. 4. Filalohiia. Zhurnalistyka. Pedahohika. Psikhahohiia*, 1993, no. 3, pp. 70–72. (In Bel.)

Viktar A. Korbut

PhD (Philology)
Independent Researcher
Poland, Warsaw
E-mail: korbutviktar@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6848-1160

**The influence of the Russian literary language
on the spelling of the first Belarusian newspapers
Nasza Dola and *Nasza Niwa* (1906–1907)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.06

Abstract: On the pages of the first Belarusian-language newspapers *Nasza Dola* and *Nasza Niwa*, the publication of which was initiated by Jan Łuckiewicz in 1906 in Vilna (Vilnius), the foundations of modern Belarusian spelling and grammar were laid. The article examines those features of the spelling of the first Belarusian newspapers in 1906–1907, in which the influence of the Russian orthographies is clearly visible. This obviously shows that the Belarusian literary language and its spelling were formed at that time, not only on a strictly national basis, but also with the involvement of the resources of the Russian (and Polish) literary language. This was caused by the wide dissemination of these languages across the educated environment of society. This trend has continued to the present day. Different editors and authors of the first Belarusian-language newspapers used various orthographic approaches, which led to a diversity of spelling. However, these newspapers played a key role in the development of the norms of the Belarusian literary language. The language used in their pages also served as an important element of national identity. Thus, the years 1906–1907 were a period in time when the systematic normalisation of the Belarusian literary language began, including orthography and grammar, which continued over the following decades.

Keywords: Belarusians, spelling, grammar, Belarusian language, Russian language, *Nasza Dola*, *Nasza Niwa*

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: mklopova@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

Проблемы адаптации беженцев-галичан в Российской империи. 1915–1917 годы

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.07

Аннотация: Статья посвящена исследованию различных аспектов взаимоотношений русинов, подданных Габсбургской монархии, которые в 1914–1915 гг. оказались на занятых русской армией землях, с официальными учреждениями и общественными организациями, в чьи обязанности входила интеграция этих территорий в Российскую империю и укрепление русского самосознания у восточнославянского населения этих земель. Несмотря на то что занятие части Галиции и Буковины трактовалось в официальных источниках и в публицистике как «освобождение Червонной Руси» и «завершение дела собирания русского народа», на практике представители русской армии и гражданской администрации, а также пророссийски настроенные жители региона столкнулись с целым комплексом проблем, связанных с интеграцией местных русинов в русское общество. После начала массовой эвакуации весной — летом 1915 г., сопутствовавшей отступлению русской армии, в России оказалось несколько тысяч русинов. Их судьбы заметно разнились, однако общей для них была сложность интеграции в русское общество. Оставаясь подданными враждебной державы, русины сталкивались как с формальными трудностями (оформление документов, денежной помощи), так и с предубеждением части русского общества, незнакомого с галицийскими реалиями.

Ключевые слова: Галиция, русинское население, русская администрация, галичане, беженство

Занятие русскими войсками Галиции в конце августа — начале сентября 1914 г. вызвало эмоциональный подъем в широких слоях российского общества, повлияв на настроения как членов императорского двора, так и простых обывателей. Освобождение Червонной Руси придало особый смысл начавшейся войне, а успех этой операции был крайне важен после неудач на Северо-Западном фронте.

Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич прислал в Ставку телеграмму о том, что «доблестные войска генерала Рузского взяли Галич, а армия Брусилова взяла Львов»¹, на улицах городов проходили праздничные манифестации². Карпато-русский освободительный комитет, созданный 29 июля (11 августа) 1914 г. в Киеве приехавшими в Россию еще до войны галицийскими русофилами, выпустил обращение к населению: «Славное воинство русского царя ступило на галицийскую землю, чтобы принести ее несчастному народу волю и счастье и чтобы принять его в просторный дом одной неразделенной русской родины. Поэтому все русское население Галиции призывается с крестом и хоругвями встречать православное русское воинство, несущее ему веру предков и свободу русского человека на его родной русской земле»³. В номере иллюстрированного издания «Искры» (приложение к газете «Русская мысль»), посвященном завоеванию Галиции, были помещены фотографии г. Львова с комментариями: «Русские воины снова вступили на ту русскую землю у подножия Карпат, которую они оставили еще в 1349 году, истощив силы в неравном споре с Польшей и Литвой. То, о чем грезили целые поколения русских людей, что год назад казалось бы сказкой, сном наяву, совершается на наших глазах»⁴. Журнал «Летопись войны», созданный в начале военных действий с целью «отметить беспристрастно все сообщения о великой борьбе России»⁵, писал: «Нет более подъяремной Руси и вовеки не бывать, пока нерушимо стоит на страже свободы славянства столько раз обнажавшая меч в пользу своих меньших братьев великая и могучая Россия»⁶.

В действительности же эта занятая по праву войны территория была сравнительно мало известна жителям Российской империи. До войны общероссийские газеты освещали наиболее значимые события в Галиции, Буковине и Угорской Руси, например, выборы 1907 г., убийство наместника А. Потоцкого, волнения в Львовском университете 1910 г., события Мармарош-Сигетского и Львовского

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. Из царской армии в Красную. М., 2023. С. 80.

² Русское слово. 1914. 26 августа (8 сентября).

³ От Карпато-русского освободительного комитета // Новое время. 1914. 4 (17) августа.

⁴ Червоная Русь // Искры. 1914. 31 августа (12 сентября).

⁵ От редакции // Летопись войны. 1914. 6 (19) сентября.

⁶ Обозрение войны // Летопись войны. 1914. 6 (19) сентября.

процессов⁷. Значительно большее внимание ситуации в этих провинциях уделяли участники общественных движений и обществ: Галицко-Русского благотворительного общества (ГРБО), Киевского клуба русских националистов (ККРН), Киевского славянского благотворительного общества и другие. Их усилиями издавалось много научно-просветительской литературы, посвященной жизни русинов и их положению в Австро-Венгрии. Нередко такие издания пользовались спросом в кругах, интересы которых, казалось бы, были далеки от жизни русинов соседней монархии. Примером может послужить обращение в канцелярию ГРБО командира 164-го пехотного Варшавского полка по части хозяйств с просьбой «выслать во вверенный ему полк 10 экземпляров книги английского автора В. Дж. Беркбека «Гонения за веру в Червонной Руси»⁸ и составленный Д. Вергуном сборник «Преследования за православную веру в Угорской Руси»⁹»¹⁰.

При занятии русскими войсками Галиции и Буковины новая администрация постаралась успокоить местное население¹¹. На пятый день после начала войны была издана листовка с текстом знаменитого обращения «Русскому народу!» подписанная Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. В ней он призывал многострадальную Русь «встать на сретение русской рати» и обещал, что всем «освобожденным русским братьям найдется место на лоне Матери России»¹². О гарантиях, предоставляемых населению занятых территорий, упоминал и А. А. Брусилов, объявивший делегации жителей Львова, что в «данное время все национальности, религии и политические убеждения каждого обывателя безразличны»¹³.

⁷ Клопова М. Э. Восточная Галиция и ее население на страницах российской прессы (август — сентябрь 1914 г.) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб., 2016. С. 145–161.

⁸ Беркбек В. Дж. Гонения за веру в Червонной Руси: «Галиция» — Австрийская Польша / пер. с англ. А. А. СПб., 1913. 62 с.

⁹ Преследования за православную веру в Угорской Руси [с прил. и снимками подлин. писем] / под ред. Д. [М.] Н. Вергуна. СПб., 1913. 43 с.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.

¹¹ Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 70–105.

¹² Воззвание Верховного главнокомандующего русскому народу // Новое время. 1914. 5 (18) августа. Текст данного воззвания был опубликован большинством изданий центральной прессы 5 (18) августа 1914 г.

¹³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 100.

и от жителей требуется прежде всего сохранять спокойствие и придерживаться лояльности в отношении русской администрации.

По воспоминаниям большинства русских, оказавшихся на территории Галиции и Буковины, — офицеров, сестер милосердия, корреспондентов российских газет, — местное население встречало их дружелюбно; многие отмечали его сходство с жителями малороссийских губерний. Нередко даже попавшие в плен солдаты-русины легко находили общий язык с солдатами русской армии¹⁴. В то же время некоторые отмечали прохладное отношение к появившимся в первые месяцы войны в регионе русским подданным¹⁵.

В свою очередь чиновники Галицийского генерал-губернаторства также настороженно относились к жителям занятого региона. Наибольшие подозрения вызывали поляки, евреи, сторонники украинских националистических партий. Несмотря на то что вслед за австрийскими войсками из Львова выехали многие опасавшиеся репрессий горожане¹⁶, в городе оставались митрополит Галицкий Андрей Шептицкий, а также многие деятели украинского движения. В отношении них русская администрация применила репрессивные меры¹⁷. В начале 1915 г. началась высылка «неблагонадежных элементов» в глубь России (всего были высланы 1962 человека)¹⁸.

Остававшиеся на занятых русскими войсками территориях лояльные к России жители вызывали также определенные опасения властей. Прежде всего, они оставались подданными враждебного государства — Австро-Венгрии. Даже участники русофильского движения, вернувшиеся во Львов вместе с русскими войсками, не пользовались полным доверием. Заявление одного из руководителей Русского

¹⁴ Жердева Ю.А., Сумбутова Е.И., Черкасова М.В. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны // Научный диалог. 2021. № 8. С. 307–322; Суляк С.Г. Руси́ны в воспоминаниях участников мировой войны // Русин. 2016. № 29 (44). С. 73–92.

¹⁵ Парфирьев Д.С. Руси́ны Галиции глазами посетителей из России (1914–1917 гг.) // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 44–53.

¹⁶ Парфирьев Д.С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918. М., 2023. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев, 1916. С. 17.

народного совета¹⁹ В.Ф. Дудыкевича о необходимости формирования галицийской администрации в том числе и из участников русофильского движения не встретило поддержки со стороны русской администрации Галиции. Русофилы, как правило, занимали второстепенные должности²⁰. Достаточно резко о стремлении части русофилов занять лидирующие позиции в управлении краем высказалось издаваемое штабом Юго-Западного фронта «Львовское военное слово», по словам которого, «у небольшой кучки рутенской интеллигенции... создалось, по-видимому, убеждение, что русская армия заняла Галицию для того, чтобы дать им свести старые счета с политическими противниками»²¹.

По мере того как отдельные галичане и буковинцы или их группы уезжали в Россию с какой-либо определенной целью, отчетливо проявлялась проблема их правового статуса на территории Российской империи. Первой такой группой стали молодые русины, направленные в Петроград и Киев с целью получения образования. Создание собственных, подготовленных в России кадров являлось одной из приоритетных задач русской администрации; по мере возможности им оказывалась разнообразная помощь. Тем не менее будущие студенты учебных заведений Российской империи довольно быстро столкнулись с указанной проблемой. Так, шестеро слушателей Военно-медицинской академии в июле 1915 г. ходатайствовали о «возможно скором принятии нас в русское подданство, ибо лекции уже начались»²². Следует отметить, что галичане обращались за помощью в ГРБО, которое, хотя и не было официально уполномочено представлять интересы русинов, было достаточно хорошо знакомо галицийским и буковинским русофилам и воспринималось ими в качестве защитника их интересов.

С аналогичной просьбой от имени организаторов курсов для учителей-галичан 13 (26) июля 1915 г. в Департамент полиции обратился правление ГРБО. В прошении предлагалось выдать временные

¹⁹ Русский народный совет Прикарпатской Руси был создан 9 (22) сентября 1914 г. во Львове вместо самораспустившегося Карпато-Русского освободительного комитета.

²⁰ *Гайсенюк В.* Початок кінця: Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 106.

²¹ Львовское военное слово. 1915. 1 (14) апреля.

²² РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

паспорта «уроженцам и уроженкам Галиции, прибывшим в Петроград... для слушания курсов при учебном заведении М. А. Лохвицкой-Скалон». Также оно ходатайствовало о выдаче документов А. И. Глибовицкой и Я. М. Добрянской, дочерям известных русофилов²³. Необходимость этого объяснялась тем, что их возвращение на родину в Галицию в данный момент невозможно. Всего предлагалось выдать 131 паспорт.

В значительно более сложном положении оказались рядовые участники русофильского движения или даже просто лояльные по отношению к русской администрации русины. Так, 16 (29) февраля 1915 г. к председателю ГРБО Д. Н. Вергуну обратился русофил Б. Малаховский с личной просьбой о помощи его матери и сестре. По словам Малаховского, им грозила высылка в Австрию, если они до 31 марта (13 апреля) не получат русского подданства. Малаховский объяснял, что «на прошение моей матери потребовано от нее метрическое свидетельство, без которого прошение не может быть удовлетворено»²⁴. Автор письма просил о содействии, обращая внимание адресата на то, что «высылка моей матери и сестры насильно в Венгрию через Румынию была бы величайшим преступлением со стороны русского правительства»²⁵. Позже он высказал опасения, что «ввиду того, что получить метрическое свидетельство в настоящее время из Галичины не представляется возможным... мать моя как "иностранка"... будет насильственно выслана из России»²⁶. Наконец, мать и сестра Малаховского обратились к Вере Николаевне Вергун, супруге председателя Общества, которая уже была хорошо известна в провинции как организатор благотворительной помощи. Сестра Малаховского писала, что «мать моя уже старушка, но мы бессильны и нуждаемся в защите и помощи. ...Мы, галичанки, благодаря случаю избежавшие венгерских тюрем за симпатии к России, случайно выехавшие... теперь мы в опасности попасть в русскую тюрьму за то, что не в состоянии удовлетворить мелких формальностей или попасть-таки в австрийские руки в венгерские тюрьмы, где томится столько ваших и наших родственников»²⁷.

²³ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 26. Л. 68.

²⁴ Там же. Д. 23. Л. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Тогда же, в январе 1915 г., в канцелярию военного генерал-губернатора Галиции с просьбой о принятии в русское подданство обратился Павликов — член Русско-народной партии, исполнявший обязанности помощника начальника Самборского уезда. Однако ему в этом было отказано²⁸. Позднее он при содействии ГРБО написал прошение уже в Петроград с просьбой разрешить ему въехать в Россию для сопровождения сына, который получил место в петроградской гимназии²⁹. ГРБО неоднократно оказывало поддержку галичанам, вызывавшим у официальных властей подозрения. Так, Д. Н. Вергун на запрос пристава Петроградской части, «на основании чего было выдано венгерскому подданному Лудвигу Балоге свидетельство о принадлежности его к славянской национальности»³⁰, ответил, что лично знал многих из семьи Балог как русофилов. В сложной ситуации оказался и русин Дмитрий Яц, направленный ГРБО в организуемый в ноябре 1915 г. санитарно-питательный отряд в Тарнопольской губернии. Обосновывая свое решение тем, что комитет для оказания временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий, известный Татианинский, не сообщил о нем никаких сведений в штаб Петроградского военного округа, начальник штаба распорядился выдворить Яца из Петрограда в семидневный срок³¹. Правление Общества несколько раз обращалось в штаб округа с просьбой оставить Яца в Петрограде для организации работы отряда, однако «главный начальник округа не признал возможным оставить в Петрограде австрийского подданного Дмитрия Яца»³².

Помимо правового положения в Российской империи многих галичан и буковинцев беспокоили и вопросы материальные. Большинство из них рассчитывало на краткое пребывание в России и не имело каких-либо доходов, кроме пособия на время обучения на курсах. Кроме того, беженцев волновала судьба оставшихся на родине близких. О их судьбе также узнаем из прошений. Например, с просьбой о помощи обратился в правление ГРБО студент Петроградской духовной академии Виктор Сиротюк. В январе 1915 г. ему пришло письмо от отца, отставного учителя, проживавшего в г. Черновцы. Старый

²⁸ Там же. Д. 26. Л. 96.

²⁹ Там же. Д. 29. Л. 104.

³⁰ Там же. Д. 26. Л. 78.

³¹ Там же. Л. 183.

³² Там же. Л. 191.

русофил, пострадавший от репрессий со стороны австрийских властей, писал, что «потерял в силах, но русского духа никогда не потеряю» и жаловался на то, что «все “украинские” учителя, эти злейшие враги русского народа, получили до сих пор всю пенсию, но я за четыре месяца (в тюрьме) ничего не получил. У нас холодно и голодно. Теперь не знаем, что будем делать». Сын ходатайствовал перед ГРБО о материальной помощи, просьба его была удовлетворена, Общество выделило 50 руб.³³ Тот же Василий Сиротюк в октябре 1915 г. вновь обратился в ГРБО, получив известие о назначении преподавателем латинского языка в Одесской гимназии Илиади: «Покорнейше прошу назначить мне пособие для дальнейшего устройства, так как первое жалование будет выдано только через месяц»³⁴. Ему было выдано 100 руб. О помощи в покупке форменной одежды ходатайствовал учитель И. А. Лунык³⁵. С аналогичной просьбой в правление обратился галичанин Клубяк: «Прошу выдать мне 15 рублей на дорогу в г. Киев, дабы мне возможно немедленно явиться в 2-е Киевское военное училище, ибо срок моей явки в училище прошел. 12 октября 1915 г.»³⁶. Он получил 15 руб.

С просьбой о финансовой поддержке обращались и военнопленные русины. Среди них были даже те, кто попал в плен «по ошибке». 15 (28) марта 1915 г. в ГРБО обратился русин Василий Мельник. Он рассказал, что по окончании срочной службы «вступил в жандармы 5-го Галицийского жандармского корпуса»³⁷. Тем не менее он начал активно сотрудничать с русской администрацией. Вскоре он заболел и был направлен в Киев на лечение, после окончания которого вместе с другими военнопленными был отослан в Нижний Новгород. Мельник, по его словам, обращался к руководству Русского народного совета с просьбой «составить прошение, чтобы пустили меня домой, так как я не могу вернуться до Австрии за мое дело, а до сих пор никакого ответа не получил»³⁸. Он использовал верноподданническую и патриотическую риторику, подчеркивая, что он — «верный сын святой Руси и который еще молодой и хочет тоже жить для добра и славы

³³ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 30. Л. 1а.

³⁴ Там же. Л. 15.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ Там же. Л. 24.

³⁷ Там же. Д. 23. Л. 19.

³⁸ Там же.

святой Руси», хотя и отмечал с грустью, что «бедный русин как был в Галиции бедный, так и здесь никто за него не стоит». Тем не менее он уверял, что среди военнопленных очень много галичан, «которые желают принести присягу Его Императорскому Величеству Государю русскому, и чтобы их отпустили домой»³⁹. В определенной степени его чаяния были удовлетворены годом позже, когда в ГРБО пришло сообщение о том, что «Государю императору угодно было Высочайше повелеть соизволить на прием охотниками в армию галичан — австрийских подданных православного вероисповедания»⁴⁰.

В наиболее сложном положении оказывались женщины-беженки. По словам украинской исследовательницы Л. Н. Жванко, женщинам пришлось сменить свою традиционно-патриархальную модель поведения, превратившись из пассивной «хранительницы домашнего очага» в личность⁴¹, которая должна была самостоятельно позаботиться о себе. Стоит отметить, что русины Австро-Венгрии были достаточно консервативны⁴², и подобная смена ролей женщинам-русинкам давалась очень непросто. Многие представительницы интеллигенции оказались в Российской империи на курсах для учителей-галичан в Петрограде или Киеве. Невозможность вернуться на родину вынудила их искать работу наравне с мужчинами. Некоторые выпускницы курсов для учителей-галичан стали сестрами милосердия, другие же пытались либо продолжить образование в России, либо найти работу. Помощи они также часто искали в ГРБО.

Так, с прошением в правление ГРБО обратилась упоминавшаяся ранее Александра Глибовицкая. Она писала, что всегда имела намерение окончить медицинский факультет, однако не располагает необходимыми средствами в ее нынешнем положении беженки⁴³. Глибовицкая просила «помочь определиться на вышесказанный факультет в петроградский университет или в случае невозможности на женские медицинские курсы», а также о материальной помощи⁴⁴. Она

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Д. 32. Л. 108.

⁴¹ Жванко Л. Н. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків, 2012. С. 56.

⁴² Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). Київ, 2006. С. 307–308.

⁴³ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 19. Л. 46.

⁴⁴ Там же.

получила 50 руб. для оплаты лекций и столько же для покупки одежды⁴⁵.

Ольга Федевич — бывшая слушательница курсов для галичан в Петрограде — 20 сентября (3 октября) 1915 г. также попросила выделить ей пособие на питание и рассказала в своем обращении в ГРБО о трудностях, с которыми она столкнулась: «Получив в последних днях августа пособие на проезд в г. Саратов для приискания места учительницы... я обращалась к инспектору Саратовского учебного округа и он мне заявил... что места для труда нет». Заканчивала свое письмо девушка горестным вопросом: «...не умирать же голодной смертью в так богатой России?»⁴⁶

Прошение об оказании материальной помощи казначею Общества направила галичанка Лукия Лысак, проживавшая в 1916 г. в Киеве⁴⁷. Молодая беженка признавалась, что, к своему сожалению, не может выполнять обязанности сельской учительницы, как ей предлагали, поскольку состояние ее здоровья резко ухудшилось. Она с горечью рассказывала, что все ее попытки найти работу оказались неудачными, по основной своей специальности — преподаванию музыки — она не может устроиться: «...пока это остается мечтой, а у меня ни средств, ни связей, ни рояля»⁴⁸. Ее письмо исполнено глубокого отчаяния, она опасалась, что никогда не может вернуться на родину. Упоминала она и о том, что некоторые члены ее семьи интернированы австрийцами, а другие служат в австрийской армии. О бежавших в Россию родных сведений Лукия не имела, известна была только судьба сестры, которая ее и опекала⁴⁹. Правление ГРБО направило ей 50 руб. и рекомендовало обратиться за помощью в киевское отделение общества⁵⁰. Позднее, в ноябре 1916 г. с просьбой об оказании материальной помощи Лысак Общество обратилось в отдел пособий Татианинского комитета⁵¹. Письмо молодой русинки является как прекрасным примером типичной судьбы беженки, так и образцом того языка, на котором изъяснялись русины, в том числе и сторонники идеи общерусского

⁴⁵ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 19. Л. 34.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Письмо приведено ниже, в приложении к статье.

⁴⁸ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 151.

⁴⁹ Там же. Л. 152.

⁵⁰ Там же. Л. 222.

⁵¹ Там же. Д. 27. Л. 92.

единства. Стил ь изложения, использование не свойственных русскому языку выражений, своеобразная лексика красноречиво свидетельствуют о том, что язык русинов Австро-Венгрии заметно отличался от современного им русского языка.

Помимо сложностей с определением правового статуса и материальных вопросов уехавшие из Галиции и Буковины русофилы столкнулись с другой, несколько неожиданной на первый взгляд проблемой — восприятием их в обществе Российской империи, даже в образованной среде. Галичане жаловались на то, что они были «отделены от русской интеллигенции какой-то злополучной стеной недоверия и вражды. Русская прогрессивная интеллигенция чуждается нас за то, что вот мы рады националистам, которые приходили к нам с приветом в тяжелые годы наших гонений... Но ведь мы столь же рады были и русским людям из левого лагеря. Нам это просто непонятно, ведь мы в вашей политической борьбе не участвуем»⁵².

Сложности подобного рода усилились, когда галичане начали массово выезжать из Галиции вместе с отступающей русской армией. Уже в мае 1915 г. газета «Русское слово» сообщила о том, что в Киеве «многие из прибывших беженцев-галичан — главным образом, интеллигентные лица — заявили о своем желании возвратиться на родину. Во Львов посланы телеграммы с запросом, когда можно будет начать обратную эвакуацию беженцев»⁵³.

Первоначально значительная часть беженцев была размещена в Киеве. Общее число прибывших варьируется от 5 до 18 тыс.⁵⁴ Стоит отметить, что официальной статистики не велось, поэтому цифры следует считать приблизительными. Один из беженцев отмечал, что уже в Киеве чувствовалось негативное отношение определенной части общества к беженцам: «Нас, галицких русских, общество в России фактически не признавало русскими. Не имея понятия о нашем происхождении, о нашей истории, нас считали каким-то особенным типом славянским, чем-то средним между русскими, украинцами и поляками, и этому типу дали название “галичане”»⁵⁵.

⁵² Украинская жизнь. 1916. № 5–6. С. 116.

⁵³ Русское слово. 1915. 16 (29) мая.

⁵⁴ Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 188.

⁵⁵ Сосенко Н. П. В Грозное время. URL: <https://carpatho-russian-almanacs.org/RBO/RBO1923/ThreateningTime.php> (дата обращения: 10.11.2023).

В конце августа 1915 г. Киев был объявлен транзитным пунктом, и большинство галичан было вывезено в другие города. Основным центром их пребывания стал Ростов-на-Дону. Туда же в конце сентября переместился и Русский народный совет Прикарпатской Руси. Именно здесь возник конфликт, отразивший как противоречия между сторонниками украинской и русофильской ориентаций, так и сформировавшееся уже определенное отчуждение между представителями беженцев и подданными Российской империи.

Ряд публикаций в прессе, осуждающих деятельность Русского народного совета и его руководителей, вызвал волну негатива со стороны русского общества. Журналистка Мария Анчарова осенью 1916 г. опубликовала несколько очерков о положении галицийских беженцев в Ростове, содержащий резкую критику в адрес Русского народного совета. Статьи были опубликованы в газетах «Русские ведомости»⁵⁶ и «Приазовский край» (редактором последней был в то время известный украинский журналист А. Ф. Саликовский). Чуть позднее этот репортаж был перепечатан в московском журнале «Украинская жизнь»⁵⁷. Анчарова подробно рассказывала о тяготах быта беженцев, скудном финансировании, отсутствии какого-либо созидательного труда или простой возможности заработать себе на жизнь. Она прямо возлагала ответственность за такое положение беженцев-галичан на членов Русского народного совета. Ее позицию поддерживали такие влиятельные общественные деятели, как В. Г. Короленко, также обратившийся к проблемам беженцев-галичан в Ростове-на-Дону и других городах⁵⁸.

Публикации в прессе были подкреплены и свидетельствами чиновников⁵⁹, и тревожными сообщениями, приходившими в адрес ГРБО, которое, в свою очередь, направило в Ростов-на-Дону Д. Н. Вергуна для прояснения ситуации.

Несмотря на то что публикация вызвала резкую критику со стороны В. Ф. Дудыкевича, многие выводы Анчаровой косвенно были подтверждены и В. Олферьевым, чиновником при Галицийском генерал-губернаторстве, командированном в Ростов-на-Дону в ответ

⁵⁶ Русские ведомости. 1916. 8 (21) сентября.

⁵⁷ Галичане в Ростове // Украинская жизнь. 1916. № 11–12. С. 139–146.

⁵⁸ Короленко В. Г. Опыт ознакомления с Россией // Незданный В. Г. Короленко. Публицистика: в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 286–305.

⁵⁹ Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 198.

на многочисленные жалобы на действия совета. Примечательно, что Олферьев, ознакомившись с ситуацией на месте, отметил, что наряду с проблемами, общими для всех беженцев, находившихся на территории Российской империи, галичане столкнулись с рядом проблем, характерных только для них как для подданных враждебного государства. По его словам, «русское общество очень мало знакомо с Галицией и галичанами»⁶⁰. Он также согласился с упреками, высказанными М. Анчаровой в адрес организационной деятельности Русского народного совета, и заметил, что его руководители «просто вынесли сор из избы, забыв, что они не дома»⁶¹.

Слова о том, что беженцы-русины находятся «не дома», во многом отражали истинное отношение русского общества к населению «Подъяремной Руси», вынужденному покинуть свои родные места и двинуться вглубь России. Концепция «единой Руси от Карпат до Камчатки», активно пропагандируемая как на страницах националистических изданий, так и с трибун Государственной думы, и с началом войны ставшая одной из основ государственной идеологии, не выдержала столкновения с действительностью. Беженцы-галичане, находившиеся, как и основная масса беженцев, в крайне сложных условиях, оставались подданными враждебного государства, испытывали проблемы с документами, нередко не могли найти работу. Представлявший их интересы Русский освободительный комитет Прикарпатской Руси не мог полностью выполнить возложенные на него задачи. Достаточную помощь беженцам не могли предоставить ни Татианинский комитет, ни Министерство внутренних дел, также ответственные за решение подобных проблем. Таким образом, беженцы-русины из Галиции и Буковины оказались в крайне сложном положении, не имея возможности адаптироваться к условиям жизни в России и не получая действенной помощи от государства. Несмотря на то что в настоящее время появилось значительное количество работ, посвященных проблеме беженства в Российской империи⁶², многие интересные на-

⁶⁰ Украинская жизнь. 1916. № 11–12. С. 140.

⁶¹ Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. С. 198.

⁶² См., напр.: Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925. М., 2014; Жванко Л. Н. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків, 2012; Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113; и др.

правления данной проблематики остаются еще не до конца исследованными. К числу последних можно отнести и изучение особенностей групп беженцев различного подданства, этнического происхождения, вероисповедания и других факторов. С нашей точки зрения, выявление особенностей тех или иных групп поможет нам составить более полную картину этого явления.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо в Галицко-русское благотворительное общество галичанки Лукии Лысак⁶³

Глубокоуважаемый господин казначей!

Большое спасибо Вам за память обо мне и за Ваш труд. Извиняюсь, что я замедлила с ответом, и не надослала прошения о месте деревенской учительницы, так как я учительницей никогда не была, и сомневаюсь, смогу ли я исполнять принятые на себя по неволе обязанности, о которых имею только слабое понятие. При этом здоровье мое уже от природы не очень-то важное, а теперь еще ужасы войны, тяжелые потрясения не только выбили мою жизнь из обыкновенной колеи, но еще отразились печально на моем здоровье, значительно ухудшили мои силы как физические, так и нравственные, так что я до сих пор не опомнилась. С детства я выросла, как много наших галичан, совсем в других условиях жизни. Хотя я привыкла к труду и не боюсь работы, но не всегда бывает труд в силу. Вот именно теперь я нашлась в этом несчастном положении. До сих пор я была всегда в том счастливом положении, что никогда не была принуждена обращаться к благотворительной помощи, а жила из собственного труда или на собственные средства. Моим большим желанием есть как-нибудь пристроиться, чтобы не быть в тягость Обществу и не жить на его счет, но в последнее время подорванное здоровье заставило меня поневоле отдыхать. Это невыносимое мучение души чувствовать себя, хоть бы даже временно, беспомощным и бесполезным.

Я пробовала здесь, в Киеве, выучиться писать на машинке, и поступить куда-нибудь на место, но это напрасно, так как у меня наследственная болезнь сердца и я после двухнедельной работы на машинке,

⁶³ В письме сохранены стиль и орфография автора.

должна была это поневоле прекратить, так как отозвалось у меня биение сердца. Во ввиду того, я хотела теперь вписаться на курсы счетоводства Бобыря на Софийской улице, 5, так как зная бухгалтерию, я могла бы рассчитывать на лучшее место, которое обеспечило бы в будущем мое существование. Материально вся наша семья совершенно разорена, из нашего состояния буквально ничего не осталось, так как часть моих ближайших родных в австрийской тюрьме, младшие в армии, а прочие разбрелись здесь в России. Впрочем, теперь семейные трагедии кругом.

Получив заявление, чтобы я внесла прошение о месте учительницы в Волинскую губернию, я нашлась в отчаянном состоянии души, так как я никаким образом не могу этому последовать. Я рождена в Каменке Волошской, возле Равы-Русской, а постоянно жила во Львове, где кончила высшее учительское образование, но с этой целью, чтобы быть учительницей музыки в какой школе (но для того у нас было обязательно иметь учительский аттестат). В музыкальной краевой консерватории я обучалась солевому пению и игре на рояле, и всего только один год не хватило мне до окончания консерватории, чтобы получить аттестат, но вследствие войны я уже не успела этого добыться. Музыка, именно мое профессиональное образование, и в этом направлении я всегда трудилась, но это пока остается мечтой, так как теперь война, а у меня ни знакомств, ни средств, ни рояля.

Два года до войны моя мать ужасно страдала болезнью сердца, и я за ней ухаживала. Недолго до войны моя мать умерла в Каменке Волошской. Здесь наша усадьба. Здесь жили мои ближайшие родные, и поэтому я осталась здесь после смерти матери отдыхать, так как мое здоровье было в плохом состоянии.

Но вдруг вспыхнула война. В Каменке Волошской был священником мой шурин Боровец, а близко в Раве-Русской был мой второй шурин Перфецкий, уездный судья, и их обоих в начале войны арестовали австрийцы, а теперь, после отступления русских войск, по полученным нами известиям из Каменки и Талергофа, мою самую старшую сестру, замужнюю Боровец из Каменки увезли в Талергоф, а все наше имущество, труд многих годов, осталось на произвол судьбы.

У нас дома я видела 3-кратные обыски (даже в погребе мазепинцы рыли землю, иская, безумные, русского оружия), на моих глазах произошли памятные для нас арестования, а тем более кровавилось мое сердце, что у нас семейные отношения были хороши.

После того, наплынули к нам голодные австрийские войска, главным образом мадьяры, мы были в опасении жизни. Произошел известный славный бой под Равой-Русской. Возле и через нашу усадьбу переведено 3 линии окопов, 7 дней мы были в огне, сараи загорались, но наш и приходской дома остались целыми, но как теперь не знаю. Я уже видела бой, слышала громкие залпы орудий и непрерывный треск пулеметов, потрясающий целым естеством человека, раздражающий сердце крик, в яростные штыковые атаки; перед пулями мы прятались в погребе, а если было нужно, рискуя жизнями, ухаживали за ранеными, а после я видела еще побоевище — я знаю, что это гроза смерти.

Теперь мне ехать в Волынскую губернию, где доносится грохот пушек, это сверх моих сил, мои нервы слишком расшатались, этого я не могу переносить спокойно, а потом, страдая болезнью сердца, я не смогу жить далеко от родных.

Сестра моя очень много работает и очень настойчивая на работу, а кроме труда ничего не знает, а жизненную энергию у нее поддерживает только мысль быстрого возврата на Родину (так как уже 2 года не имеет сведений о своем муже), но меня в таком истощенном виде пожалела и не могла куда-нибудь пристроить, опасаясь, что заболēju. Притом мой гардероб оказался очень оборванным, так как я, уезжая на курсы, только временно бросив мой родной уголок, не взяла с собой никакого запаса, а сестра моя тоже не успела много захватить, так как последние 3 суток служила на военном телефоне по приказанию Штаба 8-й армии и накануне взятия Львова уехала на автомобиле.

Теперь я была намерена посещать курсы счетоводства, но обстоятельства военного времени очень быстро переменяются, и, если бы мне удалось, при формировании новых штатов в Галичину, попасть куда-нибудь, тогда я очень радо уехала бы на Родину, так как мне ужасно надоела эта скитальческая жизнь, но не знаю, будут ли вряд принимать на службу галичан в Галичину.

Раньше было желала сестра пристроить меня как учительницу в детский приют Русского Народного Совета Прикарпатской Руси в Киеве, но это не удалось по многим сложным обстоятельствам, о которых лучше замолчать. Сестра моя работала в приюте с самоотвержением, имея только в виду нести пользу бедным бездомным детям, но, к сожалению, только теперь и другие лица начинают оценивать ее труд и относятся к ней как к человеку вполне самостоятельному

и серьезно трудящемуся, и это пока для нее большая награда за ее тихую и бескорыстную работу.

В тяжелое тогда для нас, зимой, положение я отнеслась была в Правление Галицко-Русского Общества и благодаря благосклонному для меня решению я могла жить с сестрой вместе.

Теперь как раз для нас опять невыгодное положение, именно: расформирование и формирование штатов и надо еще немножко обождать, чтобы пристроится.

Ввиду того, я смею обращаться к Вам, Глубокоуважаемый господин Казначей, частным образом, чтобы вы были так добры известить меня, могу ли я еще рассчитывать на поддержку Общества, пока дела не наладятся вообще, и пока я не успею поскорей куда-нибудь пристроиться. Но в противном случае, если галичанок не будут принимать теперь на службу, я буду принуждена остаться в Киеве и вписаться на курсы счетоводства, а после их окончания тех, сестра уже меня пристроит с помощью Божьей и добрых людей.

Простите, глубокоуважаемый господин Казначей, за мое длинное письмо, но я считала своей обязанностью высказаться откровенно, чтобы Вы и Общество было уверено, что я не легкомысленно желала воспользоваться пособием, а наоборот, это пособие было необходимо для моего существования, и только благодаря поддержке Галицко-Русского Общества я успела немножко подкрепить свои истощенные силы. Извольте принять глубокоуважаемый господин казначей от меня и моей сестры выражения самого глубокого уважения и остаюсь всегда с полной благодарностью.

Лукия Лысак. г. Киев июля 21 дн. 1916. Анненковская ул. 15 кв. 4

РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 23. Л. 151–152

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465. Галицко-Русское благотворительное общество.

Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев: [б. и.], 1916 (или: тип. Киевского военного округа, 1915). 49 с.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. Из царской армии в Красную. М.: Эксмо; Яуза, 2023. 320 с.

Искры. 1914.

Короленко В.Г. Опыт ознакомления с Россией // Неизданный В.Г. Короленко: [публицистика, письма, дневники, записные книжки]: в 3 т. М.: Пашков дом, 2011–2013. Т. 1. М.: Пашков дом, 2011. С. 286–305.

Летопись войны. 1914.

Львовское военное слово. 1915.

Русское слово. 1915.

Новое время. 1914.

Украинская жизнь. 1916.

Литература

Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 262 с.

Гайсенюк В. Початок кінця: Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці: Друк Арт, 2017. 304 с.

Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). Київ: Критика, 2006. 632 с.

Жванко Л.Н. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків: Апостроф, 2012. 567 с.

Жердева Ю.А., Сумбурова Е.И., Черкасова М.В. Восприятие российской политики в Галиции в дневниках и мемуарах участников Первой мировой войны // Научный диалог. 2021. №8. С. 307–322.

Клопова М.Э. Восточная Галиция и ее население на страницах российской прессы (август — сентябрь 1914 г.) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / редколл.: Е.Ю. Борисёнок (отв. ред.), М.Э. Клопова, М.В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 145–161.

Парфирьев Д.С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918. М.: Центр-полиграф, 2023. 223 с.

Парфирьев Д.С. Русины Галиции глазами посетителей из России (1914–1917 гг.) // Вестник антропологии. 2024. №1. С. 44–53.

Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников мировой войны // Руссин. 2016. №29 (44). С. 73–92.

References

Bakhturina A.Iu. *Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny*. Moscow, AIRO-XX, 2000, 262 p. (In Russ.)

Haiseniuk V. *Pochatok kintsia: Moskvofily u Velykii viini (1914–1918)*. Chervnivtsi, Druk Art, 2017, 304 p. (In Ukr.)

Hrytsak Ia. *Prorok u svoïi vitchyzni. Franko ta ioho spil'nota (1856–1886)*. Kyiv, Krytyka, 2006, 632 p. (In Ukr.)

Klopa M. E. Vostochnaia Galitsiia i ee naselenie na stranitsakh rossiiskoi pressy (avgust – sentiabr' 1914 g.). In: *Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature*, ed. by E. Yu. Borisenok, M. E. Klopa, M. V. Leskinen. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2016, pp. 145–161. (In Russ.)

Parfir'ev D. S. *Ukrainskoje dvizheniie v Avstro-Vengrii v gody Pervoi mirovoi voyny. Mezhdue Venoi Berlinom i Kijevom. 1914–1918*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2023, 223 p. (In Russ.)

Parfir'ev D. S. Rusiny Galitsii glazami posetitelei iz Rossii (1914–1917 gg.). *Vestnik antropologii*, 2024, no. 1, pp. 44–53. (In Russ.)

Suliak S. G. Rusiny v vospominaniiakh uchastnikov mirovoi voyny. *Rusin*, 2016, no. 29 (44), pp. 73–92. (In Russ.)

Zherdeva Iu. A., Sumburova Je. I., Cherkasova M. V. Vospriiatie rossiiskoi politiki v Galitsii v dnevnikaikh i memuarakh uchastnikov Pervoi mirovoi voyny. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 8, pp. 307–322. (In Russ.)

Zhvanko L. N. *Bizhentsi Pershoi svitovoi viiny: ukrains'kyi vymir (1914–1918 rr.)*. Kharkiv, Apostrof, 2012, 567 p. (In Ukr.)

Maria E. Klopova

PhD (History)

Senior Researcher

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A

E-mail: mklopova@inslav.ru

ORCID: 0000-0001-8723-5838

Problems of adaptation of Galician refugees in the Russian Empire. 1915–1917

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.07

Abstract: The article is devoted to the various aspects of the relationship between the Ruthenians, subjects of the Habsburg Monarchy, who, from 1914–1915, found themselves in the lands occupied by the Russian army, and official institutions and public organisations whose duties included the integration of these territories into the Russian Empire and the strengthening of Russian identity among the East Slavic population of these areas. Despite the fact that the occupation of parts of Galicia and Bukovina was interpreted in official sources and in publicism as “liberation of Red Ruthenia” and “completion of the task of gathering the Russian people”, in practice, representatives of the Russian army and civil administration, as well as pro-Russian residents of the region, faced a whole range of problems related to the integration of local Ruthenians into Russian society. After the beginning of the mass evacuation in the spring and summer of 1915, which accompanied the retreat of the Russian army, several thousands of Ruthenians ended up in Russia. Their fates differed markedly, but what they had in common was the difficulty of integrating into Russian society. Remaining subjects of a hostile power, the Ruthenians faced both formal difficulties (paperwork and receiving financial aid) and prejudice from those parts of the Russian society who were unfamiliar with Galician realities.

Keywords: Galicia, Russian administration, Ruthenians, Galicians, refugees

Игорь Игоревич Баринов

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334 Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: i.barinov@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Харитон Лебедь-Юрчик (1877–1945): портрет на фоне эпохи

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.08

Аннотация: В статье рассматривается биография Харитона Михайловича Лебедя-Юрчика, экономиста и администратора украинского происхождения в Российской империи, который впоследствии активно участвовал в украинском государственном строительстве и стал автором первого в истории Украины государственного бюджета. Крестьянский сын, получивший систематическое образование лишь в зрелом возрасте, Лебедь-Юрчик сумел сделать впечатляющую карьеру в царской России, поднявшись от мелкого чиновника в провинции до налогового инспектора в столице Российской империи. Его служебная активность при этом не мешала ему быть украинским патриотом и участвовать в работе «Просвиты», украинской просветительской организации. В силу ряда обстоятельств долгое время были известны лишь отрывочные сведения из его биографии, что не позволяло создать полную картину его жизни и деятельности. На примере личности Лебедя-Юрчика можно проследить соотношение лояльностей в условиях транзита идентичности при переходе от Российской империи к постимперским государствам, а также бытование украинского патриотизма в изменяющихся обстоятельствах. Статья основана на ранее неизвестных архивных документах.

Ключевые слова: Харитон Лебедь-Юрчик, Украинская держава, Украинская народная республика, украинское национальное движение

В 1923 г. Михаил Булгаков, описывая в своем романе «Белая гвардия» события Гражданской войны, недавно пережитые им в родном Киеве, среди прочего упоминает деньги, имевшие хождение на Украине в 1918 г. В руках одного из героев романа, Василия Лисовича (Василисы), оказываются «пачки продолговатых бумажек», выпущенные «державной скарбницей» — государственным казначейством Украинской народной республики (УНР). Иронично называя их «игральным

крапом» и «художественным произведением», Булгаков упоминает директора казначейства, Лебеда-Юрчика. Указывая на техническое несовершенство банкнот и его поддельную подпись, автор говорит, что тот «явно фальшиво просвечивал с обратной стороны»¹.

Так с легкой руки известного писателя Харитон Михайлович Лебедь-Юрчик стал для широкого круга читателей гротескным персонажем, символом недолговечного характера украинской государственности. Между тем для Украины Лебедь-Юрчик был ведущим финансистом своего времени, составителем первого в ее истории государственного бюджета, ученым-правоведом и общественным деятелем. Выходец из крестьян, сумевший сделать карьеру в царской России, Лебедь-Юрчик побывал членом различных украинских правительств, существовавших между 1918 и 1921 гг., прежде чем надолго стать частным лицом в межвоенной Польше. Временная реактивация и участие в украинских инициативах на территории оккупированной Галиции в 1941–1943 гг. предшествовали резкому и бесповоротному уходу из политики. В конце Второй мировой войны Лебедь-Юрчик оказался в Германии в качестве «иностранным рабочего» с Востока. В послевоенной неразберихе сведения о нем затерялись. Даже «Энциклопедия истории Украины» отмечает, что достоверных данных о его жизни до 1918 г. в литературе «пока что нет» и не приводит точных дат и мест его рождения и смерти².

Биография Лебеда-Юрчика отражает сложные и порой драматические повороты в истории украинской интеллигенции первой половины XX в. В течение жизни он несколько раз, в различных обстоятельствах, оказывался в рядах элиты, чтобы потом вновь стать рядовым членом общества. Специалист-технократ, он пытался поставить свои знания на службу Украине и ее народу сперва в Российской империи, затем в революционные годы, а впоследствии и в эмиграции. Как и многие его соотечественники, Лебедь-Юрчик прошел длительный путь от социал-демократических убеждений к консерватизму, а затем и национализму, что выразилось в его сотрудничестве с самыми разными украинскими структурами — от «Просвита» до Организации украинских националистов (ОУН)*. Впрочем,

¹ Булгаков М. А. Белая гвардия. Рига, 1927. С. 42–43.

² *Енциклопедія історії України: в 10 т. Т. 6: Ла–Мі.* Київ, 2009. С. 71.

* Запрещенная в России экстремистская организация.

«старая» Россия так и не отпустила Лебедя-Юрчика окончательно: по иронии судьбы, в конце жизни по документам он числился «русским»³.

Особенности эпохи, которую застал Лебедь-Юрчик, предопределили постоянную корректировку мотиваций. В его случае незаурядность личности всякий раз приводила к внутреннему конфликту, когда начинала превалировать та или иная сторона его множественной идентичности. В настоящей статье проблема выбора в постоянно меняющихся условиях будет помещена в украинский контекст.

Будущий главный казначей Украины родился 28 сентября 1877 г. в селе Зятковцы Гайсинского уезда Подольской губернии⁴ в православной крестьянской семье. Нам почти ничего не известно о его ранних годах. Можно полагать, что его родители хотели, чтобы Харитон двигался по педагогической или духовной части (наиболее популярные в крестьянской среде социальные лифты). Молодому человеку удалось совместить оба этих направления, поступив в Тифлисский Александровский учительский институт⁵. Это было полузакрытое учебное заведение, где в течение четырех лет воспитывались выходцы из неимущих семей, причем лишь часть из них находилась на казенном содержании, тогда как остальные были вынуждены обеспечивать себя сами. Несмотря на название, институт имел выраженный миссионерский характер и был в первую очередь призван заниматься «восстановлением христианской культуры в тех местностях Кавказа, где издавна существовало христианство, но было подавлено мусульманским владычеством»⁶.

По неизвестным причинам Лебедь-Юрчик не окончил полный институтский курс. Тем не менее он все еще пытался остаться

³ Архивы Арользена (Arolsen Archives). Listen von Angehörigen der Vereinten Nationen, anderer Ausländer, deutscher Juden und Staatenloser, britische Zone. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/de/document/70634938> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Arolsen Archives. Namentliche Liste russischer Fremdarbeiter, beigesetzt auf dem Friedhof in Goslar (1941–1949). URL: <https://collections.arolsen-archives.org/de/document/70634938> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Здесь и далее биографические сведения взяты из послужного списка за 1915 г.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 22. Д. 2413. Л. 28–31.

⁶ *Стрелецкий С.Н.* Александровский учительский институт в Тифлисе. Тифлис, 1901. С. 1, 5–6.

в рамках духовного ведомства. Вернувшись в родные края, он 29 октября 1897 г. поступил по вольному найму в Подольскую духовную консисторию на самую низкую должность — писца 3-го разряда⁷. В конечном итоге менее чем через год, 20 сентября 1898 г., он перешел в Министерство финансов. В ту пору это ведомство имело огромный вес и стратегическое значение (не в последнюю очередь это было связано со сбором налогов и прочих платежей в казну). Именно органы финансов, а не внутренних дел, как впоследствии, курировали выдачу паспортов. Руководитель местного налогового органа (казенной палаты) принадлежал к первым лицам своего региона, а министр финансов фактически являлся соправителем империи.

Придя в Подольскую казенную палату без систематического образования, Лебедь-Юрчик, как и в предыдущем случае, мог претендовать лишь на место канцелярского служителя. Тем не менее благодаря природному уму и полученному опыту работы 1 января 1902 г. он был назначен счетным чиновником, а 1 августа того же года — помощником бухгалтера. Очевидно, на новом поприще Лебедь-Юрчик зарекомендовал себя с хорошей стороны: 2 декабря 1905 г. он получил первый классный чин коллежского регистратора с большим, полуторагодовичным старшинством по службе (с 8 июня 1904 г.). Два года спустя, 26 октября 1907 г., последовало производство в губернские секретари с переводом уже на должность бухгалтера (с 1 января 1908 г.).

Для выходца из податных сословий вхождение в чиновничью корпорацию, дававшее широкие карьерные перспективы, вплоть до получения дворянства, было по-настоящему знаковым событием. Для молодого чиновника оно ознаменовалось женитьбой: 1 октября 1906 г. Харитон Лебедь-Юрчик вступил в брак с Эмилией Иеронимовной Калиновской, уроженкой Житомира, лютеранского исповедания. Брак оказался крепким — супруги прожили вместе без малого 40 лет, у них родилось двое сыновей.

Несомненно, родственники Эмилии не прогадали, когда отдали ее за человека низкого происхождения, но способного и перспективного. Несмотря на загруженность по службе, Лебедь-Юрчик сумел получить сперва гимназическое, а затем и высшее образование. Так, в июне 1904 г. он сдал в Каменец-Подольской гимназии экзамен на свидетельство зрелости без древних языков, а в июне

⁷ Подольские епархиальные ведомости. 1897. № 44/45. С. 432.

1907 г. — по латыни в объеме гимназического курса (в последнем случае это было обязательным условием для поступления в университет). Учась заочно, Лебедь-Юрчик в январе — феврале 1910 г. выдержал экзамены в юридической испытательной комиссии Киевского университета св. Владимира и получил диплом 2-й степени.

Повышение образовательного уровня благотворно сказалось на карьере Лебедь-Юрчика. 4 июня 1910 г. он был назначен податным инспектором Ямпольского уезда (одновременно летом 1910 г. временно исполнял те же обязанности в Брацлавском уезде). 14 ноября 1912 г. Лебедь-Юрчик был переведен на аналогичную должность в Могилевский уезд, где служил до самого отъезда с Украины. За это время он был повышен до коллежского секретаря (8 ноября 1910 г.), затем до титулярного советника (18 ноября 1913 г.), и «за отличнo-усердную службу» награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (29 марта 1909 г.) и Св. Анны 3-й степени (22 марта 1915 г.), не считая юбилейной медали в честь 300-летия Дома Романовых (21 февраля 1913 г.).

Со временем Лебедь-Юрчик присоединился к плеяде интеллигентов — выходцев из украинских земель, представителей университетской корпорации и интеллектуальной части правящей бюрократии. Многие из них — в том числе Николай Василенко, Дмитрий Антонович, Максим Славинский, Дмитрий Дорошенко — позднее стали видными фигурами в политической, научной и общественной жизни украинских государств 1918–1921 гг. и украинской эмиграции. У себя на родине Лебедь-Юрчик участвовал в работе местной «Просвиты»⁸. Эта организация, основанная в 1868 г. украинскими «будителями» в австрийской Галиции, занималась культурно-просветительской работой в национальном духе для «народных масс», открывая читальни, образовательные и экономические структуры. После 1905 г. собственные «Просвиты» начали появляться и в русской части Украины.

Стоит отметить, что в ту пору украинские активисты на территории Российской империи, несмотря на выраженную национальную составляющую их взглядов, практически всегда сочетали их с левыми политическими убеждениями. Во многом это было связано с тем,

⁸ Просвітницький рух на Поділлі (1906–1923). Кам'янець-Подільський, 1996. С. 108.

что украинское население в основном было представлено крестьянством, для которого социально-экономические проблемы зачастую преобладали над национально-культурными. Диапазон левых воззрений интеллигентов, связанных с Украиной в силу происхождения или политических взглядов, колебался достаточно сильно — от радикализма эсеровского кроя до либерально-системного подхода кадетского образца. Украинский национализм, отдаленно напоминавший тот, что развился в межвоенный период, был скорее маргинальным явлением. Немалую роль здесь играла принадлежность к определенной профессиональной группе (университет, земство, пресса), которая, помимо прочего, предопределяла большую или меньшую вовлеченность в русскую (общеевропейскую) интеллигенцию и влияла на взаимоотношения с властью.

Какова была политическая ориентация Лебеда-Юрчика до революции, судить сложно — будучи государственным служащим, он находился в определенных рамках, заданных корпоративной культурой. Можно предположить, что на тот момент он был сильнее вписан в собственно русскую культуру, чем его будущие коллеги по украинскому правительству Д. Антонович и Д. Дорошенко. Недаром, когда возник вопрос о переводе по службе, он отправился не в Киев или Харьков, а в Петроград.

С другой стороны, некоторые выводы о взглядах Лебеда-Юрчика можно сделать по его публикациям. В то время было общей практикой то, что образованные бюрократы выпускали исследования, связанные с их повседневной деятельностью. Первая книга Лебеда-Юрчика, вышедшая в Киеве в 1909 г. и посвященная сахарной промышленности в России, была написана на материалах заводской статистики и уделяла много внимания вопросу распределению доходов. По словам автора, вопреки утверждениям сахарозаводчиков, их прибыли были очень высокими, при этом расходы на просвещение и благотворительность — несоизмеримо малыми. Среди прочего Лебедь-Юрчик указывал на «необходимость широкой постановки промышленного и торгово-коммерческого образования, которое может вывести русский народ из той нищеты и невежества, в которых он находится доныне»⁹.

⁹ *Лебедь-Юрчик Х. М.* Сахарная промышленность в России. Киев, 1909. С. 70, 88, 130, 136.

Несколько лет спустя, уже упрочив свое положение, Лебедь-Юрчик выпустил в Ямполь вторую книгу на эту же тему. В этот раз тон публикации был гораздо резче. В частности, автор подчеркивал, что высокая доходность отрасли позволяла выделить средства на «улучшение обстановки труда и жизни рабочих», однако этого не делалось. В результате безграмотность рабочих, отсутствие должной дисциплины и техники безопасности ведет к росту числа несчастных случаев. Примечательно, что в новой работе Лебедь-Юрчик поднял вопросы национального сознания местного населения, связывая его с уровнем грамотности. По его словам, чем он был выше, тем больше заводских рабочих характеризовали себя как «малороссов», не апеллируя к вероисповедным, сословным или общерусским принципам, и не считали свой язык «мужицким» или «православным»¹⁰. Как можно видеть, вторая книга была написана Лебедем-Юрчиком одновременно в духе «Просвиты» и характерной для социал-демократов дискуссии о взаимоотношениях между наемными работниками и нанимателем. Хотя представители сахарной отрасли упрекали автора за тенденциозность, любительство и незнание «живого дела»¹¹, практическая сторона вопроса, очевидно, не слишком интересовала его.

Судя по всему, публикации Лебеда-Юрчика не имели для него последствий, и его отъезд из Подолии был обусловлен личными причинами. Как следует из его прошения на имя директора департамента окладных сборов Министерства финансов от 6 апреля 1916 г., с 1910 г. на его содержании находились племянники — Мария Михайловна Гринчак, слушательница петроградских Высших женских курсов, и ее брат Николай Михайлович, студент университета. Перевод в Петроград, как отмечал Лебедь-Юрчик, позволил бы ему сократить свои расходы, организовать «должный надзор» за молодежью и получить возможность «продолжать экономические исследования»¹².

Минуло полгода, прежде чем прошение было удовлетворено. 2 ноября 1916 г. Лебедь-Юрчик был официально перемещен в Петроград податным инспектором 10-го городского участка и через месяц прибыл в столицу. К сфере его ответственности относилась

¹⁰ *Лебедь-Юрчик Х.М.* Распределение дохода и оплата труда в сахарной промышленности. Ямполь, 1912. С. 68–73.

¹¹ *Монахов Н.В.* Х.М. Лебедь-Юрчик. Сахарная промышленность в России: [рецензия]. Киев, 1909. С. 3, 30.

¹² РГИА. Ф. 573. Оп. 22. Д. 2413. Л. 24 — 24 об.

местность в самом центре Петрограда, лежавшая по обеим сторонам Невского проспекта между Фонтанкой и Екатерининским каналом. Учитывая количество контор и магазинов, даже в тяжелое военное время место обещало быть хлебным. Поселился Лебедь-Юрчик сперва на Петроградской стороне (Малая Дворянская, д. 2, кв. 10), позднее переехал ближе к месту службы, в район Сенной площади (Столярный пер., д. 9), а затем перебрался за город, на Крестовский остров (Белосельский пр-т, д. 14, кв. 4)¹³. Свою племянницу Марию Лебедь-Юрчик устроил к себе делопроизводителем канцелярии¹⁴.

В Петрограде Лебедь-Юрчик встретил революционный 1917 г. Для украинского национального движения он стал переломным моментом. Уже в марте 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада, которая в июне того же года провозгласила автономию Украины в составе России. Вслед за этим началась национализация сперва общественной жизни (прежде всего печати и образовательных учреждений), а затем управленческих и армейских структур. Несмотря на изначально либеральный настрой Временного правительства, эти события быстро обозначили противоречия между центром и Киевом. Они усилились после захвата власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г., вылившись зимой 1917/1918 г. в открытый конфликт.

У нас нет сведений, которые бы позволили судить о политических настроениях и предпочтениях Лебеда-Юрчика в этот период. Как представляется, он оставался на своем посту в столице по крайней мере до осени 1917 г. (последний документ в его личном деле датирован серединой июля). Для многих представителей украинской интеллигенции умеренного толка события Февральской революции обеспечили своего рода личную украинизацию, позволив сочетать национально-политические убеждения с текущим общественным положением, что прежде было затруднительно. В ряде случаев нараставшая дисфункция государства открывала для них возможности для улучшения своего социального статуса. Можно с уверенностью говорить, что отъезд Лебеда-Юрчика из Петрограда был обусловлен двумя событиями, произошедшими на рубеже

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 24. Д. 1145. Л. 5–6, 19–20.

¹⁴ Там же. Д. 523. Л. 5.

1917/1918 г., — началом реорганизации финансового ведомства большевиками и провозглашением независимости Украины Центральной радой. О степени их влияния на Лебеда-Юрчика можно спорить, однако нет сомнений, что он увидел в них «окно возможностей» в условиях нестабильности.

Точно неизвестно, когда Лебедь-Юрчик прибыл в Киев. Казначейство он, впрочем, возглавил не сразу. Его предшественником на этой должности был Михаил Иеремиевич Кривецкий, действительный статский советник, бывший чиновник особых поручений Министерства финансов. Уроженец Житомира, Кривецкий с юных лет жил в Петербурге и давно отдалился от украинской специфики. Кроме того, по роду службы он возглавлял министерскую редакцию периодических изданий и, очевидно, не совсем разбирался во вверенной ему области. В результате уже в марте 1918 г. Кривецкий покинул свой пост, пробыв на нем всего три месяца. Сменивший его Лебедь-Юрчик остался директором казначейства и после переворота 29 апреля 1918 г., когда власть перешла в руки гетмана Павла Скоропадского. В июне того же года он был назначен главой финансовой комиссии, созданной «для рассмотрения законопроектов и дел финансового значения, или связанных с ассигнованием средств из государственной казны»¹⁵.

Как представляется, на кандидатуру Лебеда-Юрчика выбор пал не случайно. В первую очередь, свою роль сыграло то, что почти вся его служебная деятельность прошла на Украине, он не утратил связи с нею и, в отличие от дворянина Кривецкого, в силу происхождения был лучше осведомлен о положении «народных масс». Левые взгляды Лебеда-Юрчика вкупе с его участием в «Просвите» создавали ему идеальное реноме в рамках УНР, тогда как служебный опыт бюрократа «старой закалки» и репутация интеллектуала перевешивали его политические убеждения для гетманского правительства, нуждавшегося в специалистах.

Несомненно, Лебедю-Юрчику должно было польстить то, что он, чиновник средней руки, сменил в должности обладателя генеральского чина — сценарий, совершенно немыслимый при «старом режиме». Вместе с тем принимать ведомство ему пришлось в крайне

¹⁵ Гай-Нижник П. П. Фінансова політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня — 14 грудня 1918 р.). Київ, 2004. С. 26–30.

тяжелой ситуации. Как вспоминал сам Лебедь-Юрчик, положение существенно осложнялось расстройством транспорта и связи в условиях революционного времени, а также нежеланием остававшихся на своих местах русских чиновников сотрудничать с новой украинской администрацией. В течение нескольких недель нужно было решить самые насущные вопросы, в том числе пересмотреть расходные сметы, получить из местных филиалов Госбанка часть массы наличных денег на неотложные государственные нужды и организовать выпуск временных банкнот. По словам Лебеда-Юрчика, постепенно все вопросы удалось решить, и «машина финансового хозяйства медленно двинулась вперед». О первых украинских банковских билетах, ставших предметом булгаковской иронии, сам директор казначейства не без сожаления высказывался, что «в техническом отношении они были абсолютно неудовлетворительными. Плохая бумага и блеклые краски явно не производили хорошего впечатления и способствовали подделке банкнот». Впрочем, карбованцы, как и выпущенные уже при Скоропадском гривны, по мнению Лебеда-Юрчика, «имели большой успех» с психологической точки зрения¹⁶.

Положение в финансовом хозяйстве гетманата весной — летом 1918 г. было двояким. С одной стороны, как свидетельствовал Лебедь-Юрчик, все прежнее русское законодательство, касавшееся государственных доходов и расходов, осталось на территории Украины в силе, а работа Министерства финансов носила директивный характер. В каком-то смысле произошла реставрация старого ведомства имперской поры, хорошо знакомого Лебедю-Юрчику. Вместе с тем проблема наличных денег и финансирования государственных служб сохранялась. Финансовая комиссия, которую он возглавлял, из-за отсутствия общего плана действий и соотнесения потребностей различных ведомств выпускала лишь отдельные, не связанные друг с другом законопроекты по выделению средств. Это подтолкнуло Лебеда-Юрчика к мысли о необходимости подготовки госбюджета. По его воспоминаниям, непонятная ситуация с государственными доходами, казалось бы, предполагала сохранение безбюджетного управления как наиболее удобного. Тем не менее дисбаланс в сторону

¹⁶ *Lebid'-Jurčyk Ch.* Das erste ukrainische Staatsbudget für das Jahr 1918 // Abhandlungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institutes in Berlin. Bd. 2. Berlin, 1929. S. 149–152.

местных органов управления создавал опасность невыплаты жалования сотрудникам центральных учреждений, что в итоге способствовало принятию положения о бюджете¹⁷.

Составление главного финансового плана страны было поручено межведомственной комиссии, во главе которой также встал Лебедь-Юрчик. В своих воспоминаниях он описывал противоречивую ситуацию, которая сложилась вокруг этого процесса. Первоначальный срок сдачи смет был назначен на 5 июля 1918 г., и «ведомства начали лихорадочно собирать цифры у подчиненных им губернских и уездных управлений». Однако из-за организационных трудностей и отсутствия денег на местах сметы поступали вплоть до сентября. При этом работа комиссии быстро перестала носить чисто технический характер. Каждое ведомство настаивало на важности своего финансирования, и всякий раз с ним приходилось вести переговоры. В ходе подготовки бюджета проявилась и обратная сторона министерской директивности — так, оно могло лишь подталкивать ведомства для ускорения процесса. Ни времени, ни ресурсов на подготовку нормативных документов, которые могли бы регулировать взаимоотношения бюджетной комиссии и ее контрагентов, у Министерства не было¹⁸. В результате, по мнению исследователей, бюджет так и не смог решить проблему расходов, а лишь зафиксировал их. Это обусловило его огромный (60 %-ный) дефицит, что, впрочем, объяснимо, учитывая обстоятельства его появления. Любопытно, что бюджет все же был принят, но уже новой, республиканской властью, сменившей гетмана в декабре 1918 г., и в условиях непрекращавшейся политической нестабильности имел скорее символический характер¹⁹.

Наступление Красной армии на Украину зимой 1918/1919 г. и взятие Киева 5 февраля 1919 г. заставило Директорию УНР переехать сначала в Винницу, а оттуда — в Каменец-Подольский. Так Лебедь-Юрчик вновь оказался в городе, где начиналась его карьера. Поскольку дальнейшие перспективы УНР были неясны, ряд членов правительства приступили к работе в недавно открытом Каменец-Подольском университете. Его основателем и первым ректором стал Иван Огиенко (впоследствии митрополит Иларион), историк

¹⁷ Гай-Нижник П. П. Фінансова політика... С. 31–32, 61, 150; *Lebid'-Jurčyk Ch. Das erste ukrainische Staatsbudget...* S. 153–155.

¹⁸ *Lebid'-Jurčyk Ch. Das erste ukrainische Staatsbudget...* S. 153–158.

¹⁹ Гай-Нижник П. П. Фінансова політика... С. 151–152.

и общественный деятель, который возглавлял во времена УНР ведомства просвещения и вероисповеданий, а в эмиграции стал одним из крупнейших украинских церковных деятелей. Среди тех, кому было предложено место приват-доцента, был и Лебедь-Юрчик. С ректором его связывали добрые отношения еще с той поры, как глава казначейства участвовал в организации университета от своего ведомства. Среди прочего их роднила схожесть жизненных путей: Огиенко, так же как и Лебедь-Юрчик, происходил из крестьянской семьи, благодаря своим способностям сумел получить гимназическое и высшее образование и встретил революцию приват-доцентом Киевского университета. В дальнейшем Огиенко и Лебедь-Юрчик поддерживали контакты и в эмиграции²⁰.

16 июля 1919 г. Лебедь-Юрчик начал преподавать на кафедре финансового права. Его нагрузка составляла 6 часов в неделю — 4 лекции и 2 семинара для первокурсников. В своих лекциях он подчеркивал важность «культурно-правового воспитания украинского общества» и роль юристов, которые должны быть «патриотами украинского государства и защитниками его независимости». Одновременно с сентября 1919 г. Лебедь-Юрчик исполнял обязанности декана юридического факультета, а в начале 1920 г. был назначен главой комиссии по разработке русско-украинского словаря юридических терминов²¹.

Тем временем положение УНР не улучшалось. Заключенный в апреле 1920 г. союз с Польшей против Советской России не принес результатов. Потерпев поражение в боях с Красной армией, войска УНР в ноябре 1920 г. отступили на польскую территорию. Вслед за ними было вынуждено покинуть Каменец-Подольский и правительство УНР. Накануне Лебедь-Юрчик был назначен заместителем министра финансов. Из-за отсутствия министра Христофора Барановского он попеременно с другими заместителями управлял Министерством до осени 1921 г. Есть сведения, что в это же время Лебедь-Юрчик был профессором финансового права в Народном университете, который действовал в лагерях для интернированных

²⁰ Огієнко І. Рятуння України. Київ, 2005. С. 123, 277.

²¹ Завальнюк О. М. Х. М. Лебідь-Юрчик і Кам'янець-Подільський державний український університет // Освіта, наука і культура на Поділлі. Т. 3. Кам'янець-Подільський, 2003. С. 30–33.

украинских военных Ланьцут и Стшалков²², и в дальнейшем подписывался этим званием.

Оставшись в Польше, Лебедь-Юрчик поселился с семьей в Перемышле, где жил до конца 1929 г. (по адресу Грюнвальдская улица, д. 67). В межвоенный период этот город в Западной Галиции стал одним из центров украинской эмиграции в Польше. Здесь Лебедь-Юрчик активно участвовал в общественной жизни украинской общины, публиковался на экономические темы в «Украинском голосе»²³ (местной газете гетманского направления). По словам знавших его, он «создавал впечатление очень интеллигентного человека, с открытым взглядом на мир»²⁴. Сыновья Лебеда-Юрчика — Виктор (1910–1932) и Дмитрий (1912–1944), родившиеся еще в Каменце-Подольском, окончили украинскую гимназию в Перемышле (соответственно в 1928 и 1929 гг.)²⁵.

Весной 1927 г. во Львове была издана работа Лебеда-Юрчика «Бюджетное право», где в качестве дополнения был воспроизведен госбюджет 1919 г. «с пояснением его наиболее важных позиций». Книга, очевидно, была напечатана за свой счет, поскольку тираж находился в распоряжении автора, и он отправлял книгу после присылки денег (7 злотых за экземпляр)²⁶. Тогда же Украинский научный институт в Берлине избрал Лебеда-Юрчика своим экстраординарным членом по направлению «финансовые науки»²⁷ и выпустил часть его мемуаров на немецком. Учитывая, что местом аффилиации Лебеда-Юрчика была указана Прага, он мог преподавать в Украинском свободном университете. Вероятно, поэтому иногда он ошибочно именуется в литературе «профессором Украинского научного института»²⁸.

Судя по всему, отъезд семьи из Перемышля в 1929 г. был связан с материальной нуждой и необходимостью платить за учебу сыновей. Получив приглашение занять должность директора банка

²² Коляничук О. Слідами інтернованих вояків армії УНР в Польщі // Сурмач. 1993. № 1–4. С. 43.

²³ Шкурат П. Участь придніпрянців у культурно-суспільному житті Перемисьля // Перемисьль — західний бастион України. Нью-Йорк, 1961. С. 342.

²⁴ Грицак П. Спогади. Листування. Публіцистика. Перемисьль, 2006. С. 19.

²⁵ Українська державна чоловіча гімназія у Перемислі. Дрогобич, 1995. С. 189.

²⁶ Український голос. 1927. № 25. С. 4.

²⁷ Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. 1928. Bd. 29. S. 190.

²⁸ Енциклопедія історії України. Т. 6. С. 72.

в Кельце, Лебедь-Юрчик последовал ему. Из-за отдаленности от традиционных украинских центров имя бывшего казначея УНР в 1930-е гг. лишь изредка мелькало в украинских изданиях. Старший сын Лебеда-Юрчика, Виктор, в годы учебы в Берлине участвовал в деятельности Украинского академического общества, однако рано умер. Младший сын, Дмитрий, тоже отдалился от украинской жизни, окончив Высшую торговую школу в Кельце, а в 1937 г. — Школу политических наук в Кракове²⁹.

В политическом отношении Лебедь-Юрчик, очевидно, был близок к львовскому Украинскому национально-демократическому объединению (УНДО). Эта крупнейшая политическая партия Галиции, сочетавшая демократические принципы с идеями украинской соборности, продолжала деятельность «Просвиты», поддерживая украинские культурные и экономические структуры. Среди прочего УНДО стремилось установить взаимопонимание между украинцами и поляками. При наличии значительного украинского сообщества во Второй Речи Посполитой межнациональные противоречия были весьма сильны и порой переходили в острую форму, в особенности в Галиции. Репрессии польских властей в отношении украинского населения (пацификация) отвращали от УНДО потенциальных сторонников и, в свою очередь, усиливали позиции радикальных националистов.

Можно предположить, что именно во время жизни в польском государстве во взглядах Лебеда-Юрчика впервые возобладала национальная составляющая. Вероятно, к перемышльскому периоду относятся его первые контакты с ОУН* — в этой части Галиции у радикалов были сильные позиции, позволившие им даже перехватить у гетманцев «Украинский голос». После начала Второй мировой войны, оккупации Польши, а затем и вторжения нацистской Германии в Советский Союз, взаимоотношения Лебеда-Юрчика с ОУН* приняли институциональную форму. После занятия германскими войсками Львова 30 июня 1941 г. украинскими националистами во главе с Ярославом Стецько было создано Национальное собрание, провозгласившее восстановление «украинской государственности». В тот же день было сформировано временное правительство — Украинское государственное правление. Лебедь-Юрчик вошел в него в качестве

²⁹ Sprawozdanie Koła Uczniów i Absolwentów Szkoły Nauk Politycznych za rok 1936/37. Kraków, 1937. S. 38.

заместителя министра финансов Илария Ольхового³⁰, бывшего кооперативного деятеля из Галиции. Несомненно, Ольховой был политической фигурой, и всей текущей работой ведомства, если бы оно реально функционировало, занимался бы Лебедь-Юрчик, по-прежнему сохранявший репутацию выдающегося финансиста и «отца» первого украинского бюджета.

Работа в правительстве Стецько стала для Лебеда-Юрчика последней в его карьере (пусть и символической) министерской должностью. Менее чем через две недели немцы ликвидировали Государственное правление. Часть его членов была арестована, другие же остались на свободе и попытались укрепить в Галиции украинскую жизнь. По некоторым сведениям, Лебедь-Юрчик участвовал в работе местной «Просвиты». Его сын Дмитрий, который ранее инкорпорировался в польское общество, во время войны присоединился к дивизии СС «Галичина» и погиб в бою³¹.

В условиях наступления советских войск на Украине Лебедь-Юрчик, как и многие украинские политики и интеллектуалы, не позднее лета 1944 г. покинул Галицию и выехал на территорию рейха. Вопреки устоявшимся сведениям, Лебедь-Юрчик оказался не в Берлине, а в Госларе. Этот древний город у подножья Гарца (горного массива в центральной Германии) при нацистах получил статус «имперского города крестьян» и был тихой провинцией, мало пострадавшей от союзнических бомбардировок. В Госларе Лебедь-Юрчик поселился на окраине города (по адресу Im Schleeke, д. 72) и устроился скромным банковским служащим, как в далекой юности в Каменце-Подольском. Здесь же 14 января 1945 г. он скончался от остановки сердца³². Жена пережила его меньше чем на месяц и была похоронена вместе с ним на городском кладбище. Их внук, Борис Дмитриевич Лебедь-Юрчик, в конце войны оказался в Австрии, откуда в 1950 г. выехал в США. В наши дни он и его потомки живут в Калифорнии.

* * *

Бурные события, участниками которых оказались жители Восточной Европы в первой половине XX в., способствовали у многих

³⁰ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Львів; Київ, 2001. С. 145.

³¹ *Шкурят П.* Участь придніпрянців... С. 342.

³² Arolsen Archives. Personenstandsunterlagen Westzone allgemein. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/de/document/76796127> (дата обращения: 01.07.2024).

из них пересмотру устоявшихся принципов самоощущения. Всякий раз имевшийся набор паттернов идентичности (язык, локальный патриотизм, профессиональная среда) сталкивался с новой реальностью, в результате чего стратегия поведения корректировалась либо сильно изменялась. В ходе общественных потрясений отдельно взятый человек стремился к выбору стабильных идентичностей (как в национальной, так и социальной, государственной и других сферах), что часто подразумевало отказ от одной из этих лояльностей в пользу других. Напротив, в эпоху нестабильности эти принципы могли комбинироваться в самых причудливых конфигурациях.

Биография Харитона Лебеда-Юрчика показывает нам, что его украинский патриотизм не был статичным и, в зависимости от жизненного периода, подвергался самым различным воздействиям, то «засыпая», то «пробуждаясь» вновь. Хотя в нашем распоряжении мало источников, которые бы позволили выстроить непрерывную динамику взглядов Лебеда-Юрчика, по имеющимся данным можно проследить, как он вписывал свою приверженность Украине в систему личных мотиваций, подстраиваясь под текущую ситуацию. Как представляется, его украинское самосознание в ряде случаев вообще не было детерминирующим. Разумеется, Лебедь-Юрчик не мог быть знаком с теорией британского исследователя Эли Кидури об эмоционально-чувственной составляющей как важной и при этом деструктивной части национализма, сформулированной в 1950-е гг. Тем не менее украинский министр, вероятно, интуитивно стремился следовать более предсказуемым составляющим своей идентичности, не отказываясь при этом от украинской. Возможно, поэтому он остался в национальной истории скорее прагматичным технократом и был заслонен менее конструктивными, но более пассионарными соотечественниками.

Источники

Архивы Арользена (Arolsen Archives). Registrierungen von Ausländern und deutschen Verfolgten durch öffentliche Einrichtungen, Versicherungen und Firmen (1939–1947).

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Департамент окладных сборов Министерства финансов.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 479. Петроградская казенная палата.

Грицак П. Спогади. Листування. Публіцистика. Перемишль, 2006. 768 с.

Лебедь-Юрчик Х.М. Распределение дохода и оплата труда в сахарной промышленности. Ямполь: тип. Э. Головиненского, 1912. 75 с.

Лебедь-Юрчик Х.М. Сахарная промышленность в России. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1909. 153 с.

Монахов Н. В. Х. М. Лебедь-Юрчик. Сахарная промышленность в России [рецензия]. Киев: тип. «Петр Барский», 1909. 31 с.

Огієнко І. Рятуння України. Київ: Наша культура і наука, 2005. 463 с.

Подольские епархиальные ведомости. 1897. № 44/45.

Стрелецкий С.Н. Александровский учительский институт в Тифлисе. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1901. 12 с.

Український голос. 1927. № 25.

Українське державотворення. Акт 30 червня 1941: Збірник документів і матеріалів / заг. ред. Я. Дашкевича, В. Кука. Львів; Київ: Піраміда, 2001. 558 с.

Литература

Булгаков М.А. Белая гвардия. Рига: Литература, 1927. 164 с.

Гай-Нижник П.П. Фінансова політика уряду Української Держави гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня — 14 грудня 1918 р.). Київ: [б. в.], 2004. 430 с.

Енциклопедія історії України: в 10 т. / редкол.: В. А. Смолій та інші. Т. 6: Ла–Мі. Київ: Наукова думка, 2009. 772 с.

Завальнюк О.М. Х.М. Лебідь-Юрчик і Кам'янець-Подільський державний український університет // Освіта, наука і культура на Поділлі. Т. 3. Кам'янець-Подільський: Оіум, 2003. С. 28–34.

Колянчук О. Слідами інтернованих вояків армії УНР в Польщі // Сурмач. 1993. Ч. 1–4. С. 42–45.

Просвітницький рух на Поділлі (1906–1923) / упоряд.: М. Мошак, В. Лозовий. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільське міське товариство «Просвіта», 1996. 110 с.

Українська державна чоловіча гімназія у Перемишлі. Дрогобич: Відродження, 1995. 304 с.

Шкурат П. Участь придніпрянців у культурно-суспільному житті Перемишля // Перемишль — західний бастион України / ред. Б. Загайкевича. Нью-Йорк: Америка, 1961. С. 340–345.

Lebid'-Jurčyk Ch. Das erste ukrainische Staatsbudget für das Jahr 1918 // Abhandlungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institutes in Berlin. Bd. 2. Berlin: De Gruyter, 1929. S. 148–186.

Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. 1928. Bd. 29. 2763 s.

Sprawozdanie Koła Uczniów i Absolwentów Szkoły Nauk Politycznych za rok 1936/37. Kraków: Krakowskie Zakłady Graficzne i Wydawnicze, 1937. 43 s.

References

- Bulgakov M. A. *Belaia gvardiia*. Riga, Literatura, 1927. 164 p. (In Russ.)
- Haï-Nyzhnyk P. P. *Finansova polityka uriadu Ukraïns'koï Derzhavy het'mana Pavla Skoropads'koho (29 kvitnia — 14 hrudnia 1918 r.)*. Kyiv, s. n., 2004. 430 p. (In Ukr.)
- Entsyklopediia istoriï Ukraïny*, vols. 1–10, eds. V. A. Smoliï et al. Vol. 6: La–Mi. Kyiv, Naukova dumka, 2009. 772 p. (In Ukr.)
- Zaval'niuk O. M. Kh. M. Lebid'-Iurchyk i Kam'ianets'-Podil's'kyi derzhavnyi ukraïns'kyi universytet. In: *Osvita, nauka i kul'tura na Podilli*, vol. 3. Kamenets-Podolsky, Oiium, 2003, pp. 28–34. (In Ukr.)
- Kolianchuk O. Slidamy internovanykh voiakiv armii UNR v Pol'shchi. *Surmach*, 1993, vol. 1–4, pp. 42–45. (In Ukr.)
- Prosvitnyts'kyi rukh na Podilli (1906–1923)*, eds. M. Moshak, V. Lozovyï. Kamenets-Podolsky, Kam'ianets'-Podil's'ke mis'ke tovarystvo “Prosvita”, 1996. 110 p. (In Ukr.)
- Ukraïns'ka derzhavna cholovicha himnaziia u Peremysyli*. Drohobych, Vidrodzhennia, 1995. 304 p. (In Ukr.)
- Shkurat P. Uchast' prydnipriantsiv u kul'turno-suspil'nomu zhitti Peremyslii. In: *Peremysli' — zakhidnyi bastion Ukraïny*, ed. by Bohdan Zahaïkevych. New York, Ameryka, 1961, pp. 340–345. (In Ukr.)
- Lebid'-Jurčyk Ch. Das erste ukrainische Staatsbudget für das Jahr 1918. In: *Abhandlungen des Ukrainischen Wissenschaftlichen Institutes in Berlin*. Bd. 2. Berlin, De Gruyter, 1929, pp. 148–186. (In Germ.)
- Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt*, 1928, vol. 29. 2763 p. (In Germ.)
- Sprawozdanie Koła Uczniów i Absolwentów Szkoły Nauk Politycznych za rok 1936/37*. Kraków, Krakowskie Zakłady Graficzne i Wydawnicze, 1937. 43 p. (In Pol.)

Igor I. Barinov

PhD (History)

Senior Researcher

Institute of Slavic Studies

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A

E-mail: i.barinov@inslav.ru

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Khariton Leded'-Yurchik (1877–1945): Portrait against the background of the epoch

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.08

Abstract: The article deals with the biography of Khariton Mikhailovich Lebed'-Yurchik, an economist and administrator of Ukrainian origin in the Russian Empire, who later actively participated in Ukrainian state building and became the author of the first state budget in the history of Ukraine. A peasant's son by origin, who was only able to receive systematic education as an adult, Lebed'-Yurchik made an impressive career in Imperial Russia, rising from a petty official in the province to a tax inspector in the capital of the Russian Empire. His official activities did not prevent him from being a Ukrainian patriot and participating in the work of Prosvita, a Ukrainian organisation of enlightenment. Due to some circumstances, for a long time only fragmentary information from his biography was known, which did not allow to create a complete outline of his life and work. The evaluation of Lebed'-Yurchik's life and work makes it possible to trace the correlation of loyalties of the changing identity during the transition from the Russian Empire to post-imperial states, as well as the existence of Ukrainian patriotism in precarious circumstances. The article is based on previously unknown archival documents.

Keywords: Khariton Lebed'-Yurchik, Ukrainian State, Ukrainian People's Republic, Ukrainian national movement

Елена Юрьевна Борисёнок

доктор исторических наук
заведующая Отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: e.borisenok@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

«Малороссия», «малоросс», «малороссийщина»: особенности употребления понятий в период советской украинизации

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.09

Аннотация: В статье анализируются особенности употребления номинации «малоросс» активными сторонниками советской украинизации, представителями властной и интеллектуальной элиты. В 1920-е гг. термин «украинец» стал официальным наименованием большинства населения УССР, обозначая представителей самостоятельной нации. Понятие «малоросс», ранее в официальной сфере обозначавшее представителей одной из ветви триединого русского народа, утратило свою легитимность и употреблялось с отрицательной оценкой. «Сознательные» украинцы, поддерживающие идею самостоятельной украинской нации и украинского государства, считали малороссов жертвами русификаторской политики Российской империи, подчеркивали их отсталость, узость взглядов. В УССР периода украинизации весьма популярным был взгляд на малоросса как на человека, страдающего комплексом неполноценности, желающего усваивать ценности не своей, украинской культуры, а культуры другой, русской. Пропагандируемый большевиками образ Российской империи как «тюрьмы народов» способствовал поддержанию такого рода представлений о малороссе. В статье анализируются высказывания Н. Г. Хвильевого, Н. Г. Кулиша, Остапа Вишни, С. А. Ефремова, И. В. Майстренко, А. Я. Шумского, Л. М. Кагановича и др.

Ключевые слова: малоросс, Советская Украина, украинизация, малороссийство

Изучение восточнославянской этнонимии — весьма перспективное и актуальное с научной точки зрения направление отечественной гуманитаристики. Большое внимание закономерно уделяется смысловому наполнению различных понятий в период формирования национальной идентификационной стратегии. В этом плане

наименование «малоросс» представляется одним из самых интересных, поскольку использовалось, как верно замечено в статье «Малоросс» в сборнике «Понятия о России», «как для самоидентификации и репрезентации определенной группы, так и для идентификации этой группы извне, причем в тот период и на том пространстве, где стратегии идентификации были полем ожесточенной борьбы в сложных структурах взаимодействия с большим числом акторов»¹.

Существует еще множество лакун в изучении данной темы, причем номинациям советского периода в современной науке в принципе уделяется значительно меньше внимания по сравнению с имперским периодом отечественной истории. В статье будут рассмотрены некоторые аспекты употребления наименования «малоросс» и производных от него понятий в текстах, созданных в 1920-е гг. на Советской Украине, с точки зрения «внешнего» дискурса — в частности, вопрос о том, как о малороссах и Малороссии высказывались «сознательные» украинцы, поддерживавшие идею самостоятельной украинской нации и суверенного украинского государства. В поле нашего внимания попадут прежде всего высказывания представителей властной и интеллектуальной элиты².

Данная проблематика пока остается на периферии внимания отечественных специалистов. Между тем в общественной жизни Советской Украины имело место употребление понятий «малоросс» и «Малороссия» с негативной коннотацией, в том числе для репрезентации расцениваемого в качестве негативного социально-психологического явления — «малороссийщины», или «малороссийства»³, проявляющегося в комплексе неполноценности, провинциализма. Следует признать, что, в отличие от отечественных ученых, украинские исследователи достаточно активно пишут об этом явлении. Следуя сложившемуся в украинской науке мейнстриму, О. Р. Баган определил малороссийство как «этнопсихологическое свойство украинского народа, которое он приобрел в условиях безгосударственности, под

¹ Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М., 2012. Т. II. С. 392.

² Реконструкция научного тезауруса той эпохи является предметом специального рассмотрения в историографии и могут быть предметом отдельной статьи.

³ В современной литературе отдается предпочтение термину «малороссийство», тогда как в 1920-е гг. часто встречалось и наименование «малороссийщина».

влиянием разнообразных политических, социальных и культурных травм и которое взрастило в нем психологический комплекс национальной неполноценности, второсортности и раздвоенности»⁴.

Впрочем, украинские специалисты признают, что малороссийство еще долго будет оставаться актуальной научной проблемой. Как заметила Т. Ю. Горбань в одной из своих последних работ, «будучи широко употребляемым в украинской исторической науке и общественной практике, понятие “малороссийство” до сих пор не приобрело должной определенности ни относительно сути этого феномена как общественного явления, ни относительно его генезиса»⁵.

Прежде чем начать анализ понятий «малоросс» и «малороссийство» в период советской украинизации, следует сделать несколько предварительных замечаний об их функционировании в предшествующий период. С точки зрения Ю. Я. Барабаша, в украинской мысли и публицистике XIX в. понятие «малороссийство» «из-за непроработанности терминологии еще некоторое время употреблялось в нейтральном, а то и в позитивном смысле, как синоним украинства, в частности, в национально-культурническом дискурсе»⁶. Впрочем, с развитием украинского движения ситуация изменилась. А. Л. Котенко, О. В. Мартынюк и А. И. Миллер подчеркивают: «С определенного времени для части самой группы, идентифицировавшей себя как *малороссов*, понятие *малоросс* стало утрачивать свою легитимность и заменяться понятием *украинец*. Это, в свою очередь, вызывало сопротивление, порой весьма ожесточенное, как среди тех, для кого *малоросс* оставался легитимным понятием самоидентификации, так и со стороны официальных властей империи и русского общественного мнения»⁷. Е. Е. Левкиевская заметила, что слова с корнем

⁴ Баган О. *Rossica: Російська цивілізація в історіософських інтерпретаціях*. Тернопіль, 2022. С. 20. URL: <http://eprints.mdpu.org.ua/id/eprint/13061/1/ROSSICA-Баган-Ситник-.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

⁵ Горбань Т. Ю. «Малороссийство»: формування ідентичності в умовах імперської держави // *Вчені записки ТНУ імені В. І. Вернадського. Сер. Історичні науки*. 2022. Т. 33 (72), № 4. С. 23. URL: https://www.hist.vernadskyjournals.in.ua/journals/2022/4_2022/5.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

⁶ Барабаш Ю. Я. Малороссийство // *Енциклопедія Сучасної України: [електронний ресурс] / редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк [та ін.]*. Київ, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (дата обращения: 16.06.2023).

⁷ Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 392.

малорос- «все время своего существования служили объектами идеологических дискуссий и многосторонней политической борьбы, в результате чего приобрели статус политических терминов, понятийное наполнение которых в один и тот же исторический период могло (и может) меняться в зависимости от идеологической позиции говорящего»⁸.

Разбирая «споры о малороссе на столичной имперской сцене» начала XX в., А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк и А.И. Миллер признают, что негативная коннотация «малоросса» была «уже вполне характерной для “внутреннего” украинского дискурса»⁹. Анализируя дневник Е. Чикаленко, исследователи подчеркивают: «Стремление некоторых малороссов к подражанию великорусской культуре как непременно высшей в ущерб развитию собственной понималось как заблуждение или результат подавления и травмы от насильственной русификации. Символ веры Чикаленко и других украинских националистов состоял в том, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке “все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона”»¹⁰.

В работе «Конец рутенству!» (1907) М.С. Грушевский критиковал российских малороссов, упрекая их в национальном индифферентизме и дезертирстве, называл малороссов «вредной болячкой» на народном теле и призывал поскорее освободиться от этой болезни¹¹. В статье «Грехи наши», напечатанной в том же году, Грушевский обратил внимание на настроения «верхов» украинского народа. Целые поколения этих «верхов» вместо того, чтобы развивать в себе отпор «против всякого гнета, насилия, обиды, только умели целовать и лизать руки, которые их угнетали и пытали», «из шкуры лезли, чтобы как-то стереть с себя украинский вид и лицо», «чтобы и не пахло от них украинцами»¹².

⁸ Левкиевская Е.Е. Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в русской речевой практике постсоветского периода // *Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / редколл.: Е.Ю. Борисёнок, М.Э. Клопова, М.В. Лескинен. М.; СПб., 2016. С. 254.*

⁹ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 441.

¹⁰ Там же. С. 435.

¹¹ Грушевський М. Кінець рутенству! // Грушевський М.С. Твори: у 50 т. Т. 2: Серія «Суспільно-політичні твори (1907–1914)». Львів, 2005. С. 55, 60.

¹² Грушевський М. Гріхи наші // Там же. С. 41.

В эссе «Национальные гермафродиты» (1911) Д. И. Донцов доказывал, что современное украинство с национальной точки зрения является гермафродитом, поскольку не чувствует своей принадлежности к отдельной нации, имеющей помимо национально-культурных, еще и собственные политические потребности, отличные от потребностей русской нации. «Оно (украинство. — Е. Б.) смотрит на целый народ украинский как на “ветвь” триединого русского народа, “ветвь”, которая может лелеять максимум свои этнографические особенности, но которая ни в коем случае не смеет иметь каких-то отдельных политических целей, отличающихся от русских»¹³, — писал Донцов. В брошюре «Современное москвофильство» (1913) Донцов отмечал у некоторых представителей интеллигенции «странную духовную зависимость» от взглядов, господствующих в передовых кругах русского общества, причем эта зависимость довлеет «как над нашей литературой, так и над общественным мнением и публичной жизнью», не давая «выйти из пеленок и стать на собственные ноги». При этом иногда такое растворение украинства в «русском море» граничит с утратой собственного национального лица¹⁴.

В период Великой войны, распада империй и революционных преобразований высказывания сторонников украинской идеи были порой весьма эмоциональными. В написанном в 1915 г. романе «Хочу!» В. К. Винниченко вложил в уста «главного энтузиаста “украинской идеи”, украинца-патриота» следующие слова: «Знаете, что такое малоросс? Нет? Паршивец, просто говоря ни то ни се. Он, видите, по происхождению себе — украинец, по воспитанию — русский, по убеждениям — невежда во всем, что касается родного народа, по нраву — трус, себялюб, раб. Вот это малоросс»¹⁵.

Как заметили российские специалисты, в ходе Первой мировой войны и революционных лет политически активные носители малорусской идентичности оказались одной из наиболее пострадавших групп, а понятие «малоросс» утратило легитимность в СССР периода

¹³ Донцов Д. Національні гермафродити // Донцов Д. Вибрані твори: у 10 т. Т. 2: Культурологічна та історіософська есеїстика / ред. і упоряд. О. Баган. Дрогобич, 2012. С. 120.

¹⁴ Донцов Д. Модерне москвофільство // Там же. С. 18.

¹⁵ Цит. по: Байдалова Е. В. Проблема языковой идентичности в романе В. Винниченко «Хочу!» в социокультурном контексте эпохи // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11). М.; СПб., 2020. С. 222 (перевод с укр. яз. — Е. В. Байдаловой).

коренизации 1920-х гг. Как инструмент самоидентификации оно продолжало существовать лишь в среде межвоенной эмиграции. Там же продолжались и баталии вокруг этого понятия¹⁶. О проблеме общерусской нации рассуждали оказавшиеся в эмиграции видные политические и культурные деятели. В. В. Шульгин писал о «русском племени», которое включало «южно-русский народ, который сначала поляки, а потом немцы называли “украинцами”». П. Н. Милоков высказывал свои соображения о борьбе русского и польского национализма. Ю. Я. Яворский считал «украинство» не плодом австрийской, немецкой или польской интриги, а результатом сектантской розни и запретительной политики правительства. Н. С. Трубецкой призывал к тому, чтобы украинская культура стала одним из локальных вариантов культуры общерусской¹⁷.

В межвоенный период «борьба украинца с малороссом»¹⁸ приобрела новое звучание. На пространстве бывшей Российской империи на официальном уровне «украинец» заменил «малоросса». Окончательная фиксация этой замены произошла во время переписи 1926 г., к которой был составлен Словарь народностей, согласно каковому наименование «малорусы» относилось к многочисленным конкретным наименованиям и должно было быть отнесено ко второму пункту перечня, то есть украинцам¹⁹. Наименование «Украина» стало принято употреблять в научных трудах. «Русскую историю в самом сжатом очерке» (1920) М. Н. Покровский начал словами: «На Восточноевропейской равнине человек появился буквально в “незапамятные” времена, — когда вся северная половина этой равнины была покрыта толстой ледяной корой. Украина по своему климату походила на теперешнюю Архангельскую губернию, и на ее тундрах паслись стада мамонтов, — доисторических слонов, покрытых густой,

¹⁶ Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 9–27. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12944/ (дата обращения: 07.04.2024).

¹⁷ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 195–203.

¹⁸ Выражение авторов статьи о малороссе: Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 426.

¹⁹ См.: Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей. М., 1927. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/slovar/slovar_1926.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

длинной шерстью»²⁰. Лидер советских историков в работе «Возникновение Московского государства и “великорусская народность”» (1930), анализируя высказывания К. Д. Кавелина о том, что «восточная отрасль русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и Северо-Западного края на финской земле, частью из обруселых финнов», указал на синонимичность наименований «Малороссия» и «Украина»: «Я не буду подчеркивать и любопытнейшего — и тут Кавелин опять одинок среди русских историков — признания Киевской Руси “Малороссией”, т. е. Украиной»²¹.

М. И. Яворский, автор первых и многочисленных учебников по истории в УССР, в пятом, дополненном издании «Краткой истории Украины» (1927) о Малороссии и малороссах упомянул лишь несколько раз: «Над гетманом поставлена была сначала московская “малороссийская коллегия”, а дальше и вовсе запрещено было избирать гетмана. Украина переименована в Малую Россию; запрещено в 1720 г. даже печатать на украинском языке книги, чтобы не заводили они нового “мазепинства”»²²; «В 1913 году некоторые депутаты из Украины, между прочим Петровский, который сейчас председательствует во ВУЦИК, начали в Думе острые нападки против правительства по поводу его украиноненавистнической политики; но Дума, вместе с “малороссами” Скоропадским, Родзянко и другими, похвалила русификаторскую политику правительства»²³.

На украинских землях — и на Советской Украине, и в вошедшей в состав II Речи Посполитой Восточной Галиции — борьба за признание самостоятельности украинской нации стала утрачивать свою актуальность, уступая место дискуссиям об УССР и ее статусе. Лидеры украинского национального движения отстаивали свое видение украинского государства и продолжали использовать понятия «Малороссия», «малоросс», «малороссийство» в качестве синонима зависимости — и политической, и культурной.

²⁰ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II (от древнейших времен до конца XIX столетия). М., 1920. С. 17.

²¹ Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 268–269.

²² Яворський М. І. Коротка історія України / з передмовою Х. Раковського. Вид. п'яте, доповнене. Харків, 1927. С. 63.

²³ Там же. С. 119.

Резкая критика малороссийства звучала на страницах «Литературно-научного вестника», издававшегося во Львове под редакцией Д. И. Донцова в 1920-х — начале 1930-х гг. В работе «К старым богам» (1922) теоретик украинского национализма убеждал: «Нация есть то, что противопоставляет себя географически, исторически и политически своим соседям. И поэтому, собственно, старались эти последние уничтожить у нас понятие о нашей географической обособленности (Малороссия, Малопольша), воспоминания о собственном историческом прошлом...»²⁴ На страницах издания в статье «Упрощенный Прометей» (1929) Д. И. Донцов призывал избавиться от малороссийского менталитета («родного провансальства») ²⁵.

На территории Советской Украины представители «старой» украинской интеллигенции, чье мировоззрение сложилось еще до революции, также привычно рассуждали о малороссах и малороссийстве. Например, молодой С. А. Ефремов в своих дневниках за 1895–1896 гг. писал о «сознательных украинцах», «украинофильстве», «малороссийстве» и «национализме», о том, что «нам надо украинцев, сознательных в своем украинстве, а не украинофилов»²⁶. Употребление наименования «малоросс» в негативно-пренебрежительной коннотации фигурировало и в его дневниковых записях середины 1920-х гг. «Издан был приказ, чтобы все служащие учили украинский, но никто из русских и “тоже-малороссов” этого всерьез не брал... Но тут начали принимать экзамены и, кто не сдал — выгонять. Вот тут и началось»²⁷, — иронизировал в 1924 г. литературный критик, историк литературы, возглавлявший в 1917 г. Украинскую партию социалистов-федералистов, вице-президент ВУАН. В его дневники попали и анекдоты на тему украинизации. В записи за 1926 г. беседуют двое «украинизованных»: «Ну и трудное это наречие малороссийское!» — «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы»²⁸.

²⁴ Донцов Д. До старих богів // Літературно-науковий вісник. 1922. Річник XXI. Т. LXXVI. Кн. 3. С. 263.

²⁵ Донцов Д. Спростачений Прометей («Тарас Шевченко» ВУФКУ) // Літературно-науковий вісник. 1929. Річник XXVIII. Т. XCLIII. Кн. 1. С. 85.

²⁶ Іваницька С. Г. Публіцистична спадщина Сергія Єфремова в контексті суспільних трансформацій: історико-біографічні аспекти (кін. XIX ст. — 1920 р.). Херсон, 2018. С. 24.

²⁷ Єфремов С. О. Щоденники (1923–1929). Київ, 1997. С. 155.

²⁸ Там же. С. 355.

Критикуя театральные постановки, Ефремов оценивал плохие (с его точки зрения) пьесы или игру актеров как малороссийские: «это средняя “русско-малороссийская труппа” старых времен»²⁹; «упадочный “малоросейский” театр»³⁰; «малороссийская Вампука»³¹ (записи за 1927 и 1929 гг.). «Малороссийские» в данном случае значило второразрядные, провинциальные.

Со стороны «сознательных украинцев» отношение к русифицированным «малороссам» носило иронично-снисходительный характер. Например, И. В. Майстренко, бывший боротьбист и укапист³², активно работавший в УССР на ниве украинизации в 1920-е — начале 1930-х гг., вспоминая в эмиграции о своей работе на курсах украиноведения, писал: «Большинство украинцев, особенно в наркомате инспекции, были старыми царскими специалистами-малороссами. Им было очень тяжело усваивать украинский язык»³³. Интересно, что Майстренко подчеркивал «русскость» таких малороссов: «Настоящих русских, не малороссов, на курсах было мало. Те единицы, которых я помню, были еще менее способны к украинизации, нежели русифицированные малороссы»³⁴.

О семье жены Майстренко писал: «Это была русифицированная украинская семья, как почти весь харьковский рабочий класс, но с определенными “малороссийскими” традициями: мой тесть охотно посещал украинские театры (только украинские) во время их спектаклей в Харькове (театр Кропивницкого и другие). Семья была певучая, и тесть с братьями хорошо исполняли украинские песни. Но язык дома был русским»³⁵.

Риторика украинского национального движения нашла отражение не только в документах личного характера, но и в политическом дискурсе Советской Украины, чему способствовала советская политика украинизации. Протекционизм большевиков в отношении

²⁹ Ефремов С. О. Щоденники (1923–1929). С. 483.

³⁰ Там же. С. 567.

³¹ Там же. С. 736.

³² Боротьбисты и укаписты — члены политических партий, ведущих свое происхождение от левых украинских эсеров и социал-демократов, активно приветствовали «национализацию» общественной жизни на Украине.

³³ Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 183.

³⁴ Там же. С. 184.

³⁵ Там же. С. 202.

языка «титულიй нации» заставлял интеллектуальные круги советской республики задуматься о путях развития новой украинской советской культуры. Как найти собственный путь развития? Необходимо ориентироваться на культуру европейскую или на культуру русскую? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, украинская советская интеллигенция должна была определить свое отношение к малороссийской проблеме.

Самым известным случаем рассуждений на эту тему являются памфлеты украинского советского писателя и публициста, коммуниста Н. Г. Хвильового, написанные в середине 1920-х гг. в период так называемой литературной дискуссии (1925–1928 гг.). Одну из работ он озаглавил примечательно — «Украина или Малороссия?» (1926). По этому поводу С. А. Ефремов сделал такую запись в своем дневнике: «Автор — тоже большевик, но здорово сыплет своим коллегам за “малороссиянство”. Потому-то статья и запрещена»³⁶.

В памфлете «Украина или Малороссия?» Хвильовый обращал внимание на то, что Украина — самостоятельное государство³⁷ и критиковал тех, кто думает, что «Украина так себе, “для блезиру”, а на самом деле все-таки Малороссия»³⁸. Не менее резко он высказывался в других своих работах — «Мысли против течения» (1925), «О демагогической водичке» (1925), «Апологеты писаризма» (1926). Писатель связывал перспективу развития украинской культуры с национальной ориентацией: «Поскольку украинская нация столько столетий стремилась к своему освобождению, постольку мы расцениваем это как непреодолимое ее желание *выявить и использовать* свою национальную (не националистическую) окраску»³⁹ (здесь и далее выделено Хвильовым. — Е. Б.). Он резко осудил «малороссийщину, просвитянщину и другую бесперспективную узость»⁴⁰, сердился «на недоумков,

³⁶ Ефремов С. О. Щоденники (1923–1929). С. 453.

³⁷ Хвильовий М. Г. Україна чи Малоросія? // Хвильовий М. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ, 1995. С. 727.

³⁸ Там же. С. 720.

³⁹ Хвильовий М. Г. Думки проти течії // Хвильовий М. Новели, оповідання... С. 675.

⁴⁰ Хвильовий М. Г. Про демагогічну водичку, або справжня адреса української воронщини, вільна конкуренція, ВУАН і т. д. // Хвильовий М. Твори: в 5 т. / загальна редакція Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто, 1978–1986. Т. 4. 1983. С. 131–132.

на “хохлов”, на “малороссийщину”»⁴¹. Хвильевой выражал надежду, что «наша страна наконец найдет свое предназначение и что это предназначение решительно и навсегда покончит с безграмотной “малороссийщиной”»⁴². Русского советского критика и писателя А. К. Воронского он назвал сыном «той нации, которая не плетется в хвосте, и ничего не имеет общего с “хохлами” и “малороссиянами”»⁴³.

Подобные примеры разоблачения малороссийства/малороссийщины в публицистике и художественной литературе не были единичными. «Действительно: солнце поднимается на востоке и нельзя не верить, что мы вышли на широкий путь истории, а между тем везде — следы устаревшей “малороссийщины”, провинциальности...»⁴⁴ — вторил Хвильевому украинский советский поэт, переводчик и литературовед Н. К. Зеров в работе «Ad Fontes» (1926). В период украинизации «малороссийщина» являлась синонимом эпигонства и подлежала искоренению. Не меньше внимания уделялось «Малороссии» и «малороссам»: развитие украинского языка, литературы, науки в период коренизации, распространение образования на украинском языке заставляли интеллигенцию рефлексировать в отношении общерусской идентичности, вновь и вновь отвечать на вопрос, насколько значимы этнические и культурные различия между ветвями триединого народа. Отрицательную характеристику приверженцам малороссийской идентичности дал украинский советский драматург и журналист Н. Г. Кулиш в пьесе «Мина Мазайло» (1929). Мина Мазайло — харьковский служащий средних лет, решивший поменять свою украинскую фамилию на русскую Мазенин, рассчитывая подняться по карьерной лестнице. Герой пьесы рассуждал: «Украинцами зовутся те, кто учит несчастных служащих так называемому украинскому языку. Не малороссийскому и не Тарасовщевченковскому, а украинскому — и это наша малорусская трагедия»⁴⁵. Далее Мазайло разъяснял, что украинцы — это частично «наши малороссы, то есть русские», а частично «галичане, то есть австрияки, с которыми мы воевали в 1914 году,

⁴¹ Хвильовий М. Апологети писаризму // Хвильовий М. Твори: в 5 т. Т. 4. С. 278.

⁴² Там же. С. 250.

⁴³ Хвильовий М. Г. Про демагогічну водичку... С. 120–121.

⁴⁴ Зеров М. Ad Fontes // Хвильовий М. Твори: в 5 т. Т. 5. 1986. С. 343.

⁴⁵ Куліш М. Г. Мина Мазайло // Куліш М. Г. Твори: в 2 т. Київ: Дніпро, 1990. Т. 2: П'єси, статті, виступи, документи, листи, спогади. С. 139.

подумайте только!»⁴⁶ Мазайло не верил в украинизацию: «Ничего из вашей украинизации не выйдет, это вам факт, а если и выйдет, то пшик с бульбочкой — это вам второй факт, потому что так говорит мое сердце»⁴⁷; «Сердцем чувствую, что украинизация — это способ делать из меня провинциала, второсортного служащего, и не давать мне ход на высшие должности»⁴⁸. Однако в конце пьесы «за систематическое и злонамеренное сопротивление украинизации служащего М. М. Мазайло-Мазенина» освободили от должности. Кулиш подчеркивал, что для Мины украинская фамилия — намек на «второсортность». Поднимая вопрос о национальном нигилизме, драматург пытался убедить зрителя, что в малороссе присутствует комплекс национальной неполноценности и ущербности.

Украинский советский поэт и драматург Е. П. Плужник в пьесе «Заговор в Киеве»⁴⁹ рассуждал об украинской интеллигенции, национальных приоритетах и классовых ценностях. Бывший петлюровец Аркадий бросил упрек одному из своих оппонентов: «Был, дядя, был у вас такой грешок — малороссийский гетман Скоропадский! <...> А под шумок — “всероссийская идея”»⁵⁰. У Аркадия слово «малороссийский» приняло отчетливую отрицательную форму: «Малороссийский фарс... Но жаль, без гопака!»⁵¹ Инженер Еремеев, убежденный монархист, произнес: «Да галициец! Польский малоросс!»⁵²

Весьма интересны случаи употребления слова «малоросс» еще одним украинским писателем и сатириком, Остапом Вишней (П. М. Губенко), который едко критиковал реалии советской украинизации, высмеивал приспособленчество, национальный нигилизм. «Когда новая жизнь крушит старые бытовые формы, когда из Шевченко сделали святого равноапостольного князя Владимира, когда все автокефальные дети на все голоса поют “Садок вишневый коло хати”, когда все малороссы поперевертывались в сознательных

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 140.

⁴⁸ Там же. С. 141.

⁴⁹ Точная дата написания неизвестна. Упоминания о пьесе появляются в украинской советской прессе в 1933 г.

⁵⁰ *Плужник Е. П.* Змова у Києві: віршована трагікомедія на 7 картин // Плужник Е. П. Змова у Києві: Роман, п'єси / упоряд. передм. та прим. Л. В. Череватенка. Київ, 1992. С. 343–344. Словосочетание «всероссийская идея» написано по-русски.

⁵¹ Там же. С. 354.

⁵² Там же. С. 362.

украинцев, когда пооткрывались новые украинские школы, — тогда новая украинская литература много имеет выдающихся талантов, славных имен, великих мастеров слова...»⁵³ — читаем в одном из его литературных шаржей 1923 г. Употреблял сатирик и выражение «малороссийщина», соотнося его с понятиями «второсортность», «провинциализм», «вторичность». Со всей очевидностью это проявлялось в его публикациях, посвященных театральному искусству. Ограничительные меры властей Российской империи в отношении малорусских сценических постановок, распространение любительского театра и этнографизм репертуара наложили отпечаток на восприятие этого вида искусства. Для сатирика характерно противопоставление нового, советского театра старому, малороссийскому. В 1924 г. в своих «усмешках» Остап Вишня пишет о театре им. Заньковецкой как о «театре с определенной физиономией советского театра». К 1924–1925 гг., считает Вишня, «с “малороссийщиной” заньковчане покончили»: в репертуаре «часть бытовых пьес, часть исторических (“Гайдамаки”), имеют они пьесы и современные (“Ave Maria”, “97”)»⁵⁴.

В юмореске «Кое-что из украиноведения» (1926) Остап Вишня представил два взгляда на Украину и ее географию, историю, язык — «специально для русотяпов» и «для искренних украинцев». Для «русотяпов» сатирик использовал наименование «Малая Русь»: «Что такое Украина? Украиной называется “искони русская земля — Малая Русь, где все обилием дышит”...»⁵⁵ С точки зрения географии «Малая Русь плюс Червонная Русь плюс Угорская Русь плюс Прикарпатская Русь плюс Подьяремная Русь равняется Украине»⁵⁶. Население на Украине (в тексте — *на Вкраїні*) — «малороссийские хохлы», которые «говорят на мужицком языке и поют малороссийские песни с гопаком». «Мужицкий язык теперь государственный, и все его должны знать. Он очень похож на русский»⁵⁷, — иронизирует автор. «Для

⁵³ Вишня О. В. Коряк // Вишня О. Твори: в 4 т. / редкол.: І. О. Дзверін (голова) та ін. Київ: Дніпро, 1988. Т. 1. Усмішки, фейлетони, гуморески. 1919–1925. С. 416.

⁵⁴ Вишня О. Театр імені Заньковецької // Там же. С. 442.

⁵⁵ Вишня О. Дещо з українознавства // Розстріляне відродження: антологія 1917–1933: поезія — проза — драма — есей / [упоряд., авт. передм.] Ю. Лавріненко. [Paris], 1959. С. 636. Цитата приведена на русском языке.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 637.

искренних украинцев» Остап Вишня использует прием гиперболизации: «Ненька-Украина — это государство от Бискайского моря и до пустыни Гоби или Шамо. Основалась она еще за 5000 лет до сотворения автокефальным Богом мира»⁵⁸; «Язык на Украине (в данном случае — *на Україні*. — *Е.Б.*) самый лучший, небо самое лучшее, почва самая лучшая, железная дорога самая лучшая, народ самый культурный»⁵⁹.

Украинский советский писатель, бывший укапист Б.Д. Антоненко-Давыдович в статье «Воскресение Шельменко» (1929) рассуждал следующим образом об известной работе Г.Ф. Квитки-Основьяненко: «“Шельменко-денщик” — это не только совершенно непригодная для нашего дня плохонькая комедийная пьеса, нет, — это целая концепция лакузы-хохла, это программа малороссийства, которая не ограничилась эпохой Квитки, а пошла с развернутыми трехцветными флагами в далекие последующие десятилетия, это — апофеоз тех стремлений, что соединила под двуглавым орлом малороссийскую идиллию с темной российской реакционной ночью»⁶⁰. «Шельменкиада — это апология выхолощенного малороссийства, его идеал — унтер-офицерские нашивки. Что может быть хуже на Украине, чем Шельменко!»⁶¹ — восклицает автор статьи.

Особое негодование писателя вызвали те современные работы, в которых мелькает «позорная тень» Шельменко⁶². Авторы научных работ, кто «по традиции “доброе старое время” не может расстаться с терминами “Малороссия”, “Юго-Западный край”», Антоненко-Давыдович именовал «старыми мацапурами», впрочем, не называя имен⁶³. Однако авторов некоторых русских художественных произведений Антоненко-Давыдович счел нужным назвать. Например, негодование украинского писателя вызвал рассказ А. Бартова «Пантелей» за следующие выражения: «*С хохлом Пашка живет*», потом... «*спала она на палубе грека, среди хохлов и шумливых жинок*», и только в конце рассказа: «*...в конце улицы показались колонны немцев, обоз, а за обозом*

⁵⁸ Там же. С. 638.

⁵⁹ Там же. С. 638

⁶⁰ *Антоненко-Давидович Б. Воскресіння Шельменка // Антоненко-Давидович Б. Твори: у 2 т. Київ, 1991. Т. 2. С. 394.*

⁶¹ Там же. С. 395.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 395–396.

*пестрое пугливое стадо украинских коровок»*⁶⁴. «Даже самый темный украинский крестьянин из самого глухого уголка Украины будет брезговать именем “хохол”»⁶⁵, — возмущается Антоненко-Давыдович. Роман Д. Крептюкова «Времена» был раскритикован за комментарий к слову «кацап» («кацап — украинофильское слово, обозначающее — великоросс, как великороссы именовали малороссов — хохлами»⁶⁶), пьеса «Новый кузнечный» А. Арбатова — за выражение одного из персонажей «вот язык у хохлов моржовый!»⁶⁷, книга Е. Бражнева «В дыму костров» — за «русский шовинизм» в изображении Киева и Украины периода Гражданской войны⁶⁸; и др.

Любопытно, что слово «малоросс» встречается не только в сочинениях украинской интеллектуальной элиты. Пренебрежительное отношение к малороссам как «ненастоящим украинцам» звучит в письме президиуму Всеукраинского съезда советов от группы делегатов и присутствующих на съезде рабочих заводов Харькова (1931): «Необходимо немедленно взяться за выдвижение руководящих кадров из местного населения. А то председатель какого-либо треста или комендант, или генеральный, занимающий всякие другие государственные должности, будут обязательно кончаться на *ов* — *Казаков* — председатель, а заместитель какой-либо “малоросс”, чтобы не обидно было — *Гонтаренко, Кабаченко*. Генеральный — на *ов*, а ниже чином на *ко* (выделено в тексте. — Е. Б.). Это, знаете, плохая политика»⁶⁹.

⁶⁴ Антоненко-Давыдович Б. Воскресіння Шельменка. С. 397. Антоненко-Давыдович выделяет курсивом цитаты из рассказа Бартова на русском языке.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 396.

⁶⁷ Там же. С. 398.

⁶⁸ Там же. С. 399–401. Антоненко-Давыдович, критикуя Бражнева, приводит следующие цитаты из его книги: «И вот поезд умчал меня за тысячу верст от центра, в хаос первозданный нового мира, на Украину. Из строго советской, пуританской, пайковой, хвостатой Москвы, на *обжираловый, распущенный, как гулящая девка, юг!*»; «Киев — город-хамелеон. Крещатик — переметная сума, продажный проспект, улица-ренегатка. Вчера присягала Раде, *марала вывески украинской мовью* (так в тексте. — Е. Б.), наряжала продавщиц в спидницу, плахту и намисто. Сегодня — любезничает с красноармейской звездой, на тротуарах и в магазинах большевистская терминология, маскарад под пролетариев, “трудовые артели”, “рабочая кооперация”. Завтра — овации и улыбки гетманским холуям, *опять украинская мовь, “жиночи капелюхи”, “кавяряня та едальня”, “чоловики”* с оселедцями, саблюдами и шулерскими физиономиями, крахмальные груди мазуриков, бриллианты проституток, сияющие поповские рожи».

⁶⁹ Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 4171. Л. 19.

Большой интерес представляет употребление понятий «малоросс» и «Малороссия» республиканским руководством. Нарком просвещения УССР, бывший боротьбист А.Я. Шумский в мае 1926 г. на заседании политбюро ЦК КП(б)У заявил, что в республиканской парторганизации «господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу». «Господствует, опираясь на презренный шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно-лицемерен, рабски-двоедушен и предательски подхалимен, — негодовал нарком. — Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может иногда по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко»⁷⁰.

В июне того же года на пленуме ЦК КП(б)У глава коммунистов Украины Л.М. Каганович счел нужным высказаться по поводу «Малороссии». «Пригоден ли этот термин в современных условиях? Я считаю, что нет»⁷¹, — заявил Лазарь Моисеевич. Для верного сталинца подход Шумского был неприемлем: «Когда на 9-м году революции, на 9-м году советской власти нам задают вопрос: “Малороссия или Украина?”, мы говорим: это неправильный, неверный подход. Здесь не может быть никаких вопросов, здесь ясно для каждого, что у нас Украинская Социалистическая Республика, и всякий, кто осмелился бы в любой степени поставить вопрос об украинской советской республике как о “Малороссии”, получит с нашей стороны самый решительный большевистско-ленинский отпор, как и следует для большевистской партии»⁷². Каганович подчеркнул, что номинацию «малоросс» стали использовать для давления на «того или иного украинца», не согласного «с той или иной постановкой вопроса». Таких товарищей и называют малороссами, причем с некоторыми эпитетами, заявил Каганович⁷³.

⁷⁰ Виступ Олександра Шумського на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У // Шаповал Ю. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів, 2017. С. 609–610.

⁷¹ Промова Л. Кагановича на червневому Пленумі ЦК КП(б)У 1926 р. // Хвильовий М. Твори: в 5 т. Т. 5. 1986. С. 532.

⁷² Там же. С. 536.

⁷³ Там же. С. 537.

Споря с Шумским, Каганович протестует не против негативной окраски слова «Малороссия», а против оценки советской украинской государственности как «ненастоящей», «малороссийской». Именно поэтому и Хвылевой, и Шумский неоднократно критиковались в официальной печати и на различных партийных форумах. В резолюции о националистическом уклоне Шумского ЦК КП(б)У считал нужным подчеркнуть, что «малороссами на Украине при царизме называли чиновников украинского происхождения, принимавших активное участие, за царские деньги, в угнетении своего народа»⁷⁴.

И в 1920-е, и в 1930-е гг. в официальном контексте термин «малоросс» и производные от него ассоциировались с политикой царской России — «тюрьмы народов». Как подчеркивал известный украинский советский политический деятель В. П. Затонский в «Материалах к украинскому национальному вопросу» (1927), царизм позаботился о том, чтобы «само имя Украина было забыто». «Чтобы обосновать единство и неделимость Российской империи, Украина названа Малороссией, — негодовал советский украинский политический деятель в одной из своих статей. — Всякое проявление украинской культурной жизни (прежде всего школа, пресса), рассматривалось как сепаратизм и жестоко преследовалось»⁷⁵. Выступая перед комсомольцами на пленуме ЦК ЛКСМУ в 1926 г., украинский большевик убеждал: «Царизм пытался объединить свое государство в большую единую неделимую Россию. Вот из-за чего и придумали названия: Беларусь (так в тексте. — Е. Б.), Малороссия, Великороссия, вот из-за чего все украинское на Украине было загнано в подполье»⁷⁶.

Другой украинский советский деятель, подвизавшийся на ниве агитпропа, бывший боротьбист А. А. Хвыля, в статье «От уклона — в пропасть» (1928) отметил применение понятия «малоросс» в политической риторике украинской эмиграции, сославшись

⁷⁴ Резолюция ЦК КП(б) Украины «О националистическом уклоне т. Шумского» [Не позднее 16 мая 1927 г.] // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 489–490.

⁷⁵ Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Затонський В. П. Національна проблема на Україні. [Харків], 1927. С. 17.

⁷⁶ Затонський В. П. Національна проблема на Україні (Доповідь на пленумі ЦК ЛКСМУ — червень 1926 рік) // Затонський В. П. Національна проблема на Україні. С. 55.

на Н. Е. Шаповала, который «дал директиву для украинской контр-революции тех украинцев-коммунистов, которые подхалимничают к Москве, надо взять под бойкот, как предателей украинского рабочего класса и “презренных малороссов”, взять под моральный террор и парализовать их»⁷⁷. Наличие земель с украинским населением за пределами Советской Украины заставляли харьковское руководство внимательным образом отслеживать настроения деятелей украинского национального движения. Как было указано в одном из постановлений Исполкома Коминтерна 1927 г., польский империализм «пытается создать ложное представление о строительстве социалистической Украины. Он пытается привить массам мысль, что Советской Украины, как государства, не существует, что есть Малороссия, Юг России, под пятой великодержавной Москвы, и что все разговоры о строительстве Советской Украины, ее культурных и хозяйственных достижениях — ложь»⁷⁸.

Для большевистского руководства имело значение то обстоятельство, что противопоставление Украины и Малороссии, подчеркивание зависимого характера последней, было весьма характерно для украинского движения за пределами Советского Союза, деятели которого внимательно следили за событиями в УССР из-за границы. Так, украинский писатель и политик, глава Генерального секретариата Центральной рады и Директории Украинской народной республики В. К. Винниченко⁷⁹ в 1928 г. написал открытое письмо А. М. Горькому, который еще в 1926 г. высказался против сокращения и перевода своего романа «Мать» «на украинское наречие» и угнетения «великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»⁸⁰. Как подчеркивал Винниченко, «словцо “Малороссия” служило той дымовой завесой, под которой Москва, Санкт-Петербург и даже Петроград на протяжении нескольких веков

⁷⁷ *Хвиля А. Від ухилу в прірву // Будівництво Радянської України. Збірник. Вип. 1. За ленінську національну політику. Харків, [б. г.]. С. 197.*

⁷⁸ *Постанова Виконкому Комінтерну (серпень 1927) // Будівництво Радянської України. Збірник. Вип. 1. За ленінську національну політику. Харків, [б. г.]. С. 223.*

⁷⁹ Украинский революционер и писатель еще в своих дневниковых записях периода революции употребил очень экспрессивное выражение «украинская киевская капанья» (*Винниченко В. Щоденник: у 2 т. / ред., вступна стаття і примітки Г. Костюка. Едмонтон; Нью-Йорк, 1980. Т. 1: 1911–1920. С. 333*).

⁸⁰ М. Горький — А. А. Слисаренко. 7 мая 1926 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 16: Март 1926 — июль 1927. М., 2013. С. 63.

эксплуатировали и разрушали украинский народ материально и духовно»⁸¹.

В западноукраинской прессе, по данным ЦК КП(б)У, фигурировали порой весьма нелицеприятные оценки республиканского руководства. Так, в декабре 1933 г. газета «Новий час» писала о «колонииальном положении Украины», «о переходе от ограбления этой колонии к ее полному уничтожению, под фирмой “Сталин и сын”». Кому быть этим “сыном” — за это идет склока между поляком Косиором и москалем Постышевым под аккомпанемент малороссийских щенят, которых держат напоказ в цирке господина Станислава (Косиора⁸². — Е. Б.), чтобы Шелехесы⁸³ и Пурицы могли по широкой Украине обманывать украинских селян, что вот, мол, и у нас есть украинцы»⁸⁴. В публикации того же времени другой западноукраинской газеты, «Діло», С. Косиор был назван «поляком, земляком Дзержинского и Менжинского». «Компаньонами поляка Косиора» были «москаль Постышев и малоросс Затонский»⁸⁵.

Советские органы отслеживали появление нежелательных настроений и на территории УССР. Как сообщало ГПУ УССР (1928), М. Р. Мельник, офицер УГА, в эмиграции — сотрудник чешско-украинского комитета помощи студентам, после возвращения на Украину — консультант народного комиссариата юстиции УССР, высказывался следующим образом: «УССР — это только название, а фактически существует старая Россия с небольшой и невлиятельной

⁸¹ Винниченко В. Одвертий лист до Горького // Винниченко В. Публіцистика. Нью-Йорк; Київ: [б. в.], 2002. С. 191–198; Володимир Винниченко. Одвертий лист до М. Горького // Бібліотека ім. Марії Фішер-Слиж: [електронний ресурс]. URL: <http://ukrlife.org/main/evshan/vynnych2.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

⁸² С. В. Косиор — глава КП(б)У в 1928–1938 гг. Родился в г. Венгров Седлецкой губернии Царства Польского.

⁸³ И. С. Шелехес, в 1933 г. — председатель Харьковского облисполкома.

⁸⁴ Записка секретаря ЦК КП(б) Украины Н. Н. Попова И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу об обсуждении в западноукраинской прессе решения ноябрьского пленума ЦК КП(б)У о борьбе с украинским национализмом. 11 января 1934 г. // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. Кн. 2: 1933–1945 / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009. С. 51.

⁸⁵ Там же. С. 53. П. П. Постышев (уроженец Иваново-Вознесенска) в 1932 г., во время голода, был направлен в Нижнее Поволжье и на Украину для выполнения плана хлебозаготовок. В 1933–1934 гг. был первым секретарем Харьковского обкома. В. П. Затонский (родился в селе Лысец Ушицкого уезда Подольской губернии) в 1933–1938 гг. работал наркомом просвещения УССР.

кучкой малороссов. Поэтому отношение к галичанам, которые не понимают русского языка и стараются украинизировать окружающих, крайне неприязненное. Над ними здесь издеваются, смеются, и все это только потому, что мы — украинцы. Такое отношение к украинцам наблюдается не только в низах, но и в верхах»⁸⁶.

В другой своей сводке (1928) ГПУ цитировало письмо О. Ю. Гермайзе⁸⁷ Б. Гороховатскому⁸⁸ (оба — бывшие члены УСДРП) о ситуации в ВУАН. В письме М. С. Грушевский (историк и общественный деятель, глава Центральной рады УНР) был назван представителем науки «с бытовыми украинскими лозунгами», а Д. И. Багалей (историк и общественно-политический деятель, ректор Императорского Харьковского университета в 1906–1910 гг., академик Всеукраинской академии наук) — хранителем «малороссийской, с украинофильским бледным цветом, традиции»⁸⁹.

Таким образом, в политическом дискурсе Советской Украины, большинство населения которой официально именовалось самостоятельной нацией, а не ветвью триединого русского народа, наименование «малоросс» употреблялось с отрицательной оценкой. Оно было связано с угнетательской, русификаторской политикой царизма, провинциализмом, иными словами — малороссийством/малороссийщиной. Малоросс перестал «звучать гордо»⁹⁰. Инициатива перешла на сторону украинцев, для которых политически не определившиеся малороссы «были прежде всего жертвами русификации и “несознательными украинцами”, теми, кого надо было спасти для украинской нации». Великоросс же — «колонизатор, который пренебрегает потребностями поработанного народа»⁹¹.

⁸⁶ Из щотижневого зведення секретного відділу ДПУ УСРР № 51/113. 16–22 грудня 1928 р. // Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / упоряд.: В. М. Даниленко. Київ, 2012. С. 455–456.

⁸⁷ О. Ю. Гермайзе в 1920-х гг. — председатель Археографической комиссии ВУАН, руководитель секции истории Украины научно-исследовательской кафедры марксизма и ленинизма, с 1927 г. — профессор Киевского института народного образования.

⁸⁸ Б. Гороховатский — редактор газеты «Радянський статистик».

⁸⁹ Из щотижневого зведення секретного відділу ДПУ УСРР № 43/105. 21–27 жовтня 1928 р. // Українська інтелігенція і влада. С. 432.

⁹⁰ См.: Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». Т. II. С. 435.

⁹¹ Там же. С. 433–434.

В употреблении наименования «малоросс» видели пренебрежительное отношение к этому народу со стороны имперской элиты. В 1935 г. Н. И. Бухарин писал: «Разве не было того времени, когда украинцы презрительно третировались русскими шовинистами как “малороссы”, как “хохлы”? А теперь Украина — великая наша республика, быстро поднимающаяся на могучих плечах своей мощной промышленности»⁹². В толковом словаре Д. Н. Ушакова появилась статья «малорос(с)» со следующим пояснением: «(дореv.). Шовинистическое название украинца»⁹³. Малоросс представлялся жертвой русификации, антиподом ему был «национально сознательный украинец». Для характера такого малоросса были свойственны узость взглядов и отсталость, комплекс неполноценности. Важным маркером такого человека было его желание усвоить ценности не собственной, украинской культуры, а культуры русской. Соответственно, Малороссия должна была означать подчиненное, зависимое положение. Питательной почвой для появления такого рода коннотаций являлся пропагандируемый большевиками образ Российской империи как «тюрьмы народов». В то же время определенное влияние на использование понятия в советском обществе имели традиции украинского национального движения, идеи которого вырабатывались в борьбе с искренними сторонниками малороссийской идентичности и триединства.

Утратив легитимность в качестве официального определения этнонациональной принадлежности, наименование «малоросс» использовалось или в контексте пропаганды и публицистики, или для выражения собственных взглядов и убеждений. Политика советской украинизации, предусматривавшая протекционизм в отношении украинского языка и культуры, благоприятствовала такого рода устремлениям.

Источники

Антоненко-Давидович Б. Воскресіння Шельменка // Антоненко-Давидович Б. Твори: у 2 т. Київ: Дніпро, 1991. Т. 2. С. 394–403.

Бухарин Н. Наш Союз // Известия. 1935. 28 января.

⁹² Бухарин Н. Наш Союз // Известия. 1935. 28 января.

⁹³ Малорос(с) // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. Т. 2: Л–Ояловеть. М., 1938. Стб. 130.

Винниченко В. Одвертий лист до Горького // Винниченко В. Публіцистика. Нью-Йорк; Київ: [б. в.], 2002. С. 191–198.

Винниченко В. Щоденник: у 2 т. / ред., вступна стаття і примітки Г. Костюка. Едмонтон; Нью-Йорк: Канадський інститут українських студій, 1980. Т. 1: 1911–1920. 500 с.

Винниченко Володимир. Одвертий лист до М. Горького // Бібліотека ім. Мари Фішер-Слиж: [електронний ресурс]. URL: <http://ukrlife.org/main/evshan/vynnych2.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

Виступ Олександра Шумського на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У // Шаповал Ю. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів: Україна модерна; Українські пропілеї, 2017. С. 608–622.

Вишня О. В. Коряк // Вишня О. Твори: в 4 т. / редкол.: І. О. Дзверін (голова) та ін. Київ: Дніпро, 1988. Т. 1. Усмішки, фейлетони, гуморески. 1919–1925. С. 412–419.

Вишня О. Дещо з українознавства // Розстріляне відродження: антологія 1917–1933: поезія — проза — драма — есей / [упоряд., авт. передм.] Ю. Лавріненко. [Paris]: Instytut Literacki, 1959. С. 636–638.

Вишня О. Театр імені Заньковецької // Вишня О. Твори: в 4 т. / редкол.: І. О. Дзверін (голова) та ін. Київ: Дніпро, 1988. Т. 1. Усмішки, фейлетони, гуморески. 1919–1925. С. 441–443.

Грушевський М. Кінець рутенству! // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Т. 2: Серія «Суспільно-політичні твори (1907–1914)». Львів: Світ, 2005. С. 50–60.

Грушевський М. Гріхи наші // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Т. 2: Серія «Суспільно-політичні твори (1907–1914)». Львів: Світ, 2005. С. 38–43.

Донцов Д. До старих богів // Літературно-науковий вісник. 1922. Річник XXI. Т. LXXVI. Кн. 3. С. 259–268.

Донцов Д. Модерне москвофільство // Донцов Д. Вибрані твори: у 10 т. Т. 2: Культурологічна та історіософська есеїстика / ред. і упоряд. О. Баган. Дрогобич: Відродження, 2012. С. 18. С. 17–30.

Донцов Д. Національні гермафродити // Донцов Д. Вибрані твори: у 10 т. Т. 2: Культурологічна та історіософська есеїстика / ред. і упоряд. О. Баган. Дрогобич: Відродження, 2012. С. 120–126.

Донцов Д. Спростачений Прометей («Тарас Шевченко» ВУФКУ) // Літературно-науковий вісник. 1929. Річник XXVIII. Т. XCIII. Кн. 1. С. 80–85.

Єфремов С. О. Щоденники (1923–1929). Київ: Газета «Рада», 1997. 848 с.
Записка секретаря ЦК КП(б) України Н. Н. Попова І. В. Сталину і Л. М. Кагановичу об обговоренні в западноукраїнській пресі рішення ноябрьського пленуму ЦК КП(б)У о боротьбі з українським націоналізмом. 11 януаря 1934 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. Кн. 2.

1933–1945 / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. С. 50–56.

Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Затонський В. П. Національна проблема на Україні. [Харків]: Держ. вид-во України, 1927. С. 17–47.

Затонський В. П. Національна проблема на Україні (Доповідь на пленумі ЦК ЛКСМУ — червень 1926 рік) // Затонський В. П. Національна проблема на Україні. [Харків]: Держ. вид-во України, 1927. С. 48–96.

Зеров М. Ad Fontes // Хвильовий М. Твори: в 5 т. / загальна ред. Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто: Смолоскип, 1978–1986. Т. 5. 1986. С. 327–350.

Куліш М. Г. Мина Мазайло // Куліш М. Г. Твори: в 2 т. Київ: Дніпро, 1990. Т. 2: П'єси, статті, виступи, документи, листи, спогади. С. 85–171.

М. Горький — А. А. Слисаренко. 7 мая 1926 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 16: Март 1926 — июль 1927. М.: Наука, 2013. С. 63.

Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон: Канадський Інститут Український Студій, 1985. 416 с.

Малорос(с) // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 2: Л–Ояловеть. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. Стб. 130.

Плужник Е. П. Змова у Києві: віршована трагікомедія на 7 картин // Плужник Е. П. Змова у Києві: Роман, п'єси / упорядк., передм. та прим. Л. В. Череватенка. Київ: Український письменник, 1992. С. 280–417.

Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М.; Л.: Соцэгиз, 1933. 327 с.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II (от древнейших времен до конца XIX столетия). М.: ГИЗ, 1920. 276 с.

Постанова Виконкому Комінтерну (серпень 1927) // Будівництво Радянської України: збірник. Вип. 1. За ленінську національну політику. Харків: Державне видавництво України, [б. г.]. С. 221–228.

Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей. М.: ЦСУ СССР, 1927. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/slovar/slovar_1926.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

Промова Л. Кагановича на червневому Пленумі ЦК КП(б)У 1926 р. // Хвильовий М. Твори: в 5 т. / загальна ред. Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто: Смолоскип, 1978–1986. Т. 5. 1986. С. 521–540.

Резолюція ЦК КП(б) України «О националистическом уклоне т. Шумского» [Не позднее 16 мая 1927 г.] // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный

вопрос: сб. док. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. С. 486–493.

Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / упоряд. В. М. Даниленко. Київ: Темпора, 2012. 755 с.

Хвильовий М. Г. Апологети писаризму // *Хвильовий М.* Твори: в 5 т. / загальна ред. Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто: Смолоскип, 1978–1986. Т. 4. 1983. С. 239–320.

Хвильовий М. Г. Думки проти течії // *Хвильовий М.* Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ: Наукова думка, 1995. С. 652–692.

Хвильовий М. Г. Про демагогічну водичку, або справжня адреса української ворончини, вільна конкуренція, ВУАН і т. д. // *Хвильовий М.* Твори: в 5 т. / загальна ред. Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто: Смолоскип, 1978–1986. Т. 4. 1983. С. 113–137.

Хвильовий М. Г. Україна чи Малоросія? // *Хвильовий М.* Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ: Наукова думка, 1995. С. 715–754.

Хвиля А. Від ухилу в прірву // Будівництво Радянської України. Збірник. Вип. 1. За ленінську національну політику. Харків: Державне видавництво України, [б. г.]. С. 193–199.

Центральний державний архів громадських об'єднань України (Київ). Ф. 1. Центральний Комітет Компартії України. 1917–1991 рр. Оп. 20. Документи відділів ЦК КП(б)У. 1918–1941 рр.

Яворський М. І. Коротка історія України / з передмовою Х. Раковського. Видання п'яте, доповнене. Харків: Державне видавництво України, 1927. 152 с.

Литература

Іваницька С. Г. Публіцистична спадщина Сергія Єфремова в контексті суспільних трансформацій: історико-біографічні аспекти (кін. XIX ст. — 1920 р.). Херсон: Гельветика, 2018. 596 с. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12944/ (дата обращения: 07.04.2024).

Баган О. Rossica: Російська цивілізація в історіософських інтерпретаціях. Тернопіль: Крила, 2022. 130 с. URL: <http://eprints.mdpu.org.ua/id/eprint/13061/1/ROSSICA-Баган-Ситник-.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

Байдалова Е. В. Проблема языковой идентичности в романе В. Винниченко «Хочу!» в социокультурном контексте эпохи // Центральноєвропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 211–227. DOI: 10.31168/2619-0877.2019.2.9

Барабаш Ю. Я. Малоросійство // Енциклопедія Сучасної України: [електронний ресурс] / редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк [та ін.]. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (дата обращения: 16.06.2023).

Горбань Т. Ю. «Малоросійство»: формування ідентичності в умовах імперської держави // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Сер.: Історичні науки. 2022. Т. 33 (72), № 4. С. 23–28. URL: https://www.hist.vernadskyjournals.in.ua/journals/2022/4_2022/5.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 9–27.

Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 392–443.

Левкиевская Е. Е. Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в русской речевой практике постсоветского периода // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / редкол.: Е. Ю. Борисёнок, М. Э. Клопова, М. В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 250–278.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

References

Bahan O. *Rossica: Rosiis'ka tsyvilizatsiia v istoriosofs'kykh interpretatsiakh*. Ternopil, Kryla, 2022. 130 p. URL: <http://eprints.mdpu.org.ua/id/eprint/13061/1/ROSSICA-Bahan-Sytnyk-.pdf> (accessed: 07.04.2024). (In Ukr.)

Barabash Iu. Ia. Malorosistvo. *Entsyklopediia Suchasnoi Ukrainy*: online version, eds. I. M. Dziuba, A. I. Zhukovs'kyi, M. H. Zhelezniak et al. Kyiv, Instytut entsyklopedychnykh doslidzhen' NAN Ukrainy, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (accessed: 16.06.2023). (In Ukr.)

Baydalova E. V. Problema iazykovoï identichnosti v romane V. Vinnichenko "Khochu!" v sotsiokul'turnom kontekste epokhi. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2019, iss. 2 (11), ed. O. V. Khavanova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg, Nestor-Historia, 2020. P. 211–227. DOI: 10.31168/2619-0877.2019.2.9 (In Russ.)

Horban' T. Iu. "Malorosistvo": formuvannia identychnosti v umovakh imper's'koï derzhavy. *Vcheni zapysky Tavriis'koho natsional'noho universytetu imeni V. I. Vernads'koho*. Ser. Istorychni nauky, 2022, vol. 33 (72), no. 4, pp. 23–28. URL:

https://www.hist.vernadskyjournals.in.ua/journals/2022/4_2022/5.pdf (accessed: 07.04.2024). (In Ukr.)

Ivanyts'ka S. H. *Publitsystychna spadshchyna Serhiia Iefremova v konteksti suspil'nykh transformatsii: istoryko-biohrafichni aspekty (kin. XIX st. — 1920 r.)*. Kherson, Hel'vetyka, 2018. 596 p. (In Ukr.)

Kotenko A. L., Martyniuk O. V., Miller A. I. “Maloross”: evoliutsiia poniatia do Pervoi mirovoi voiny. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011, no. 2, pp. 9–27. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12944/ (accessed: 07.04.2024). (In Russ.)

Kotenko A. L., Martyniuk O. V., Miller A. I. Maloross. “*Poniatia o Rossii*”. *K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*, in 2 vols, eds. A. Miller, D. Sdvizhkov, I. Shirle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. Vol. II, pp. 392–443. (In Russ.)

Levkijevskaia Je. Je. Semanticheskie varianty toponima “Malorossia” i ego derivatov v russkoi rechevoi praktike postsovetskogo perioda. In: *Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature*, eds. E. Yu. Borisenok, M. E. Klopova, M. V. Leskinen. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg, Nestor-Historia, 2016, pp. 250–278. (In Russ.)

Miller A. I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 248 p. (In Russ.)

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)
Head of the Department of Eastern Slavic Studies
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: e.borisenok@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Some features of the use of the nomination “Little Russian” in the Ukrainian SSR during the period of Ukrainization

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.09

Abstract: The article analyses the peculiarities of the use of the nomination “Little Russian” by active supporters of Soviet Ukrainization, representatives of the power, and the intellectual elite. In the 1920s, the term “Ukrainian” became the official name of the majority of population of the Ukrainian SSR. This term denoted the representatives of an independent nation. The concept of “Little Russian” previously officially designated representatives of one of the branches of the triune Russian people. The term had by then lost its legitimacy and was used with a negative connotation. “Conscious” Ukrainians supported the idea of an independent Ukrainian nation and Ukrainian state. They considered the Little Russians to be victims of the Russification policy of the Russian Empire, emphasised their backwardness as well as the narrowness of their views. During the period of Ukrainization in the Ukrainian SSR, the Little Russian was often perceived as a person with an inferiority complex, eager to embody the values of Russian culture instead of his own, Ukrainian, culture. The Bolsheviks propagandised the image of the Russian Empire as a “prison of peoples”. This contributed to the maintenance of the mentioned ideas about Little Russia. The article analyses statements by Mykola Khvylovy, Mikola Kulish, Ostap Vishnya, Sergey Efremov, Ivan Maistrenko, Olexandr Shums’kyi, Lazar Kaganovich, and others.

Keywords: Little Russian, Soviet Ukraine, Ukrainization, Little Russianness

Илья Викторович Семененко-Басин

доктор исторических наук
независимый исследователь

Россия, Москва

E-mail: vivere.est@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7579-056X

Новые источники по истории православных святынь Брестчины и Гродненщины в XX веке

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.10

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот новые источники, относящиеся к православным святыням Великого княжества Литовского в поздний период их бытования. В течение долгого времени эти святыни особо почитаемы на территории нынешних Брестской и Гродненской областей Республики Беларусь. С точки зрения сакральной топографии, активно разрабатываемой специалистами в области культурной антропологии и религиоведения, святыни в локальном ландшафте воспринимаются как своего рода «сакральная сеть». На ее функционирование позволяют пролить свет не только опросы населения в ходе полевых исследований, но также и архивные документы. Публикуются источники из фондов Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи и различных подразделений Совета по делам религий, представляющие научный интерес. Документы содержат информацию о почитании культовых камней Беларуси, мощей Афанасия Брестского и Гавриила Белостокского (Заблудовского) в XX в. Источники уточняют способы выставления частицы мощей Афанасия Брестского для поклонения в литургическом пространстве, обстоятельства паломничеств в Мостовском районе Гродненской области в послевоенный период, молитвенные и целительские практики, обращенные к мощам Гавриила Белостокского. Вводится дополнительная информация о местном гродненском литургическом праздновании памяти Гавриила в советский период, выяснены некоторые особенности богослужения в честь Гавриила в гродненском городском приходе и на селе. Публикация содержит также материалы по истории антирелигиозных практик в Советском Союзе.

Ключевые слова: православие, антирелигиозные практики, местночтимые святыни, паломничества, мощи святых, Афанасий Брестский, Гавриил Белостокский, Гродно, Беларусь

Местные святыни традиционно играют значимую роль в структуре этноконфессиональных культур Восточной Европы. Объединенные в локальном ландшафте маршрутами паломничеств,

святыни воспринимаются как своего рода сакральная сеть, значимая для регионального самосознания. Архивные материалы, наряду с полевыми исследованиями и опросами местного населения, являются основным источником для исследователя локальных традиций, формировавшихся вокруг комплексов местных святынь — своеобразных узлов сакральной сети. Данная публикация знакомит специалистов с новыми материалами о почитании святынь Великого княжества Литовского в поздний период, когда западно-белорусский регион входил в Гродненскую губернию Российской империи (XIX — начало XX в.), затем — в межвоенную Вторую Речь Посполитую, а после 1939 г. — в Белорусскую ССР.

Информация, содержащаяся в письме начальника Гродненского губернского жандармского управления В. Д. Карпова¹ (док. № 1), имеет отношение к истории почитания мощей преподобномученика Афанасия Брестского (ок. 1595 — 1648)². Казненный во время освободительной войны Богдана Хмельницкого, Афанасий стал одним из очень немногих собственных православных святых Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой. В начале XIX в. пожар уничтожил раку с мощами мученика, а частицы мощей, собранные на пожарище, почитались в дальнейшем в Бресте в Свято-Симеоновском соборе (строительство храма завершено в середине 1860-х гг.). В 1909 г. начальник Гродненского губернского жандармского управления сообщил в Санкт-Петербург о краже частицы мощей из Свято-Симеоновского собора в Бресте. Отметим, что этот факт не учтен ни в одной из существующих печатных работ о преподобномученике Афанасии. Из рапорта канцелярии Гродненского губернатора в Департамент полиции от 21 сентября 1909 г. известно, что кражу совершила душевнобольная крестьянка поселка Кодель Бельского уезда Седлецкой губернии; ее арестовали. Украденные ценности найти не удалось; на допросе воровка показала, что она якобы выбросила их где-то за городом³.

«Общая рака», упомянутая начальником гродненских жандармов, это, судя по всему, массивная деревянная рака для мощей

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 118 (4-е делопроизводство, 1909 г.). Д. 16. Ч. 10. Л. 114 — 114 об.

² Мороз И. Г. Афанасий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 704–706.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 118 (4-е делопроизводство, 1909 г.). Д. 16. Ч. 10. Л. 140 — 140 об.

преподобномученика Афанасия, изготовленная предположительно в начале XX в. и находящаяся ныне в брестском Свято-Симеоновском соборе. Рака действительно имеет среднюю, промежуточную деревянную крышку, представляющую собой икону святого. Кроме того, в соборе имелся серебряный ковчег-мощевик Афанасия Брестского меньшего размера, ныне хранящийся в России в фондах Государственного исторического музея⁴. Письмо В.Д. Карпова — единственное свидетельство способа выставления частицы мощей святого для поклонения в начале XX в. в Бресте. Скрупулезность полицейского описания обеспечила точность и полноту источника.

Далее публикуются документы уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий при Совете Министров СССР (далее — Совет), повествующие о типичном эпизоде из истории белорусского антропогенного ландшафта, а именно о культовом камне-валуне, почитавшемся в деревне Пацевичи Мостовского района Гродненской области (ныне — агрогородок в Мостовском районе Гродненской области). На основании архивных документов Совета за 1952–1961 гг. история почитания камня-валуна в Пацевичах воссоздана И. С. Бутовым⁵; исследователь установил, что в 1961 г. паломничество в Пацевичи было запрещено и подавлено. Праздник в честь св. Анны восстановлен в Пацевичах в наши дни. Публикуемые ниже документы 1948–1949 гг. дополняют источниковую базу, реконструированную Бутовым.

Переписка между Гродно и Москвой о регулярных православных паломничествах в Пацевичи началась в 1948 г. Скептические высказывания уполномоченного по Гродненской области И. Т. Макаренко о происходящем в деревне⁶ (док. № 2) повлекли за собой жесткие распоряжения со стороны руководства Совета⁷ (док. № 3). Фактически

⁴ Елена (Дмитрук), инокия. Судьба ковчега для мощей святого Афанасия Брестского в свете архивных документов и перспективы возврата святыни: [электронный ресурс] // Свято-Рождество-Богородицкий женский монастырь в Брестской крепости. 2024. URL: <https://www.obitel-brest.by/istoricheskoe-nasledie/publikatsii/sudba-kovchega-dlya-moshchey-svyatogo-afanasiya-brestskogo-v-svete-arkhivnykh-dokumentov-i-perspekti/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁵ Бутай І. «Святы камень» з в. Пацэвічы // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Мінск, 2018. Вып. 5. С. 288–298; Буты І. С. Сакральныя камяні: Беларусь, Расія, Прыбалтыка. М., 2023. С. 38–52.

⁶ ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 392. Л. 106 — 106 об.

⁷ Там же. Д. 551. Л. 51.

были запрещены ежегодные народные паломничества в церковь Рождества Богородицы в Пацевичах на празднование св. Анны, матери Пресвятой Богородицы 25 июля (7 августа) (здесь и далее даты церковных праздников указываются по юлианскому и григорианскому календарям). Крутые меры последовали в то время, когда Совет вел переписку с белорусскими уполномоченными об обновлениях икон на территории БССР, в том числе и в Гродненской области. По этой теме, явно вызывавшей в Москве тревогу и напряжение, отложилось немало документов⁸.

В тот момент запрет на паломничества не входил в намерения партийного и советского руководства Гродненской области, поэтому, получив распоряжение руководителей Совета, уполномоченный постарался спасти ситуацию, отправив в Москву почти подряд письма от 13 августа 1949⁹ и 27 августа 1949 г.¹⁰, в которых он отрицал какое-либо культовое значение камня-валуна в Пацевичах. Уполномоченный писал, что верующие собираются в церковь Рождества Богородицы отнюдь не ради камня, давно заложенного в фундамент храма, а по случаю православного праздника. 22 октября 1949 г. руководители Совета Г. Г. Карпов и И. И. Иванова в письме на имя уполномоченных по БССР и по Гродненской области разъяснили, что они не запрещали престольные праздники где бы то ни было¹¹.

Свидетельства почитания мощей Гавриила Белостокского сохранились в фондах Государственного архива Гродненской области. Эти документы ранее были использованы в диссертационном исследовании И. И. Кояло, кроме того, некоторые из них опубликованы в сборнике под редакцией С. В. Силовой, А. С. Горного и протоиерея А. Велисейчика¹².

Как и в случае с Афанасием Брестским, почитание Гавриила Белостокского (1684–1690), именуемого также Заблудовским или

⁸ ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 106. Л. 99–104, 106–112; Д. 700. Л. 17–20, 23–36, 42–46, 52–61, 92–93, 95–97.

⁹ Там же. Д. 551. Л. 53 – 53 об.

¹⁰ Там же. Л. 54 – 54 об.

¹¹ Там же. Л. 55.

¹² Кояло И. И. Покровский кафедральный собор г. Гродно в контексте церковной жизни региона (1907–1991): дис. ... магистра богословия / Минская духовная академия. Минск, 2018; Православная церковь на территории Гродненской области (1944–1991 гг.): документы и материалы / науч. ред.: С. В. Силова, А. С. Горный, прот. А. Велисейчик. Гродно, 2020. С. 13, 63.

Слущким, восходит ко временам Речи Посполитой¹³. Агиографическое повествование об убийстве Гавриила, шестилетнего мальчика из православной крестьянской семьи, сформировалось под влиянием так называемого «кровавого навета», обвинений в адрес еврейских общин, выдвигавшихся в европейских странах начиная с XII в.: будто бы в дни христианского праздника Пасхи евреи похищают, а затем приносят в жертву детей из христианских семей¹⁴. В обществе Короны Польской и Великого княжества Литовского данные обвинения в адрес евреев укоренились в конце XVI в.¹⁵

Ю. А. Лабынцев и Л. Л. Щавинская описали бытование богослужебных текстов в честь Гавриила в православной среде Подляшья на востоке Польши во второй половине XX в.¹⁶ Публикуемые документы приоткрывают завесу над неизвестными обстоятельствами почитания мощей Гавриила в БССР в 1960–1970-х гг. Эти источники запечатлели иной политический контекст по сравнению с перепиской уполномоченного И. Т. Макаренко 1948–1949 гг. В 1958 г. на территории СССР стала разворачиваться партийно-государственная кампания по борьбе с религией, тесно увязанная в планах ЦК КПСС с подъемом экономики и модернизацией советского общества. На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов деятельность православных приходов попала под еще более жесткий контроль, был введен запрет на посещение богослужений детьми до 18 лет, в 1964 г. закрыли православную духовную семинарию в Свято-Успенском Жировичском монастыре¹⁷. Во второй половине шестидесятых и в семидесятых годах антирелигиозная кампания не была полностью прекращена;

¹³ Харкевич Я., Черепица В. Н., Шешко А. В. Гавриил // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 200–202.

¹⁴ Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi, antropologia przesądu. Warszawa, 2008; Teter M. Blood Libel: On the Trail of an Antisemitic Myth. Cambridge, 2020; Роуз Э. М. Убийство Уильяма Норвичского: Происхождение кровавого навета в средневековой Европе / пер. с англ. М., 2021. С. 367–371.

¹⁵ Teter M. Blood Libel. P. 142–149, 171.

¹⁶ Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Православная литература белорусов современной Польши. (Материалы экспедиционных исследований 1999 г.). М., 2000. С. 125–143.

¹⁷ Горанский А. О., Мандрик С. В. Церковная политика советского государства эпохи позднего социализма: сравнение периодов «хрущевских гонений» и «брежневского застоя» // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы Международной научной конференции, Минск, 17 ноября 2017 г. Минск, 2018. С. 158–166; Силова С. В. Православный священник

теряя в интенсивности, она лишь меняла свои методы. Совет из посредника между церковью и государством постепенно превратился в орган контроля над церковью¹⁸. В отчетном докладе уполномоченного за 1964 г. сообщается о молитвенных практиках, связанных с мощами Гавриила¹⁹ (док. № 4), имя мученика-младенца находим также в документах уполномоченного за 1971–1972 гг.²⁰

На основе материалов следственного дела клирика гродненского православного собора протодиакона Филиппа Рубана, арестованного в 1945 г., В. Н. Черепица показал, что мощи мученика-младенца Гавриила были доставлены в Гродно в июле 1944 г. в ходе эвакуации православных архиереев из Минска с отступающей германской армией²¹. Кроме того, свидетельство о вывозе мощей Гавриила из Минска в западном направлении содержится в рапорте архиепископа Василия (Ратмирова) на имя патриаршего местоблюстителя митрополита Алексия (Симанского) от 1 сентября 1944 г. Архиепископ Василий рассказал о ситуации в освобожденном Минске: «В результате разлагательной работы и бегства духовных руководителей, увезших с собой многие церковные ценности и даже мощи св. мученика младенца Гавриила, верующие пришли в глубокое уныние. Приезд епископа, представителя Московской патриархии, для верующих был большой духовной радостью»²². Наконец, в публикуемой ниже справке уполномоченного Н. К. Осененко от 18 июня 1971 г. (док. № 5) тот же эпизод перевоза мощей в Гродно передается со слов духовенства гродненского собора. С 1944 г. реликвия почиталась в Гродно, с 1992 г. мощи Гавриила находятся в Польше, в православном соборе св. Николая в Белостоке.

в советском белорусском социуме в 1944–1964 годах // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. Вып. 44. С. 226–227.

¹⁸ Кулажанка У. Г. Дакументы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі: 1944–1965 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2009. Вып. 10. С. 41.

¹⁹ Государственный архив Гродненской области (ГАГр). Ф. 1171. Оп. 3а. Д. 133. Л. 60.

²⁰ ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 27–30; Д. 77. Л. 8.

²¹ Черепица В. Н. Между молотом и наковальней: Хождение по мукам гродненских пастырей в 20–40-е годы // Черепица В. Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Гродно, 1999. Ч. 1. С. 204–205.

²² ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 16.

Как сообщается в справке от 18 июня 1971 г., в 1970 г. архиепископ Минский и Белорусский Антоний (Мельников) совершил каноническое освидетельствование мощей Гавриила. После этого уполномоченный, наблюдавший за деятельностью архиерея, собрал информацию о почитании мученика-младенца в кафедральном соборе (док. № 5), в приходской церкви деревни Изабелин Волковысского района (док. № 6), и, ощущая присутствие антисемитского потенциала в нарративе о Гаврииле, выступил с предложением запретить празднование памяти святого, удалив мощи из собора. В рассекреченной части архивного фонда Совета (ГА РФ) и в архивном фонде уполномоченного Совета по Гродненской области (ГАГр) не удалось выявить письменного ответа на такую радикальную инициативу. В следующем 1972 г. уполномоченный напомнил руководству Гродненского горкома КПБ о мощах Гавриила (док. № 8), однако реликвия не была удалена из собора, празднование памяти мученика-младенца никогда не прекращалось.

В публикуемой справке от 18 июня 1971 г. содержатся по крайней мере две неточности, которые необходимо прокомментировать. Осененко привел эмоциональную цитату из постановления Народного комиссариата юстиции РСФСР от 25 августа 1920 г. № 336 «О ликвидации мощей»²³ с упоминанием частицы мощей Гавриила. Этот миниатюрный фрагмент в 1908 г. перенесли из Свято-Троицкого Слуцкого монастыря, где тогда находились мощи святого, в собор св. Николая в Белостоке, оттуда — в Супрасльский монастырь; в 1915 г. частицу мощей эвакуировали в Москву. В 1920 г. авторы постановления Наркомюста не знали о существовании собственно мощей Гавриила, остававшихся в Слуцком монастыре, и ничего о них не сказали, поэтому для гродненского уполномоченного в 1971–1972 гг. не вполне понятным оставалось происхождение реликвии; история вскрытия мощей изложена туманно и путано.

Упомянув известный суд в Киеве над М. Бейлисом (1913 г.), закончившийся оправдательным приговором, авторы постановления Наркомюста неверно передали одно обстоятельство. Из опубликованного судебного стенографического отчета известно, что, хотя агиографический сюжет Гавриила Заблудовского рассматривался

²³ Законодательство о религиозных культах / ред.: В. А. Куроедов, А. С. Панкратов. М., 1969. С. 68.

в судебном заседании, он не придал обвинению сколько-нибудь существенного «религиозного обоснования», как выразились авторы постановления Наркомюста, и не сыграл в процессе Бейлиса никакой роли²⁴.

В справке от 18 июня 1971 г. уполномоченный сослался на печатный варшавский «Богогласник», православный сборник стихотворных паралитургических текстов, изданный Миссионерским комитетом Польской автокефальной православной церкви. В более ранних печатных «Богогласниках», в частности в «Гродненском богогласнике», издававшемся в 1903 и 1914 гг., не было песнопений в честь Гавриила Заблудовского. Варшавский «Богогласник» 1935 г. впервые включал духовную песнь «Святому мученику младенцу Гавриилу» с нотами²⁵.

Публикуемая справка уполномоченного от 2 февраля 1972 г. сообщает о праздновании в гродненском соборе основного дня памяти Гавриила 20 апреля / 3 мая, согласно церковному календарю (док. № 8). Кроме того, справка от 18 июня 1971 г. свидетельствует о местной литургической памяти Гавриила, не учтенной в церковных календарях. Со слов соборного духовенства сообщается, что молебны Гавриилу служили также 11 (24) апреля. Именно в этот день, согласно эпитафии середины XVIII в., шестилетний мальчик был похищен из родительского дома²⁶; не исключено, что по этой причине дата 11 апреля воспринималась как годовщина мученичества. Уполномоченный сообщил также о местном храмовом празднике в честь Гавриила в деревне Изабелин Волковысского района Гродненской области.

К справке от 18 июня 1971 г. уполномоченный приложил два машинописных списка: копию молитвы, размещенной в гродненском соборе у мощей Гавриила (начинается со слов: «Младенческого незлобия хранителю и мученического мужества носителю...»)²⁷, и копию песни «Святому мученику младенцу Гавриилу» из «Богогласника»

²⁴ Дело Бейлиса: стенографический отчет. Киев, 1913. Т. I. С. 229–231; Т. II. С. 363, 370, 375–376, 379, 401, 404; Т. III. С. 91, 93.

²⁵ Богогласник с нотами / изд. Миссионерского комитета при Священном Синоде. Варшава, 1935. С. 351–373.

²⁶ «Важнейшую святыню Слуцкого монастыря...» // Литовские епархиальные ведомости. 1885. № 35. С. 346.

²⁷ ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.

1935 г.²⁸ Первый из этих текстов представляет собой пространную заключительную молитву из службы Гавриилу, составленной архиепископом Антонием (Храповицким)²⁹. Впервые опубликованная в 1908 г., служба Гавриилу была переиздана лишь в 1985 г.³⁰, а до того оставалась большой библиографической редкостью. Достаточно сказать, что в московских библиотеках имеется единственный экземпляр издания 1908 г., хранящийся в фондах Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки. Тем не менее в советский период гродненское духовенство располагало молитвой после канона, а может быть, даже полным текстом всей службы 1908 г., равно как и варшавским «Богогласником» 1935 г.

В церкви Архангела Михаила в деревне Изабелин Волковысского района, напротив, не было даже основных богослужебных текстов в честь Гавриила, раз на клиросе пели тропарь мученику по Общей минее. Об этом свидетельствует краткая рукопись, изъятая уполномоченным в Изабелине и приобщенная к делу — тропарь Гавриилу с графическими делениями для певчих³¹ (док. № 7). Это не тропарь из очень редкой тогда службы 1908 г., а общий тропарь святым мученикам с механической вставкой имени Гавриила.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации; исправлены незначительные описки, в том числе отражающие фонетическое влияние белорусского языка. Даты до 1918 г. приводятся по юлианскому календарю, после 1918 г. — по григорианскому. Автор выражает признательность Александру Сергеевичу Горному, доценту Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, за оказанную помощь при выявлении и копировании архивных документов.

²⁸ Там же. Л. 32–33.

²⁹ Текст молитвы после канона см.: Служба святому мученику Гавриилу Младенцу, в лето господнее 1690-ое от иудей умученному в Белостоце граде, его же нетленные мощи во граде Слуцке доднесь почивают. Почаев, 1908. С. 11–14; Миня. М., 2002. Т. Апрель. Ч. 2. С. 99. Об истории создания службы см.: *Кравецкий А. Г., Мирошниченко М. В.* Материалы к истории церковных служб, появившихся в Синодальный период церковной истории // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 1 (35). С. 171–174.

³⁰ Миня. М., 1985. Т. Апрель. Ч. 2. С. 87–100.

³¹ ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 27.

№ 1**Письмо начальника гродненского губернского
жандармского управления полковника В. Д. Карпова
в Департамент полиции Министерства внутренних дел
Российской империи от 19 августа 1909 г. о краже частицы
мощей преподобномученика Афанасия Брестского**

Начальник Гродненского губернского жандармского управления.
19 августа 1909 г. № 6439. г. Гродна.

14-го сего августа в 10 часов вечера в гор. Брест-Литовске из Брестского Симеоновского собора обнаружена кража частицы мощей св. Афанасия игумена Брестского, выставленной для поклонения молящимся на верхней крышке раки в особом ковчежке за слюдяной крышкой. Осмотром обнаружено, что частица мощей, менее сантиметра в квадрате, лежала не прикрепленной и не вделанной на поверхности деревянной иконы св. Афанасия, служащей средней крышкой деревянной общей раки, будучи накрыта серебряной круглой 2–3 сантиметров диаметром и высотой в сантиметр коробочкой, закрытой сверху слюдяной пленкой; коробочка эта прикреплена была к иконе имевшимися в нижнем ободке ее тремя игольчатыми шипами, входившими в икону, так что никакого труда отнять коробку от иконы не представлялось. Исчезновение мощей, как выяснилось, заметили некоторые прихожане еще во время литургии 14 августа, но не обратили внимания, и только по окончании всенощной вечером узнало духовенство о пропаже, при этом подозрение свое заявляет на какую-то женщину, являвшуюся 13 августа с просьбой отслужить молебен перед ракой св. Афанасия о больном своем брате, но не явившуюся для сего в назначенный ей священником час. При осмотре Собора, после обнаружения кражи мощей, установлено, что пропала небольшая деревянная с латунной ризой старая икона св. Николая Чудотворца, стоявшая недалеко от раки св. Афанасия на подиконнике, из чего следует предположить, что кража могла быть совершена кем-либо из молящихся под влиянием религиозного экстаза.

Следствие по сему делу производит судебный следователь 1-го участка гор. Брест-Литовска.

Об изложенном доношу Департаменту полиции.

Полковник Карпов

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 118 (4-е делопроизводство, 1909 г.). Д. 16. Ч. 10. Л. 114–114 об. Машинопись; подпись — автограф. В начале документа штампы входящей корреспонденции «24 авг. 1909», «4-ое делопроизводство. 24 авг. 1909. Вход. № 11482. Секретно». На л. 114 по нижнему краю машинописный текст «В департамент полиции».

№ 2

Письмо уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Гродненской области И. Т. Макаренко члену Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР И. И. Иванову от 6 ноября 1948 г. о культовом камне в деревне Пацевичи Мостовского района Гродненской области

Секретно.

В Совет по делам русской православной церкви при Совете министров СССР тов. Иванову.

Копия. Уполномоченному Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Белоруссии тов. Менькову.

На основании Вашего письма от 8/X-1948 года № 875-с, в котором сказано, что в некоторых областях, краях и республиках в отдельные религиозные праздники производятся церковные службы в приходских и монастырских церквях, где имеются чтимые иконы, при большом стечении числа верующих, а также устраивают религиозные шествия к так называемым святым местам (водные источники и т. п.).

В Гродненской области в церквях нет особо чтимых икон или святых мест и водных источников, которые бы имели широкую известность в народе, за исключением одной приписной церкви, имеющей местное значение.

В Мостовском р-не Самуйловичского сельсовета возле дер. Пацевичи на кладбищах имеется приписная деревянная церковь. На месте, где находится эта церковь, когда-то лежал огромный «святой камень», вероятно, ледникового периода, которому поклонялись верующие.

В 1868 году этот камень был разбит на части и заложен [в] фундамент, на котором построена церковь в честь рождества пресвятой

Богородицы. В церкви имеется икона «св. Анны». Ежегодно 6 августа туда стекается до 7 тысяч верующих с окружающих деревень Гродненской области. Еще накануне праздника из дальних деревень начинают собираться богомольцы, а под видом богомольцев приезжают торгаши, спекулянты и два дня вокруг церкви кипит торговля, в которой принимает участие даже наше сельпо со своими промтоварами.

Для обслуживания такой массы народа настоятель Самуйловичской церкви всегда приглашает на 2 дня 4–5 священников из соседних церквей, которые помогают ему проводить богослужение и исповедь, так как в этот день, только со слов самого священника данной церкви, исповедывается до 800 человек верующих, особенно женщины.

Других таких святых мест и чтимых икон по области нет.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Гродненской области Макаренко

Исх. — 22-с

6/XI-1948

ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 392. Л. 106–106 об. Рукописный подлинник, автограф. В начале документа штамп входящей корреспонденции и автограф «Т[оварищу] Спиридонову. 10/XI [19]48».

№ 3

Письмо председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР Г. Г. Карпова и члена Совета И. И. Иванова уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Гродненской области И. Т. Макаренко от 8 августа 1949 г. о паломничествах в деревню Пацевичи Мостовского района Гродненской области

Секретно. экз. № 3

8 августа [194]9. № 711/с

Гродненский облисполком. Уполномоченному Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР тов. Макаренко. г. Гродно.

Копия: Совет министров Белорусской ССР. Уполномоченному Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР тов. Семенову. г. Минск.

Как Вы нам сообщали, в деревню Пацевичи Мостовского района Гродненской области ежегодно 19 августа стекается масса верующих людей на суеверное поклонение т[ак] н[азываемому] «святому камню». Так, например, в 1948 году в этот день число паломников в деревню Пацевичи выразилось до 7 тыс[яч] человек, что, возможно, может повториться и в 1949 г.

Совет предлагает Вам поставить теперь же об этом в известность руководство обкома КП(б)Б и облисполкома для принятия соответствующих мер.

Вы должны предупредить управляющего епархией, чтобы зарегистрированное духовенство в этот день в дер. Пацевичи не принимало никакого участия в совершении богослужения, как и вообще запрещается всякое богослужение вне храмов, а те священники, которые нарушат это, будут Вами сняты с регистрации.

Информацию о «праздновании» пришлите в Совет.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР (Карпов)

Члена Совета (Иванов И. И.)

ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 551. Л. 51. Машинопись, копия.

В левом нижнем углу указан иной делопроизводственный номер документа: № 816сс.

№ 4

Отчетный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Гродненской области за 1964 г. (фрагмент)

Как установлено в процессе изучения, одним из направлений проповеднической деятельности духовенства является стремление не только удержать, но и привлечь большее число людей к церкви.

Наибольшую активность в этом проявляют служители культа пожилого возраста, прослужившие на этом поприще много лет и имеющие значительную практику по одурманиванию умов.

Так, например, братья Моисеевы Анатолий и Геннадий, оба целибаты, являются потомственными священниками, первый более 30 лет, а второй 17 служат в церкви, Геннадий продолжительное время является настоятелем, а Анатолий вторым священником гродненского собора.

В целях религиозного воздействия на верующих и укрепления их привязанности к церкви они не только сами оказывают воздействие, но и используют в этих целях приближенных к ним лиц. При всяком удобном случае ведут индивидуальные беседы (особенно Геннадий) с верующими как в соборе, так и в их квартирах, используя приглашения на освящение квартир, дают толкование сновидений и прочее, доходя в этом до шарлатанства.

Известны случаи, когда Моисеевы, при высказывании отдельных верующих о своих семейных неурядицах, болезнях и пр[очем], читают для них индивидуально молитвы у различных икон в соборе, берут белье с больных, подкладывают его на определенное время под гроб «св. мученика Гавриила», который стоит в соборе, а затем возвращают и говорят, чтобы больной одевал это белье на ночь в течение 3–5–7 дней и тогда болезнь пройдет. С этой же целью подкладывают под гроб головные платки тех, кто высказывает жалобы на головные боли, и также дают совет носить эти платки в течение определенных дней.

Когда одна из верующих рассказала, что она видела во сне, как в соборе раскрылись «царские врата» и из них вышел царь-батюшка, Геннадий в ответ ей сказал: «Возможно, будут какие-то перемены».

ГАГр. Ф. 1171. Оп. 3а. Д. 133. Л. 60. Машинопись, копия.

№ 5

Справка уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Гродненской области Н. К. Осененко для Совета по делам религий при СМ СССР и уполномоченного Совета по БССР 18 июня 1971 г. о мощах мученика-младенца Гавриила в кафедральном соборе Покрова Богородицы в Гродно

Справка о мощах младенца Гавриила, находящегося в Гродненском соборе

В православном соборе гор. Гродно находится гроб с мощами младенца Гавриила, почитаемого православной церковью за святого мученика.

В «Богвестнике» (так в подлиннике. — И. С.-Б.), изданном в 1935 г. миссионерским комитетом при священном синоде в Варшаве,

помещена «песня», прилагаемая к справке, в которой устами младенца Гавриила рассказывается, как его шестилетнего в 1684 г. замучили евреи. Гроб с его телом был помещен в церкви [в] гор. Заблудове бывшей Гродненской губернии, ныне Белостокское воеводство, а затем в 1755 г. перенесен в гор. Слуцк Минской области.

Вся эта возня с канонизацией Гавриила в святые, перенос мощей при сопровождении десятками служителей культа и толпой верующих, нужна была царскому самодержавию, а затем польской буржуазии для разжигания национализма и организации еврейских погромов. И это было не только в той местности, где появился этот святой Гавриил, но и в других местах царской России.

В постановлении Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. об этом Гаврииле сказано: «В соборе Василия Блаженного, [в] Москве, обнаружены мощи отрока Гавриила, оказавшиеся из воска и небольшой, размером в 1/2 вершка, гнилой кости. Мощи эти были привезены из Польши и открыты для публичного почитания известным черносотенцем, протоиереем Восторговым еще в 1915 г. в целях человеконенавистнической антисемитской пропаганды, а в 1912 году, находясь еще в Польше, дали царизму, в тех же целях, религиозное обоснование к гнусной инсценировке процесса Бейлиса» (Сборник законодательства о религиозных культах, издание 1969 г., с. 68).

После этого возникают вопросы: тот ли это гроб с мощами отрока Гавриила, который вскрывался в Москве, и случайно ли гроб с мощами оказался в Гродненском соборе, привезенном (привезенный. — *И. С.-Б.*) в 1944 году убегающими вместе с оккупантами церковниками, как это утверждает духовенство Гродненского собора.

Одно ясно, что до сегодняшнего времени православное духовенство популяризирует святость этого Гавриила и чтит его мученичество. Гроб с мощами в соборе стоит на видном, центральном месте с прикрепленной к нему «Молитвой святому мученику младенцу Гавриилу Заблудовскому» как «иудейского нечестия обличителю». В день его гибели в соборе 11 апреля проводятся молебны. В Изабелинской церкви Волковыс[с]кого района первая среда после «троицы» является храмовым праздником (мощи Гавриила ночевали в этой церкви во время их переноса). Бережно хранит у себя «Боговестник» с песнью о Гаврииле дьякон собора Римарчук А. И. По-видимому, разделяет эти мракобеснические вымыслы и правящий архиерей

Белоруссий Антоний, который в 1970 году открывал гроб и осматривал эти мощи.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод, можем ли мы безразлично отнестись к этим вопросам и в дальнейшем давать возможность продолжать церковникам человеконенавистническую антисемитскую пропаганду, используя этого святого младенца Гавриила. Если не вскрывать специалистами эти мощи и публично не разоблачать это мракобесничество, то хотя бы предложить духовенству убрать эти мощи и прекратить празднование и пропаганду этого святого мученика младенца Гавриила, но сделать это осторожно и тактично.

Уполномоченный Совета по Гродненской области (Н. Осененко) 18.VI.1971 г.

ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 29–30. Машинопись, автограф.

№ 6

**Справка уполномоченного Совета по делам религий
при СМ СССР по Гродненской области Н. К. Осененко
для Совета по делам религий при СМ СССР
и уполномоченного Совета по БССР от 18 июня 1971 г.
о церкви Архангела Михаила в деревне Изабелин
Волковысского района Гродненской области**

Справка о Изабелинской церкви Волковыс[с]кого района

Здание церкви каменное, построенное в 1800 г., размером 111 кв. метров, находится в запущенном состоянии, местами пол и потолок провалились и требуют срочного ремонта.

На наружной части церковного здания надпись: «Заповедь новую даю вам — да любите друг друга».

Большим храмовым праздником является первая среда после «троицы» — отрока Гавриила, в память того, что его мощи ночевали в этой церкви. По утверждению старожилов, эти мощи лет шестьдесят тому назад носили из церкви в церковь при сопровождении десятков служителей культа и большой толпой верующих.

В церкви имеются две большие иконы Гавриила, установленные на центральном месте.

В клиресе (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) для хора обнаружена рукописная молитва: «Тропарь гл. 4. Мученик твой господи отрок Гавриил, во страдании своем венец принят (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) нетленный от тебе бога нашего: имеют (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) бо крепость твою, мучителей низложи сокруши и демонов немощные (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) дерзости: того молитвами спаси души наша».

В праздник Гавриила раньше носили вокруг церкви икону этого святого, теперь ее выставляют на середину.

Уполномоченный Совета по Гродненской области Н. Осененко
ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 28. Машинопись, автограф.
Датировка условная, согласно дате, указанной в другой справке
по той же тематике (см. № 5)³².

№ 7

Текст тропаря мученику-младенцу Гавриилу, изъятый уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Гродненской области Н. К. Осененко в церкви Архангела Михаила в деревне Изабелин Волковысского района Гродненской области. 1971 г.

Тропарь, гл. 4.

Мученик Твой Господи отрок Гавриил, / во страдании своем
венец прият нетленный от Тебе Бога нашего: / имеяй бо крепость
твою, / мучителей низложи / сокруши и демонов немощныя дерзоз-
сти: / того молитвами / спаси души наша.

ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 66. Л. 27. Рукописный подлинник,
автограф. Слово «отрок» приписано над строкой. Знак
«/» (одинарная косая черта) в православной духовной
музыке используется для разделения текста песнопения
на структурные единицы, небольшие мелодические фразы.

³² Ранее документ публиковался с устаревшим номером листа архивного дела, см.: Православная церковь на территории Гродненской области (1944–1991 гг.): документы и материалы / науч. ред.: С. В. Силова, А. С. Горный, прот. А. Велисейчик. Гродно: Гродненская тип., 2020. С. 63.

№ 8

**Справка уполномоченного Совета по делам религий
при СМ СССР по Гродненской области Н. К. Осененко
для Гродненского горкома КПБ от 2 февраля 1972 г.
«О некоторых вопросах религиозной обстановки в городе
Гродно» (фрагмент)**

Самым, пожалуй, мерзким мракобесием православной церкви является почитание святости отрока Гавриила и поклонение его «нетленным» мощам. По церковной версии, над шестилетним Гавриилом 20-го апреля 1690 года евреями было совершено ритуальное убийство. Тело Гавриила, «не стлевшее» (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) за 30 лет в земле и «уцелевшее» в сгоревшей Заблудской (так в подлиннике. — *И. С.-Б.*) церкви, в 1755 году из Польши было перенесено в Белоруссию [в] гор. Слуцк.

Для разжигания антисемитизма и организации еврейских погромов «великомученик» Гавриил был использован в 1912 году в киевском процессе «Дело Бейлиса». В эти же годы и с этой же целью гроб Гавриила с «нетленными» мощами церковники таскали по многим церквям Гродненщины в сопровождении десятков духовенства и большой толпы одурманенных верующих.

В первые годы советской власти в гор. Слуцке, а затем в соборе Василия Блаженного в Москве, «нетленные» мощи отрока Гавриила были всенародно вскрыты и, кроме трухи и восковой куклы, в них ничего не обнаружено. Загадочным остается, как вновь появились, и для каких целей эти «нетленные» мощи оказались в 1945 году в православном соборе гор. Гродно? Еще до сих пор в соборе 20-го апреля проводились богослужения и поклонялись этим «нетленным» мощам.

ГАГр. Ф. 475. Оп. 1. Д. 77. Л. 8. Машинопись, копия.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел.

ГА РФ. Ф. Р6991. Совет по делам религий при Совете министров СССР.

Государственный архив Гродненской области (ГАГр). Ф. 475. Отдел по делам религий и национальностей Гродненского областного исполнительного комитета, г. Гродно Гродненской области.

ГАГр. Ф. 1171. Гродненский областной Совет депутатов, г. Гродно Гродненской области. Гродненский областной исполнительный комитет, г. Гродно Гродненской области.

Богогласник с нотами / изд. Миссионерского комитета при Священном Синоде. Варшава: Синодальная тип., 1935. 424 с.

«Важнейшую святыню Слуцкого монастыря...» // Литовские епархиальные ведомости. 1885. № 35. С. 346.

Дело Бейлиса: стенографический отчет. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1913. Т. I–III. 700 с., 446 с., 304 с.

Миняя. М.: Московская патриархия, 1985. Т. Апрель. Ч. 2. 367 с.

Миняя. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2002. Т. Апрель. Ч. 2. 398 с.

Служба святому мученику Гавриилу Младенцу, в лето господнее 1690-ое от иудей умученному в Белостоце граде, его же нетленные мощи во граде Слуцке доднесь почивают. Почаев: Почево-Успенская лавра, 1908. 15 с.

Литература

Бутаў І. «Святы камень» з в. Пацэвічы // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Мінск: Беларуская навука, 2018. Вып. 5. С. 288–298.

Бутов И. С. Сакральные камни: Беларусь, Россия, Прибалтика. М.: Директ-Медиа, 2023. 232 с.

Горанский А. О., Мандрик С. В. Церковная политика советского государства эпохи позднего социализма: сравнение периодов «хрущевских гонений» и «брежневского застоя» // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы Международной научной конференции, Минск, 17 ноября 2017 г. Минск: Изд-во Минской духовной академии, 2018. С. 158–166.

Елена (Дмитрук), инокиня. Судьба ковчега для мощей святого Афанасия Брестского в свете архивных документов и перспективы возврата святыни: [электронный ресурс] // Свято-Рождество-Богородицкий женский монастырь в Брестской крепости. 2024. URL: <https://www.obitel-brest.by/istoricheskoe-nasledie/publikatsii/sudba-kovchega-dlya-moshchey-svyatogo-afanasiya-brestskogo-v-svete-arkhivnykh-dokumentov-i-perspekti/> (дата обращения: 25.02.2025).

Законодательство о религиозных культах / ред.: В. А. Куроедов, А. С. Панкратов. М.: Юридическая литература, 1969. 261 с.

Кояло И. И. Покровский кафедральный собор г. Гродно в контексте церковной жизни региона (1907–1991): дис. ... магистра богословия / Минская духовная академия. Минск, 2018. 181 с.

Кравецкий А. Г., Мирошниченко М. В. Материалы к истории церковных служб, появившихся в Синодальный период церковной истории // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 1 (35). С. 161–180.

Кулажанка У. Г. Дакументы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі: 1944–1965 гг. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск: БелНДІДАС, 2009. Вып. 10. С. 30–43.

Лабыцэв Ю. А., Щавинская Л. Л. Православная литература белорусов современной Польши. (Материалы экспедиционных исследований 1999 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 146 с.

Мороз И. Г. Афанасий // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 3. С. 704–706.

Православная церковь на территории Гродненской области (1944–1991 гг.): документы и материалы / науч. ред.: С. В. Силова, А. С. Горный, прот. А. Велисейчик. Гродно: Гродненская тип., 2020. 188 с.

Роуз Э. М. Убийство Уильяма Норвичского: Происхождение кровавого навета в средневековой Европе / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 432 с.

Силова С. В. Православный священник в советском белорусском социуме в 1944–1964 годах // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. Вып. 44. С. 226–227.

Харкевич Я., Черепица В. Н., Шешко А. В. Гавриил // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2005. Т. 10. С. 200–202.

Черепица В. Н. Между молотом и наковальней: Хождение по мукам гродненских пастырей в 20–40-е годы // Черепица В. Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Гродно: Гродненский государственный университет, 1999. Ч. 1. С. 204–205.

Teter M. Blood Libel: On the Trail of an Antisemitic Myth. Cambridge: Harvard University Press, 2020. 560 p.

Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi, antropologia przesądu. Warszawa: Wydawnictwo W. A. B., 2008. 795 s.

References

Butaŭ I. “Sviaty kamen” z v. Patsévichy. In: *Belaruski faŭklor: Materyjaly i dasledavanni: Zbornik navukovykh prats*. Minsk, Belarускаia navuka, 2018, iss. 5, pp. 288–298. (In Bel.)

Butov I. S. *Sakral'nyje kamni: Belarus', Rossiia, Pribaltika*. Moscow, Direkt-Media, 2023, 232 p. (In Russ.)

Cherepitsa V. N. Mezhd u molotom i nakoval'nei: Khozhdenie po mukam grodnenskikh pastyrei v 20–40-e gody. In: Cherepitsa V. N. *Ocherki istorii Pravoslavnoi*

tserkvi na Grodnenshchine (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). Grodno, Grodnenskii gosudarstvennyi universitet, 1999, vol. 1, pp. 204–205. (In Russ.)

Goranskii A. O., Mandrik S. V. Tserkovnaia politika sovetskogo gosudarstva epokhi pozdnego sotsializma: sravneniye periodov “khrushchevskikh goneni” i “brezhnevskogo zastoia”. In: *Tserkovnaia nauka v nachale tret’ego tysiacheletia: aktual’nye problemy i perspektivy razvitiia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 17 noiabria 2017 g.* Minsk, Izdatel’stvo Minskoi dukhovnoi akademii, 2018, pp. 158–166. (In Russ.)

Jelena (Dmitruk), inokinia. Sud’ba kovchega dla moshchei sviatogo Afanasii Brestskogo v svete arkhivnykh dokumentov i perspektivy vozvrata sviatyni. *Sviato-Rozhdestvo-Bogoroditskii zhenskii monastyr’ v Brestskoi kreposti*. 2024. URL: <https://www.obitel-brest.by/istoricheskoe-nasledie/publikatsii/sudba-kovchega-dlya-moshchey-svyatogo-afanasiya-brestskogo-v-svete-arkhivnykh-dokumentov-i-perspekti/> (accessed: 25.02.2025). (In Russ.)

Kharkevich Ia., Cherepitsa V. N., Sheshko A. V. Gavriil. In: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia, 2005, vol. 10, pp. 200–202. (In Russ.)

Koialo I. I. *Pokrovskii kafedral’nyi sobor g. Grodno v kontekste tserkovnoi zhizni regiona (1907–1991)*: Theology Master’s Thesis, Minsk Theological Academy. Minsk, 2018, 181 p. (In Russ.)

Kravetskii A. G., Miroschnichenko M. V. Materialy k istorii tserkovnykh sluzhb, poiavivshikhsia v Sinodal’nyi period tserkovnoi istorii. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradov*, 2023, no. 1 (35), pp. 161–180. (In Russ.)

Kulazhanka U. H. Dokumenty ūpaŭnavzhanykh Saveta pa spravakh Ruskai pravaslaŭnai tsarkvy pry Savetse Ministraŭ SSSR iak krynitsa pa historyi Pravaslaŭnai tsarkvy ū Belarusi: 1944–1965 hh. *Belaruskii arkheahrafichny shtohodnik*. Minsk, BelNDIDAS, 2009, iss. 10, pp. 30–43. (In Bel.)

Labyntsev Iu. A., Shchavinskaia L. L. *Pravoslavnaia literatura belorusov sovremennoi Pol’shi. (Materialy ekspeditsionnykh issledovanii 1999 g.)*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2000, 146 p. (In Russ.)

Moroz I. G. Afanasii. In: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia, 2001, vol. 3, pp. 704–706. (In Russ.)

Pravoslavnaia tserkov’ na territorii Grodnenskoj oblasti (1944–1991 gg.): dokumenty i materialy, eds.: S. V. Silova, A. S. Gornyi, archpriest A. Veliseichik. Grodno, Grodnenskaia tipografiia, 2020, 188 p. (In Russ.)

Rose E. M. *Ubiistvo Uil’iama Norvichskogo: Proiskhozhdeniye krovavogo naveta v srednevekovoi Evrope*, transl. from Engl. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 432 p. (In Russ.)

Silova S. V. Pravoslavnyi sviashchennik v sovetskom belorusskom sotsiuzme v 1944–1964 godakh. *Vestnik Sviato-Filaretovskogo instituta*, 2022, iss. 44, pp. 226–227. (In Russ.)

Teter M. *Blood Libel: On the Trail of an Antisemitic Myth*. Cambridge, Harvard University Press, 2020, 560 p. (In Engl.)

Tokarska-Bakir J. *Legendy o krwi, antropologia przesądu*. Warszawa, W.A.B., 2008, 795 p. (In Pol.)

Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh, eds. V. A. Kurojedov, A. S. Pankratov. Moscow, Iuridicheskaja literatura, 1969, 261 p. (In Russ.)

Ilya V. Semenenko-Basin

Dr. Sci. (History)

Independent Researcher

Russia, Moscow

E-mail: vivere.est@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7579-056X

New sources on the history of Orthodox shrines in the Brest and Grodno region in the twentieth century

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.10

Abstract: This paper brings new sources about Orthodox shrines of the Grand Duchy of Lithuania in the late period of their existence, into scientific circulation. Since ancient times, these shrines were especially venerated on the territory of the present Brest and Grodno regions of the Republic of Belarus. In terms of sacred topography, actively developed by specialists in cultural anthropology and religious studies, shrines are perceived in the local landscape as a kind of “sacred network”. Their function can be elucidated not only by population surveys during field research, but also by archival documents. Primary sources from the archival fonds of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and various divisions of the Council for Religious Affairs, which are of scientific interest, are published. The documents contain information about the veneration of the cult stones of Belarus, and of the relics of Athanasius of Brest and Gabriel of Bialystok (of Zabłudov) in the 20th century. Archival sources demonstrate the ways of displaying the relics of Athanasius of Brest for worship in the liturgical space, the circumstances of the pilgrimages to the Mosty district of the Grodno region during the post-war period, as well as the prayer and healing practices associated with the relics of Gabriel of Bialystok. Additional information about the local Grodno liturgical celebration of Gabriel’s memory in the Soviet period is introduced, and some peculiarities of the divine service in honour of Gabriel in the Grodno city parish and in the countryside are described. The publication also contains material on the history of the anti-religious practices in the Soviet Union.

Keywords: Orthodox Christianity, the anti-religious practices, local shrines, pilgrimages, relics of saints, Athanasius of Brest, Gabriel of Bialystok, Grodno, Belarus

Лариса Леонидовна Щавинская

доцент, кандидат филологических наук
старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: l.shchavinskaya@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-9385-350

**Новая книга об истории
германо-белорусских отношений
(Баринов И. И. *Albaruthenia incognita: Неизвестные
страницы германо-белорусских отношений.
1914–1944. М.: Институт славяноведения
РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.)***

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.11

Аннотация: Увидевшая свет в 2024 г. монография И. И. Баринова посвящена некоторым неизвестным страницам непростой истории германо-белорусских отношений в период 1914–1944 гг., времени самых разрушительных войн на европейской территории. Вначале показана история бытования самих терминов «Белоруссия» и «белорусский» применительно к белорусам и белорусским территориям в немецком политическом и научном пространстве в различные периоды истории вплоть до нашего времени, анализируется историография работ по проблеме германо-белорусских отношений 1914–1944 гг. Автор, специалист в области германо-славянских отношений второй половины XIX — первой половины XX в., новой и новейшей истории Германии и Восточной Европы, в своей работе использовал значительный арсенал как литературных, в большей части немецкоязычных, источников так и документальных, в том числе неопубликованных. В книге представлена эволюция восприятия белорусских земель на ментальной карте Германии между 1914 и 1944 гг., история германо-белорусских контактов в указанный период. Большое внимание уделено судьбам бывших соотечественников белорусов из числа балтийских немцев, стремившихся выступать в роли главных экспертов по Восточной Европе.

Ключевые слова: германо-белорусские отношения, Первая и Вторая мировые войны, балтийские немцы

В своей работе И. И. Баринов на основании широкого круга источников, в значительной степени немецкоязычных, анализирует

ряд малоизученных проблем, до сих пор не привлекавших особого внимания исследователей. Предлагаемая читателю книга состоит из предваряемых основательным введением двух больших разделов: «“Земля белых русов”: немецкие представления о Белоруссии, 1914–1944 гг.» и «“Главные специалисты по Востоку”: публичные интеллектуалы и их роль в изучении Белоруссии». В конце следует заключение, список иллюстраций, использованных источников и литературы, указатель имен.

Введение артикулирует основную проблематику данного труда. Прежде всего автор описывает историю бытования самих терминов «Белоруссия» и «белорусский» применительно к белорусам и белорусским территориям в немецком политическом и научном пространстве в различные периоды истории начиная с XVII в., когда «именование “Белая Русь” применительно к регионам современной Республики Беларусь закрепилось в немецком языке» (с. 5), и вплоть до нашего времени.

И. И. Баринов рассматривает историографию работ по проблеме германо-белорусских отношений 1914–1944 гг., которые «в основном становились предметом исследования соответственно немецких и советских авторов» (с. 11). Своей задачей автор видит расширение исследовательской проблематики германо-белорусских отношений 1914–1944 гг., показ ряда не получивших должного освещения сюжетов. При этом источниковой базой данного труда стало «сочетание уже введенных в научный оборот материалов с малоизвестными сведениями, извлеченными из российских архивов» (с. 17). Не претендуя на всеохватность заявленной проблематики, эта работа призвана заполнить некоторые лакуны, обратив внимание на отдельные научные проблемы, не привлекавшие по разным причинам исследовательского внимания.

Первый раздел «“Земля белых русов”: немецкие представления о Белоруссии, 1914–1944 гг.» посвящен основным проблемам заявленной тематики — германо-белорусским отношениям. В нем изложен процесс «узнавания» Белоруссии после начала Первой мировой войны, когда германские войска вступили на белорусские территории. Приводится использовавшаяся тогда для характеристики этих земель терминология, описывается процесс изменения отношения немцев к представителям народов, проживающих на оккупированных территориях, учитывая соотношение языка, религии, этничности

местного многоязычного населения, для которого повсеместно большую роль играла польская культура. И.И. Баринов отмечает интерес немецких авторов к возможности использования этнокультурных особенностей местного населения для утверждения немецкого превосходства на оккупированной территории и вместе с тем созданию противовеса одновременно полякам и русским (с. 29). Это касалось привлечения лидеров местных национальных сообществ для установления прочного германского порядка на завоеванных территориях. Германское командование рассматривало эти земли в качестве пространства для расширения своего влияния, а белорусам была санкционирована поддержка только в культурной сфере.

Автор приводит мнение одного из немецких белорусистов того времени: для белорусского народа, в основном крестьянского, немцы в ту пору явились своеобразными национальными будителями. Далее И.И. Баринов бегло описывает нацистскую политику межвоенного периода, отмечает феномен появления молодого поколения балтийских немцев, пишет о трех уровнях «узнавания» белорусских территорий: военно-географическом, историко-культурном и третьем, так и не освоенном — этнографическом, когда вопросы изучения этнокультурного своеобразия были перекрыты задачами ведения войны.

Большое внимание в данной работе уделено вопросам языковой политики в отношении белорусов на так называемой территории Обер Ост в годы Первой мировой войны, когда в процессе создания на оккупированных территориях широкой административной системы для их культурного освоения были привлечены немецкие интеллектуалы того времени, в том числе для реализации задач в области образования местного населения, включая белорусское. И.И. Баринов отмечает, что при этом представление немцев о белорусах было весьма поверхностным, ориентированным в основном на польско-язычные издания. Белорусы представлялись индифферентным народом с неразвитым национальным самосознанием. Свой вклад в процесс узнавания белорусов, по мнению автора, внесли балтийские немцы, считавшие себя компетентными экспертами по данному вопросу. Показана роль немецких интеллектуалов того времени, таких, например, как известный славист Рудольф Абиخت, составитель белорусского букваря, кстати, проявивший интерес к белорусской тематике и белорусскому языку только после начала Первой

мировой войны¹. И. И. Баринов рисует сложности с языком в сфере народного образования, поскольку тогда отсутствовала нормативная версия белорусского литературного языка, описывает ситуацию с образовательной системой на оккупированной территории, показывает сложившуюся для участников белорусского национального движения ситуацию, желание последних воспользоваться предоставившимся историческим шансом.

Автор показывает роль белорусов и Белоруссии в антипольской стратегии Германии, когда после ее поражения и образования нового государства — II Речи Посполитой — между ними началась затяжной конфликт по поводу границ. Отмечается разнородная и противоречивая германская политика на белорусском направлении, сочетающая контакты как с белорусским национальным движением, так и с другими политическими представительствами. После событий сентября 1939 г. германская стратегия на этом направлении изменилась, и «общее настроение по отношению к белорусам из сдержанно-положительного постепенно трансформировалось в скептически-пренебрежительное» (с. 88). И. И. Баринов еще раз обращает внимание на трансформацию представления о Белоруссии в германоязычных публикациях начиная с периода Первой мировой войны, при этом подчеркивая противоречивость позиции балтийских немцев. Показано развитие взаимоотношений Германии с представителями белорусского национального движения в межвоенный период и в годы немецкой оккупации в ходе Второй мировой войны, когда белорусские националисты надеялись на германскую поддержку своих государственных устремлений.

Автор выделяет немецкое балтийское сообщество, на всех этапах стремившееся показать свою особую значимость в германо-белорусских отношениях как специалистов, наиболее близко знакомых с белорусским населением и проблемами этих территорий. Рассмотрению истории судеб ряда деятелей, с точки зрения автора наиболее представительных для показа процесса формирования немецко-белорусских связей, посвящен второй большой раздел данного труда

¹ Как писал в 1921 г. А. Луцкевич в некрологе Р. Абихта: «Когда немецкие войска, в победном походе на восток, осенью 1915 г. заняли западную Белоруссию, — не только немецкие политики, но и немецкие ученые заинтересовались белорусским народом и белорусским вопросом» (*Луцкевич А. Праф. Рудольф Абіхт (Жалобны ўспамін)* // Наша Думка. 1921. № 26. С. 1).

«“Главные специалисты по Востоку”: публичные интеллектуалы и их роль в изучении Белоруссии» (с. 113–210).

Первый сюжет посвящен Вальтеру Егеру, составителю первой немецкоязычной книги о Белоруссии «Белоруссия. Страна, история, народное хозяйство, культура, поэзия». И.И. Баринов отмечает, что, будучи компилятивной по характеру, она была связана с именем самого Вальтера Егера, профессионального журналиста, освещавшего до войны в основном культурологические сюжеты, скорее номинально. Показана судьба Валентина Дитмана, автора исторического раздела о Белоруссии в книге Егера, ставшего первым немецкоязычным автором, рассмотревшим непрерывный ход белорусской истории. В биографическом разделе данной монографии представлена также судьба Фабиана Акинчица, белорусского националистического деятеля. И.И. Баринов на основании более пристального анализа биографии Акинчица показывает, «что он был тщеславным авантюристом с непомерными амбициями, который мало что представлял собой с политической точки зрения», рисует непростые взаимоотношения в среде белорусских националистов, по-разному тогда представлявших будущее в сотрудничестве с нацистами. «Большой друг белорусского народа» Ойген фон Энгельгардт, герой самого значительного биографического очерка (с. 178–210), родился на территории, где испокон веков жили представители разных народов: немцы, латыши, литовцы, поляки, белорусы, он, по словам автора, в этническом многообразии этой среды «особо выделял для себя белорусов» (с. 179). И.И. Баринов рассматривает причудливую историю жизни этого деятеля. В 1940–1941 гг. Энгельгардтом была подготовлена большая рукопись, посвященная БССР, где подчеркивалось, что немцы возвращаются в Белоруссию как освободители от большевизма. Свои идеи касательно белорусов и белорусских территорий он изложил в опубликованной в 1943 г. монографии «Белоруссия: страна и народ», в которой описывалась история Белоруссии и национального развития ее народа, географические, экономические и демографические особенности белорусских территорий. Это была компилятивная работа, как признавал и сам Энгельгардт, который при ее составлении опирался на давно известные публикации, многие разделы этой книги потеряли актуальность в быстро менявшейся реальности.

Завершает рассматриваемую монографию небольшое заключение, где автор постулирует основные выводы, главнейший из которых

состоит в том, что восприятие в немецком обществе Белоруссии и белорусов было детерминировано различными идеологически и событийно нагруженными отрезками времени, когда «всякий раз германским властям приходилось вписывать белорусскую проблематику в быстро меняющуюся политическую повестку» (с. 212). И. И. Баринов отмечает, что в изучении белорусской тематики в Германии значительную роль сыграли балтийские немцы — бывшие соотечественники белорусов. По мнению автора, белорусская сторона в какой-то мере смогла извлечь для себя пользу из германско-белорусских взаимоотношений времен Первой мировой войны, например, в опыте создания школ с белорусским языком преподавания, создании дипломатической миссии БНР в Берлине. Оккупационная же политика в Белоруссии 1941–1944 гг. стала проявлением войны на уничтожение, когда белорусские земли рассматривались только как территория жизненного пространства для немецкой нации.

В конце монографии И. И. Баринов приводит иллюстрации, в том числе карты и фотографии, правда, их список не содержит указания на номера страниц, на которых они размещены. Также помещен указатель имен, в который автор включил только персоналии, имеющие прямое отношение к проблематике, рассмотренной в монографии. Приводится перечень использованных источников, среди которых значительное число неопубликованных, в основном из российских и немецких архивов. Большая часть из приведенного списка литературы — это немецкоязычные публикации². При этом заметно определенное отсутствие внимания к работам белорусских авторов по проблематике германско-белорусских отношений, даже таких широко известных, как, например, белорусско-польский исследователь варшавянин Ю. Туронак³ или минский историк Д. А. Мигун, опубликовавший уже несколько монографий по этой тематике⁴.

В заключение можно сказать, что монография И. И. Баринава представляет собой определенный итог работы автора, который

² Надо отметить, что И. И. Баринов является автором-составителем аннотированного списка основных публикаций по белорусской тематике, вышедших в Германии в 1904–1944 гг. (Weißrussland: allgemeine deutsche Bibliographie, 1904–1944 / zusammengestellt und kommentiert von Igor Barinov. Moskau; Berlin, 2023).

³ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993.

⁴ См., напр.: Мигун Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 — июнь 1941 г.). Минск, 2013.

и в своих опубликованных ранее исследованиях рассматривал вопросы непростых германо-белорусских отношений на протяжении разных периодов времени, особо заостряя свое внимание на судьбах балтийских немцев.

Литература

Баринов И.И. *Albaruthenia incognita: Неизвестные страницы германо-белорусских отношений. 1914–1944*. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.

Мигун Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 — июнь 1941 г.). Минск: Изд. центр БГУ, 2013. 303 с.

Турунак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. 235 с.

Weißrussland: allgemeine deutsche Bibliographie, 1904–1944 / zusammengestellt und kommentiert von Igor Barinov. Moskau; Berlin, 2023. 48 s.

References

Barinov I. I. *Albaruthenia incognita: Neizvestnye stranicy germano-belorusskikh otnoshenij. 1914–1944*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2024. 232 p. (in Russ.)

Migun D. A. *Belarus' v germano-sovetskikh otnosheniiaakh (noiabr' 1918 — iun' 1941 gg.)*. Minsk, Izd. tsentr BGU, 2013. 303 p. (in Russ.)

Turonak Iu. *Belarus' pad niametskaï akupatsyiiaï*. Minsk, Belarus', 1993. 235 p. (in Bel.)

Weißrussland: allgemeine deutsche Bibliographie, 1904–1944, zusammengestellt und kommentiert von Igor Barinov. Moskau; Berlin, 2023. 48 S. (In Germ.)

Larisa L. Shchavinskaja

PhD (Philology)
Associate Professor, Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: l.shchavinskaya@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-9385-3509

**A new book about the history
of German-Belarusian relations
(Баринов И. И. Albaruthenia incognita: Неизвестные
страницы германо-белорусских отношений.
1914–1944. М.: Институт славяноведения РАН;
СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.11

Abstract: The monograph by I. I. Barinov, published in 2024, examines the unknown pages of the difficult controversial history of German-Belarusian relations during the period of 1914–1944, the time of the most destructive wars on European territory. The author, a renowned expert in the field of German-Slavic relations of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries, the new and modern history of Germany and Eastern Europe, used a significant amount of both literary and documentary sources, mostly in German, in his work, including unpublished ones. The book describes the evolution of the perception of the Belarusian lands on the mental map of Germany between 1914 and 1944, as well as the history of German-Belarusian contact during this period. Much attention is paid to the fate of former Belarusian compatriots from among the Baltic Germans, who sought to act as the main experts on Eastern Europe.

Keywords: German-Belarusian relations, World War I and World War II, Baltic Germans

Елена Юрьевна Борисёнок

доктор исторических наук
заведующая Отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: e.borisenok@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

**Книга об идеальных воплощениях русскости
(Лескинен М. В. Визуальные репрезентации
русскости в Российской империи второй половины
XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики —
обличья — облаченья. М.: Кучково поле Музеон,
2024. 720 с.: ил. Кн. 2: Русское зеркало. М.:
Кучково поле Музеон, 2024. 400 с.: ил.)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.12

Аннотация: Вниманию читателей представляется новейшее исследование известного историка-слависта М. В. Лескинен, научные интересы которой связаны с изучением процессов формирования национальной идентичности и идеологии на разных исторических этапах. Вышедший в 2024 г. труд носит название «Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.» и состоит из двух книг («Облики — обличья — облаченья» и «Русское зеркало»). Автор анализирует представления об «идеальном русском» в отечественной культуре периода складывания национальной/имперской идеологии (антропоэстетические представления в российской науке, полемика об адекватной репрезентации русской самобытности на международных художественно-промышленных выставках, конструирование русского национального костюма и др.). Большое внимание уделяется анализу антропоморфной персонификации России в феминной ипостаси в источниках разных видов (гравюры, журнальные иллюстрации, проекты монументов, банкноты, медали, рекламы, открытки и пр.). М. В. Лескинен сумела решить непростую задачу — реконструировать процесс выбора визуальных образов, их определения в качестве «национальных», «характерных русских», типических, а также проследить эволюцию этих представлений.

Ключевые слова: Российская империя, визуализация русскости, национальная идентичность

В 2024 году отечественная историография пополнилась новым трудом, посвященным русской теме, — «Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.». Автор монографии — сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, доктор исторических наук Мария Войттовна Лескинен, известный историк-славист, труды которой нацелены на изучение процессов формирования национальной идентичности и идеологии на разных исторических этапах (протонациональной идеологии сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVII вв. и процесса нациестроительства в Российской империи XIX в.). В этой монографии Лескинен поставила перед собой непростую задачу — проанализировать визуальные образы периода формирования русской/российской национальной идентичности, процесс их выбора и определения в качестве «национальных», «характерных русских», типических, а также проследить эволюцию этих представлений. Книга помогает ответить на непростой вопрос: как соотносились визуализации русскости и визуализация России? Как подчеркивает автор, «сложность понимания категории русскости продиктована многозначностью этнонимов “русский”/“российский” в языке и культуре XIX — начала XX в.». Уже во введении М. В. Лескинен предупреждает читателя, что «вплоть до 1870–1880-х гг. в этнографической номинации под “русским народом” подразумевались представители всех трех восточнославянских “ветвей”. В то же время с середины столетия определение “русский” могло относиться и исключительно к великорусам как наиболее многочисленной русской “отрасли”» (кн. 1, с. 25). Разобраться в различных аспектах визуальной русскости (кн. 1, с. 28) и является целью автора.

Интерес ученого к анализу проблемы соотношения великорусскости и русскости в имперский период не случаен. Великорусскости как этничности была посвящена предыдущая монография М. В. Лескинен под названием «Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX»¹. В этой работе, вышедшей в 2016 г., была осуществлена реконструкция ключевых понятий, научных теорий и идей, с помощью которых происходило создание и формирование концепта «великорусы» в российской научной и популярной

¹ Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.

этногеографической литературе, и в специальные задачи исследования не входил анализ визуальных образов. Последние рассматривались лишь с точки зрения совпадения визуальных и вербальных стереотипов великорусов. Книга 2024 г. целиком посвящена визуальной репрезентации русскости, причем не только в произведениях высокого искусства, но и в антропологических и этнографических научных изданиях, а также в изображениях, ориентированных на массового зрителя, — гравюрах, проектах монументов, манекенах научных выставок, в журнальных иллюстрациях, открытках, картах, рекламах, афишах и др.

Обширность замысла потребовала от автора не только обобщения и анализа огромнейшего количества разноплановых источников, но и углубления в исследовательское поле представителей других специальностей — не только «чистых» историков, но и историков культуры, искусствоведов, этнологов. Синтез различных подходов является особенностью и несомненным достоинством работы.

Представленный вниманию читателей «Восточнославянских исследований» труд состоит из двух книг общим объемом 70 печатных листов — весьма солидный и с большим количеством иллюстраций. Причем последние являются важным источником, к которому нечасто обращаются в чисто исторических исследованиях. Между тем работа с визуальным контентом является весьма перспективным направлением в современной гуманитаристике. К сожалению, ценность иллюстративного материала снижается качеством его исполнения: многие изображения необходимо было бы напечатать в хорошем разрешении и в цвете. Приходится упоминать об этом, поскольку для данного исследования этот недостаток имеет принципиальный характер, не позволяя в полной мере оценить объем и качество проведенной автором монографии работы. Конечно, это замечание относится не к исследовательской, а к издательской сфере.

Первая книга носит подзаголовок «Облики — обличья — облачения» и разделена на три части. Первая часть именуется «Обретение зримого: представление о национальной “физиономии” и способы репрезентации русской самобытности “на экспорт”», вторая — «“...По одежке встречают...”»: национальный фасон Российской империи», третья — «Переодевание как игра всерьез: маски и лики русской монархии эпохи модерна». В первой книге М. В. Лескинэн останавливается на антропоэстетических представлениях

в российской науке, типах женской русской красоты, полемике о репрезентации русскости на всемирных и международных художественно-промышленных выставках, на конструировании русского национального костюма и его инвариантах в официальной униформе, маскарадном русском костюме и патриотической моде.

Подводя итоги «обретению зримого», М. В. Лескинен напоминает, что процесс осмысления национальной русской культуры интенсифицировался начиная с середины XIX в. и сопровождался научными и общественными дискуссиями, в которых затрагивался вопрос о признаковом поле русскости (кн. 1, с. 638). «С одной стороны, в период обострения так называемых национальных вопросов в Российской империи характер функционирования имперского организма по-разному трактовался различными участниками национальных и национально-имперских проектов, властями и интеллектуально-национальными элитами, — отмечает ученый. — Некоторым из них было присуще отождествление русскости с великорусскостью: в качестве антропологического типа выбирался великорусский, а историко-этнографические образцы материальной культуры черпались из прошлого (быта и традиций) Московской Руси XVI–XVII вв.» (кн. 1, с. 641). При этом к концу 1890-х гг. «в качестве хранителя исконно русских традиций, материальной культуры, фенотипа, национального характера, нрава и др.» рассматривался Русский Север, в то же время «в научной, публицистической литературе и в определенных общественных кругах оставался весьма распространенным и идеологически востребованным концепт “единого русского народа”, состоящего из трех восточнославянских “отраслей”/“племен”» (кн. 1, с. 641). Не менее интересное наблюдение связано с национальным костюмом. Под «русским костюмом», подчеркивает М. В. Лескинен, в разные периоды понималась то крестьянская народная одежда (кн. 1, с. 641), то исторические костюмы XVI–XVII вв. или «древнерусские» в условно-обобщенном облике, ассоциировавшиеся прежде всего с боярским сословием (кн. 1, с. 642).

Вторая книга с подзаголовком «Русское зеркало» включает, как и первая, три раздела: «Аллегии России-империи: XVIII столетие», «Визуальные образы России в официальных репрезентациях XIX столетия», «Изображения России для массового зрителя в 1870–1900-х гг. и эволюция популярных образов в 1910–1920-х гг.». Здесь М. В. Лескинен анализирует процесс формирования антропоморфной

персонификации России в феминной ипостаси в XVIII — начале XX в., останавливаясь на таких типах визуального воплощения России, как Россия-матушка, дева-воительница, державная Россия и др.

Обобщая обширный комплекс изображений, ориентированных на массового зрителя, М. В. Лескинен отмечает активное бытование феминного образа России в разных видах искусства и в разных жанрах и складывание двух доминирующих канонов изображения. Один она называет «державным», второй соотносится с европейским образом девы-воительницы. В то же время «воплощение России в “этнографическом” (условно крестьянском) олицетворении также бытовало, но не стало ни распространенным, ни каноническим» (кн. 2, с. 340). «Среди таких изображений начиная с 1860-х гг. встречается Россия в крестьянском облике — в “простой” женской одежде великороссийских губерний, так называемом сарафанном комплексе...» (кн. 2, с. 342). В 1910-х гг. в сатирических произведениях Россия «начинает соотноситься с образом девы-республики; она изображается по образцу Свободы или Марианны, ассоциируясь с французской революцией, возвращая в свой облик свободные белые античные одеяния... но с некоторыми атрибутами Российской империи» (кн. 2, с. 343).

Не приходится сомневаться, что представляемая книга послужит отправной точкой для дальнейшего исследования проблемы в иных ракурсах, лишь намеченных в настоящей работе. М. В. Лескинен предупреждает, что не ставит цели «осветить феминные воплощения России представителями (особенно многочисленными с 1900-х гг.) различных социально-политических и национально-идеологических направлений и движений», сосредоточившись на периоде 1700–1900-х гг. и лишь в незначительной мере обращаясь к персонификациям и аллегориям России начала XX в. (кн. 2, с. 10).

Сама постановка проблемы предполагает и другие варианты ее разработки. Например: как происходило складывание визуальных образов России и русских на окраинах империи? Какова была великорусская региональная специфика? Отличалось ли видение «русскости» в столице, от того, как представляли ее в Киеве или Полоцке? Какие именно круги здесь задавали тон?

Большой объем книги и подробное изложение различных аспектов позволило М. В. Лескинен представить картину во всем ее многообразии и деталях. В развитии исторической науки произошло очень

важное событие. Монография — высокопрофессиональная работа ученого-историка, добротное, востребованное исследование, в актуальности и значимости которого не приходится сомневаться. В то время как в последние десятилетия в европейской историографии часто выходят работы, посвященные формированию визуальных национальных образов, отечественная историография не может похвастаться обилием исследований данной проблематики. Труд М. В. Лескинен вносит определяющий вклад в изучение механизмов выявления этнокультурной идентичности и реконструкции способов становления национальной идеологии и ее популяризации в культуре.

Литература

Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — облаченья. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с.: ил. Кн. 2: Русское зеркало. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 400 с.: ил.

Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с., ил.

References

Leskinen M. V. *Vizual'nyje reprezentatsii russkosti v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.*: in 2 books. Book 1: Obliki — oblich'ia — obla-chen'ia. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, 2024, 720 p., ill.; Book 2: Russkoje zerkalo. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, 2024, 400 p., ill. (In Russ.)

Leskinen M. V. *Velikoross/velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow, Indrik, 2016. 680 p., ill. (In Russ.)

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)

Head of the Department of Eastern Slavic Studies

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A

E-mail: e.borisenok@inslav.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

**A book about the ideal embodiments of Russianness
(Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости
в Российской империи второй половины XIX — начала
XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — облачения. М.:
Кучково поле Музеон, 2024. 720 с.: ил. Кн. 2: Русское
зеркало. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 400 с.: ил.)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.12

Abstract: The latest research by the well-known historian and Slavist M. V. Leskinen is presented to readers' attention. Her scientific interests are connected to the study of the processes of formation of national identity and ideology at different historical stages. In 2024 she published a monograph "Visual Representations of Russianness in the Russian Empire of the second half of the 19th — early 20th centuries", which consists of two books, "Looks — appearances — vestments" and "The Russian mirror". The author analyses the ideas about the "ideal Russian" within Russian culture during the period of the formation of a national/imperial ideology (anthropo-aesthetic ideas in Russian science, polemics about the adequate representation of Russian identity at international art and industrial exhibitions, the construction of a Russian national costume, etc.). Much attention is paid to the analysis of the anthropomorphic personification of Russia in the feminine hypostasis across sources of various kinds (engravings, magazine illustrations of monument projects, banknotes, medals, advertisements, postcards, etc.). M. V. Leskinen has accomplished a difficult task: to reconstruct the process of selecting visual images, identify their definition as "national", "characteristical Russian", typical, and to trace the evolution of these representations.

Keywords: Russian Empire, visualisation of Russianness, national identity

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: m.klopova@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

**Научная конференция «Женское
измерение национальной идеи» из цикла
«Белоруссия и Украина: люди и идеи»**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.13

22 октября 2024 г. в Институте славяноведения состоялась четвертая конференция из серии «Белоруссия и Украина: люди и идеи»¹. В этот раз внимание участников конференции было сосредоточено на деятельности женщин (политиков, ученых, культурных и общественных деятелей и др.), принимавших участие в формировании национально-культурных идеологий, легальных проектов, политических нелегальных национально-революционных движений на белорусских и украинских землях.

К. А. Кочегаров (Институт славяноведения РАН) в своем докладе «Образ Матрены Кочубей и ее роман с гетманом Мазепой в украинской историографии и национальной мифологии» отметил, что сознательная или подсознательная идеализация образа Мазепы присутствует в трудах многих украинских историков, публицистов

¹ Обзоры трех предыдущих конференций: *Баринов И. И., Клопова М. Э., Короткова Д. А.* Международная научная конференция «Украина и Белоруссия: люди и идеи» // Восточнославянские исследования. Вып. 1. М.; СПб., 2022. С. 198–203; *Короткова Д. А.* Научная конференция «Выбор национальной идентичности в кризисных ситуациях» // Восточнославянские исследования. Вып. 2. М.; СПб., 2023. С. 243–248; *Короткова Д. А.* Международная научная конференция «Центры и периферии: особенности взаимоотношений» из цикла «Белоруссия и Украина: люди и идеи» // Восточнославянские исследования. Вып. 3. М.; СПб., 2024. С. 208–215.

и литераторов. В зависимости от эпохи и личных пристрастий авторов имеют место разные подходы к этому сюжету — от негативной оценки Николая Костомарова до идеализации образа Матрены и ее романа с гетманом Мазепой в новейшей украинской национальной мифологии. Докладчик отметил, что достаточно шаблонный образ большой любви Мазепы и Матрены построен на том же самом круге источников, на котором основывал свои критические суждения Николай Костомаров.

О.А. Остапчук (Институт славяноведения РАН) прочла доклад «Женский голос в языковой многоголосице на украинском Подолье в XIX в.». Исследователь отметила, что Подолье, сохранявшее свой специфический языковой ландшафт, характерный для бывших польских «кресов» в течение всего XIX в., являлось зоной польско-русско-украинского взаимодействия с постепенным вытеснением польского и усилением украинского, а также русского элементов. В докладе была раскрыта роль семьи и женщин в поддержании домашнего образования в польских шляхетских семьях, а также в укреплении культурной и языковой традиции, как польской, так и украинской.

Доклад Н.М. Куренной (Институт славяноведения РАН) «“Всюду думать о народе, край родной везде хвалить” (А. Пашкевич “Мои мечты”)» был посвящен творчеству и общественно-политической деятельности Алоизы («Тетки») Пашкевич (1876–1916) — единственной женщины из плеяды классиков белорусской литературы, формировавших новую культурную ситуацию в Белоруссии и активно участвовавших в процессе национальной идентификации первых десятилетий XX в.

Ю.А. Борисёнок (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Палута Бодунова, первая белорусская женщина-министр: особенности национального самоопределения». В центре внимания — одна из первых женщин, сыгравших видную политическую роль в революционную эпоху 1917 г. и последующих лет на белорусских землях. Родившаяся в мещанской семье в предместье Гомеля Новобелице и ставшая учительницей русского языка и географии, она в годы кардинальных общественных перемен становится видной деятельницей белорусского национального движения, единственной женщиной, вошедшей в состав первого правительства Белорусской народной республики в 1918 г. Докладчик подчеркнул, что, будучи сторонницей независимого белорусского

государства на небольшевистской и непольской основе, она прожила бурную политическую и личную жизнь, отличалась независимостью убеждений и твердостью характера, способностями к литературному творчеству.

М.В. Лескинен (Институт славяноведения РАН) свой доклад «Общественный деятель, педагог, просветитель Х.Д. Алчевская (1841–1920). Проблемы критериев этнонациональной идентификации в жизни и в науке» посвятила создательнице частной воскресной школы в Харькове, прославившейся новаторскими методами обучения взрослых грамоте. Алчевская получила известность как автор книг о социально-психологических особенностях «народного» восприятия литературных и научно-популярных произведений. М.В. Лескинен обратила особое внимание на проблему расхождений в определении ее национального самосознания и участия в украинском национальном движении как при жизни, так и в российской и украинской историографии.

Доклад А.Ю. Перетятко (Южный федеральный университет) носил название «Отношение к женщине как характерная черта великоросса/малоросса в творчестве Н.И. Краснова». Докладчик отметил, что в рассказе военного историка и писателя «Тяжелый грех Булавина» есть небольшой раздел с подзаголовком «Женщина в Слободской Украине и на Дону», в котором Краснов выстраивает не обоснованную исторически, однако интересную теорию о том, как по-разному великороссы и малороссы относились к своим женщинам. Согласно Н.И. Краснову, отношение великороссов к женщине было «суровым, жестоким и даже грубым», а у малороссов женщина «встала в положение любимой подруги». В интерпретации Краснова, большая часть донских казаков в своем отношении к женщинам была ближе к великороссам, однако в «верхних донецких казачьих поселениях» под влиянием Слободской Украины господствовало отношение к женщине, близкое к малороссийскому.

Следующий доклад «Женщины — участницы русофильского движения в Галиции и Буковине (конец XIX — начало XX века)» прочла М.Э. Клопова (Институт славяноведения РАН). Она отметила, что период институализации национальных движений восточнославянского населения Австро-Венгрии совпал по времени со становлением женского движения в регионе. Это привело к тому, что женские организации также делились на украинские и русофильские. Среди

последних докладчик отметила деятельность «Общества русских дам» во Львове, а также «Общества русских женщин» в Черновцах. Их деятельность носила в основном просветительский и благотворительный характер. Тем не менее активность женщин-русофилок вызывала опасения у официальной Венy, и накануне Первой мировой войны женские русофильские организации подверглись притеснениям со стороны властей.

С.М. Слоистов (Институт славяноведения РАН) в докладе «Женское католическое монашество на польско-русском пограничье (вторая половина XIX — первая половина XX в.): между христианским мистицизмом, социальной работой и служением национальной идее» отметил, что в конце 1850-х гг. в Российской империи формируются тайные женские монашеские общества, существовавшие в Могилеве, Киеве, Каменце-Подольском, Одессе и др. Связанные с ними общины существовали и за границей, в том числе в Галиции и Буковине. Одним из главных направлений их активности была благотворительность, которую оппоненты расценивали как прикрытие для распространения католического вероучения и польской национальной идеи. Определенное внимание вопросам национальной жизни уделяли и католические женские общины восточного обряда в Австро-Венгрии. Докладчик отметил, что данный специфический опыт повлиял на формы развития женских католических конгрегаций в этом регионе уже в межвоенный период.

Доклад М.Ю. Дронова (Институт славяноведения РАН) «Е.К. Брешко-Брешковская и подкарпатские русины» был посвящен участию «бабушки русской революции» в национально-культурной жизни подкарпатских русинов в Чехословакии в 1920-е — начале 1930-х гг. Будучи уроженкой Витебской губернии и проведя детство и юность в Черниговской, Брешко-Брешковская являлась сторонницей национально-языкового единства восточного славянства. Поэтому по приезду в молодую Чехословацкую республику, в которую входили и карпаторусинские земли, Брешко-Брешковская включилась в общественную жизнь Подкарпатской Руси, поддерживая русофильское направление.

Д.С. Парфирьев (Институт славяноведения РАН) выступил с докладом «“Мог позавидовать любой из министров”: Александра Скоропадская — жена и соратница последнего гетмана» и показал, что его героиня была не только преданной женой, но и неизменной

помощницей и политической соратницей своего мужа, Павла Скоропадского. Не разделявшая взглядов деятелей украинского движения до революции 1917 г. и в целом далекая от политики, она адаптировалась к участию в украинском движении в 1918 г. После падения власти гетмана она вместе с ним и детьми уехала в эмиграцию. Она сохранила приверженность гетманским идеям даже после смерти супруга.

Доклад Е.Ю. Борисёнок (Институт славяноведения РАН) «“...Я начала сильнее чувствовать себя украинкой”: украинизация дворянки Татьяны Кардиналовской» был посвящен судьбе очень интересной личности — переводчику и педагогу, дочери генерала царской армии, жене премьер-министра Центральной рады Всеволода Голубовича, а затем — украинского советского писателя Сергея Пилипенко. Как писал М. Жулинский, Татьяна Кардиналовская преодолела путь от пассивного созерцания колоссальных сдвигов в истории Украины до последовательного отстаивания национальных интересов в области литературы, образования, прессы. Центральное место в докладе было отведено рассмотрению проблемы становления национального самосознания в период общественных кризисов.

К.С. Дроздов (Институт российской истории РАН) в докладе «Революция и Гражданская война на Украине в судьбе историка Н.Д. Полонской-Василенко» предпринял убедительную попытку на основе анализа воспоминаний своей героини показать трансформацию национальной идентичности у части русской дворянской интеллигенции Киева, происходившую под влиянием событий революции и Гражданской войны на Украине. В результате некоторые представители киевской интеллигенции, в том числе Н.Д. Полонская-Василенко, в 1920-е гг. стали позиционировать себя в качестве «украинцев» и всячески подчеркивать свою «украинскость», прежде всего в сфере языковой коммуникации, сменив русский язык на украинский.

Д.А. Короткова (Институт славяноведения РАН) выступила с докладом «Мария Магдалена Радзивилл, “белорусская шляхтянка”: генезис взглядов». Известная благотворительница, финансировавшая многие начинания белорусских националистов, Магдалена Радзивилл выделялась из множества «краевых» поляков своей искренней приверженностью белорусской идее, не пытаясь, в отличие от них, сделать ее орудием восстановления Речи Посполитой. Более

того, она открыто и неоднократно заявляла, что считает себя белорусской «литовского рода», а вовсе не полькой. Причины такого демонстративного противопоставления себя польскому обществу, возможно, кроются в личных обстоятельствах, в частности в отношениях отца Магдалены с варшавскими аристократами.

Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская (Институт славяноведения РАН) в докладе «София Прорвич — бытописатель и идеолог национально-религиозной жизни восточнославянского населения II Речи Посполитой» подчеркнули, что многомиллионное население включенных в межвоенное двадцатилетие в польское государство восточных территорий было преимущественно православным и почти исключительно крестьянским. Именно тогда на «кресах» стал все активнее ставиться вопрос о национальном самоопределении, причем главнейшее формирующее его начало — православие, продолжало оставаться общеобъединяющим. Уроженка Припятского Полесья София Федоровна Прорвич, вошедшая в высший интеллектуальный круг светских деятелей Польской автокефальной православной церкви, стала одним из самых заметных литературно-художественных аналитиков и идеологов национально-религиозного процесса.

Е.В. Байдалова (Институт славяноведения РАН) выступила с докладом «Секс, ложь и нация: преодоление травматического опыта в романе О. Забужко “Полевые исследования украинского секса”» о знаковом и значимом произведении украинской литературы конца XX в. О. Забужко обратилась ко многим табуированным ранее в украинской культуре темам, затронув некоторые болевые точки национальной истории. В центре романа — не столько неудавшиеся отношения героини с любимым мужчиной, сколько ее поиски собственной идентичности (гендерной, национальной, родовой, творческой), которые становятся успешными только в результате преодоления травматического опыта прошлого и настоящего, личного и национального. Данный текст оказал большое влияние как на современную украинскую «женскую прозу», так и в целом на национальное феминистское движение.

Maria E. Klopova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: m.klopova@inslav.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

**Scholarly Conference “Female dimension
of the national idea” from the cycle “Belarus
& Ukraine: peoples and ideas”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.13

Дарья Александровна Короткова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А

E-mail: d.korotkova@inslav.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Круглый стол «Актуальные проблемы восточнославянских исследований»

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.14

16 апреля 2024 г. Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН был организован круглый стол «Актуальные проблемы восточнославянских исследований» с целью обсуждения новейших тенденций развития славистики, историографических традиций и новаций в белорусистике, русинистике и украинистике; компаративистских методов изучения восточнославянской проблематики (в европейском и российском контекстах). Участники круглого стола, сотрудники института, поделились своим видением современного этапа изучения восточнославянского региона.

Д. А. Короткова в докладе «Белорусское беженство Первой мировой войны как предмет изучения в современной российской и зарубежной историографии» показала эволюцию темы беженства и ее актуальное состояние в российской и зарубежной историографии. Хотя первые статьи о судьбах беженцев из Северо-Западного края появились по горячим следам, в качестве объекта научного исследования эта тема практически не поднималась до конца 1990-х гг. В настоящее время изучаются такие темы, как положение беженцев во внутренних губерниях России, реакция на беженцев русского общества, благотворительные организации, влияние опыта беженства на самоощущение и национальную идентичность.

В продолжение темы М. Э. Клопова в докладе «Беженцы-галичане в России в исследованиях современных историков» осветила

основные направления в российской и украинской историографии, посвященной судьбам беженцев из Галиции в годы Первой мировой и Гражданской войн. Она отметила, что основная часть исследований по этой теме написана историками из Ростова-на-Дону, Краснодара, Томска и других городов с использованием местного материала. Главным образом они освещают судьбы беженцев-галичан в эти годы, деятельность русофильских организаций, работу российских властей с галичанами-военнопленными.

Е. В. Байдалова в своем выступлении проанализировала новые подходы к изучению украинского модернизма первой трети XX в. в российских научных кругах. Это течение — крайне интересное, но все еще недостаточно исследованное явление украинской культуры. Внимание к нему в России закономерно, поскольку украинский национальный модернизм в своих наиболее ярких течениях тесно связан с российскими футуризмом, конструктивизмом, а также формализмом. Впрочем, в исследованиях этого периода до сих пор мало внимания уделялось русско-украинским связям.

М. Ю. Дронов и С. М. Слоистов осветили деятельность Синодальной исторической комиссии Белорусского экзархата РПЦ, сделав обзор ее новейших изданий и научных мероприятий. В последние годы актуализировалась деятельность белорусских церковных и светских исследователей конфессиональных и этнонациональных аспектов истории восточнославянских земель. В Республике Беларусь ведущую роль в консолидации научного сообщества, специализирующегося на данной проблематике, играет Синодальная историческая комиссия Белорусского экзархата РПЦ. В докладе представлен обзор новейших изданий и мероприятий, которые были подготовлены под эгидой Комиссии.

Ю. А. Лабынцев и Л. Л. Щавинская в докладе «Восточнославянское пространство народной православной литературы: духовная поэзия XVIII–XXI вв.» рассказали о традиции исполнения религиозных песен и связанной с ней массовой народной книге. Славянский мир создал богатейшую, но по сей день малоизученную, многоязыкую народную литературу религиозного содержания, у которой есть одно общее непреложное свойство — молитвенность. Особое место в народной литературе занимают поэтические сочинения. В силу особенностей развития народной духовной жизни они стали наиболее любимы и среди западных, и среди восточных, и среди южных

славян, будучи связаны с традицией сочинения и исполнения религиозных песен, распространенных в католической, протестантской, греко-католической и православной среде, преимущественно западно- и восточнославянской.

Доклад Е. Ю. Борисёнок «Цивилизационная идентичность Украины и проблема малороссийства (по материалам труда “Цивілізаційна ідентичність українства: історія і сучасність”. Київ, 2022)» был посвящен труду, подготовленному Институтом политических и этнонациональных исследований имени И. Ф. Кураса и изданному в Киеве в 2022 г. Авторский коллектив поставил своей задачей «исследовать ведущие тенденции и закономерности зарождения, становления и развития цивилизационной идентичности украинства начиная с древних времен и средневековья вплоть до современности». В данном случае особого внимания заслуживает сложившаяся в современной украинской науке и представленная в книге концепция малороссийства, ставшая одной из составляющих украинского исторического гранд-нарратива.

В выступлении М. В. Лескинен «“Мы зерна древние лелеем, / Мы урожай столетий жнем...”: преемственность в трактовке белорусской нации в белорусской официальной историографии середины XX — первой четверти XXI в.» рассказывается об одном из аспектов изменения научно-исторической парадигмы нации в политике новых государств после распада СССР. На примере белорусской советской и постсоветской историографии рассматриваются теоретические основания представлений о белорусской нации в XIX в. (ее признаках и репрезентирующих социальных группах), а также методика изучения идентичности (работа с источниками, трактовка свидетельств). В центре внимания — вопрос о роли прежней советской концепции белорусской нации в построении новых официальных («академических») нарративов последних десятилетий.

Наконец, О. Б. Неменский представил доклад на тему «Теоретические основы “Истории белорусской государственности”: понятия государственности, белорусской народности и нации», посвященный критическому анализу получившего широкую известность белорусского издания, которое, по мысли авторов, должно было обобщить достижения 30 лет развития белорусской исторической школы и вызвало значительное число откликов со стороны российских коллег как с точки зрения фактического материала, так и теоретической его базы.

Таким образом, участники круглого стола осветили важные аспекты современного этапа восточнославянских исследований в истории, филологии и культурологии, проанализировали существующие тенденции в российской и зарубежной историографии и наметили новые перспективные направления научной работы.

Darya A. Korotkova

PhD (History)

Senior Researcher

Institute of Slavic Studies

Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A,

E-mail: d.korotkova@inslav.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Round table “Actual problems of East Slavic studies”

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.14

Михаил Юрьевич Дронов

кандидат исторических наук
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: m.dronov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Сергей Михайлович Слоистов

младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

**Международная научно-практическая
конференция «IV Чтения памяти протоиерея
Иоанна Григоровича (1792–1852):
историка, археографа, археолога»**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.15

11 апреля 2024 г. в Минской духовной академии (МинДА) состоялись очередные чтения памяти видного церковного историка протоиерея Иоанна Григоровича (1792–1852). Перед началом пленарного заседания в академическом храме св. Кирилла Туровского была совершена заупокойная лития по о. Иоанну, которую возглавил ректор архимандрит Афанасий (Соколов). В произнесенном после окончания литии кратком слове о. Афанасий обратил внимание на достижения Григоровича как священника, поскольку сама конференция предполагает обращение к его научной деятельности. Отцом-ректором был приведен всего лишь один факт из пастырской практики отца Иоанна, когда тот, уже сам будучи придворным священником, до конца исполнил свой долг, окормляя больных во время бушевавшей эпидемии холеры. Ректор призвал помнить наряду

с его научными заслугами и об этой весьма назидательной стороне его жизни.

Сразу после поминальной службы последовало открытие выставки, которая была организована в академической библиотеке. О ее содержании собравшимся кратко рассказали архимандрит Афанасий (Соколов) и заведующий библиотекой И. Ю. Перченко. Экспозиция была приурочена к 200-летию издания фундаментального труда протоиерея Иоанна Григоровича «Белорусский архив древних грамот» — первого археографического издания по истории Белоруссии. Оригинал первого тома был предоставлен Фундаментальной библиотекой Белорусского государственного университета (БГУ). Как известно, второй том этой работы остался в рукописи, а третий не был завершен. Из интересных экспонатов стоит также отметить и страницы из рукописи «Белорусская иерархия» (Библиотекой МинДА была заказана электронная копия рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке). Среди выставленных опубликованных исследований отца Иоанна можно назвать «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: из древних русских летописей», «Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке», «Историческое сведение о жизни Митрофана, первого Воронежского епископа», «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией». Присутствовавшие смогли также ознакомиться и с примерами работ, посвященных протоиерею-историку (статьи о нем в энциклопедических изданиях, материалы предыдущих чтений и др.).

Научно-практическую конференцию открыл ректор МинДА, который взял на себя труд по модерированию пленарного заседания. Во вступительном слове о. Афанасий обратил внимание на расширенный состав участников нынешних чтений, среди которых были представители двух других белорусских православных духовных школ (Минской духовной семинарии, расположенной в агрогородке Жировичи Гродненской области, и Витебской духовной семинарии); принявшие священный сан выпускники МинДА из различных епархий Белорусского экзархата — пастыри, служащие на приходах и занимающиеся церковно-краеведческими исследованиями (для них была специально организована отдельная секция); ученые из Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ, исторического

и других факультетов БГУ; специалисты из Национальной академии наук Беларуси (Института истории и Института социологии), трех институтов РАН; исследователи из Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства и Национальной библиотеки Беларуси; председатель Славгородского районного Совета депутатов Могилевской области С. А. Езерская — историк по профессии, поддерживающая местное краеведение, а также издатель церковно-исторической литературы из г. Могилева А. Н. Емельянов.

Приветственное послание участникам конференции митрополита Минского и Заславского Вениамина, Патриаршего экзарха всея Беларуси, торжественно огласил председатель Синодальной исторической комиссии Белорусской православной церкви протоиерей Александр Романчук. Митрополит Вениамин подчеркнул актуальность исторического знания сегодня и особые заслуги Григоровича для белорусской исторической науки: «В ряду исследователей, посвятивших свои труды истории православия на белорусских землях, особое место занимает имя протоиерея Иоанна Григоровича. В нынешнем 2024 г. исполняется 200 лет со дня выхода в свет “Белорусского архива древних грамот”, созданного протоиереем Иоанном. <...> С именем протоиерея Иоанна Григоровича связано и зарождение изучения истории православия на белорусских землях. В 1824 г. им было подготовлено к изданию исследование “Белорусская иерархия”, отражавшая сложный путь исторического пути нашей церкви сквозь призму апостольского служения белорусских святителей. <...> В 1992 г. по благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета (Вахромеева) этот замечательный труд вышел на белорусском языке¹, и его издание было приурочено к празднованию 1000-летия Православной церкви на белорусских землях».

Приветствие от земляков о. И. Григоровича зачитала С. А. Езерская и передала в дар Академии издание об истории Славгородского района, где в том числе опубликована посвященная о. Иоанну Григоровичу статья² российского белорусиста Н. В. Николаева (Российская национальная библиотека). В своем слове С. А. Езерская обратила внимание на особую важность служения духовенства в деле

¹ *Грыгаровіч І.І.* Беларуская іерархія / прадмова і пер. на беларус. мову М. Нікалаева. Мінск., 1992. 102 с.

² *Нікалаеў М.В.* Не дарэмна пражыў // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага р-на / Рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1999. С. 73–76.

сплочения нации, «для того чтобы Беларусь и белорусы стали едины, чтобы они сохранили историю, сохранили духовность, сохранили традиции». В ответ ректор поблагодарил жителей Славгорода, одна из улиц которого носит имя протоиерея Иоанна Григоровича.

Перед началом научной части конференции состоялось торжественное вручение диплома кандидата богословия старшему преподавателю Смоленской духовной семинарии протоиерею Валерию Рябоконю, защитившему 28 сентября 2023 г. в МинДА диссертацию «Смоленская губерния и Западная область в условиях антирелигиозной политики советского государства (1925–1930)». Ставший обладателем ученой степени церковный историк выступил и с первым на пленарном заседании научным докладом «Антирелигиозная кампания 1929–1931 гг. (на примере Западной области)», где на основе архивных источников из Государственного архива новейшей истории Смоленской области и Государственного архива Смоленской области показал всю систему дискриминационных мер государства по отношению к верующим в этот период, отметив существовавшие особенности местной антирелигиозной политики по отношению к общим установкам центральных органов власти, а также детально рассмотрев динамику применения различных видов репрессий, их усиления или частичного временного смягчения.

Затем взял слово о. Афанасий (Соколов), представивший новые архивные находки, относящиеся к биографии о. И. Григоровича. Эти важные для исследователей семьи Григоровичей сведения были представлены на основе документов, хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске, Российском государственном историческом архиве и Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга. Часть из них дала возможность уточнить неизвестные детали биографии протоиерея Иоанна. Остальные позволили выдвинуть рабочие гипотезы, наметить пути для дальнейшего архивного поиска. В частности, была предпринята попытка уточнить дату его рождения, по которой существуют разночтения (на данный момент определить дату по неоспоримым документам не удалось, однако 1790 год нельзя однозначно считать ошибочным). Удалось документально установить, что он был учителем нотного пения. Найдены документы о решении вопроса о назначении о. Иоанна на место его отца в Гомель. Также дополнен список должностей, которые он занимал (обнаружены документы, что он временно был управляющим

Чонским мужским монастырем). Получены и новые сведения в отношении семьи, учебы детей.

Проф. В. А. Теплова озаглавила свое выступление «У истоков истории Православной Церкви Беларуси: к 200-летию “Белорусской иерархии” протоиерея Иоанна Григоровича». Она обратила внимание на неопенимые заслуги протоиерея Иоанна для всех последующих историков церкви на белорусских землях. Однако до сих пор остаются менее изученными его богословские труды, проповеди, которые также представляют интерес для исследователей. Не получила должной оценки и его «Белорусская иерархия», которая была одной из первых работ по истории Православной церкви в Белоруссии. Остановившись подробнее на истории возникновения этого фундаментального сочинения, В. А. Теплова рассказала о том влиянии, которое оказали на процесс его подготовки и дальнейшей оценки различные деятели (граф Н. П. Румянцев, архиепископ Иоасаф (Сретенский), митрополит Евгений (Болховитинов) и др.). Важно также и то, что, кроме сведений о иерархах на белорусских землях (как православных, так и униатских), в него были включены обширные сведения о монастырях (35 мужских и 11 женских), а также и очерк о Могилевской семинарии. Касательно вопроса, почему рукопись не получила разрешение на издание, было высказано предположение, что это произошло из-за неучтенных ошибок, указанных митрополитом Евгением (Болховитиновым).

Профессор кафедры источниковедения исторического факультета БГУ М. Ф. Шумейко поведал о вкладе о. И. Григоровича в зарождение и становление белорусской археографии. Он подробно рассмотрел его методологию, обратившись для иллюстрации к «Наставлениям, как поступать при отыскании харатейного Евангелия для показания его древности»³. Также было высказано мнение, что о. Иоанн в своих подходах опирался на достижения исторической науки предшествующего периода, в частности на труды А. Шлецера. По словам профессора М. Ф. Шумейко, наряду с развитием собственно археографии стоит отметить и его роль в становлении текстологии. Приведенные докладчиком примеры позволили ему

³ Опублiкована Н. В. Николаевым. См.: *Нiкалаеў М. В.* Метадычныя рэкамендацыі І. І. Грыгаровiча па апiсаннi беларускiх рукапiсных кнiг // Беларускi археографiчны штогоднiк. Вып. 3 / рэд. кал.: Р. П. Платонаў (гал. рэд.) i iнш. Мiнск, 2002. С. 21–26.

аргументированно оппонировать прямым и косвенным критикам научной деятельности о. Иоанна (его современнику К. Ф. Калайдовичу; тем исследователям, которые признают исключительный вклад в белорусскую культуру только униатского духовенства и не замечают достижений православных пастырей — деятелей науки и культуры).

Бывший директор Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства А. В. Запартыко рассказала на белорусском языке о составе персонального архивного фонда о. И. Григоровича, сконцентрировав свое выступление на уникальных материалах из фонда № 6 (самого раннего, который поступил в первый год существования архива). В фонде имеется 118 единиц хранения, среди них как материалы, принадлежавшие о. И. Григоровичу и его сыновьям — Николаю и Ивану, так и документы из других семей, крайние даты материалов фонда — 1240–1896 гг. Особенно ценны среди них рукописи научных трудов Иоанна Григоровича: исторических, в том числе содержащие копии грамот, а также лингвистических — словари. Большая часть материалов из этого собрания до сих пор не утратила своей научной актуальности. Однако многие из них пока остаются мало исследованы и еще ждут своего полноценного издания. Далее исследовательница подробно остановилась на истории обнаружения материалов фонда А. А. Преображенским в коллекции Г. В. Юдина⁴ и их передачи белорусским архивистам.

Завершая пленарное заседание, выступил директор могилевского издательства «АмелияПринт» А. Н. Емельянов. Он представил подробный обзор выпшедшей в нем за последние годы церковной и исторической литературы. В частности, были отмечены книги: «Могилевская епархия. Историко-статистическое издание» (т. 1, репринт); «Опыт описания Могилевской губернии» под редакцией А. С. Дембовецкого (книги 1–3, репринт); «Слова и речи Георгия Конисского, архиепископа Могилевского» (репринт и в современной редакции); «Записки Иосифа, митрополита Литовского» (т. 1–3, репринт); «Путь служения Высокопреосвященного Максима, архиепископа Могилевского и Мстиславского» (о владыке Максиме (Крохе, 1928–2002)); «Царская семья: пример христианского благочестия»;

⁴ См.: Преображенский А. А. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края: (краткий обзор) // Археографический ежегодник. 1958. М., 1960. С. 267–292.

фотоальбом «Храмы Могилевской епархии»; «Свято-Крестовоздвиженский собор» (к 150-летию со дня освящения данного храма в г. Могилеве); «Крепость духовная. О возрождении Барколабовского Свято-Вознесенского женского монастыря» В. М. Хамчук; «В православии святом сияючи. История Мазоловского Вознесенского женского монастыря Могилевской епархии в архивных документах XVII–XX веков» Т. Г. Левишко (Харевич); подготовленные исследовательницей из Могилева Г. Н. Беляевой «Минский епархиальный некрополь. Архивные документы Великого князя Н. М. Романова (1908–1910 гг.)» и «Неопубликованный русский провинциальный некрополь Николая Михайловича Романова. Могилевская епархия (1908–1911 гг.)».

Особое место было уделено гимнографическим сборникам: как переизданию старых работ («Духовные псалмы», репринт популярной в конце XIX — начале XX в. книги иеромонаха Владимира (Мусатова), насельника Киево-Печерской Лавры), так и печати произведений из рукописных собраний («Память сердца: старинные псалмы и духовные стихи», кроме поэтических текстов, собранных о. Владимиром (Мусатовым), сборник содержит песнопения из рукописного наследия православных верующих), а также современных (акафисты, подготовленные благодаря труду ректора МинДА о. Афанасия). В конце своей презентации директор передал в дар МинДА одну из последних вышедших в издательстве книг — «Генеалогия Страдомских» Ю. М. Страдомского.

После окончания пленарного заседания работа конференции продолжилась в девяти секциях:

1. Актуальные вопросы источниковедения истории Православной Церкви;
2. Актуальные вопросы историографии истории Православной Церкви;
3. Актуальные вопросы истории Русской Православной Церкви в XII — начале XX в.;
4. Актуальные вопросы истории духовного образования и педагогики;
5. История церковных уний в Восточной Европе;
6. Актуальные вопросы истории Русской Православной Церкви в советский и постсоветский периоды;
7. История Православной Церкви в Западной Беларуси в XX в.;

8. Актуальные вопросы церковного краеведения Беларуси;

9. Церковно-краеведческие исследования студентов.

Авторам настоящей информации довелось работать, соответственно, в пятой и шестой секциях, о которых будет сказано подробнее.

В рамках секции, посвященной греко-католической проблематике, прозвучало четыре выступления. Московская исследовательница А. А. Комзолова из Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) осветила правительственную политику в отношении униатов в период польского восстания 1830–1831 гг. М. Ю. Дронов (ИСл РАН) выступил с докладом «Протоиерей Василий Миронович Войтковский (1823–1904) как исследователь унии в Угорской Руси». Магистрант МинДА протоиерей Сергей Линкевич представил сообщение «Храмы Воложинского благочиния в контексте истории униатского периода (1596–1839)». В заключение прозвучал доклад модератора секции А. Д. Гронского (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН; МинДА) «Брестский церковный собор 1596 г. в отражении белорусских и украинских школьных учебников: компаративный анализ».

Более насыщенной была работа в секции, обсуждавшей вопросы церковной истории в советское и постсоветское время (ведущий — проректор по научной работе МинДА А. В. Слесарев). А. В. Апанасенок (ИНИОН РАН) рассказал о парадоксах духовной жизни позднего СССР и феномене «советских верующих». Н. Л. Балич из Института социологии НАН Беларуси выступила с докладом «Этническое и конфессиональное в религиозном поле Беларуси». А. В. Слесарев подробно разобрал политическую активность представителей белорусских зарубежных приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг., при этом обратив особое внимание на идеологические предпосылки их деятельности и на то, в чем она конкретно проявлялась. С. М. Слоистов (ИСл РАН) проанализировал роль Московского патриархата в преодолении юрисдикционной раздробленности православных в Чехословакии во второй половине XX в. Заключительным докладом секционного заседания стала презентация аспиранта МинДА С. Г. Житко «Трансляция богослужений на Ютуб-каналах Белорусской Православной Церкви и Минской духовной академии: сравнительный анализ».

Хотя, по нашим многолетним наблюдениям, белорусские вузы нередко грешат несоответствием количества заявленных и реальных участников своих научных мероприятий, на данной конференции эта разница не была значительной. Названия докладов, поданные теми, кто не смог приехать на конференцию в Минск или выступить дистанционно и сообщил об этом заранее, были объединены в секцию заочного участия.

МинДА планируют издать сборник докладов конференции, а также продолжить чтения в следующем году. Уверены, что высокий уровень их проведения (в плане как научного содержания, так и организации) будет и дальше служить примером для различных научных и научно-образовательных учреждений в Белоруссии и России.

Mihail Yu. Dronov

PhD (History)
Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

**International Scholarly Conference “IV Readings
in memory of Archpriest John Grigorovich:
historian, archaeographer, archaeologist”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2025.4.15

Научное издание

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 4

Главный редактор *Б. Н. Флоря*

Корректор *А. М. Никитина*

Оригинал-макет *Л. Е. Сытин*

Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 03.10.2025. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19

Тираж 500 экз. Заказ № 3375

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86